

Виктор Максимов

ИСПОВЕДЬ СТАРОГО СОЛДАТА

**Челябинск
2010**

ВИКТОР МАКСИМОВ

**ИСПОВЕДЬ
СТАРОГО
СОЛДАТА**

Издание второе, дополненное

Челябинск - 2010

УДК 9(47+57)27+329.75
ББК 63.3(2)622+66.79(2Рос)2
М 17

Максимов, Виктор Сергеевич

Исповедь старого солдата / В. Максимов. – Изд. 2-е,
доп. – Челябинск : Челяб. Дом печати, 2010. – 348 с.:ил.
Агентство СІР Челябинской ОУНБ

ISBN 978-5-87184-476-2

*Вечной памяти воинов,
павших и живущих,
посвящается...*

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

Вторая мировая война, которая для нас, россиян, всегда будет прежде всего Великой Отечественной, постоянно привлекает к себе внимание писателей, музыкантов, поэтов. Те потрясения и беды, которые она принесла народам, настолько велики, что осмыслить и понять масштабы трагедии предстоит еще не одному поколению землян.

Не удивительно, что и сами участники великих сражений пытаются разобраться в себе и во времени, чтобы ответить на главные вопросы: что произошло с народами? Как они допустили возникновение такой большой катастрофы, и что сделать, чтобы такое не повторилось? Эти вопросы не дают покоя и автору книги «Исповедь старого солдата» Виктору Сергеевичу Максимову. Он, русский солдат, не раз смотревший смерти в глаза, понял: чтобы война не повторилась, надо всем народам объединиться в борьбе за мир.

И это не просто слова. В первую очередь, должны примириться и объединиться ветераны России и Германии, бывшие враги должны первыми сказать «нет» войне. Как конкретный шаг в этом направлении, в Дрездене было организовано

Общество помощи ветеранам войны в России. Немецкие ветераны объединились для поддержки ветеранов России. В результате в день 60-летия Победы в Челябинске немецкие и российские ветераны заявили о своем примирении, объединении в борьбе за мир и потребовали от своих правительств отказаться от производства и продажи вооружений. Может быть, этот призыв наивен, но пройдет время, и народы мира вспомнят о тех, кто были первыми.

Виктор Сергеевич, являясь президентом Фонда помощи инвалидам войны, активистом германского Общества помощи ветеранам войны в России, много думал о судьбе своего поколения, о судьбе своей страны. Его раздумья легли в основу «Исповеди старого солдата». Они будут интересны читателям всех поколений. Рассказывая о своем детстве, юности, фронтовых буднях, послевоенной судьбе инвалидов, ветеранов и жертв войны, об усилиях по примирению российских и немецких народов, Виктор Сергеевич рассуждает о многом. О том, как власть зачастую превращает народы в послушных политических марионеток. О том, чтобы естественное желание человека жить в мире и добрососедстве с другими народами стало главным направлением работы народов и правительств всех государств.

Быть может, сейчас все это кажется несбыточной мечтой, но та эмоциональность, та вера в здравый смысл, которая звучит в каждом слове «Исповеди», убеждает даже пессимиста — об этом надо не просто говорить, надо кричать. Пусть сейчас таких, как Виктор Сергеевич Максимов, всего десятки, завтра их будут сотни, послезавтра — тысячи. Это неумолимая логика жизни, это непреложная истина. За ее познание уже заплачено миллионами человеческих жизней. Третью мировую войну человечество уже не переживет.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

За последние годы в средствах массовой информации постоянно звучит слово ВОЙНА. Ежедневно, если не ежечасно, мы видим то, что скрывается за этим словом: насилие, погони, стрельбу, кровь, мучения и слезы людей. Военные операции накачанных парней и жуткие картины смерти... Трупы... Трупы... Новые, современные ракеты и заявления с гарантиями о готовности ударить в любую точку нашей планеты, и все ради мирной жизни людей.

Кто-то воспринимает насилие, трагедию военных конфликтов, страдания и смерть людей с тревогой, озабоченностью и сожалением, состраданием к происходящему, но, по моему наблюдению, многие к этому относятся как к привычному, обычному явлению, особенно среди молодых.

ВОЙНА стала обыденным, привычным, мало-значительным событием в жизни людей, не касающимся их настоящего, не говоря уже о будущем. А для меня, старого солдата, прошедшего через горнило и ужасы войны 1941-45 годов, и через 60 лет после ее окончания это слово несет в себе настолько обостренный смысл, что не дает спокойно жить

и спокойно пройти оставшийся мне путь. И чем короче этот путь, тем больше нарастает боль в моем сердце и усиливается тревога в душе.

В какие-то моменты, когда оглядываешься назад и смотришь вокруг, я прихожу в ужас, пытаюсь понять, что происходит в мире, что делается с нами, и меня одолевает страх... Не за себя, а за ВАС, люди, за ВАШЕ будущее.

Судьба подарила мне долгий, хотя и непростой жизненный путь: особый случай для людей моего поколения, большинство из которых положила в землю прошлая война. Думаю, невзирая на все жизненные перипетии, я прошел этот путь в полной зависимости от того времени, той власти. Повторяю — говорю о личном не только как человек того времени, но и как человек той власти, которая породила меня и сформировала как человека.

Я отдал себя той власти полностью. Сейчас думаю, что моя жизненная роль меня удовлетворяет не во всем, если смотреть уже с позиции сегодняшнего дня. Я смотрю на прошлое время другими глазами, и прошлое не радует меня.

Хотелось бы приобщить тебя, дорогой читатель, к моим мыслям и переживаниям за все то, что произошло с моим народом, со мной. Время неумолимо, свидетелей тех событий, которые коснулись меня, осталось совсем мало. О войне написано много, многое правдиво по тому времени с позиции интересов войны, но не совсем и не во всем. О многом молчали, скрывали правду о цене Победы.

Особенно хочется, чтобы наша молодежь войну и ее последствия, судьбу своего народа увидела глазами участников войны, ее современников и осознала трагедию для народа любой, даже самой маленькой войны.

Виктор Максимов

МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Глава 1

НАЧАЛО

В семье инженера-строителя железнодорожных мостов началась моя жизнь. С удовольствием вспоминается босоное детство в деревне, куда на лето, ближе к строящимся мостам, вывозил отец меня с мамой. Возникают картины прошлого: длинными лентами по кругу тянутся сотни лошадей, везущих грабарки с землей на высокие насыпи железнодорожного полотна, вываливают землю и снова — в карьер за землей... Вечерами сотни костров возле повозок, в которых люди и спали после тяжелой работы землекопа-грабаря.

С деревенскими ребятами купался до озноба, до синевы, ловил немудреную рыбешку на леску из конского хвоста, которую ловко скручивали деревенские ребята постарше. Собирали в лесу и на полянах уральскую землянику, лазили по деревьям в чужих огородах, играли в незатейливые деревенские игры, сидели у костра, наслаждаясь картофелем, запеченным в золе. С деревенскими ребятами не все было просто: однажды они поколотили меня за то, что грубо отбросил щенка, который хотел

облизать мое лицо. Ребята казались физически крепкими, смелыми, я им завидовал, старался им подражать и был счастлив в их ватаге.

Мама родилась в Екатеринбурге, окончила гимназию, вела уроки в школе, и помню, как она боролась с безграмотностью. Акция называлась «ликбез», в ее струю попал и я. Самостоятельно в семь лет пошел в первый класс, соврав, что мне уже 8 лет. Однако учительница, у которой я учился, вскоре заявила маме, что в первом классе мне неинтересно, и, чтобы не шалопайничал, посадили во второй класс. Я свободно читал, писал, проявлял познания в арифметике.

Мне сложно передать словами время своего раннего детства. Историю страны доводили до нас ясную: скинули царя — угнетателя и палача народа, свершилась Великая Октябрьская революция, народ освободился от рабства и гнета капиталистов, и он свободно вздохнул и стал набирать силы для дальнейшей борьбы за свое светлое будущее. В класс приходили дяди и тети, старые и молодые, и рассказывали о дедушке Ленине, о партии большевиков, и о том, как партия и дедушка Ленин любят детей и заботятся о них. Рассказывали о героях революции и гражданской войны и призывали брать с них пример в борьбе за счастливое будущее. Показывали портреты вождей, дорогого товарища Сталина, членов ЦК партии и правительства, картины о победах Красной Армии над белыми.

Вместе с молоком матери власть и партия, товарищ Сталин подкармливали меня своими лозунгами, идеями и призывали учиться, готовиться к борьбе за будущее, воевать и побеждать врагов.

С интересом слушал дядей и тетей, с интересом рассматривал картинки с подвигами в гражданскую войну, восхищался Павликом Морозовым. Начал ходить строем, как и в армии. Так приходила радость познания жизни. Видел радостное, счастливое лицо мамы, когда ей удавалось что-то купить для меня из обуви или одежды.

Из учебников, газет, из разговоров людей вырисовывалась картина будущего всех народов мира. Все принимал так, как писалось, говорилось, и все это вторгалось в мое сознание без сомнений, вживалось в меня полностью, этим я жил.

Все для человека, все во имя человека. На «ура» гремят сталинские пятилетки, стахановские рекорды, патриотизм людей, власть и партия уничтожают как класс кровососов крестьянства — кулаков. Отнимают у них все незаконно нажитое хозяйство и передают беднейшему крестьянству, а крестьяне радуются коллективизации, организации колхозов. В

деревенских избах появилась лампочка Ильича, заговорило радио... Все это видел на снимках в газетах и, как особенная диковинка, на колхозные поля вышли трактора и комбайны.

С 10 лет умею читать, писать, задачки решать, изучаю географию и историю, в составе отрядов участвую в военных играх: ребята — кто красные, кто синие или зеленые. Но все хотели быть красными. Мы сражались друг против друга. Я даже назначался командиром в отряде.

В этих играх я впервые взял в руки пистолет, пока деревянный, изготовленный своими руками, стрелял в своих сверстников, как все, орал «бах-бах» и долго доказывал, что именно я убил «врага» и он должен упасть на землю. Между собой хвастались, у кого лучше оружие и, помнится, на зависть всем у одного парнишки был настоящий пугач. В играх принимали участие и девочки. Они были медицинскими сестрами и перевязывали раненых.

В конечном итоге объявлялись победители, которыми оказывались все, кто принимал участие в боевых играх. В школе вывешивалась информация о прошедших играх, подчеркивали готовность ребят учиться военному делу.

Каждый день школа, радио, детские журналы, газеты пичкают сознание моих сверстников идеями партии и правительства. В наших душах вызревает чувство патриотизма, гордости за свою родину, за свой народ — я устремляюсь к будущему, связываю себя с ОСОАВИАХИМом. Как уроки, посещаю стрелковый тир, и вскоре на зависть ученикам на общей школьной линейке представитель ОСОАВИАХИМа прикрепляет на лацкан моего пиджачка значок юного ворошиловского стрелка и призывает следовать моему примеру. Слово «враг» звучит уже на каждом шагу.

Жизнь моя становилась активнее, росла уверенность в силе и мощи нашего государства, особенно глядя на карту Советского Союза и видя его необъятные просторы. Аж дух захватывало, как была широка страна моя родная, в которой так свободно дышит человек, а партия и наш вождь товарищ Сталин поднимают страну из руин, нищеты и бесправия и ведут по ленинскому пути. Партия и народ едины, мы самые-самые: летаем дальше всех, поднимаемся выше всех, красные соколы воют и бьют фашистов в Испании, непобедимая Красная Армия разгромила самураев у озера Хасан и на Халхин-Голе, а пограничники, охраняя наши рубежи, героически выполняют свой долг и ловят диверсантов и шпионов,

проявляя героизм. Везде фотографии славных сынов нашей страны — Героев Советского Союза.

Собирал портреты, фотографии героев войны. Особенно меня привлекали летчики, чьи фотографии я рассматривал с огромной завистью: они звали меня на войну совершать подвиги.

Однажды на железнодорожном вокзале Челябинска я встретился с инвалидом на костылях, у него на гимнастерке блестела медаль «За боевые заслуги». Я впервые видел настоящую награду и был этому рад, но не замечал самого человека, его костылей. Видел только медаль.

Пожалуй, вершиной страстей о войне явился кинофильм «Чапаев». Мое поколение не вылезало из кинотеатров и клубов, где демонстрировался этот фильм. Все хотели быть Чапаевым, на лихом коне рубить шашкой врагов или, как Анка, расстреливать их из пулемета.

Я уже говорил о том, что с того времени, как я помню себя, постоянно были на слуху слова: враги, внешние и внутренние, шпионы, предатели советской власти, нашего государства. С какой же ненавистью в школьных учебниках я замазывал чернилами портреты военачальников, хотя недавно любовался их наградами и мечтал походить на них: Тухачевский, Блюхер... А они, оказывается, обманывали народ и служили врагам, и за это их расстреляли. Вопросов не задавал, соглашался со всеми, кто требовал уничтожить врагов, как бешеных собак. К этим голосам я присоединял свой, пока еще нетвердый голос.

В период массовых арестов и расстрела людей все же можно было заметить некоторую особенность поведения людей: кругом ощущались настороженность, тревога во взглядах, чувствовалась озабоченность. Много позднее, после возвращения с фронта, мама как-то рассказала мне, что в те годы у нас дома всегда была наготове сумка для отца, с бельем и полотенцем на случай, если за ним придут из НКВД.

Учился я в школе ровно, любил физику, историю, географию. На удивление одноклассников, у карты мира я быстро и точно показывал города, реки, моря, страны, столицы государств. Особенно близка была мне литература: мама, когда садилась за рукоделие, просила меня вслух почитать Пушкина, Лермонтова, Толстого. Помню, как со слезами читал «Кавказского пленника». Волновали рассказы Джека Лондона, новеллы Мопассана. Ночами глотал приключенческую литературу: Жюль Верн, Купер, Алексей Толстой, не говоря о Конан Дойле, Эдгаре По. Много читал познавательной литературы по истории России, октябрьской

революции, походах и победах Красной Армии, героизме в гражданскую войну, о Щорсе, Котовском, Буденном, Ворошилове, о Павке Корчагине, героях сталинских пятилеток Стаханове, Кривоносе, об успехах новой жизни своего народа.

Все это кружилось среди призывов, плакатов, лозунгов: ежовые рукавицы давят шпионов, предателей и всякую гадость, везде призывы не болтать лишнего, чтобы враги не знали наших секретов. О каких секретах меня призывали молчать, я не знал, но на демонстрациях старался кричать славу дорогому Сталину, свободу Тельману.

Я был достойным, по моему мнению, своего времени, преданным народу, комсомолу, славной партии большевиков, быть в рядах которых уже мечтал. Был готов защищать свою Родину от врагов. Правда, от каких, толком еще не знал.

Увлёкся стрельбой из рогатки, как и большинство моих сверстников, это тоже своего рода оружие — можно стрелять. Вскоре я настолько овладел стрельбой из нее, что на железнодорожной станции не успевали менять на столбах электрические лампочки. Много хлопот доставлял я железнодорожникам, пока они не подкараулили меня и не поймали с поличным.

Мама потом рассказывала, что в НКВД, куда меня доставили с рогаткой за порчу лампочек, думали — не враг ли я, не вредитель ли. Отец в НКВД клялся, что он меня выпорет за рогатку, как сидорову козу, и расплатится за ущерб. Ругал он меня долго, но всегда заканчивал:

— Вот мерзавец, надо же так стрелять из рогатки, как хороший стрелок из винтовки...

Слова отца подтвердились: ежедневно я стал посещать стрелковый тир ОСОАВИАХИМа, профессионально изучил теорию и практику стрельбы, участвовал в соревнованиях, стал призером, в стрельбе достиг результата мастера спорта.

МОЙ ОТЕЦ

Сергей Семенович Максимов остался в памяти высоким, стройным мужчиной. Загорелое лицо, усы, всегда спокойный, без резких движений. Если был одет не в железнодорожную форму со знаками различия в петлицах, то одевался в костюм с галстуком. До сегодняшнего дня отец для меня во многом загадка.

Его профессия — строитель железнодорожных мостов. Однажды я видел, как комиссия принимала построенный мост. Отец стоит под одним из пролетов моста, а в это время через мост медленно проезжает паровоз или два, потом они возвращаются и несколько минут стоят на мосту и под одобрительные возгласы членов комиссии строителей удаляются.

Когда и как отец стал инженером — не знаю.

Уже после войны узнал: мой дед, отец моего отца, дворянин, польский шляхтич, участвовал в восстании 1863 года. Оно было подавлено, а деда сослали в сибирскую ссылку под Иркутск. Из ссылки он бежал и по чужому паспорту осел в Поволжье, приобрел имение, женился в семьдесят лет на дочери крестьянина и родил четырех детей. Умер дед в конце девятнадцатого века.

Доходила до меня информация и о том, что отец служил до революции в царской армии, имел заслуги и награды, после революции же — в Красной Армии и чуть ли не носил в петлицах три ромба.

Все косвенно, не из первых уст.

Сейчас я понимаю, что у отца были причины скрывать свое прошлое: в годы сталинских репрессий ожидали возможность ареста.

Об этом мне рассказывала мама после моего возвращения с фронта.

В конце 1943 года произошел несчастный случай с отцом: он заболел и скоропостижно скончался 2 января 1944 года, о чем я узнал по возвращении из госпиталя.

Отец родился в 1879 году, мама Нина Алексеевна родилась в 1895 году.

МОЙ ДЕД

Отец мамы, Алексей Семенович, был крепким стариком, с огромной, окладистой бородой, энергичный, подвижный. Когда началась война, ему перевалило за 70. Мама была его старшей среди детей и единственной дочерью, после нее родилось 10 братьев.

С приездом деда в наш дом жизнь активизировалась, держалось приподнятое, хорошее настроение. Дед много разговаривал с отцом, они часто спорили, доказывали друг другу какие-то истины и отстаивали свои убеждения. Я не вникал в суть их разговоров, тем более что они засиживались допоздна. Дед всегда находил работу по хозяйству. Занимался и моим воспитанием: учил не поддаваться лени, все класть на свои места, умываться холодной водой, любить работу...

Он был верующим, а церковей в то время уже не было — снесли. И поэтому дед иногда доставал из кармана молитвенник, читал, шептал для себя молитвы, а в другом кармане у него всегда находился томик стихов Некрасова. Водрузив на нос очки, дед читал мне стихи вслух, часто голос у него срывался и он начинал чаще обычного моргать...

Я любил деда, понимал своей детской душой его теплоту. Всегда вспоминаю его с благодарностью.

Осенью 1941 года дед гостил у дяди Коли, брата моей мамы. Как-то дед пилил и колол дрова, было свежо, и он снял верхнюю одежду, разгоряченный сел передохнуть, отдышаться... Его и прихватило: ночью поднялась температура, оказалось крупозное воспаление легких, и через три дня дед скончался. Врачи к ним на дом так и не приходили.

За буханку хлеба и за бутылку водки, которая оставалась с довоенных времен, его похоронили. Могила деда осталась на Ивановском кладбище г. Екатеринбурга.

ЖАРКИЙ ИЮНЬ 41-ГО

Июнь 1941 года. Отец строит мосты на Южном Урале. Мы живем в крупном железнодорожном узле Карталы. Солнечный жаркий день.

Я сижу в кинотеатре, фильм заканчивается, включается свет, перед экраном возникает мужчина и, размахивая над головой руками, кричит: «Товарищи... товарищи... задержитесь, присядьте».

Зал притих, мужчина продолжил: «Только что сообщили: на нашу страну напала Германия, их авиация бомбит наши города. Немецкие войска нарушили нашу границу, и сейчас на границе идет сражение. Наши пограничники дают жестокий отпор врагам... Это не пройдет им даром, наши пограничники вместе с Красной Армией дадут достойный отпор врагу, нарушившему нашу границу! Враг будет разбит и уничтожен...»

Какое-то мгновение зал молчал, потом загудел, и взволнованные люди стали расходиться. Помню, как чей-то голос произнес: «Вот дадут наши прикурить немцам... Так дадут, что будь здоров!»

Эти слова прозвучали в унисон моим мыслям и чувствам, даже какой-то зуд я испытывал: вот он, враг наконец-то появился, который нужно уничтожить, и я могу исполнить свой долг перед Родиной.

С таким настроением я буквально ворвался в дом. За столом сидел отец, он пил чай с дедом. Прямо с порога выпалил одним духом:

— Война! Немцы напали на нас, бомбят наши города, границу перешли, и наши пограничники бьют немцев! Вот дадут им наши...

— Не болтай глупости, — услышал голос мамы.

— Обожди, Нина, — остановил ее отец. — Откуда узнал? Кто сообщил?

Оживленно и торопливо рассказал все, что услышал в кинотеатре, и при этом заявил, что беспокоиться не стоит: наверное, наши пограничники уже разбили немцев.

— Чепуха какая-то, не может такого быть. С Германией Сталин подписал договор о ненападении, наш хлеб отправляют в Германию. — Мама была сильно взволнована.

— Не волнуйся, прошу тебя, дай собраться с мыслями, — отец успокаивал маму, но сам был растерян. — Это серьезно, если это правда, очень серьезно...

В комнате наступила тишина, все молчали, отец встал из-за стола, подошел к деду, посмотрел ему в лицо и, опустив голову, выдавил из себя:

— Это война!

Я был удивлен, каким тоном это было произнесено, ведь не осознавал трагического значения слова «война».

Кругом заговорили о войне, и каждый день стали спрашивать друг друга, когда же разобьем немцев, сколько еще ждать. Особой тревоги в первые дни у людей я не замечал, все надеялись на нашу Красную Армию, на товарища Сталина.

Буквально на третий или четвертый день дед объявил маме:

— Надо ехать в Свердловск!

— Почему заторопился? Папа, что тебя беспокоит, что волнует? — с недоумением спрашивала мама.

— Ребят заберут на войну, надо проводить.

— Какую войну, каких ребят заберут на войну? Наших? Они давным-давно отслужили в армии, выполнили свой долг, как говорят, перед Родиной. Им давно за тридцать! А война! Что война? Ты же радио слушаешь, газеты читаешь: разобьют немцев, пока ты до Свердловска доедешь, — искренне убеждала мама деда.

— Нет, Нина, милая моя дочь, все-таки поеду, — заявил дед и стал собираться.

Мама плакала. Вечером, как только отец появился с работы, дед и отцу заявил о своем отъезде, аргументируя тем, что тревожится за сыновей.

— Заберут ребят, деться некуда, война есть война, она нас не спрашивает, хочется ли нам воевать, людей убивать. Надо проводить сыновей...

— Поезжайте, Алексей Семенович, — в тон деду соглашался отец.

— Я уверен: в ближайшее время, если не дни, будет объявлена всеобщая мобилизация. Немцы тщательно, профессионально подготовились к войне. Нашими «ура» да отважными конниками Буденного с саблями наголо немцев не возьмешь, не те времена... Прохлопали наши, прохлопали, проболтали...

— Поезжайте! Скоро, думаю, придет очередь не только Николаю, Петру, Дмитрию и Володе в руки оружие брать...

Провожали деда мы с мамой: отец был на работе.

Перед посадкой в вагон я заметил, как дед, прощаясь с мамой, часто шмыгал носом и, разглаживая бороду, незаметно вытирал рукой глаза. Обнимая меня, троекратно расцеловал и перекрестил, необычным для него голосом четко произнес:

— Храни тебя Бог.

Поднялся в тамбур, повернулся к нам, перекрестил, поклонился и ушел в вагон.

Мама смотрела вслед уходящему поезду и, вытирая платочком слезы, что-то тихо-тихо шептала. Сейчас думаю, возможно, просила что-то у Бога или прощалась с дедушкой.

Война входила в жизнь людей озабоченностью, тревогами и страхом за завтрашний день. Я, к сожалению, не понимал, почему они так встревожены, и ждал каждый день сообщений о разгроме фашистов, о наших победах над коварным врагом. Сообщения о сдаче городов врагу проходили мимо меня, газеты не интересовали, разве что появлявшиеся в них карикатуры на Гитлера, я смеялся...

Я не понимал отца, не понимал, почему он так встревожен из-за начала войны. У меня была обида на него, что он отпустил деда в Свердловск и сомневается в нашей скорой победе над немцами.

Я же жил в постоянном ожидании информации о победе нашей Красной Армии над немецкими войсками и ни секунды не сомневался в своих ожиданиях. Представлял себе, как мы будем громить немцев на их территории, и это убеждение было непоколебимым, ничто не могло его изменить.

Мало того, в мои надежды вбил гвоздь, закрепил его намертво наш великий вождь товарищ Сталин своим обращением к народу: «Братья и

сестры! Враг будет разбит, победа будет за нами!...» Слова вождя явились для меня мощной струей дополнительного воздуха, которым я дышал еще глубже, набирался сил, мои мысли и желания сводились к одному — надо скорее успеть на фронт, на войну, пока война не закончилась без меня, пока Красная Армия еще не успела разбить врага.

Миллионы комсомольцев, юношей ринулись в военкоматы с требованием пойти добровольцами на фронт бить врага, в том числе и подростки вроде меня. Первой ступенью попасть на фронт добровольцем был райком комсомола. Мне уже 15 лет, но райком комсомола отмахнулся — не комсомолец. Требовал дать мне возможность пойти добровольцем на фронт, доказать делом звание мастера-стрелка, но меня прогнали.

Отголосок войны влетел в наш дом неожиданно. В начале зимы 41-го вечером я вернулся домой и увидел на столе фотографию деда, уголок которой был обрамлен черной ленточкой. Перед фотографией лежал цветочек, а сбоку горела свеча... Сердце мое екнуло, в голове затюкало, и я, не чувствуя себя, не отрывая взгляда от фотографии деда, опустился на стул.

Впервые меня коснулась смерть близкого, родного человека, которого я видел, чувствовал рядом с собой: подвижный, внимательный, добрый на слово, любимый человек, который помогал понимать жизнь. Как-то тихо, незаметно подошла мама, присела рядом, обняла рукой за плечи. Сидели молча...

— Дедушка умер. Успел проводить на войну четырех сыновей, — голос мамы звучал ровно, был, казалось, спокойным, проникал в мою душу, ее лицо было залито слезами... До сегодняшнего дня помню материнские слезы, ощущаю их на своем лице.

Перед началом войны с появлением в классе преподавателя военного дела активизировалась моя прилежность в овладении этим предметом. С большим усердием осваивал приемы рукопашного боя, отрабатывал штыковые приемы: бил прикладом, колот штыком с выпадом вперед мешок, набитый соломой, осваивал тактику обороны и наступления. Это стало основным предметом для меня в учебной программе, если не смыслом жизни. Военрук поручал мне вести занятия по изучению стрелкового оружия, позднее я стал инструктором подготовки юных ворошиловских стрелков.

С началом зимы пришло и время занятий лыжным спортом: бегал на лыжах 30 километров с полным боевым комплектом, участвовал в

лыжных эстафетах. На 10-километровой дистанции показывал время мастера спорта, но подтвердить результат на официальных соревнованиях не пришлось. Война!

На комсомольском собрании школы и на бюро райкома комсомола уверенно объясняю обязанности комсомольца: быть преданным Родине, своему народу, мужественным и смелым борцом за дело Ленина-Сталина, быть активным участником, строителем самого справедливого нового государства рабочих и крестьян, преданным партии... Я рапортую о готовности сию минуту пойти на фронт и громить немецких фашистов. На моей груди все отличия, подтверждающие мои возможности и готовность к обороне и труду.

Сейчас вроде бы и неудобно вспоминать и говорить об этом, но когда я на бюро отрапортовал о своих стремлениях, ко мне из-за стола вышла пожилая женщина и, обнимая меня, чуть не со слезами на глазах проговорила:

— Я верю, что такие ребята, как ты, как вы все, уничтожат Гитлера, который хочет стереть с лица земли Советский Союз, наш народ. Я верю и не сомневаюсь, что наше дело борьбы за свободу и счастье людей во всем мире будет доведено до конца...

Я был счастлив слышать такие слова в свой адрес и тоже не сомневался, что мы оправдаем надежды той женщины и построим наше светлое будущее. Долго так думал и старался строить это будущее. Так я стал комсомольцем. Это было значительное событие в моей жизни.

Ежедневно по радио звучал сильный голос Левитана, передающего сводки Совинформбюро: ...в тяжелейших, кровопролитных боях на фронтах войны от Прибалтики до Крыма Красная Армия героически уничтожала живую силу и боевую технику фашистов, наши летчики сбивали самолеты противника. В конце сводки сообщалось — после ожесточенных, тяжелых боев, упорного сопротивления нами оставлены такие населенные пункты, а то и города, и армия отошла на заранее подготовленные позиции. И так каждый день — упорные бои, героизм красноармейцев и командиров, большие потери противника и оставили... оставили... Немцы подошли к Москве.

Военкоматы призывают в армию всех, независимо от того, отслужил человек действительную службу или нет. Появляются и первые инвалиды войны. Понимаю, вижу трагедию войны, а меня на фронт не берут, все попытки безрезультатны, надо ждать. Еду в Магнитогорск, вру, что мне

18 лет, документы привезет отец, они у него, прохожу с блеском медицинскую комиссию для учебы в аэроклубе, вижу себя уже летчиком... Не прошло, выгнали, снова в школе, готовлю ворошиловских стрелков.

Зима 1941-42 годов выдалась морозная. Мы помогаем разгружать вагоны с углем, бывает и ночами, долбим ломами на путях железной дороги обледеневшее полотно, откалываем лед возле колонок, где паровозы заправляют водой, очищаем стрелки узлов. Тяжелой работы было предостаточно.

Осенью 1942 года меня с группой комсомольцев из нашей школы через райком комсомола направили помогать колхозникам убирать урожай. Колхоз носил гордое имя «Ленинский путь».

Поселили нас в здании деревенской начальной школы, а проще говоря, простой избе. На следующий день, едва взошло солнце, нас поднял дед Сергей и после короткого знакомства с нами четко определил, указывая на меня:

— Этого бугая на лобогрейку!

Лобогрейка — русское народное название механической косилки, с помощью быков, конной тяги она скашивает стебли зерновых культур, и по мере их накапливания на полотне косилки нужно вилами сбрасывать скошенное на землю. Особенно было тяжело, когда на полотно вместе с колосьями зерновых валился сорняк, которого на колхозных полях было больше, чем зерновых! Полотно заваливалось так, что приходилось останавливаться и чистить. Обливаясь потом, я сидел на лобогрейке под палящим солнцем и постоянно думал о том, выдержу ли...

А вечерами после работы в поле, перекусив хлебом с молоком, помогал насыпать в мешки зерно, грузить их на телеги и везти до железнодорожной станции, где принимали зерно. Она была за 15 километров. Возвращаясь обратно в деревню после сдачи зерна государству, я падал на телегу, заранее положив в нее соломы, и под стук колес и фыркание уставших лошадей, медленно тянувших телегу, мгновенно засыпал. Утром в деревне, на конном дворе, тетя Даша тянула с меня кусок старого грязного брезента, под которым я спал, укрываясь от ночной прохлады, и немного шутливым голосом наставляла: «Гляди, Витька, ночи ноне темные, украдут тебя наши бабы, отлюбят и обратно в телегу положат, а ты и не проснешься с устатку».

Мы шли в школу, где спали мои однокашники. Будить их было не просто — работали с раннего утра до позднего вечера, изматывались.

Тетя Даша по утрам кормила нас свежим, еще горячим хлебом из русской печи с парным молоком. На хлеб, специально для нас, отпускались мука и молоко по решению правления колхоза.

Обед для всех, кто работал в колхозе, готовился на рабочих местах. В большие чугунные котлы, под которыми разжигался огонь, наливали воду, солили и, когда вода закипала, засыпали в нее муку. Варено превращалось в кашу, убирали огонь, и обед был готов. Хлеба не было, говорили, что добавляют подсолнечное, своего давления, масло, но я не замечал.

Затируху в колхозе готовили везде: в поле, где убирают хлеб, на токах, где обрабатывают зерно. Возле котлов крутились ребятишки, которых матери брали с собой, чтобы не только присмотреть за ними, но и подкормить. Знали вкус затирухи и деревенские собаки, доедая остатки.

Для подавляющего большинства затируха в деревне была единственной пищей. Я видел деревенских ребятишек, обычно днем, когда землю согревало солнце, бегающих босиком, в плохонькой одежонке, со вздутыми животами. Мне объясняли это скудностью пищи: дети были полуголодные, объедались с голодухи урожаями с огородов.

На старости лет я с особым удовольствием, если в руках оказывается свежий, хрустящий хлеб, кушаю его с молоком и вспоминаю тетю Дашу, вижу, как она подливает мне молоко, подкладывает кусочек свежего хлеба, и слышу ее голос:

— Ешьте, ребята, ешьте, труд и хлеб всегда вместе живут. Хлебушко рождается тяжело, потому что пропитан нашим горем. Чай, в городе-то и не все знают, как хлебушко на свет божий появляется. Слава Богу, погода пожалела нас, баб, стоит ладная, да и вас судьба прислала пособить... Уберем хлебушко, да и солдатушкам нашим на войне будет что пожевать...

Голос тети Даши затихал, вроде уходил куда-то внутрь...

После я узнал, что у тети Даши сын был в армии, еще до войны призван, а потом забрали на войну и мужа, а весточки нет ни от одного, ни от другого.

Работа в колхозе, несмотря на ее физические трудности, доставляла мне удовольствие, и я отдавал все силы. Я видел, как вокруг трудились из последних сил женщины, старики и дети, и все это стало для меня значительным уроком.

Сейчас осознаю, что в то время видел, к сожалению, только внешнюю сторону жизни людей, не понимая сути того времени, что порыв к

работе людей обуславливался, в первую очередь, борьбой за выживание. Я не мог заглянуть в их души, объективно оценить мысли, чувства людей. Многие из них не выжили.

УРОКИ ДЕДА СЕРГЕЯ

Зимой неожиданно секретарь комитета школы предложил мне поехать в колхоз, где я с ребятами работал, и получить за работу зерно в качестве зарплаты. Я сослался на то, что у колхозников самим есть нечего, и поэтому не поеду. За отказ секретарь комсомола стал упрекать меня в том, что я нарушаю тем самым распоряжение райкома комсомола, по которому я должен получить за свою работу вознаграждение, и что мне нужно быть дисциплинированным и подавать пример другим, тем более что сейчас война и комсомол находится на боевом посту... А потом спросил:

— Слышал, Гладышева убили? Помнишь его? Вроде вы в одном классе были...

Да, я близко знал Леню Гладышева, мы вместе учились, бывал у него дома, знал его маму Зою Николаевну, младшего брата Володю. Даже сейчас вижу Леню: блондин с волнистой, красивой прической и постоянно широкой улыбкой... Леня через райком комсомола ушел на фронт, и я, провожая его, очень завидовал Лене — он был старше меня на полтора года.

Я помню тебя, Леня...

Я спросил секретаря школьного комитета:

— Почему не сообщают в школе о тех, кто погиб на фронте?

Мне секретарь вроде как по секрету разъяснил: в райкоме принято решение о наших погибших на фронте не говорить, они героически защищали нашу Родину и громили врага и, совершая подвиг, погибли героями, о чем пишут в извещениях о гибели. Резюмировал: всем, кто погибли на войне, после Победы будут воздвигнуты памятники.

В итоге я, как дисциплинированный комсомолец, поехал в колхоз.

Задолго до рассвета мама разбудила меня, и я отправился на вокзал. Еще в темноте выхожу из поезда на небольшой железнодорожной станции, куда мы осенью отвозили колхозное зерно для сдачи государству, и пешком знакомой дорогой иду в деревню.

Небольшой морозец, градусов 20, снег хрустит под подошвами моих

недавно подшитых валенок, топаю к деревне, любуюсь деревьями, украшенными изморозью. С восходом солнца они превращаются в сверкающие деревья сказочной красоты. Я увлеченно рассматриваю заячьи следы, и все виденное волнует молодое сердце, уже заряженное охотничьей страстью.

Под лучами низко висящего над горизонтом холодного солнца вхожу в деревню. Она показалась мне незнакомой: все занесено снегом, из огромных сугробов выглядывают окна домов, над крышами поднимается из труб дым... И вдруг передо мной в мыслях возникает широкая улица, по сторонам дома с палисадниками, в которых зеленеют кусты смородины или возвышается сирень, а рядом понуро стоят старые березы или разлапистые сосны.

Я знал, где живет дед Сергей. Ночами по дороге с зерном на сдачу государству мы шагали рядом с телегами, и он расспрашивал меня — кто отец да мать, как учеба, что пишут в газетах о войне, что о ней думают люди.

Смело зашагал к дому по улице среди сугробов и, как по коридору, по узкой дорожке, подошел к воротам дома. Поднимаюсь на крыльцо, сметаю голиком снег с валенок, вхожу в сенцы и стучу в обитую войлоком дверь... Дверь распахивает дед Сергей.

— Вот-те на, вроде бы Витька, — удивленно встречает меня хозяин. — Ну, проходи, проходи, раздевайся!

В избе тепло, уютно после мороза. На предложение позавтракать соврал, что дорогой, пока шел, две шаньги съел, а потом попросил попить чего-нибудь...

После общих, банальных вопросов, дед Сергей хитровато щурит глаза и спрашивает:

— Ну что, спина не зудится? Али забыл? Обижаешься, поди?

Я заулыбался:

— Нет, дед Сергей, спина не зудится, и ничего я не забыл. Такое не забывается... А мама просила сказать тебе спасибо за твой урок, говорит, что повезло мне с тобой.

Дед Сергей слушает, улыбается:

— Такое не забывается, это на всю жизнь, как вроде благословения или как там — крещения что ли. Я не знаю, что правильно, но думаю, что ты меня благословил. Мама говорила, что я крещеный в церкви и что это не надо говорить при вступлении в комсомол...

Я был искренним, рассказывая об этом деду Сергею, и был удивлен его похвалой в адрес мамы, что окрестила меня в церкви.

— Ну, слава Богу! А я и сам тогда удивился, как это резко тебя опоясал, думал, рассек на спине кожу-то. Я сам-то из казаков, отец-то был оренбургский казак. Без кнута и плетки жизни не было: скотина, лошади. Казак плеткой зазря не махал, а вот я сорвался... да и по моей спине, бывало, ходил кнут.

А дело было так.

На уборке пшеницы с утра я работал на лобогрейке, а вечером крутил веялку, помогая девчонкам очищать зерно. Как-то дед Сергей сказал мне, что ночью я поеду сдавать зерно государству на железнодорожную станцию.

Вечером загрузили зерно в мешках на телеги, и дед Сергей показал мне телегу, на которой я должен ехать, и лошадь, которая повезет телегу.

С приближением темноты стали запрягать, дед Сергей спрашивает:

— Сам справишься или помочь? Знаешь, как запрягать? — И наставляет дальше: — И не забывай: лошадь — она как человек, устанет, дай ей передых, а где в горку, помогай лошади, толкай телегу-то.

— Знаю! Запрягу, — убежденно говорю я деду Сергею, — и помогать буду...

Мне стыдно было сказать правду, что я никогда лошадей не запрягал, а соврал, даже не задумываясь и не сомневаясь в своих возможностях.

Начали запрягать. Я надел на лошадь хомут, сбрую, завел лошадь в оглобли, сообразил и оглобли связал с хомутом, подтянул через седельник. Тронулись. Вскоре я стал замечать, что лошадь вроде бы не хочет тянуть телегу. Но я усердно, идя рядом с телегой, подгонял ее, дергал вожжами, стал орать, понукать. Однако лошадь стала чаще останавливаться, а потом совсем заупрямилась. Подошел дед Сергей:

— Чего орешь?

— Лошадь не везет, упирается. Я ее погоняю, а она пятится назад.

Дед Сергей подошел к лошади, стал осматривать, трогать руками сбрую, хомут и вдруг взвыл... Бросился ко мне, размахивая кнутом... В тот же миг мою спину обожгло, как кипятком, в глазах потемнело от боли.

Дед Сергей был в ярости, и на мою голову обрушилось столько проклятий и таких, о которых я еще не слышал в своей жизни. Когда вспышка гнева угасла, дед Сергей, зажимая голову руками, сидя на земле возле телеги, более спокойным голосом сказал:

— Выпрягайте Чалку, перегружайте мешки поровну на другие телеги. — В полной тишине, без слов, мы разложили мешки с зерном, а лошадь выпрягли. Дед Сергей поднялся с земли, подвел меня к лошади и показал на нее:

— Смотри!

Невзирая на ночную темноту, я рассмотрел у лошади в нижней части шеи приличное, стертое до мяса овальное пятно, из которого сочилась кровь: я не затянул супонь хомута...

После этого события, когда выдавался момент, я летел на конный двор и подкармливал Чалку. Дед сторож в зимней шапке на голове сидел возле конюшни и грелся на солнышке, встречал меня как старого знакомого, и из его беззубого рта, еле видного в бороде, выползали шамкающие слова:

— Иди, Чалко поди заждался тебя, сволочугу. Жалко стало лошадей-то... грех обижать скотину, хуч какую, запомни, а ноне вон додумались народ убивать, мильены, наверно, положат в войне-то... как же это, пошто народ губить... Серега, видно пожалел тебя, а то бы кнутом мог и кишки выпустить. Серега — казак, ему лошадь, как дите родное, жалко... Он Чалку, почитай, на день не раз смотрит, прибегает, смазывает... Мужик хозяйственный, на нем и колхоз держится. Дали нам председателем бабу, ненашенскую. Серега-то беспартийный, баба партийная, от райкому послали, вот он за нее и робит, а она в соседнем селе живет... отколь силы у ево берутся, день и ночь носится.

Замолчит, а потом снова заговорит:

— Не, паря, бутылка с тебя полагается... Не грешно бы и мне глоток хлебнуть водочки-то, а то, глядишь, со дня на день могу Богу душу-то отдать. Магазин хуч и пустой, но у Ленки, продавщицы нашей, припрятана водочка. Да все равно, хуч и есть, денег-то нету, каки деньги у колхозников... Сколь помню колхоз, одне трудодни, палочки на бумажке... не выдывали колхозники денег-то...

ПРАВДА ЖИЗНИ

Однажды я заскочил на конюшню угостить свою страдалицу-лошадь горстью овса, дед сидел на скамейке у входа, как обычно. Когда я выходил из конюшни, неожиданно спросил:

— Знашь, паря! А пошто тебя не посадили?

Я удивленно уперся взглядом в бородатое лицо деда:

— Куда не посадили?

— Как куда? — шамкал дед. — Известно, куда сажают: в тюрьму, а то и расстрелять могут. Ты, как бы враг народу, лошадь спортил, факт. Што глаза пялишь, рази не знашь, сколь народу ишшо до войны энкэвэдэшники изничтожили... тьма! Не найдешь деревни, где бы оне не забирали людей. Неужто не знашь, кругом шпиены были да враги народу, против нонешней власти... Счас и не сошшитаешь, сколь их было по деревням... за что сгинул народ, можешь рассказать мне, ты говорил, што комсомолец, для народу хорошу жись будешь делать...

— Ты чего мелешь, дед? Какие шпионы в деревне, откуда взял? — набросился я на деда. — Шпионы, враги власти... Это не в деревне. Маршалы в деревне не живут... Маршалы в Москве живут, в правительство залезли изменники Родины. Их всех разоблачили, арестовали, судили... Они сами признались: Тухачевский, Блюхер, Каменев, Зиновьев, много их было, всех и расстреляли, и правильно сделали, они хотели товарища Сталина убить, — молотил я...

— Э-эх! Молодой ты ишшо, паря, и советскую власть любишь, Богу на ее молишься, хуч и молодой, ужо и в партию метишь, — в голосе дела вроде бы слышались нотки сожаления.

— Мне в партию большевиков еще по годам рано, я пока комсомолец, вот и Родине помогаю, в ваш колхоз послали хлеб убирать. На фронт хочу, немцев бить надо. Прошусь добровольцем, а военкомат не берет, мне только в марте 17 лет будет, — жаловался я деду.

Дед, выдувая через бороду дым от самосада, сочувствовал мне:

— Успешь ишшо голову-то сложить, не торопися, если головы-то не жалко. Она молодая-то шибко торопится... Слыхал, немцы-то до Волги-матушки добрались... А то оставайся у нас в деревне, смотри, сколько девок-то... женят, парней-то не осталось. Осиротела деревня.

Я торопился на ток, но дед размышлял:

— Гляжу я на тебя, паря, ты робить любишь, да и силенкой Бог не обидел, не занимать, хотя супонь не затянул, бывает, а там ума особливо не надо. Корень у тебя, видать крепкий, не гнилой, хуч ты и не деревенской. Ты правду говоришь, если больно стараться, и в деревне можно найти ково хошь, да ишшо и власть в руках, то все можно найти, все можно сыскать... Деревня не для шпиенов, в деревне робить надо до мокрой рубахи. Дожили, счас вообще некому робить, пуста деревня-кормилица...

Нет мужиков, нет работников, всех извели. А были работники в деревне от Бога, а сейчас нету их, были да сплыли. Нет мужиков, нет работников, загубили деревню, извели кормильцев, до робятишек добираются.

— Раз были кормильцы от Бога, как ты говоришь, то почему он не помог? — пытался я подковырнуть деда.

— Бог все может, а вот пошто не помог... — Дед помолчал и выдохнул: — Не помог! Да как же он поможет, коли его самого выгнали из церквей, а церкви разрушили, выгнали Бога из души людей, ладно, самого не поймали, а то бы и расстреляли, убили, как людей убивают. Бог высоко, далеко от нас, грешных... да и дороги испортили, по которым ему бы прийти к нам, округ, в деревнях не сыскать церкви-то, все разломали. Негде с Богом поговорить, рассказать ему, што власть-то творит, о горе нашем, да и забыли много Бога, вот и наказывает нас, грешных, а то бы разе додумались, что деревня оголилась, как голая баба стала...

— Почему деревня оголилась? — не понимал я. — Нет мужиков, все ушли на войну! Что делать, кончится война, домой придут, деревня-то живет...

— Э-эх, паря! Война войной, само по себе дело страшное, деревню погубили ишшо ране, до енттой войны, да ишшо не один раз, — с обидой и упреком в голосе сказал дед, — господи, какой ты ишшо зеленой. Опосля как царя-батюшку убили, царство ему небесно, нова власть, ну — советская, как ее зовут, отдала землю в деревне, бери землю-то! Вроде как завоевали землюшку, да уж больно дорого дали за нее, сколь народу погубили, сами себя убивали, а за че, так и не знаем доселе. Говорили, Ленин землю дал, а где он эту землю взял, тоже сказать не знамо, а уж как ее, матушку, кровью поливали опосля... опять же мужицкая кровушка лилась. На моих глазах.

В правлении колхоза портрет Ленина висит, видел поди?

Хоть и много мужиков поубивали, однако деревня оживать стала, пахать надо, скот заводить... Ох, и рбили в деревне все... мужики, кто живой остался, старики, бабы, робяты, днями и ночами рбили, рубахи от пота-то выжимали, друг другу пособляли. Хозяйство налаживали, пахать, скотину разводить, каждое зернышко с копейкой шшитали, собирали и Бога не забывали, он и помогал. Налаживалась жизнь у тех, кто рбил в деревне, вроде все гладко пошло... и как гром с ясного небушка — бах, бах!

Нонешная власть мужика, што деревню обживать снова начали,

хозяйство налаживать — кулаком назвала, вроде они кровь у народа сосали, как комары, ну и ахнули: всех разом, кто в чем был, вместе с бабами, малыми детьми куда ково сослали...

Стали колхозы налаживать, каки-то комунуны, штобы у всех все было общее. Ну и пошло-поехало, с голой-то жопой на голом месте... вот и пало хозяйство.

Опосля доходили слухи о голоде, што сколь народу-то от голодухи-то померло. Так и не поднялось хозяйство, да чо говорить...

Все это, паря, на моих глазах было, вспоминать страшно, все пережил, много пережил, а вот все живу. Видно, Бог пожалел меня за муки... вот и живу, как и сам не знаю, люди помогают, хоча и сами в беде... диво!

Скрюченными пальцами на руках дед ловко скрутил козью ножку из газеты, набил самосадом и стал кресалом высекать искру на кусочек материи: затлела ткань, дед прикурил цыгарку, затянулся и продолжал:

— Опосля, как царя-батюшку согнали, война началась между своими: каки-то красны, каки-то белы, убивали друг дружку. Года четыре поди... Опосля енттой войны у меня девка, дочка моя, за хорошего мужика вышла, робили по крестьянству, как и я, в одной деревне жили. Зять был работающий, робили с дочкой без передыху, пошли робяты, дети стали пособлять... Дом справили, лошадь ладную завели, дочь двух коров держать стала, овец дюжину. Ладно жись пошла, да и я помогал...

Как колхозы стали налаживать, их в колхоз затаскивать начали, а зять-то смышленный мужик, и ему в колхоз не захотелось. Он смекал, видно, насчет общего хозяйства-то... ево ломать начали. Не знаю до конца, че там было, но подрался он с кем-то из ГПУ... посадили, а опосля пропал: увезли и с концом... где — ничто не знаю, не слышно... Дочь-то мою, опосля, как зятя куды-то дели, признали кулачкой и отправили куды-то в Сибирь с двумя робятами, а те уж в школу ходили. Дом забрали, скот, все... Опосля и у меня лошадь забрали с коровой в колхоз, вроде как бы и я кулак, но деревенские меня отстояли от высылки, и стал жить своим огородом... Баушка от горя душу Богу отдала, прибрал он ее, а я ушел из деревни, да и прибился туто. Все конюхом, с лошадушками робил рядом. А теперя вот вроде ночного сторожа, как пишут в колхозе, все рядом с лошадьми, да без них и жить-то бы не мог. Все болтаю с ними, хуч и ма-терюсь на них — оне не обижаются, добро все едино понимают, зло не держат, ну и ладно. Вот овса бы им поболе...

От рассказов деда я недоумевал, не понимал, и не верилось в то,

что рассказывал дед: хорошие работники день и ночь в труде. Разумно вели хозяйство, две коровы, лошадь, и они — кулаки, и за их же труд их раскулачивали. Я знал о кулачестве и по учебникам, и по кинофильмам. Видел, как у кулаков отбирали мешки с зерном, запрятанным где-то в сараях, погребах, но мешков-то было вроде и немного. Я знал, что кулаки эксплуатировали других, делали людей батраками. И когда у кулаков отнимали все и их увозили куда-то на лошадях с женами и детьми, мне их было не жалко. Мало того, я радовался за избавление от них, радовался за колхозы, где все вместе были счастливые, убирая урожай...

Слушаю дальше деда:

— А деревня че... Колхозы, почитай, ниче хорошова, доброва народу-то не дали, ниче путевова — живем, не живем: кулаков изничтожаем, шпиенов ловим, врагов народу расстреливаем да в тюрьму сажаем, снова деревню оголили — снова все на баб ложится. Не успели слезы утереть, чуток передохнуть... война. Снова деревня без мужиков. Те, че подросли в колхозе, подмели на войну с немцами воевать. И снова в деревне без мужиков, без кормильцев: одне бабы да робятишки, старики ишшо, а че от них толку — изробились. Рази ишшо Серега колотится, а я че, — сижу у конюшни, счас солнышко греет, ласкат, лошадей присматриваю, и то дело, лошади пособлять... без них колхозу конец...

Жалко, паря, деревню, молодых жалко, да и че им радоваться: паспортов деревенским не дают, али каких документов деревенские не видывали, или как их счас зовут — колхозники. Че оне видывали, где бывали, молодые-то? Держат народ... в город поехать без документа боятся, а штобы учиться, али че там в городе-то, не думай.

Так и живут в деревне, как велят, власть-то, чтобы народу жилось слашше, землю власть дает на огороды, а на покос... на скотину плати налог, на курицу и то налог, снесла пару яичков — одно властям, друго себе, если останется... Девки по деревне горланят про курицу, что она, мол, не хочет дарма жопу драть, штобы яйца за зря государству отдавать. Деревня всех кормит, а сама живет своим огородом, на который тоже время надо, надо робить.

Сейчас вот война! Убивают людей, всех убивают — и молодых, и немолодых, всех кряду, она всех косит... и баб, и робят, стариков. А здесь рази не война, рази не горе людское? В деревне-то бабы без мужиков, по куче робятишек на руках, в каждой избе, почитай, да старики... все есть хотят, всех кормить надо, а где хлебушко-то возьмут, кому робить в

поле? Слушай, че ишшо власть нонешняя додумалась, как она по народу-то понужнула: как началась война, всех коров-кормилиц, у кого были, признали какими-то больными, и под ножик. Рази это не враги народу, коров-кормилиц. Если и кто сберег скотину, то мало. Работать много на огороде тоже не получалось — в колхозе робят люди до темна, а то огород отберут. Работают в колхозе, а че платят — палочки на бумажках... Надьсь один мужик приезжал с району, уговаривал робить больше, убрать урожай, если все уберут — дадут на трудовень. Все обещают, а толку... и ныне не дадут, увидишь. А че исть?

Осенью прошлого году, опосля уборки, нашу деревенску молодую бабу партийная баба из району увидела в поле, по жнивью, как та колоски собирала, да и сколь собрала в кармане, говорят, совсем ниче. Опосля приехала судья, собрали всех в правлении, я-то не ходил, не в чем, а там на глазах у всех судья зачитала, баба была, Надьке четыре года тюрьмы, это за два-то фунта, не боле, все равно под снег ушло бы. Когда судья читала бумагу-то на четыре года, сама слезы утирала, а партийная в ладошки хлопала, сука. У Надьки осталось двое пацанов, а опосля бумага пришла, что мужика на войне убили, осиротели пацаны, живут у деда с бабкой, а дед-то ужо худой, рази че по двору ходит. Слава Богу, есть кому присмотреть, живут, да голодно живут. Че сделали? Рази это люди...

Как-то в одной из следующих встреч дед неожиданно спросил меня:

— Правду ли говорят али врут, че если где словят не в деревне жулика, какой украл, за это один год в тюрьму сажают? Не слыхал?

— Не знаю, — отвечал я, — точно не знаю! Воровать-то воруют, наверно, везде воруют, слышно, что милиция и ловит жуликов...

И я вспомнил:

— Мама рассказывала про один случай, когда в дом, не очень далеко от нас, залез мужик один и украл что-то из одежды, и его поймали, судили и дали год тюрьмы, посадили. Точно помню.

Я видел, что дед понял меня. Почесывая затылок изуродованной рукой, он размышлял:

— Я все думаю, думаю, неужто правда, — надо давать столь годов тюрьмы за, почитай, две-три горсти колосков, это и на калачик не хватит... а ись-то охота, да ишшо робятишек кормить. Натька баба работающая, шустрая, много робила, лучше Натьки никто на быках робить не мог, справлялась с имя лучше другова мужика... Много робила, а че за это получала от колхозу — палочки на бумажке... может, она думала, что заработала

колоски-то, да ишшо робята. Колоски все едино пропали бы...

Многое из того, что рассказывал мне дед, было новостью, чего я вроде бы и знал, по крайней мере, мне так казалось, но в другом свете, в других красках, и удивлялся новой информации с чистым любопытством, интересом, и это привлекало меня к деду, и он все больше мне нравился. Не осознавая почему, но я тянулся к деду, не упускал случая, если предоставлялась возможность. Он любил стрельнуть папироску у ребят, и я экономил, а потом тащил деду: видел, как по-доброму, пряча улыбку в бороде, смотрел он на меня.

Мне было трудно понять все, о чем рассказывал дед. Именно рассказывал, а не жаловался, даже не упрекал и не обвинял кого-то в чем-либо, но все же чувствовал такое, что для меня было новым, противоречивым и не находило моего понимания. И все сказанное им противоречило тому, что я уже, если можно так выразиться, знал, слышал, впитал в себя: о революции, гражданской войне, победах Красной Армии, кулаках и коллективизации, о борьбе с врагами советской власти и почетной работе чекистов и постоянной угрозе моей Родине от врагов, с которыми я готов бороться. Видел и читал, слышал по радио, какое горе принесла война моему народу. Я оказался свидетелем разоренных деревень, видел непомерный труд от зари до зари, а то и до утра, труд безотказный, упорный — женщин, стариков и, подчас, подростков, да и еще полуголодных. Стал обретать понимание: кусок хлеба — жизнь.

В то время дед был прошлым, далеким от меня, а я жил в настоящем времени, будучи устремленным в будущее, в которое путь лежал еще через войну, и я проложу и пойду в будущее, чего бы это ни стоило.

Сейчас, с вершины своего жизненного пути, я хорошо понимаю то, о чем рассказывал этот человек из моей юности. Очень дорог он моей памяти, в старой шапке на голове и с заросшим лицом человек, с которым я сидел возле конюшни. Вспоминаю его добрый взгляд, тихий, ровный и спокойный голос, вижу скрюченные от работы и времени пальцы его рук, ловко делающие из газеты самокрутку... И мне хочется сказать ему слова благодарности и поклониться за его заботу и любовь к людям, к жизни, хотя последняя была к нему не так справедлива и добра... Да и не только к нему, а и к тем, кто жил в то время вместе с ним.

Но вернемся к деду Сергею. Мы сидим друг против друга за столом: я на лавке у окна, дед Сергей напротив, упершись локтями на стол, и с интересом, вопросительно смотрит на меня:

— Говоришь, мать велела сказать спасибо за то, что я тебя кнутом огрел? Спасибо от меня и ей передай, что поняла меня. Это факт. Не каждая мать вот так, как твоя, согласилась бы, что я правильно понужнул тебя. Матери всегда защищают свое дитя. Вон у меня курица с цыплятами, как с ума сошла — никому мимо пройти не дает: бросается на людей али на собаку, когда ее боится, а орет на всю деревню, будто щиплют, перья выдергивают у нее. Диво какое-то! А бабы, для них хоть мало дите, хоть борогато — все едино, защищают дите, как курицы, хоть дите и виновато. Другой раз радуются: смотри, какой он у меня боевой, Гришке али Мишке морду-то как разворотил, стараются детей оправдать, хоть дите и зло сделал другому, а то и беду, все равно защищают, не упрекают, не стыдят перед Богом. А опосля дите у матери деньги отбирает на выпивку али ишшо на што. Опосля мать — ах, да ох: не доглядела...

— С другой стороны, — продолжал дед Сергей, — молодым много советов дают, там мать али отец, ежели он есть, может и не всегда дельных, вроде от души, надеются помогать молодым, уж больно не проста жизнь-то, и сам не знаешь, какая она правильна, сам думаешь, может и верно, а жизнь не понимает тебя, у нее свои законы, и так много их, и жаловаться на них — все едино правды не сыскать. Правда у нас одна, а у власти или партийному райкому своя правда, вот и ищи правду-то, пока голову не отвернут. Нормальный закон — день и ночь али зима и лето. Зима — шубу надо, ночью спать ложимся. Все верно. Бог знал, что делать, и обижаться на енти законы нече, — убежденно говорил он. — А вот как быть, ежели законы бывают неправильные, несправедливые к людям. Наказывают людей хороших, совестливых, честных. Согласен, наказывать надо, ежели человек недобрый, зло делает людям, которые от этого страдают, мучатся, — виноват в этом не Бог, а сами люди. Как тута рассудить, ежели жизнь-то получается такая, што и жить-то не до радости. Пошто так получается, кто в ентом виноват, што человек не может жить так, как ему охота, робить так, как он может и где хочет. Земли у нас ладные, покосы могут кормить коров и лошадей: коси, корми, держи скотину, да и мясо продавай и себе, и людям, а... не получается. Опять-таки говорят — сами виноваты во всем! Спросить — кто сами-то, в чем виноваты, что худо живем? Я виноват али Кирилловна в том, што мужика на войну взяли, а он, как пишут в бумаге, куда-то пропал на войне, вроде к немцам сдался, и из району велют отобрать у нее за это огород. А у нее четверо робят на руках, сама руками мается, как тут быть... Огород ноне

кормилец, без огорода че есть-то будут, как жить — с голоду умирать. Вона сколе уже и так впроголодь живут. Диву даешься, как у людей ишшо душа в теле держится, а на малых ребятишек смотреть страшно, одне глаза... Господи, за што?..

Охватив ладонями голову, он со стоном уселся на стул возле стола, уперся в него локтями и с закрытыми глазами сидел за столом, казалось, заснул... Я смотрел на него, не зная, что сказать, понимал, что деду Сергею тяжело, состояние его отчаянное. Мне стало его жалко, и я готов был поддержать его, но слов не находил... Как-то незаметно для меня, медленно дед Сергей поднялся из-за стола, опираясь руками о стол, постоял, прошелся по избе и, подойдя к печи, обернулся ко мне:

— Бабка третьего дни как в соседню деревню ушла, вот и домовничаю один. Пошла сноху навестить, попроведовать, как она тама, — голос его стал слабым, он зашмыгал носом и полушепотом, разглаживая усы, смахнул слезу. — На сына из военкомату бумага пришла, пропал мой Васятко, сынок, где-то на войне. Ужо боле года, как взяли, и на вот те, пропал без вести. Ишшо весной пропал... то мы со старухой все лето и ждали письма понапрасну, не знам, че и думать...

Я знал, что сын у деда Сергея работал в колхозной кузнице, и часто слышал осенью, как люди вспоминали его сына — отменного мастера.

— Может, ранили, — посочувствовал я.

— Не знаю, Витя, не знаю. На войне всяко бывает. Кто знат, как оно там повернется: ранят ли, убьют ли али ишшо че. Сам был на войне, как ноне зовут, первой мировой. Пронесло, Бог миловал, не убили, не ранило даже, хотя сколь миллионов полегло да искалечило народу. Но случилось, однако, в плен попал к немцам. — Голос деда Сергея расслабился и зазвучал веселее: — Да не я один, а нас было более дюжины. Мы в соломе спали, свежо было. Сплю это я, а у меня в носу что-то как защекочет, открываю глаза... а это немец соломинкой у меня в носу... а пальцем грозит — мол, тише. Мы глаза вылупили, а оне, немецкие солдаты-то, гогочут от смеха, за брюхо хватаются, слезы вытирают от смеха. Опосля, как мы очухались, хоча коленки дрожат, тоже смеху немало было, все оправдывались, думали — свои вместо немцев...

Война немцам-то тоже не в радость была, народ на войну позабирали, робить стало некому, и нас растолкали кого куда, а я попал на работу в деревню, к бауреру, по-ихнему это крестьянину, Куртом звали. Хромой был, но робил сам до мокрой рубахи, и я потом умывался вместе с ним.

Хлеб без пота не бывает. Жил у них, как свой, и спал в избе, и ел за одним столом, только вот спать пришлось мало, у них полатев нету ни зимой, ни летом. Вот тама, у немцев, я и познал крестьянско дело так, что при советской власти ужо в колхозе меня за агронома принимать умные-то люди стали, да все одно впрок не пошло, партийцы оказались умнее, хоча ни плуга, ни граблей в руках не держали... Ладно, опосля про немцев расскажу, а теперя поешь с дороги, с морозу, заболтался я с тобой.

Дед Сергей достал ухватом из печи чугунок и, наливая поварешкой в глиняную чашу, продолжал:

— Похлебай шши. Ноне капуста добрая уродилась на счастье людям. Пока ишшо и свежу едим, и квашеной запаслись, обижаться на огород-кормилец не приходится. Кто робил на огородах, все уродилось, слава Богу.

После сытного обеда, по тем временам даже сказочного, для меня необычного — щей из свежей капусты, куска домашнего хлеба и горошницы с одуряющим запахом деревенского подсолнечного масла — мы с дедом Сергеем отправились в правление колхоза, где мне следовало расписаться в получении своего осеннего заработка.

Деревня была залита светом холодного, окруженного маревом солнца на безоблачном небе. Улица была пустынна.

— Дед Сергей, а почему даже ребятишек не видно на улице? Утром не видал, и сейчас не видно, — удивленно поинтересовался я.

— С голой жопой да ишшо в мороз босиком по снегу много не набегашь, дома сидят. Малышня даже в нашу деревенскую школу не вся ходит — нет ни одежды, ни обуви, а то и попеременке бегают, седни один, завтра другой, — рассказывал мне дед Сергей под хруст снега под ногами, — малы ишшо ладно, а вот постарше ребята, кому в соседню деревню в школу ходить — половину тоже дома сидят. До войны часто ишшо на лошадях возили али на санях, а ноне лошадей самих возить надо... Обносились совсем деревня, хоча и до войны ниче хорошего, окромя работы не было, но голы не ходили. Че делать? По весне, как солнышко пригреет, все побегут к учителке, кто в чем, а больше босиком, до следующей зимы...

Навстречу нам приближалась женщина, закутанная в темный платок и в больших, подшитых мужских валенках. Увидев и узнав ее, мой спутник остановился.

— Здрасьте, Сергей Егорович... Вам седни пока ниче нету...

— Кому принесла седни?

— Тете Моргуновой, — запинаясь, выдавила девушка.

— На ково?

— Не знаю, Сергей Егорович! Конверт взяла дочь тети Моргуновой, а я у порога, у дверей стояла... тряслась, и не помню, сколько, а как тетя Моргунова заголосила, как завывала... ну я и убежала.

Дед Сергей стоял, молчал. Плечи его опустились, руки обвисли, спина заметно сгорбилась, он смотрел себе под ноги, левой рукой снял с головы старую, много повидавшую шапку-ушанку, правую сунул под мышку левой, сдернул рукавицу и, шевеля губами, медленно несколько раз перекрестился и продолжал стоять с открытой головой, не замечая мороза. Девушка-почтальон, не простившись, незаметно ушла.

Я подошел к нему и попытался взять у него из руки шапку, но он заметил мое движение, торопливо надел ее на седую, лохматую голову сам.

Молча, неторопливо мы пошли к правлению колхоза.

— Ноне в деревне у нас своей почты не стало, с войной закрыли, — заговорил со мной дед Сергей, — а ходит к нам, почту носит через день, из соседней деревни ладная девка Тамара. Хуч и молода, а сердешная, ты видел ее. Всех в деревне знат по имени, у кого забрали на войну, даже ребятишек знат. А уж как Тамару вся деревня знат, так и говорить неча: ждут, когда она придет, ночи не спят, думают, че принесет. Почитай, в каждой избе сидят с утра у окошка, смотрят — повернет Тамара к воротам али мимо пройдет, к кому повернет. Сердце-то у всех уж с утра наружу рвется у матерей, у стариков, у баб. А если повернет к избе, у всех душа замирала — похоронка али письмо. Все ждут, что принесет: треугольник-письмо — радуются до слез, Бога хвалят. А ежели казенный конверт из военкомату, знобит людей, руки трясутся, не могут конверт взять, боятся. А прочитают и опосля так воют, на всю деревню слышно, да ишшо ребятишки подпевают, ежели похоронка. Да на сердце потом, особливо у стариков тяжело: отпеть-то не могут, церквей-то нету, все порушили, а от Бога куда денешься.

Ишшо ладно, если из военкомату пишут, что пропал без вести где-то на войне, как у меня Васятко. Это, значит, не убили, а где-то затерялся, а где — не знают. Вот и думают люди денно и ношно, где он, живой ли, што с ним, и все верят, что живой. Надеются, а больше думают, што раненый. Я вот ишшо думаю, что Васятка мой и в плен мог угодить, как я когда-то.

Без плену войны, думаю, не бывает, все люди, каки бы оне не были. Только не пойму, пошто стали поговаривать о предателях каких-то, изменниках, кто сам в плен здается. Говорят, Сталин гневается, что в плен сдаются. Я думаю своей башкой, что в плен берут, как нас когда-то, раззяв, куда деваться, война, с ней чай пить за столом не будешь... Всяко бывает.

Летось наша деревенска баба Ильинишна получила письмо из военкомату, где написали, что сын пропал у нее на войне, а недавно от Захарки, сына-то ее, пришло письмо. Живой, в госпитале раненый лежит. Счас домой ждут. Вишь, как бывает, да че говорить — все ждут, днями на ворота смотрят, а ночью слушают — не заскрипит ли. Матери все ждут, да и ждать будут до гробовой доски свою кровинушку...

Мы шли с дедом Сергеем не спеша, часто останавливались, и он изливал мне душу:

— Вот и седни, на ково похоронку получила Моргуниха, на сына ли али на самово... Живи теперь она с четырьмя ребятами без отца али без деда, невестка ужо не в счет, измоталась так, что на ладан дышит... Господи, за што тако горе людям, кто скажет... кому послезавтра Тамарка принесет казенный конверт. Вроде как сейчас через почту решаются судьбы людей, а то и жизнь. Все это выглядит, как суд какой-то, только не понять, какой он суд... Божий али какой! На Божий суд вроде не походит, больно не праведный, у Бога столь зла и гнева к людям не бывает.

Я не знал, что сказать деду Сергею... Молчал...

ЗЕРНО ЗА ТРУД

Подошли к кирпичному одноэтажному дому, в котором мне приходилось бывать не раз осенью. На фасаде увидел знакомую вывеску «Правление колхоза «Ленинский путь». В правлении колхоза, в одной из трех комнат, сидел за столом молодой мужчина, лет под тридцать, стриженный под машинку, в старой, выцветшей гимнастерке без ремня.

— Это новый бухгалтер, недавно опосля ранения вернулся с фронта, — и, указывая на меня, дед Сергей сказал: — Парень приехал, што осенью помогал урожай убирать с комсомольцами. Ему надо заработок выдать. Погляди, Петро, сколя ему, а то все вроде получили, окромя ево.

Петр доброжелательно посмотрел на меня, спросил фамилию и стал двигать ящиками, перебирать бумаги. Я заметил, что Петр все делает правой рукой, а левая рука у него висела, как плеть. Он брал правой

рукой левую, поднимал и опускал ее на стол, при этом кисть и пальцы нормально двигались, держали бумажки... Я с любопытством смотрел на Петра, разглядывая его руку, и у меня возникало ощущение, что у него был какой-то особенный протез, и дед Сергей, заметив мое пристальное наблюдение за рукой Петра, указывая на его руку, сказал мне:

— У Петра выше локтя кости-то нету, разбило ее, кость-то раскрошило чем-то от ранения, вот и болтается без дела, без работы... правая ниче, перекреститься ей можно, да вот я не видел, чтобы он крестился, а надо бы, есть за што Бога-то благодарить...

— Ниче, дядя Сергей, в госпитале сказали, что опосля войны нову кость поставят... подожду, куда денешься, проживу и с одной. Вот все думаю, как летось косу приладить к левому плечу, а правой махать, косить. Вроде уж че-то додумался, тогда можно думать, и как корову завести, если косить буду, да и ребята с молоком, — сказал Петр и положил на стол листок бумаги. — Распишись.

Я расписался в ведомости за получение 24 килограммов зерна, моя подпись действительно была последней. Петр, забирая ведомость, удовлетворенно сказал:

— Теперь и в райком сообщить можно, что все получили комсомольцы, а то уж сколь раз напоминали, за комсомольцев больно беспокоятся, а не за колхозников...

— Всем по трудодню в день записали, кто с тобой приезжал помогать, — пояснял дед Сергей, — дали приказ из райкому партии, это шштай, как помощь от райкому была, по фунту зерна на трудодень, специально для комсомольцев. Тебе, как за ударну работу али, как счас говорят, за стахановску работу, посчитали по полтора трудодня на день... Да ишшо, што супонь забыл затянуть, — дед Сергей улыбался. — Не, ты здорово робил, Витюха, помогал как мог и ночами прихватывал немало, че говорить, без вашей помощи плохо пришлось бы бабам. Как управились бы оне с уборкой — не знаю.

Я осмелился спросить:

— Сколько зерна дали на трудодень колхозникам?

— Не спрашивай! — как-то жестко перебил с упреком в голосе меня дед Сергей. — Сколько дали? По сто грамм, да и то из отсева. Сколь дали — давно куры склевали. Молчи, не спрашивай!

На какой-то момент воцарилась пауза.

— На фронт, поди, собираешься, — с какой-то, как мне показалось,

странной улыбкой спросил меня Петр.

— Прошусь, пока не пускают и в райкоме комсомола, и в военкомате. Надоел я им. Жду, скоро 17 лет, думаю, вырвусь. На фронте нелегко, помогать надо, освободить народ, спасти...

— Своей башки не жалко? О матери подумал бы, — прервал меня дед Сергей, — спасти ему надо, народ спасти. Народ уже сколь спасали и от царя, и от кулаков, от всяких врагов да от шпиенов. До усрачки старались спасти народ от всех, от Бога особенно, аж церкви разрушили, как старались... Достарались, сколь народу погубили.

Я не понимал, почему дед Сергей так возмущается из-за того, что народ освободился от царя-кровопийца, капиталистов, кулаков и врагов народа, шпионов и предателей, почему не понимает моих чувств, моих устремлений помогать фронту, убивать фашистов, чтобы спасти от них народ, строить светлое будущее для людей во всем мире...

Дед Сергей же, я чувствовал это, возмущался прошлым событиям во имя самих же людей, ради чего и была революция, гражданская война, раскулачивание, да все, что делалось ради счастья людей. Почему он это не понимал, у меня ответа не было, хотя мое отношение к деду Сергею было искренним, добрым, уважительным, с чувством благодарности за то, что он есть, за то, что я встретил его в жизни.

Дед Сергей с Петром начали обсуждать проблемы колхозных дел, из которых можно было понять все сложности работы колхоза и жизни людей в деревне. Кто-то из райкома партии требовал дополнительной сдачи зерна государству, хотя зерно осталось только семенное, да и то немного.

Пригревшись у печки, уже сквозь дремоту, до моего слуха доносились разговоры о лошадях, уже висящих на чем-то из-за отсутствия кормов, и лошадей надо спасать... Появлялись новые голоса, возмущались, что председательша колхоза, хоть баба и добрая, но боится райкома партии и старается делать все, что требует райком. Сидя на скамейке и прижимаясь спиной к круглой печке-голландке, я клонился ко сну, но все же сквозь сон слышал о бедах людей: у кого-то есть нечего, дети пухнут от голода, кто-то замерзает, нечем топить, нет фельдшера, нет денег на лекарства. Приходили, уходили люди, кто-то ревел, кричал, матерились...

Так близко я впервые слышал об этом. Многие из услышанного видел уже в Карталах, понимал, как тяжело людям, но многое не оседало в моем сердце, да и до конца моим сознанием еще не принималось: все

ассоциировалось с одним словом — война! Остальное отодвигалось на задний план. Мое сердце не кровоточило ранами и болью людей.

Вместе с тем нарастало чувство необходимости самому, своим участием ускорить конец трагедии людей. Скорее на фронт, успеть, пока война не закончилась без моего участия, и убивать, чтобы наказать виновников всех бед моего народа. Это чувство нарастало с каждым днем, с каждым часом, и оно было искренним.

Ну, а тогда, сквозь сон, почувствовал на своем лице прикосновение шершавых, грубых рук, которые гладили меня. С трудом просыпаюсь: лежу на скамейке возле печки, под головой свернутый мешок, что мама дала под зерно, и вижу перед собой улыбающееся, переплетенное морщинами доброе, милое лицо тети Даши, кормилицы нашей...

— Вот вишь, Витя, Бог дал ишшо свидеться да снова будить тебя. Вставай, сынок, твой петух тебя зовет.

Я с удивлением и радостным волнением смотрел на тетю Дашу и улыбался. Поднялся, обнялись.

— Годов бы на сорок тебе, Дарья, помене, не оторвалась бы от парня. Отпусти, а то задушишь... — веселым, задорным голосом шутил дед, сидящий на корточках возле стены, и дымил самокруткой.

— По себе судишь, Андреич, да все поди ишшо ждешь, кака старуха самово в руках задушит. Оно, конечно, можа кто и захватил бы, кабы знали, что прок будет.

Пошутили и посмеялись.

Осмотрелся: горела подвешенная к потолку керосиновая лампа, за окном темно. Накурено, в горле саднило от крепкого дыма самосада, в соседней комнате были слышны голоса людей...

— Хорошо, што поспал чуток, Витя. Давай собирайся в дорогу, не суди, — дед Сергей сделал паузу, — можа отвезли бы на станцию на лошаде, да держим их на таком корму, что им поди и стоять-то сил не хватат. Берегем к весне... Дотопашь пеши, ноша по тебе, осилишь, груз-то дорогой...

Зерно, пока я спал, видимо, принесла со склада тетя Даша, и мы пере-сыпали его в мой мешок, после тетя Даша мастерила к мешку веревочные лямки, чтобы его можно было нести на спине с их помощью, освободив руки. Примерили, получилось хорошо.

Я попросил Петра передать деду с конного двора пачку дешевеньких сигарет:

— Дед Игнат прихворнул ноне, нечем было топить свою каморку, простудился и лежит у бабки Костючихи, в тепле. Бабка выходит деда, не впервой, она травы лечебны знат, почитай, вся деревня к ней за травами ходит. Больше не к кому... Спасибо передам, обрадуется дед...

Стал прощаться с дедом Сергеем:

— Вот че хочу сказать тебе, Витя. Воевать надо, куда деваться, никто бы воевать не хотел, да власти таки. Воюют, не народ воюет, а власти войну ведут, у народа не спрашивают, оне народ губят. Осенью слыхал, ребята сказывали, будто ты какой-то хороший стрелок. Не знаю, по чему там стрелял, а на фронте не торопись стрелять в человека. Там тоже соображать надо, думать, ково убивашь, на то Бог и голову дал. Я вот ночами все думаю, не могу понять: пошто немец воевать начал, народ работающий, без работы немец и жить-то не может. Все у него в хозяйстве ладно, немец два раза на грабли не наступит, а вот пошто на войну идет, не могу сообразить. Не верится, што народ воевать хочет, не верю, а вот пошто война идет? Ково спросить, кто правду скажет?.. Да ладно, иди. Мать не забывай... Ну, храни тебя Бог! — и перекрестил меня, как когда-то мой дед Алексей.

Обнялись. Я молчал, в горле запершило. Тетя Даша обеими руками обняла мою голову и, глядя в глаза, по русскому обычаю расцеловала:

— Будешь живой, опосля войны наведайся по ягоды...

По дороге к станции я долго не мог освободиться от мыслей о людях, которые оказались на моем жизненном пути, с которыми я только что расстался, испытывая ощущение, что они остаются уже какой-то частью меня самого, частью моей души. Достал из-за пазухи сверток, что сунул мне Петр. В нем оказался кусок хлеба, начал с удовольствием его жевать, перекладывая из руки в руку, чтобы руки не обморозить. Постепенно мысли о деревне стали куда-то улетучиваться...

Впереди, в морозной мгле, показались редкие огоньки станции. Деревня с ее людьми осталась позади. Я спешил вперед.

Прошло более 60 лет с тех пор, как пути моей молодой, рвущейся на борьбу жизни пересеклись с дорогами тети Даши, добрых, милых моему сердцу стариков и колхозников в деревне, где комсомольцем помогал убирать урожай во второй год войны. За годы, что подарила мне судьба, я, откровенно говоря, сейчас не думал о событиях того времени. Если и вспоминал, то по случаю — как факт участия с ребятами в помощи уборки урожая. Обычно, случай, когда дед Сергей врезал мне кнутом за мою

самоуверенность, я рассказывал с добрым чувством. Но уходили от меня в это время люди, не присутствовали в моих воспоминаниях. Да времени на это не хватало, постоянно над головой висели первостепенные, более важные жизненные проблемы: найти кусок хлеба, когда кругом беды, страдания и трагедии людей, проблемы со здоровьем после ранения на фронте... Было временами так тяжело, что и жить не хотелось.

Откуда брались силы, до сих пор не знаю, но думаю, что спасали чувство удовлетворения победой над фашизмом, надежды на будущее, к которому призывал товарищ Сталин... Призывы... Надежды... И я в полную меру сил, подорванных войной, перенося все невзгоды, старался идти в ногу со своим временем, да еще твердым и широким шагом, каким шла вся страна...

Прошли годы. В конце жизни пришло время возвращать многое из прошлого, что было рассеяно по жизненным дорогам. Возвращалось не сразу, а постепенно. Воспоминания вошли в меня снова и стали обретать все новые и новые оттенки, новое значение своей сути. Они оживали не только в моей памяти, но и снова начинали жить в моем сердце, снова становились видимыми.

На старости лет встаю на колени, преклоняю седую голову и чувствую на своем лице шершавые, мозолистые, изуродованные непосильным, нечеловеческим трудом материнские руки. Не только тети Даши, а ВСЕ материнские руки, которые во время войны и после ее окончания сохраняли жизнь миллионов детей военного времени. Я опоздал со своим покаянием. Но все же простите меня, матери и дети войны. Некогда было, жил в угаре победы, бежал к светлому будущему, не глядя по сторонам, не слыша голоса вокруг, бежал слепым и глухим, торопился. Не глядя под ноги, как во сне, долго бежал, чтобы проснуться...

После возвращения из деревни, где помогал убирать колхозный урожай, я рассказал маме обо всем, что увидел, с чем столкнулся, о судьбах людей, проживающих там, чем был озабочен — стариках, каторжном труде колхозников, нищете, полуголодных детях, отсутствии кормов... Рассказы мои были не только повествовательные, но и вопросительные. Пересказывал то, что слышал от деда Игнатия, деда Сергея, о событиях революции, гражданской войны, раскулачивании, репрессиях, невыносимых налогах...

Спрашивал маму:

— Неужели это все было? Неужели правда?

— Мне не хотелось бы с тобой говорить на эти темы. Это политика, а политика не всегда чистое дело. Но если ты завел этот разговор, то отвечу, — все, что ты услышал, то голос людей, голос большинства народа, как я полагаю, он не голословен. Да, это правда! Ты счастлив, сынок, что многого не видел. Все было... Я свидетельница многих событий, о которых ты слышал, но только свидетельница. Лично меня многие события не коснулись, но два моих брата, твои дяди, погибли в гражданскую войну. Я видела страшные дни: в первые годы советской власти, когда шла на службу в городе Омске, видела лежащих на тротуаре людей, умирающих от голода... Я брала с собой для них кусочек хлеба и уже знала, кому дать хлеба, а кому уже поздно. Страшно об этом говорить, но ко всему, что ты слышал, нужно добавить и голод! Умерших от голода, что я видела, — их количество никто не знает, а если знает, не скажет. Особенно большой голод был в начале тридцатых годов. Жертвы его колоссальны. Думаю, миллионы... Не знаю.

Как мать, прошу тебя — забудь все, о чем мы сегодня с тобой говорили, о чем рассказывали тебе старики, что ты видел в деревне, забудь. Ни с кем не говори, иначе пропадешь. Я, как мать, старалась в первую очередь привить тебе ответственность перед собой. Впереди у тебя жизнь, не стремись, чтобы она оборвалась в самом начале. Живи так, как живешь, как понимаешь смысл жизни сегодня. Старайся понимать людей такими, какие они есть, и в меру возможностей помогать людям, если они нуждаются в твоей помощи и не злоупотребляют твоей доверчивостью и добротой. Старайся творить добро людям и не делай им зла.

Как сейчас понимаю, так начиналось мое политическое понимание прошлого, первые шаги в прошлое, но они куда-то проваливались, исчезали в какой-то бездне, я не хотел заглядывать туда. У меня было только будущее, с призывами дорогого и любимого товарища Сталина: все для фронта, все для победы. Да еще тревога, что могу опоздать на фронт и война закончится без моего участия.

Заработанное в колхозе зерно оказалось весьма хорошим подспорьем. По просьбе мамы я ходил к соседям, Налетовым, и на самодельных жерновах, из двух камней, молот зерно. За полчаса энергичной работы, а надо было крутить вручную верхний камень жернова, получалось около килограмма муки.

Семья Налетовых, ранее шумная, жила в небольшом домике, как в муравейнике. Постоянно все что-то делали, все были заняты — трое

детей-подростков, тетя Настя и ее мать с отцом. Дядя Налетов в первый год войны был призван на фронт, а осенью следующего года на него пришло извещение, что он, защищая Родину, пал смертью героя. Так семья осталась без кормильца.

Как-то тетя Настя Налетова рассказывала маме: «Пенсию на троих детей государство определило в такой сумме, что в месяц ее хватало на покупку только одного килограмма мяса, причем самого низкого качества. И это на три детских пособия».

НА ФРОНТ! ВОЕВАТЬ! УРА!

Я в то время не все понимал, но все же видел трагедию людей, находящихся далеко от фронта, в тылу, у себя дома. Но понимание всего виденного пришло намного позже, через десятки лет. Сейчас я постоянно ищу ответ — какую цену заплатил народ за Победу? Ведь в то время не считали потерянных жизней. Об этой трагедии народа я еще буду говорить.

А тогда мое детство и начинающаяся юность шли параллельно со словами, ежедневно звучащими по радио:

Кто хочет, тот добьется,

Кто ищет, тот всегда найдет!...

С этими словами, под звуки бравурной, жизнеутверждающей музыки я маршировал сначала в строю с пионерским галстуком на груди, потом комсомольцем с учебным оружием в руках, затем ходил чеканным шагом повзводно. С каким восторгом я держал в руках, хотя и учебную, но винтовку с настоящим штыком, которым можно было колоть врага. Это волнение осталось незабываемым навсегда. В ритме маршей билось и мое сердце с гордостью за свое счастливое детство, готовое к борьбе за свободу и счастье людей, за победу над врагами. Сердце призывало к подвигам, я обрел крылья. А в июне 1943 года начались мои фронтовые дороги.

Писать о фронтовых событиях, передавать чувства, которые я испытывал, для меня очень сложно. Все, что я делал на войне, освещено идеями мести и ненависти, главное было — убивать врагов. А впоследствии эти враги превратились в моих друзей, в тех людей, среди которых я доживаю свою жизнь. Мы сейчас смотрим на прошедшую войну другими глазами, по-другому думаем о ней. Мы стали другими. И время стало

другим. И оно заставляет нас быть самими собой, быть откровенными и, главное, честными в оценке прошлых событий.

Все, что связано с фронтом, можно объяснить только сердцем, а оно бессловесно. Все пережито не раз в кошмарных снах, болях и мучениях, пережито во времени. Все в прошлом, и сейчас даже в мыслях возвращаться к этому нет сил. Но война сделала главное — она превратила мою ненависть к врагу в ненависть к войне, ко всему, что может ее вызвать, ко всему, что способствует возникновению несправедливости, что угрожает жизни человека.

Часто приходилось слышать: «...Мой отец, мой дедушка мало рассказывали о войне, а чаще молчали...» Но, если рассказывали, то в большинстве случаев какие-то фронтовые байки. Рассказывал и я.

...Двое суток голодные сидим в болоте с пушкой и ждем студер, американский грузовик «студебекер», который возил продукты. Пока его вытаскивали из болота, сперли из него ящик тушенки. Пока несли, съели одну банку, потом насытились всем расчетом, а жажду утолили водичкой из лужи. Последствия представить нетрудно: всем расчетом три дня не застегивали штаны ни днем, ни ночью. Командир батареи приказал повару: «Пока не просрутся, не давать жрать». Матерился, естественно. А мы позеленели, нас покачивало, и повар потихоньку подкармливал нас кашей.

О войне, фронтовой судьбе солдата самому рассказывать непросто. Выжил, и ладно. Ворошить, вспоминать прошлое тоже нужны силы, а силенок с каждым днем становится все меньше и меньше, как и самих ветеранов.

О себе могу сказать: воевал, как мог, как получалось: будучи в пехоте — стрелял, будучи артиллеристом — тоже стрелял, делал свою работу с сознанием дела, в духе патриотизма, рвался вперед, как и все... Все закончилось через полгода.

Яркая, мгновенная вспышка, судороги по всему телу, боли не почувствовал. Не было боли, помню только вспышку перед собой, и все. С трудом прихожу в себя. Очнулся, лежу в крестьянской хате, кисти рук на груди, перебинтованы, на левой — бинты в крови, тут же, на груди, лежит что-то, похожее на пирожок, что-то съедобное... Женское лицо перед глазами, ложка... Все медленно тускнеет и исчезает.

И новая картина — лежу на нижней полке железнодорожного вагона, начинаю понимать: голова перебинтована, кисти рук тоже, левая через

бинт кровоточит... На полке напротив лежит что-то накрытое простыней, под которой просматривается силуэт лица. Соображаю — мертвый... Сильная головная боль... Меня укладывают на носилки. Ночь... кругом какие-то люди.

В какой-то момент осознаю, что в одно мгновение ушла моя надежда дойти до Берлина, логова врага, и вернуться домой с чувством гордости за участие в войне, за Победу... Но эти мысли уже так не будоражат мою душу. Успокоился. Почему? Объяснить не могу, не знаю.

В ГОСПИТАЛЕ

Я в Киеве, в госпитале, напоминающем сортировочный пункт. Меня осматривают врачи, чем-то пытаются, как мне казалось, меня прощупать, определить, есть ли в черепе дырка или трещина. Затем кормят горячей едой, кто-то из раненых приподнимает мою голову и вливает в рот ложкой суп, причем искренне материт меня за мою неловкость, когда он проливается. С довольной физиономией угощает меня настоящей папиросой, которую выпросил чуть ли не у раненого генерала Ватутина, если я не путаю. Начинаются попытки поднять меня и провести по палате. Выяснилось — ноги работают, но мучают головные боли, хотя сознание возвращается. Все окружающее стал воспринимать с пониманием.

Не рассчитав свои возможности, я однажды сам отправился в туалет, там порвал тесемку, которая завязывалась узлом и держала кальсоны. Из туалета я приплелся без кальсон, оставив их в туалете на ярость сестре. Позднее, если вставал с постели по любому случаю, ради шутки все в палате начинали орать:

— Сестра! Максимов в туалет пошел...

И сестра бежала ко мне, и кричала под гогот раненых:

— Стой, гадюка, давай сама кальсоны сниму, — и пыталась снять с меня штаны, даже если я и не думал о туалете.

Однако война не забывала меня, не отпускала, мысли приходили о разном, о чем раньше даже не думал. Война наделила меня еще непонятным чувством: ужасом, противоречивостью. Стали закрадываться чувство отрицания происходящих событий, сложность понимания своей роли в кошмаре войны, безумного хаоса и всего, что делала война с человеком.

Сейчас я откровенно могу сказать — все дороги войны, по которым я

шел, были страшные: трупы солдат, а по бокам холмики, холмики и холмики — могилы с именами погибших на дощечках, трупы женщин, детей, стариков в рвани и лохмотьях, пепелища сожженных сел. И не могу умолчать — полураздетые и голые трупы как наших, так и немецких солдат. До сего дня вижу перед собой глаза детей, смотрящих на меня, голодных, грязных и оборванных.

Война во всех ее нюансах вызвала у меня чувство непреодолимой, звериной злобы. Думал, дойду до Германии, буду уничтожать, расстреливать все живое, что попадется на глаза — все. Я думал об этом, ждал часа расплаты, и ничего не могло меня остановить, я был солдатом войны, и общечеловеческие качества стали отодвигаться во мне куда-то далеко, на второй план.

Но судьба распорядилась по-своему. По каким-то законам, не понятным мне, она стала потихоньку возвращать человеческое восприятие жизни. Ослабевала моя звериная злоба, и я стал размышлять о тех сторонах войны, которые раньше не трогали мою душу.

Сейчас вспоминаю, что впервые эти мысли пришли в санитарном поезде, когда я терял сознание и думал: всё — конец. Представил, как вынесут где-нибудь на полустанке. Становилось себя жалко. Но выжил.

Солнечный весенний день. Воздух насыщен ароматом цветов. Я в Тбилиси на улице Марра. Госпиталь располагался в здании школы. В одной из палат, ранее служивших классами, мне указали на полу, возле дверей, место, где я могу располагаться. В палате ни одной кровати, только пара стульев. На полу — матрасы. Простыня, подушка и простое, легкое одеяло — вот все мое богатство. Все, как у всех.

В палате лежали «ходячие» раненые, к категории которых определили и меня. Кисть левой руки была все еще с открытой раной: повреждены кости. Но правая кисть пострадала меньше. Был, видимо, сильный ушиб, опухоль спала, но кости целы. С прибытием в госпиталь я мог уже самостоятельно держать правой рукой ложку и, главное, есть.

Утром после подъема и обхода мы получали порцию сливочного масла, сахара и хлеба полбуханки. Качество питания было более-менее терпимым для тех, кто не продавал свои порции, что в госпитале было обычным явлением. Даже играли в карты на деньги.

Время лечит. Состояние мое стабилизировалось. Стал выходить во двор госпиталя и радоваться весне, цветущим деревьям, кустарникам. Кавказ казался мне сказочной страной. На фоне очарования притуплялись

события войны. Я ничего не хотел слышать о фронте. Вокруг была жизнь, и она звала, притягивала к себе невиданными, не испытанными доныне силами. Приходило удивительное состояние покоя.

Лежу в палате на удобном месте, мое старое занимает вновь поступивший раненый. Рядом лежит Саша, земляк-сибиряк, он на год старше меня. Саша контужен, у него не открываются глаза и, чтобы посмотреть, он поднимает веки рукой, держит их, чтобы не закрылись. После ряда процедур глаза у него стали открываться.

Как-то просыпаюсь ночью, Саша лежит, в изголовье горит свечка, и он читает. Я на него набрасываюсь:

— Какого ..? Чего не спишь, светать начинает...

— Не шуми, нельзя мне спать, усну, а глаза снова закроются, — шепчет он.

— Спал?

— Спал, — со счастливой улыбкой отвечает Саша.

Не очень далеко от госпиталя располагался цирк, и нам с Сашей пришла идея: а не сходить ли туда на вечернее представление. В кальсонах и рубашках, на ногах — задрипанные тапочки, накинув одеяла на плечи, мы через кочегарку вылезли в окно и ступили на тротуар улицы. Прихрамывая правой ногой и опираясь на плечо друга, я смог притопать к цирку.

Выяснилось, что нужно покупать билет, а мы об этом не подумали. И тут для меня открылся новый мир человека по имени Грузин... В фойе уже собралась вокруг нас толпа, которая кипела множеством голосов. Мы могли только понять отдельные фразы:

— Они ошиблись, им баня нужна, а не цирк...

Но потом базар прекратился, когда раздалось:

— Расступитесь, посадите их на первые места, на руках несите...

— Вы не видите, что они в кальсонах? — попытался кто-то возразить.

— Скажи своей маме, какой ты умный, — грузинка прервала разговор и поцеловала меня. Впервые я почувствовал запах чудо-духов, и у меня закружилась голова...

Мы сидим рядом с оркестром и замираем с Сашей от чудес, которые творятся на арене, дыхание часто перехватывает. Мы — в сказочном, волшебном мире...

В перерыве нас атаковали тбилисцы, большие тети угощали даже шоколадом, кто-то вручал деньги, кто-то папиросы, а после представления

мы с трудом уговорили и убедили своих благодетелей, что сами дойдем до госпиталя... Я был счастлив, ощутив на себе теплоту, душевность людей, интерес к нам, понимание и сочувствие.

В один из солнечных летних дней, какие бывают, мне думается, только на Кавказе, на фоне зелени и гор, медсестра повела меня после завтрака в какую-то больницу, где меня вновь обследовали, насколько понимал тогда, невропатологи. По возвращении в госпиталь, когда вошел в палату за ложкой, чтобы идти обедать, мне бросилось в глаза, что соседний матрас, на котором спал Саша, свернут и без простыни лежит у изголовья. Изумленно оглядываюсь по сторонам...

— Сашку по-шустрому дернули, наверно, в батальон выздоравливающих. Смотри, на подушке записка, — спокойно сообщил один из раненых. Хватаю с подушки небольшой листок бумаги, карандашом крупными буквами: «Адрес госпиталя знаю, напишу».

Какова дальнейшая судьба моего госпитального друга, земляка Саши Попова, не знаю. Но вспоминаю его боязнь спать, закрыв глаза, наши походы в цирк, и снова возникает чувство землячества, которое роднит людей, особенно на фронте.

Из госпитальной жизни вспоминается подписка на государственный заем, когда пациентам госпиталя предлагалось оплачивать подписку наличными деньгами. Не ставился вопрос — а где их взять солдату? Было неприятное чувство унижения, когда тебя упрекают в отсутствии чувства патриотизма, нежелании помочь фронту. Работу по подписке проводил заместитель начальника госпиталя по политической части в звании капитана.

Время по-хорошему работало на меня: невзирая на тяжелые головные боли, к которым уже даже и привык, здоровье крепло, силы прибывали. В один из дней лечащий врач, женщина-грузинка, в какой уже раз осматривала меня в ординаторской. Я смотрел на молоточек, стоял с закрытыми глазами, вытягивая перед собой руки, пальцем старался попасть в свой нос... правые рука и нога были заметно ослаблены. Подробно врач интересовалась о моих родителях, где и как живут, много вопросов. Неожиданно прозвучал вердикт:

— Поедешь, мой мальчик, домой, там постепенно все нормализуется. Время придет, будешь здоров. У тебя все еще впереди, надо терпеть, будут головные боли и долго могут быть, терпи, ты мужчина. Старайся меньше жаловаться и думать, что тебе тяжело. Война жестока, но она тебе все же подарила жизнь. Помни это...

Боже! Какая неблагодарность памяти! Я забыл имя своего лечащего врача, имя грузинское. Забыл давно, еще в молодости, но помню лицо, седую прядь волос на ее голове, всегда спокойный голос с акцентом и ее руки, часто поглаживающие мою стриженую голову...

На третий или четвертый день получаю справку о ранении, документы на проезд и продовольственный аттестат. Экипируюсь в американское обмундирование, но обуваюсь в кирзовые сапоги, подаренные тетей Нанико, женой директора цирка, укладываю в вещмешок ранее подаренный ею же пиджак с рубашкой, полотенце с мылом.

Мой добрый, милый доктор передает таблетки, целует и наказывает:

— Когда сильная боль, когда тяжело — принимай по таблетке, не злоупотребляй. Терпи, постарайся достать очки с темными стеклами и носи.

Прощаюсь с ранеными по палате, от них получаю пачку папирос и немного собранных денег. Не забывается солдатская солидарность, она естественна. Тепло, как с родными, прощаюсь с врачами.

Опираясь на палку-костыль, покидаю дом, в котором прошли месяцы счастливого времени пребывания в сказке, среди ранее невиданных красот кавказской природы: зелени, цветов и гор, среди всего, о чем не мог и думать. И все же, что осталось в душе и сердце — кавказцы: веселые, открытые, громогласные, добрые, искренние. Я на всю жизнь полюбил Грузию.

ДОРОГА ДОМОЙ

Из Тбилиси поездом путь лежал в Баку. Ожидая рейс на паром в Красноводск, пришлось ночь спать на скамейке, в районе порта, где ютились постоянные хозяева скамеек, многие из них были инвалидами войны — безногие, на костылях. Ночью, пока спал, у меня украли сапоги и ботинки, которые во время сна, видимо, вывалились из-под головы, а вернее, их вытянули из вещмешка. Утром босиком отправляюсь на один из рынков, которые были повсюду в людных местах, продаю американскую шинель и покупаю на ноги что-то вроде сандалий. Пока ходил босиком, заметил, что мой вид не привлек внимания, даже мимолетного, ни одного человека. Таких, как я, а то еще задрипаннее, была масса, да, пожалуй, все были одинаковы, на одну колодку, как говорили в России. Если днем было невыносимо жарко, то ночами пробирал такой холод, от которого

спасал пиджак тети Нанико, которым укрывался вместо шинели.

Красноводск встретил ужасным зноем, нещадно пекло солнце, и укрыться от него невозможно. Кругом глинобитные домишки, наполовину в земле, никакой зелени не видно, воздух насыщен запахом рыбы, гудят тучи мух. В висках стучит, голова разрывается, а туркмены сидят в ватных халатах, скрестив под собой ноги, и пьют чай. Все было, как в тяжелом сне. Пришел в себя только после того, как очутился на верхней полке железнодорожного вагона.

Поезд тащится еле-еле, вокруг простираются пески, окна вагона открыты, на зубах постоянно скрипит песок, и жара, жажда... В Баку по продовольственному аттестату жулики вместо мясных продуктов выдали рыбу вроде селедки. После еды постоянно хочется пить, а с водой проблемы: на станциях среди пустыни во время остановок поездов все, кто может, бегут за водой и черпают ее из бетонных резервуаров. Помню разговор о том, что чем больше лягушек в резервуарах, тем прохладнее вода. Вода привозная. Выйти из вагона не могу, жара отняла все силы, никаких перронов на станциях, а ступеньки вагонов высоки...

Сколько времени был в полузабытьи, не знаю, но однажды почувствовал, как в лицо побрызгали водой. Соседи засомневались, живой ли я...

В Ашхабад поезд прибыл ночью, кто-то из спутников по вагону вывел меня на перрон подышать свежим воздухом и ощутить прохладу, прийти в себя после кошмарного сна от Красноводска и зноя пустыни. Прогулка и свежесть воздуха придали сил, и я в продовольственном ларьке по аттестату выпросил у продавца пару банок американской тушенки. В вагоне за многие дни отвел душу, наелся и потом напился собственной заварки чая с конфетой: на продовольственных пунктах вместо сахара давали карамельки.

Пересадка в Ташкенте. В памяти остались впечатления от большого количества узбеков на вокзале: худых, в грязных и рваных халатах. Страшная бедность и нищета. Многие просили милостыню. Привычно взгляд выхватывал из этой массы инвалидов. В таком количестве людей, изуродованных войной, я видел впервые.

Где-то в районе Аральского озера поезд на остановках окружают толпы женщин, детей, стариков, предлагают купить вяленую рыбу и соль. При разговоре с одним из местных аборигенов — казахом в солдатской гимнастерке, без глаза — выяснилось, что мы оба на фронте были в артиллерии. Обнялись, а потом казах подарил мне вяленого судака приличных

размеров и сверток соли килограмма на три. Я пытался отказаться, ведь у меня денег не было, но казах не хотел и слушать:

— Бери, друг, тут этого добра навалом. Домой приедешь, фронтовую выпьешь, рыбу поешь и людей угостишь...

Приближался Урал, душа волновалась...

Не могу точно вспомнить, но где-то после Оренбурга в сердце поселилась тревога. Мысли концентрировались на предстоящей встрече с мамой и отцом. Днем я сидел на подножке вагона, и под стук колес мысли несли меня вперед. Из госпиталя я писал маме о себе довольно коротко: жив, поправляюсь, спрашивал, как дома, как они с отцом себя чувствуют. О времени возвращения домой не писал, сам не знал, что будет со мной после госпиталя, и поэтому обещаний не давал. Получал письма от мамы, она просила не беспокоиться за их жизнь: живут, как и все, надеждами на окончание войны, отец на пенсии, надеются на скорое мое возвращение домой.

И вот, наконец, приближается знакомый двухэтажный вокзал. Я стою на перроне. Передать мое состояние невозможно. Обхожу пути, не спеша иду к дому, и чем ближе подхожу, тем медленнее иду. На полпути присаживаюсь на скамеечку у небольшого домика. Чувствую слабость, весь мокрый от волнения, снимаю гимнастерку, надеваю рубашку и пиджак тети Нанико.

ВСТРЕЧА ПОСЛЕ МОЕЙ КОРОТКОЙ ВОЙНЫ

Солнечный теплый день, а меня бьет озноб, не хватает воздуха, ноги, как ватные, в висках стучит, и сердце готово вырваться наружу. Вот и дом! Непроизвольные слезы залили глаза... Останавливаюсь и сквозь туман вижу: ко мне от дома летит темный комок и с визгом прыгает на меня, старается достать мое лицо... Это Пушок, наша собачка! Он крутится у ног, все пытается прыгнуть и лизнуть в лицо. Я опускаюсь на колени, беру пса на руки и чувствую, как дрожит его тело. А он в какой-то момент выскользывает из моих рук и несется в сторону дома...

В жилете темно-голубого цвета, знакомого с детства, придерживаясь рукой за изгородь, возле дома стоит мама. Я узнал ее мгновенно. В состоянии отрешенности, скованности, медленно направляюсь к ней. Подхожу, останавливаюсь перед ней и, осторожно обнимая, прижимаю к

себе: тело мамы тяжелеет в моих руках и тянет меня вниз... Мы стоим на коленях, ощущаю, как руки мамы с трудом поднимаются и оказываются на моих плечах, касаются моей спины, головы, опускаются на плечи, и еле слышен шепот, проникающий в мою душу:

— Жи-и-и-вой...

Держу руками перед собой голову мамы: усталые, измученные, без единой искорки глаза, сухие, без слез, и вижу вздрагивающие губы, глажу по голове, целую седые волосы.

Первые дни после возвращения мне было особенно тяжело: мучили головные боли. И все же судьба ко мне благосклонна. Мама постоянно была рядом, я смотрел на ее поседевшую голову, не понимал, как она могла поседеть так за один год. Сейчас вспоминаю: на поезде, когда мы подъезжали к передовой фронта, ночью попали под сильный обстрел, когда земля тряслась подо мной, и я от страха старался спрятаться, провалиться сквозь нее. Страх был безумный, и потом мне казалось, что я поседел за одну ночь. Утром, как рассвело, я стал спрашивать, у кого есть зеркало, в глаз что-то попало... Нашел, посмотрел — все нормально. Мои волосы начали седеть в 20 лет.

Что чувствовала мама? Она больше молчала и только смотрела на меня.

Наша соседка, тетя Дуня Налетова как-то потом рассказывала:

— Нина Алексеевна спрашивала меня: правда ли, что ты вернулся, уверена ли я? Не кажется ли все ей сном? Просила меня специально на тебя посмотреть, поговорить. Мне рассказывала, что лежит ночью, а ей не спится, все думает — правда ли, что ты вернулся. Говорила, встанет, пойдет, слушает — спит, дышит... Потрогает тихонько рукой — вроде все наяву...

Мама... Мама...

Отца в живых я уже не застал. Мама рассказывала:

— Помнишь, еще при тебе от Павла пришел денежный аттестат. Он был где-то под Москвой и ранен. А после получили извещение, что Павел пропал без вести... Это известие папа принял с большой скорбью. Война, людей нет, и под Новый год папу пригласили проконсультировать по поводу сдачи нового моста. Он уехал, и каким-то образом случилась беда: он провалился под мостом в ледяную воду. Пока дождались паровоза, он был на морозе, когда привезли на станцию, настоял, чтобы доставили домой. Боже мой, кругом беда, кругом несчастья, страдания — кому был

нужен человек, тем более под Новый год, когда война... Он простыл, и второго января скончался дома. Я не писала тебе о смерти папы, не хотела волновать. Состояние мое было ужасным, но к весне, как только немного окрепла, побывала на кладбище, но не смогла найти его могилу... В некоторых могилах под еле присыпанной землей просматривались гробы, видела даже трупы без гробов... Это было ужасно.

Мама рассказывала все это без эмоций, внутренне спокойно. И голос ее казался усталым, беспомощным, отрешенным от всего того, о чем она говорила.

После длительной паузы мама так же спокойно продолжала:

— Позднее получила письмо от кого-то, что ты ранен в голову и руки, сам писать не можешь, чтобы я не беспокоилась, как поправишься, тогда напишешь. Это было для меня концом жизни: четверо братьев на фронте без каких-либо известий. Смерть папы, а потом ты...

Мы молчали.

— Не беспокойся за меня, о себе думай... тебе жить предстоит, думай о будущем.

Как мог, я пытался ее успокоить.

Последнее время еще в госпитале меня не покидали радостные надежды, стремление оказаться скорее дома, обрести какое-то счастье, успокоить душу, окунуться в мир нормальной жизни с надеждами на будущее, спокойное время. Тем более что война покатила на Запад, и конец ее был близок. Откровенно говоря, я уже не рвался на фронт. Где-то возникало сознание того, что я уже сделал свое дело.

Возвращение в отчий дом не оправдало моих надежд. Спокойной жизни не получалось. Головные боли преследовали постоянно до такой степени, что казалось, я не выдержу этого кошмара. Но все равно жизнь требовала своего. Оформляю пенсию по инвалидности в размере 90 рублей, карточки на хлеб — дают 600 граммов и талоны на жиры, сахар и крупу, а буханка хлеба на базаре стоит 250 рублей.

О положении людей, особенно детей того времени передать словами непросто. Мотаются по базарам, вокзалам, выпрашивают подаяние вместе с инвалидами. Проблема, как выжить в военное лихолетье, для многих была главной. Нынешнему поколению это понять, представить и в это поверить трудно.

Мне было не слаще других. Приступы головной боли преследовали постоянно, и бывали моменты, когда хотелось кричать, биться головой о

стену. В поликлинике врач, пожилая женщина, осматривая меня, успокаивала по-своему:

— Пусть твои родители благодарят Бога, что живой вернулся, хоть и такой, не огорчай их, терпи. Придет время, все будет хорошо, забудешь о своей головушке, о том, как мучился, а пока терпи, привыкай. Я не могу избавить тебя от боли. Терпи, не срывайся, не психуй, моли Бога, что так отделался, а то и без головы мог остаться. Терпи и послушай мой совет: когда солнышко начинает утром показываться из-за горизонта, выходи на улицу и подставляй ему свою голову, сиди где-нибудь на завалинке под солнышком. Оно доброе, ласковое, приласкает своими лучами твою головушку, поможет.

Перед моим уходом врач вручает рецепт и наказывает:

— Принимай, когда не вмоготу... Но только покупай в аптеке. На базаре дешевые не бери. Мошенничают люди, продают все, что надо и не надо, не бери на базаре...

Я старался исполнять советы врача, благо мне это ничего не стоило. Когда начинался рассвет и было безоблачно, мама будила меня, я одевался, выходил из дома и встречал первые солнечные лучи, прогуливаясь по безлюдной улице...

Время подталкивало жизнь вперед. Правая рука обретала прежнюю силу, косточки кисти левой руки срастались, но в руке оставалась слабость, и тяжести поднимать или носить я не мог. Так на всю жизнь левая рука оставалась «нестроевой». Тяжело переносил головные боли, старался больше находиться на свежем воздухе. Появилась новая проблема с глазами: при чтении быстро наступала утомляемость, буквы расползались, строка налезала на строку...

Я много разговаривал с мамой. Как помнится, она специально касалась тем, не связанных с войной. Мы говорили о сложностях жизни, о людском горе. Мама старалась читать Горького, о его скитаниях, рассказывала о своей молодости: учебе в гимназии, любви к творчеству Пушкина, Лермонтова, читала по памяти стихи других классиков русской литературы. Помнится, однажды она пыталась сравнить мою судьбу с судьбой Джека Лондона. Она всеми силами боролась за мое становление, хотя осознавала, что угасала сама. Об этом я догадался позже, уже после ее смерти.

Мир ограничивался для меня пределами дома. Меня ничто не интересовало, и никто не интересовался мною. В первые дни после возвра-

щения из госпиталя еще заходили соседи. Причем только женщины в сопровождении ребятишек. Они радовались за маму, за меня, выплескивая свою беду и страдания за судьбу своих мужей, оставшихся навечно на войне, и детей, которых ждала безотцовщина. В каждом доме, в каждой семье поселялось горе.

Голос Левитана по радио ежедневно торжественно возвещал о победах над фашистами на фронте, перечислял освобожденные города и села, количество сбитых и уничтоженных самолетов и танков противника, потери врага в живой силе и героизме нашей Красной Армии. Последнее время эти новости стали мало интересовать меня. Поздно, слишком поздно начинался Парад Победы, и все это тускнело перед видимой мною действительностью, в которой жили люди здесь, в тылу.

СУДЬБА ИНВАЛИДНАЯ

Величина людского горя удручала, и это уже не удивляло, к страданиям привыкли. К этому добавились новые черты войны — инвалиды. Это страшное лицо войны. Безногие, они, в полном смысле слова, ползали по земле, опираясь о нее руками, чтобы хоть как-то передвигать свое тело, и выглядели, как обрубки человеческие. У кого-то отсутствовали голени ног, и люди передвигались, часто и мелко «шагая» на коленях, прикрепляя под колени куски резины от автопокрышек или дощечки.

Они выглядели более человечно, смотрелись и казались выше ростом и могли, если так выразиться, ходить, а не ползать. Среди инвалидов стали появляться и такие, кто вместо потерянной ноги опирался на изготовленный из дерева протез. Такие самодельные «ноги» известны всем инвалидам.

Более распространены были костыльники. У них вообще не было ноги или голени, двигались они, опираясь на костыли. К ним сочувствия у людей было меньше, но они все же сохраняли человеческий облик...

Меньше внимания привлекали безрукие инвалиды. Их не замечали: рукава пиджака или куртки были заправлены в карманы. А если была цела хоть одна рука, то на лице такого инвалида можно было увидеть и улыбку...

Особое чувство вызывали слепые, которые обычно передвигались с пудырем. Они пользовались спросом у зрячих мошенников, которые водили слепых и выпрашивали милостыню у сердобольных матерей и вдов...

Внимание к инвалидам все уменьшалось, беда примелькалась, все казалось уже обычным, естественным. Базары, потом вокзалы с буфетами, многолюдные места, где можно просить подаяние и выпить водки, были постоянным пристанищем для этих обездоленных людей.

О жертвах войны буду много говорить впереди, потому что о них всегда говорили мало, зато захлеб орали «ура» победе над фашизмом. И мало, пожалуй, вообще не говорили о жертвах. Честно и откровенно. А сейчас и вообще молчим о них.

Первые встречи после госпиталя с инвалидами войны помнятся как наяву. Этих встреч было множество, но те, первые, камнем лежат у меня на сердце.

Как-то от мамы я узнал, что она продала золотую цепочку, чтобы у нас была возможность покупать продукты на базаре. Осенним днем я отправился на базар, купил картошки и пошел не спеша обратно домой. На полпути я поровнялся с безногим инвалидом, сидящим на доске с роликами:

— Браток, стой, — услышал я крепкий мужской голос, — обожди чуток, не торопись палкой стучать, дай ей отдохнуть.

Я остановился. У моих ног сидел безногий инвалид. Снизу на меня из-под небольшого козырька фуражки, на залитом потом лице открытый, какой-то смелый, я бы сказал, веселый взгляд мужчины, как мне показалось, лет на десять старше меня. За спиной, на веревочке у него был подвешен простой мешок. Ворот рубашки расстегнут, виднелись потная мускулистая грудь и крепкая шея. В правой руке короткая, круглая палочка, которой, как понял я, он опирался о землю. На левой, повыше кисти, казалось, была надета кожаная перчатка, но вместо кисти была жестко прикреплена точно такая же палочка, которая болталась на ремешке правой руки:

— Что-то я тебя раньше не видел. Вроде всех знаю, кто ползает, да костыльных всех знаю. Поди недавно вернулся, я не ошибаюсь?.. Меня Алексеем зовут.

— Да нет, Алексей, не ошибаешься, недавно. Осматриваюсь потихоньку, привыкаю. А меня Виктором зовут.

— Вот и познакомились, — улыбнулся Алексей, — нашего полку прибыло. Наверно, каждый день пополнение идет, можно гвардейскую часть формировать. Гвардии наберется на хороший батальон точно. Вот куда посылать, не знаю...

Вытирая правой рукой пот и поднимая на меня взгляд с хитрецей, улыбаясь, спрашивает:

— А что у тебя, Витя, вроде как рожато кислая, больно серьезная, или беда кака?.. Давай немного в сторону, а то пыль тут...

Алексей, упираясь палками о землю, перекатился на нетоптаную, сухую траву возле забора. Я уселся, поджал ноги рядом, и мы стали равными по росту, разговорились.

Алексей интересовался, как я добирался из госпиталя до дому, расспрашивал о Кавказе, где никогда не бывал. О войне, о фронте разговоров не было, как будто и войны не было, что меня после удивляло: в госпитале все и говорили только о фронте...

Мимо проходила пожилая женщина и, остановившись, разглядывая нас, спросила:

— Мужики, не случилось ли чего?

— Нет, мать, все в порядке, передышаем немножко. Спасибо!

Женщина кивнула головой, перекрестилась и пошла дальше.

Чем дольше мы разговаривали с Алексеем, тем больше он привлекал к себе мое внимание, становился ближе, нравился своей внутренней силой, исходящей от него потоком, оптимистичным взглядом на жизнь и постоянной улыбкой. Голос его был четким, однако в голосе звучали нотки доброжелательности, и это все проникало в мою душу.

— Ну что, Витя, будем трогать: ты стучи своей палкой, а я поползу к себе. Где живу, знаешь, понял. Заходи, тебе легче на своих-то...

Я восторженно, что-то подтолкнуло изнутри:

— Давай, Алексей, я помогу, потяну твою самоходку, только привязать что-то надо...

После упорства и препирательства с Алексеем он дал левую руку, которая оказалась без кисти до половины предплечья, и стал опираться на мою руку. Я за культю потянул Алексея вперед. Правой рукой он упирался в землю и подталкивал тело вперед, ориентируясь, где грунтовая дорога улицы была ровнее.

Под шутки и прибаутки Алексея добрались до его дома. Вытирая пот с лица, расставаясь у ворот, Алексей просил заходить.

Я обещал.

Под впечатлением от встречи с Алексеем я вернулся домой, испытывая удивление, еще не сознавая, не понимая причин своего восторга от человека, с которым случайно пришлось встретиться. Возникало чувство

необъяснимой связи с этим человеком, который был фронтовиком, инвалидом, как и я, прошедшим войну, и возникало чувство родства, рожденного жестокостью, кровавой бесчеловечностью, которое опустила на дно, на бесправие. Того, что я еще не понимал в то время, хотя хлебнул в жизни уже немало.

Вспоминая наши разговоры с Алексеем, только сейчас удивляюсь, но не нахожу ответа — почему не услышал от него упрека на свою судьбу, ни слова о войне, которая была постоянно на слуху. На огромном, смутном и необъятном полотне печальной картины повседневности встреча с Алексеем в последующем помогла по-новому увидеть, понять и почувствовать глаза, излучающие жизнь, притягивающие к себе открытой человеческой добротой. Глаза вселяли надежду вместе с искренней улыбкой, и это на лице изуродованного тела человека...

Позднее в кошмаре того времени я начал понимать, какой силой воли должен обладать человек, чтобы не сломаться, выдержать, выжить, и это при условии, что реальной силой оставалась, пожалуй, только надежда на свои личные силы. Сколько же раз мне пришлось быть очевидцем того, как люди не могли выдержать бремя войны, ее последствий и бесследно погибали...

Об этом нужно говорить сейчас, хотя уже поздно. Но говорить во имя будущего, ради самих же людей. Сказать правду, попытаться отыскать причины великих катастроф, которые происходят в нашей жизни.

Встречаясь, общаясь с Алексеем, в какой-то момент однажды я коснулся войны. Алексей оборвал меня:

— Давай не будем о войне... С нас хватит.

Из дальнейших разговоров я все-таки имел представление: Алексей отслужил по призыву, с началом войны был мобилизован на фронт, наступал-отступал, перебило ноги, был брошен раненым, случайно подобрали, гангрена, ампутация. Вот и всё. Никаких жалоб и обид.

И все-таки однажды он похвалил хирурга — из культи предплечья тот сделал клешню, как у рака. Похвалил искренне, я верил Алексею.

Чувство юмора Алексея не покидало, но однажды я заметил, что это чувство было ироничным, когда неожиданно в разговоре он продекламировал: наша армия всех сильнее. Только одна фраза, а в ней мне услышались сожаление и обида.

— Врали сами себе и сами верили, — Алексей говорил о деревне.

Алексей до войны работал мастером по ремонту паровозов в депо,

владел токарным и слесарным ремеслом. Женился, родилась дочка Лида. Он был счастлив...

Судьба инвалидов была страшной. После войны я встретил в госпитале Свердловска одного ветерана войны из поселка Шаля, который после ранения в 1941 году, будучи инвалидом, работал на одноименной железнодорожной станции. Он рассказывал:

— Днем и ночью шли санитарные поезда с ранеными на Восток, десятками в день. Если санитарный поезд останавливался, то знай — выкидывают умерших. А мы подбирали и хоронили их в больших братских могилах, неподалеку в лесу, бывало, по несколько сразу. Если зимой, то собирали в сарай, укладывали, как бревна, оставляли до весны. Кого закапывали — не знали: документов не давали, а подчас и трупы-то были голые...

Из госпиталей в тылу кое-кого отправляли обратно на фронт, а больше выписывали инвалидами. Судьба этой категории людей была разная: кто-то возвращался домой, к родным, как например Алексей. Но другие, даже имея семью, возвращаться в нее не хотели, чтобы не быть обузой, и отдавали себя на произвол судьбы, становясь бездомными, алкоголиками... Жизненный путь таких инвалидов, как правило, был недолог.

Память возвращает меня в первые послевоенные годы. Свердловск, инвалиды в электричках, трамваях, на базарах, возле магазинов. Одетые в военную форму, слепые, в темных очках, с безрукими поводырями, дуэтом поют выворачивающие душу песни о несчастных, которые уже не увидят свою маму. Народ останавливается, слушает, пожилые и старые люди со слезами на глазах подают мелочь. Крупных денег у простого народа в то время не было. И постоянно можно было видеть безногих, ползающих на дощечках или роликах. Пивные ларьки, называемые в народе «американками», разбросанные по всему городу, собирали вечерами бездомных инвалидов, выброшенных на произвол судьбы, воедино, где они ежедневно заливали свои мучения водкой и пивом.

«Американки» заполнялись, особенно в холодное зимнее время до отказа постоянно, до полуночи, а на ночь тех, кто не мог выйти сам, выносили на улицу. А по утрам трупы таких инвалидов собирали.

Однажды утром, проходя по улице Мамина-Сибиряка, я увидел возле «американки» стоящий грузовик ГАЗ-АА, в кузове которого был мужчина. Он громко спрашивал идущего к машине человека:

— Ну что?

— Еще живой! — отвечал подходящий к грузовику.

Машина заурчала и поехала.

Я посмотрел в сторону «американки», подошел и увидел у стены огромный клубок грязных лохмотьев, из которого на меня смотрели глаза.

Я и сейчас с содроганием и ужасом вспоминаю это, но не могу дать ответ, что я увидел. Так было, но кто об этом знает. Или помнит. Или хочет помнить.

Года через два-три безногие инвалиды исчезли с улиц, базаров, вокзалов, электричек, трамваев. К слепым, на костылях, безруким привыкли, будто так и надо.

Сейчас я спрашиваю себя: сколько инвалидов погибло, сколько их оказалось в безымянных могилах, выброшенных из санитарных поездов на полустанках, подобранных на улицах, выбросившихся из окон? Никто не считал. Валили все на войну. Война войной, но была и власть, которая посылала людей на эту войну. И она же, во-первых, старалась скрыть истинные потери солдат на войне, причем самыми антигуманными методами, назвав людей «без вести пропавшие». Во-вторых, и в послевоенные годы бросая инвалидов войны на произвол судьбы.

В послевоенные годы власть мало делала для инвалидов, разве что юбилейными медалями награждала да кричала во славу... Правда, везде в сфере обслуживания висели таблички «Инвалиды войны обслуживаются вне очереди». Что было, то было.

Война навсегда остается в жизни тех, кто ее прошел. Война оставила свой след, от которого уйти невозможно. Те, кто вернулся с оттуда здоровым и живым, входили в мирную жизнь, хотя и не сразу. Постепенно адаптировались, невзирая на сложности послевоенного времени. Их жизнь растворялась в чисто житейских проблемах и заботах, надеждах на будущее, в стремлении реализовать свои потенциальные возможности. Они здоровы физически, полноценны и готовы бороться за себя, за свое будущее, они обладают самым дорогим в жизни, что дано человеку, — здоровьем.

Война для них теперь — прошлое, впереди — жизнь.

Другое дело, когда война превращает человека в инвалида и привязывает себя к нему своими последствиями на длительное время, а то и на всю жизнь, говорить об этом сложно. Трудно и представить, скольких людей коснулась именно такая судьба.

Алексей был лишь одним представителем миллионной армии

инвалидов, но мне он казался редким исключением, обладающим невероятной силой духа, жизненным оптимизмом и наделенным глубоким чувством доброты к людям, солидарности к своим коллегам по несчастью — инвалидам, готовый всегда, в меру своих возможностей, быть рядом с ними.

Я долго общался с Алексеем и видел его неутомимую борьбу за жизнь. Как за свою, так и за жизни жены и дочери. В деревне, где-то километрах в двадцати от города, он жил с семьей старшего брата, еще в детстве потерявшего глаз. Брат приезжал на лошади и увозил Алексея к себе в деревню, где Алексей в огороде растил табак. Жил, как рассказывал Алексей, ни на что не жалуясь. Продукцию свою, самосад, Алексей в погожие дни продавал возле вокзала и таким образом старался материально поддержать семью.

Пришлось мне побывать и в доме у Алексея поздней осенью, когда было уже прохладно. Спал он в отгороженной кладовочке, как на Урале говорят, в сенцах. В доме был особый стул, сделанный руками Алексея, с двумя ступеньками, как у крыльца, по которым он поднимался, когда усаживался к столу.

Жена Алексея, Наталья, приветливо встречала меня, но в глазах ее не чувствовалось радости, наоборот, озабоченность. Я не припомню на ее лице улыбки, хотя Наталья была доброжелательна и любезна, и на жизнь не жаловалась. Не знаю почему, но я не помню дочку Алексея, может быть, она не хотела присутствовать при нашей встрече, может быть, стеснялась за отца. Все может быть.

Спустя два года, я уже проживал в Свердловске, получаю извещение: Алексея не стало. Будучи в деревне, он взял охотничье ружье, ночью выбрался из бани и на руках, без тележки, добрался до речки. Там, на берегу, в тальнике, выстрелил себе в сердце. Утром у дверей бани нашли лежащую под камешком записку, в которой Алексей просил похоронить его в тот же день, а после сообщить жене и дочке. В записке он просил простить его.

За баней, со стороны огорода, стоял сбитый из неструганых досок четырехугольный ящик с подготовленной крышкой. Алексей заранее изготовил себе этот гроб.

Подробности об этом позднее, при встрече, мне рассказала Наталья. И сейчас, видимо, искупая вину перед Алексеем и теми инвалидами, кто ушел из жизни вскоре после войны, я думаю о них и пытаюсь рассказать

о тяжелой судьбе солдат, выброшенных в свое время властью на произвол судьбы.

НАГРАДА НЕ НАШЛА ГЕРОЯ

В журнале «Уральский следопыт» №5 за 2007 год вышла документальная повесть «Орден из кованого сундука» журналиста Инны Марковны Гладковой, в которой она в частности пишет:

— Расскажу еще об одном, о самом, пожалуй, долгом и трудном поиске. Несколько раз я называла по радио это имя — Плотников Сергей Иванович, 1924 года рождения. В документах значилось, что он в момент награждения служил рядовым, в армию был призван из Туринского района. Вот и вся скупая информация о парне, который, по-видимому, совершил какой-то подвиг.

Первую весть о нем принесло письмо из Каменского района. Я его перескажу. Учитель Петр Иванович Кордюков поведал, что его родня с семьей Плотниковых жили в одном селе. Дед и прадед промышляли плотницким ремеслом — фамилию оправдывали. Себе добрый дом построили, сюда их старший сын Иван привел Аннушку, и она родила ему восьмерых ребятишек.

В это время в России происходили бурные революции, и по Уралу прокатилась гражданская война. Потом, когда крестьян насильно стали сгонять в колхозы, а у зажиточных и кулаков отбирали все и ссылали на поселение, жестоко пострадали и Плотниковы. У Ивана и Анны с малыми детьми на руках отобрали двух коров, поросенка и десяток куриц, а холодной осенью в чем есть угнали на Север — на лесоразработки.

В ту зиму Ивана на лесоповале придавило упавшее дерево. Анна от тяжелой работы и недоедания тоже погибла. Остались восемь сирот мал мала меньше. Трое умерли с голоду, четверо попали в детский дом. Старший из детей «сын врага народа» Сергей ушел воевать с фашизмом, чтобы «кровью смыть семейный позор».

Вот этого бойца Великой Отечественной нам теперь предстояло найти, чтобы вручить ему за храбрость в бою кусок благородного металла с ликом «вождя мирового пролетариата». Но... И здесь награду, как оказалось, вручать уже было некому. Во втором письме Петра Ивановича Кордюкова, бывшего соседа Плотниковых, говорилось, что двадцатилетний Сергей Плотников «с войны домой все-таки вернулся, но без обеих ног.

Никто его тут не ждал. Сестер и братьев в детском доме не нашел, жить было негде и не на что. С горя герой-солдат запил и зимой победного 1945-го на окраине Туринска под чужим забором замерз».

Еще одна судьба из повести:

«...Распечатываю новое письмо. Оно от тагильчанина Константина Анатольевича Рябкова. «Вы, слышал по радио, разыскиваете Николая Дмитриевича Маслова, 1925 года рождения, награжденного и не получившего высокую награду — орден Ленина. Дослужился он до гвардии старшего сержанта. Я этого человека знаю, жили соседями. Правильный рос парень, работающий, хорошо учился, любил стихи. Но — война. Сначала ушел на фронт его отец — Маслов Дмитрий Андреевич — и в первых боях под Москвой погиб. Потом призвали Николая, он вернулся, но инвалидом, не по годам постаревшим. Пришел солдат домой на деревянной ноге и больной туберкулезом. Работать не мог. К тому времени братик Борис и сестра Клара умерли от недоедания. Мать вышла замуж, поэтому, когда Коля вернулся с фронта, жил с бабушкой и дедушкой в Висимо-Уткинске. И умер (не знаю, удобно ли об этом говорить) от голода. В Висимо-Уткинске он родился, здесь на местном кладбище и похоронен. На обелиске, что в центре поселка, в длинном списке погибших за Родину есть фамилия и Николая Дмитриевича Маслова. Храбрый был уралец, не щадил себя в бою, лет ему было только 20».

До боли короткая жизнь. Письмо заканчивалось словами: «А вот орден его сегодня вручить просто некому».

История когда-то добавит к статистике жертв, погибших в прошлой войне и подобных Алексею, тех, чьи тела подбирали на улицах, на полустанках железных дорог, выбрасывали из вагонов санитарных поездов и закапывали в общих ямах безвестными.

В народе говорят: время лечит. Эта народная мудрость права. Но почему более чем через полвека судьбы Алексея и множества ему подобных инвалидов оживают, они словно предстают перед моим взором. Я ищу ответ, и он, ответ, назревает, обуславливается настоящим временем, в котором живут уже другие люди, другое поколение. Ищу ответ, почему новое поколение стремится, спешит вперед и не оглядывается назад? Вот это будущее и тревожит меня, как и прошлое. Именно ради будущего я не могу спокойно жить.

СВЕРШИЛОСЬ!

Разве можно передать словами судьбу тех людей, кто трудился, не щадя себя, во имя победы над фашизмом, или кто просто выжил в тылу? Война была нещадная, каждый день приносила страдания людям, ожидания и надежды бессонными ночами. Народ уже привык слушать радио и читать газеты: отступили... оставили город, все временно... Искорку надежды, немного радости людям приносил с фронта треугольничек письма — живой!

В 1944 году зазвучали слова: освободили, освободили, а к концу года, с приближением нашей армии к границе Германии стали люди думать о приближении войны, а с весны 1945 года гадать — сколько месяцев, недель осталось жить немецким фашистам, а у кого родные оставались на фронте, молить Бога, чтобы уберечь от смерти в конце войны...

9 мая долгожданная новость — свершилось! Германия капитулировала, конец войне! Победа!

Хлебнул эту новость народ сполна, в слезах и порыве радости одних и горем вдов, матерей, отцов, детей-сирот, слезами горя других. Радость одних хлестала через край возможностей ее выражения, а вот горе других было неутешным, изливалось слезами, болью и стоном души...

Вспыхнувший костер конца войны огромным пламенем был недолгим: недели через три стал он затихать, страсти радости, открытого восторга успокоились, и народ вернулся к тому состоянию, в котором и жил: надежды, ожидания и кусок хлеба оставались делом жизни...

Казалось, жизнь продолжалась по-прежнему, у каждого своя судьба!

ПРИХОДЯТ С ВОЙНЫ СОЛДАТЫ

После ранения с окончанием войны возвращается в Свердловск брат мамы, дядя Дмитрий, за плечами которого было уже 40 лет. Дядя был на костылях, с изуродованной ногой, но подвижен, активен, особенно в поисках заработать к имеющемуся от государства куску хлеба. Интеллигент, известный ранее в Свердловске любитель и мастер игры на бильярде, советский служащий среднего ранга, поклонник театра оперетты, он на Загородном рынке на толкучке покупал-продавал часы, бритвы,

облигации государственных займов: все, что можно было разместить в карманах шинели. За день, как говорил дядя, он имел пирожок для сына Гошки и кружку пива для себя.

На базаре продавалось все: от патефонной иголки до куска хлеба, все, в чем мог нуждаться человек, в зависимости от наличия в кармане денег. Большинство базарных сделок проходило через руки инвалидов, специализирующихся на определенных видах товара.

Перед окончанием войны из госпиталя вернулся и младший брат мамы, дядя Володя. У него практически отсутствовала на лице нижняя челюсть, но сохранился язык, и он мог говорить, хотя речь его мы понимали с трудом. Постоянной проблемой для него было принятие пищи, что он делал только вдали от посторонних глаз.

Троих малолетних детей во время войны тетя Маруся, его жена, спасла от голодной смерти. Как рассказывала она сама, собирала в столовой обувной фабрики, где работала швеей, очистки от картофеля и ими подкармливала детей, пухнувших от голода.

— Как выжили дети, как не умерли с голоду, — удивлялась тетя Маруся, — сама не знаю! Видно, Бог помог! А у других умирали...

Дядя Володя после возвращения с фронта долго не протянул на белом свете: ранение взяло свое — скончался. Я помню маленькую, пустую кухоньку, комнату с кроватью и столом, а на табуретках простой гроб с телом дяди Володи. У гроба тетя Маруся с тремя детьми. Бедность, нищета да горе...

С первой волной демобилизованных с окончанием войны вернулись последние два брата мамы: дядя Петр и дядя Коля, по тем временам здоровыми, хотя оба имели ранения, но без серьезных последствий. Дядя Коля имел в Свердловске небольшой дом, приобретенный еще до войны, где и проживала семья: жена тетя Фиса и двое сыновей.

Нужно отдать должное тете Фисе. Она оказалась женщиной смелой и совершила подвиг, подобно женам декабристов. Из писем мужа каким-то образом, невзирая на военную цензуру, определила, где находится часть, в которой воюет ее муж и, оставив сыновей на попечение соседей, добралась до фронта и в окопах встретила с мужем... Они прожили долгую жизнь в согласии и любви. Дядя Коля вернулся с войны коммунистом и всегда платил партийные взносы, говоря при этом:

— Это за то, что живой остался, все по справедливости.

Петр по пути в Хабаровск к семье навестил маму, и было принято

решение: мама со мной возвращаются жить в Свердловск, где есть родственники и надежда на получение медицинской помощи мне и маме, здоровье у которой не улучшалось. В Свердловске началась моя госпитальная стезя, по которой я иду всю жизнь и до сих пор.

Память щедра на добрых людей, на добрые дела, она поселила в моем сердце навсегда события и людей. Я сижу в ординаторской госпиталя, рядом женщина в белом халате, солидных лет, приятной интеллигентной внешности, ласковые глаза, ровный, спокойный голос, она держит мою руку и, слегка поглаживая, убеждает в необходимости учиться, готовить себя к будущему, бороться за свое будущее. Гута Яковлевна Кригер. Она подарила мне вторую жизнь после войны, подарила здесь, в госпитале, спасла мозг, который должен был задохнуться от внутричерепного давления. С проблемами здоровья подступали депрессия, отчаяние, состояние безнадежности на завтрашний день. Жгла тревога за маму: она угасала, я понимал это.

С нами стал жить мой двоюродный брат, сын дяди Пети Веня, первокурсник факультета журналистики университета имени М. Горького. Наделенный оптимизмом и юмором, он в тяжелейшие для меня моменты старался поднять мне настроение.

СМЕРТЬ МАМЫ

Еще до рассвета 6 ноября 1947 года скончалась мама: накануне почувствовала недомогание, слабость. Ночью застонала, как во сне... С печальным известием отправился я к дяде Коле. Иду через весь город пешком, в висках стучит, перехватывает в горле дыхание, глаза застилают слезы: мама... мама... Наваливается тяжелое чувство вины: «Что не так? Почему?» Помогает дышать свежий воздух. Кругом ни души, улицы погружены в темноту. Тишина, только звуки моих шагов.

В праздничные дни, чтобы не омрачать торжества праздника, радость народа, похороны запрещены законом. Коля и Дмитрий, мои дяди и тетушки, приняли решение похоронить маму в этот же день, иначе гроб с телом мамы будет стоять дома четыре дня. Вечер в канун юбилейной даты — 30-летия Октябрьской революции, дня установления советской власти. Улицы в центре города освещены, видны знамена на зданиях государственных учреждений, развешены портреты членов Политбюро ЦК ВКП(б) и правительства, огромные портреты товарища Сталина в

обрамлении электрических лампочек, доносятся звуки торжественных праздничных мелодий.

По улице Малышева, одной из центральных улиц города, от района оперного театра, через центр лошадь тянет телегу с гробом тела мамы. Улица вымощена булыжником, и по сторонам, отлетая от стен зданий, рассыпается дробь стука колес: телега подскакивает на булыжниках вместе с гробом. В этот предпраздничный вечер мало кто из прохожих обратил внимание на похоронную процессию — у людей хватало своих забот.

После отпевания в церкви, единственной в Свердловске, на Ивановском кладбище мама обрела место рядом со своим отцом, моим дедом, навсегда.

УЧЕНИЕ КАК ЛЕКАРСТВО

Уже в Свердловске осознал необходимость получить аттестат об окончании средней школы, чтобы попытаться учиться дальше. Не будучи членом партии, меня занесло на вечернее отделение университета марксизма-ленинизма при горкоме ВКП(б). Занимаюсь с азартом, да так, что на торжественном собрании, по случаю окончания университета получаю красные корочки и с кафедры в актовом зале искренне благодарю великого товарища Сталина за возможность познания истинной истории нашей партии, марксистско-ленинской философии и экономики.

Подрабатываю секретарем комитета комсомола в производственно-техническом училище. Ребята довольны, я для них легенда — фронтовик. Дяде Дмитрию даю совет: в Свердловске чай можно купить оптом в магазинах, если продавцу доплатить, а в Казахстане чай только на базаре с рук. В пропуске на поездку железнодорожным транспортом инвалидам не отказывают. Барыши у дяди сотни процентов, и он щедро поддерживает меня денежками.

Допоздна сижу в читальных залах, если не лежу в госпитале или дома с головной болью, много читаю, увлекаюсь историей. Одним словом, познание марксистско-ленинской науки дает свои плоды.

Государственная помощь инвалиду выражалась только в одном — возможность подлечиться в госпитале, но для этого нужно было проходить два раза в год медицинскую комиссию для того, чтобы тебя признали инвалидом войны, а это было непросто: канитель многодневная. Иные

отказывались от унижительных условий прохождения комиссии, и пенсия у них была нищенской.

Даже и не помню, с чьей легкой руки становлюсь действительным членом общества по распространению политических и научных знаний, имею авторскую лекцию. Начал работать с аудиторией — вроде получалось.

Заметив мою прилежность, умные люди из правления уговорили меня подготовить тему «Борьба с пережитками прошлого в сознании людей». Я клюнул и заглотнул предложенную тему на радость старым пропагандистам.

Завален литературой: происхождение и начало жизни на Земле, сущность явлений природы, дарвинизм, суеверия, предрассудки и гадание, история религии и религиозных обрядов, учу старославянский язык для лучшего понимания в оригинале Евангелия, писания апостолов, вплоть до псалтыри. Школа Ярославского. Космополитизм в самом широком значении. Почему мы, советские люди, умнее всех и лучше всех, и все у нас лучше, — в доказательство подтверждения шли мысли, учения, цитаты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, аргументы самые авторитетные, научные. Встречаюсь с гадалками, что к чему снится...

Лекции читал в силу своего характера эмоционально, разъяснял, убеждал, доказывал, спорил, был бескомпромиссным. Помогала вера в то, о чем говорил: я был материалистом и достойным учеником идей марксизма-ленинизма, партии Ленина-Сталина.

С успехом проходили лекции, особенно в молодежных, студенческих аудиториях, в обществах слепых, глухонемых, где были актуальны и востребованы интересы к суевериям, предрассудкам, религии, религиозным обрядам. На заводах, фабриках, в рабочих аудиториях я сталкивался с упорными аргументами против тех идей, о которых толковал.

Представьте себе, что спустя десятки лет до меня все-таки дошло понимание: в обществе были умные люди с большим жизненным опытом, знаниями, пониманием сути и значения советской пропаганды, но они уходили в сторону от тех тем, которые поручили проповедовать мне, патриоту и борцу за светлое будущее нашего народа. Об этом я уразумел позже, но сколько на это потребовалось времени...

ЛИХИЕ ПОПЫТКИ К ЖИЗНИ

В народе можно слышать такое выражение: время лечит! Принимаю народную мудрость в свой адрес: реже и слабее стали напоминать проблемы здоровья. В результате отказываюсь от медицинских комиссий на продление инвалидности. Устраивает посильная работа на закрытом предприятии, где у меня немало свободного времени. Для счастливой жизни все есть: семья, дети. Казалось бы, все нормально, что еще надо? Так нет: заносит меня на вечернее отделение экономического факультета, открытого при Уральском университете. Благо сразу на 3-й курс: зачли предметы политехнического института. Через два года защищаю диплом экономиста народного хозяйства.

Во время учебы у меня зародилась идея заняться проблемами научной организации труда на промышленном предприятии. Через год-полтора о планах НОТ заговорили по всему Союзу. В это же время правительство вводит в штатное расписание предприятий должность главного экономиста, заместителя директора. С легкой руки декана факультета Валентина Готлобера, принимаю предложение вступить в должность главного экономиста на одном из предприятий. И надо же — не успеваю оглядеться, как правительство решает провести экономическую реформу народного хозяйства страны. Мало того: наше предприятие оказывается в числе 41 такой экспериментальной площадки.

Первый год работы в условиях экономической реформы превзошел все ожидания: забыли о социалистическом соревновании, различных повышенных обязательствах, работали и думали о конечных результатах. Все получилось! Увеличились отчисления в государственный бюджет, предприятие получило приличные средства по сравнению с предыдущим годом на развитие производства, а коллектив — приличный фонд материального стимулирования к зарплате.

Дошло до того, что уговаривали членов коллектива: «Пожалуйста, возьмите путевочку на круиз по Черному морю, на «Адмирал Нахимов», и дорогу оплатим, поезжайте, отдохните». Построили и летний пионерлагерь...

Но недолги были радости, как писал поэт Некрасов. На следующий год правительство урезало наполовину коэффициенты фондов материального стимулирования, а потом еще и еще. Постепенно о реформе и говорить перестали... Все вернулось на круги своя: социалистическое

соревнование, снова повышенные обязательства, экономическая учеба с ИТР по четвергам в рабочее время... Не выдержала советская власть, загубила экономическую реформу, снова все по плану. Наверху видней, партия все делает для народа и заботится о народе, о его будущем...

Я вдохнул струю свежего воздуха экономики, даже голова заружилась от успеха, надежд, но бюрократизм, так хочется сказать — маразм нашей власти, оказался превыше всего. Не в обиду, но хочется вспомнить Гоголя. Действительно, Россия богата дураками... Говорить не хочется — стыдно и обидно.

Работа пошла по старому, давно протоптанному пути, угас интерес к ее результатам. Обобщил материал по организации труда, который получил в период реформы, обработал и решил издать — сорвалось.

В декабре 1967 года у меня рецидив — ранение серьезно напомнило о себе: отказывают глаза. Слепоты не было, но глаза не воспринимали свет. Когда смотришь, пронзает резкая, нестерпимая боль. Опять госпиталь, и через полгода я снова инвалид Отечественной войны. Благодарен медицинской комиссии, упросил дать третью группу инвалидности, вместо определенной, второй группы, которая законодательно запрещала работать.

Прошло время. Годика через два через фильтр очков начинаю общаться с окружающим миром. Приватно читаю на курсах повышения квалификации по курсу экономики промышленных предприятий, с уклоном на организацию производства. В мои руки попадает свежий перевод американского экономиста Терещенко курса «Управление...». Начинаю давать слушателям курсов информацию по управлению из американского опыта, а это персонал инженерно-технических работников, связанных и с управлением, и с организацией производства. Начинаем обсуждать американские предложения и рекомендации, как вести деловой разговор с человеком, с коллективом, как разговаривать по телефону, как рационально провести оперативку за 10-15 минут, на которую у нас уходят часы в спорах и разбирательствах, кто виноват, кто за что отвечает. Американцы учат — считай и береги каждую минуту рабочего времени. Если видишь, что твой заместитель умнее тебя, лучше справляется с производственными проблемами, — дорожи им, береги и помогай.

А уж говорить о туалетах и психологическом климате на производстве для наших управленцев было смешно. Удивлению не было конца. Ахали, спорили, но соглашались — действительно у американцев все

продумано до мелочей. Открывались глаза и у самого, удивляло наше недопонимание значения таких «мелочей» в управлении, наше категорическое неприятие зарубежного опыта. Вопросов возникало много, и это привело меня к желанию написать диссертацию.

Советуюсь с преподавателями кафедры экономики Воронежского университета. Меня поддерживают.

Подбираю и анализирую старый багаж, интересуюсь и исследую сложившуюся практику организации и управления на заводах Воронежа, особенно на оборонных предприятиях, по договоренности кафедры с экскаваторным заводом инкогнито работаю стропальщиком. Материал получил богатый, на конкретных лицах и фактах действий администрации по организации производства, и сопоставил это с американской теорией и практикой. Организация труда, особенно рабочего места, практика управления оказались настолько примитивны, настолько хаотичны, что этот взгляд со стороны вызывал недоумение у инженерно-технического персонала. Читаю лекции на предприятиях, к ним проявляют интерес советские и партийные учреждения. Эффект — удивление, стыд за нашу действительность и озабоченность аудитории.

Подошло время защиты диссертации в институте труда в Москве. Ее содержание сводилась к исследованию и определению роли социально-экономических факторов и управления в повышении производительности труда на промышленном предприятии. Актуальность темы была вне сомнения, в работе я главный упор делал, в том числе и на уровень профессионализма, способность и авторитет руководства предприятия, включая профком и партком, секретаря парткома.

В процессе работы над диссертацией я встретился с главным энергетиком огромного завода союзного значения по производству огнеупоров под Воронежем Владимиром Шевченко. Он был специалистом высшего класса, способным организатором, имел большой авторитет, не раз получал государственные награды. Однажды на партийном собрании или конференции, не помню, он выступил с критикой работы заводской столовой, справедливой и поддержанной товарищами. Полетели «камни» и в адрес парткома и его секретаря. После состоялось заседание парткома, на которое пригласили Владимира Шевченко. Главного энергетика сняли с работы с таким объяснением, что коммунист должен контролировать свой язык, когда дело касается авторитета коммунистической партии... Директор, услышав о таком решении, пряча глаза, только пожимал плечами.

Этот случай натолкнул меня на мысль обратить особое внимание на авторитет партийных руководителей, секретарей. При защите диссертации я с кафедры заметил, как на парткомах, перед партийными секретарями часто у директоров дрожат колени, и они идут на поводу секретарей, что иногда противоречит интересам коллектива. Как часто можно слышать голос партии — делай, или выложи партбилет на стол. Авторитет партийного секретаря не подлежит критике... Меня прерывает громкий четкий голос:

Это где я присутствую? Как вы смеете обливать грязью нашу партию?

Вижу — стоит в аудитории мужчина, худощавый, высокого роста, с седой копной волос на голове, размахивает руками и, указывая на меня пальцем, почти кричит:

— Нашу коммунистическую партию позорить, отрицать авторитет партии?! Куда органы госбезопасности смотрят? Как вы могли допустить до защиты этого выродка? Это позор для института, в милицию его!

В первый момент я ничего не понимал, блокировалась способность воспринимать происходящее... Смотрю в сторону комиссии, кругом и понимаю — банкета не будет. Пора гасить свечи...

В органы госбезопасности меня не приглашали, из партии не выгоняли и строгача не давали, поскольку беспартийный.

Позднее узнал: кому-то из института пришлось давать объяснения, но только по партийной линии, а мою карьеру прервал, защищая авторитет коммунистической партии, какой-то старый большевик, притом, член-корреспондент академи наук; какой, уже не помню...

Эти события, естественно, не прошли для меня бесследно, судьба снова привела меня в госпиталь, связала с ним на долгие годы, сейчас можно сказать, что и навсегда...

СТРОИМ ГОСПИТАЛЬ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Глава 2

Судьба в очередной раз подарила мне возможность почувствовать себя человеком, избавившимся от мучений и тревоги за свое здоровье, за свою жизнь. Боли иногда посещали меня, напоминая о прошлом, и все же я принимал с благодарностью подарок судьбы — жизнь! Я уже начинал верить в будущее, и судьба меня занесла в Воронеж, где я стал работать на машиностроительном заводе главным экономистом. Но в декабре 1969 года отказывают глаза. Слепоты не было, но смотреть было сложно: резь в глазах невыносимая, головные боли. Через полгода я уже инвалид Великой Отечественной войны. От этого не легче: на руках двое детей-школьников и жена-филолог.

И вот я снова в госпитале инвалидов войны в Свердловске. Возвращаюсь в госпиталь, как в родной дом, но не тут-то было. Тут же нарываюсь на жесткий вопрос нового начальника госпиталя:

— А кто Вас приглашал?

Вот она, жизнь! Врач спрашивает меня, инвалида войны, в помещении госпиталя не о здоровье и самочувствии... Пережил я это, хотя и не просто

было. Но снова обрел свой дом, уже с новым начальником — Семеном Спектором!

А пока вернемся на некоторое время назад.

Свердловский госпиталь ветеранов войны размещался в здании бывшей школы. Классы просто превратили в палаты на 20 коек. Мне здесь все нравилось, и пациентом, случалось, я бывал не один раз в году.

И вот снова госпиталь. Все так же, только время уже другое, да и мне не 20 лет. Чтобы находиться в таких палатах, нужно иметь крепкие нервы, силу воли, заставить себя быть слепым и глухим, чтобы не видеть днем, как иголки для огромных шприцев затачивают сами пациенты, и не слушать всю ночь, как булькают и дребезжат шприцы в стерилизаторах, стоящих на электроплитках. Порой у меня возникало чувство обиды, унижения, внутреннего возмущения условиями, в которых находились пациенты госпиталя. Но другого, уверенно могу сказать, с 1948 года в городе и области не было.

Именно в то время у меня зародилось убеждение, что госпиталь с пациентами властям не нужен, судьба инвалидов, ветеранов войны власть не волновала. Забота об инвалидах полностью лежала на плечах медперсонала госпиталя.

Все это вместе взятое и послужило для меня толчком в осознании того, что необходимо строить новый госпиталь. Я понимал, что надеяться на власть не стоит, и я стал по-другому бороться за права ветеранов, участников войны. Хотелось, чтобы они получали достойную медицинскую помощь, и это дело растянулось для меня на всю оставшуюся жизнь. В те времена бороться за права человека было непросто, тем более, когда это не поддерживалось властью.

Сейчас сам не могу представить, какую массу писем я разослал по инстанциям областных, республиканских, союзных структур с информацией о том, как сложно инвалидам войны получить медицинскую помощь, как необходимо строительство нового госпиталя. Но все они пересылались в управление здравоохранения Свердловской области, которое по стандарту отказывало, ссылаясь на отсутствие средств. Самой обнадеживающей во всех ответах была информация о том, что в следующей пятилетке будет рассматриваться вопрос о строительстве нового госпиталя.

Многолетняя канитель чиновников натолкнула меня на мысль воспользоваться неординарным приемом. Непредсказуемым путем, через служебный вход и бюро пропусков попадаю в один из кабинетов на

Старой площади в Москве, где располагался ЦК КПСС, и в считанные минуты вопрос о строительстве госпиталя решен. И я лечу на крыльях в Свердловск.

Захожу в госпиталь, увидев меня, Спектор бросается ко мне с вопросом:

— Что случилось? Меня к двум часам вызывают в обком партии, приехала правительственная делегация, что-то с госпиталем... Твоя фамилия звучит...

После заседания обкома Семен рассказывает:

— Из Москвы прилетели заместитель председателя Совмина, заместитель председателя Госплана и заместитель министра финансов. Принято решение о строительстве госпиталя, и выделены шесть миллионов рублей на его строительство за счет средств, заработанных на коммунистических субботниках.

Семена распирает от счастья.

С Федором Кирилловичем Семеновым, инвалидом войны, отставным полковником, ездим, знакомимся с местами, предложенными для строительства госпиталя. Выбрали район Широкой речки — окраина города, сосновый лес, удобный подъезд для транспорта.

Снова наша бюрократическая канитель: проектирование, согласование, утверждение. Но строительство все же началось.

Проходит пять лет. Но закончен лишь фундамент. Если дальше строительство будет продолжаться в таком же темпе, то потребуются еще 39 лет, чтобы закончить строительство. И тогда госпиталь уж точно не потребуются — все ветераны вымрут.

Собираю копии исполнительных документов, отчетов о проделанной работе по стройучастку и отправляюсь в Москву. По предварительной договоренности я попадаю в строительный отдел ЦК КПСС. Стараюсь объяснить ситуацию со строительством госпиталя и заявляю, что не доживут до нового госпиталя многие ветераны.

А мне в ответ:

— Что за чепуху несете? Кто строит 39 лет?

— Пожалуйста, сами посчитайте, все проще простого...

Взяли бумажки...

В скором времени в Свердловском обкоме партии высокий гость из Москвы объявил тогдашнему первому секретарю обкома КПСС товарищу Б. Ельцину:

— В конце года обкому отчитаться перед Центральным Комитетом партии об окончании строительства госпиталя для инвалидов войны и сдаче его в эксплуатацию.

Представляю физиономию Бориса Николаевича...

После этого визита в обком партии гостя из ЦК дело пошло. Всколыхнулась, ожила строительная площадка госпиталя. Каждую среду на участке строительства оперативное совещание. Однажды я заглянул на стройку и был удивлен: 23 «Волги» насчитал, все черного цвета. Одно высокое начальство.

Стройку гнали, как водится, и накануне Нового года в пустующем, специально подготовленном конференц-зале недостроенного госпиталя комиссия подписывает акт о готовности госпиталя, сдаче его в эксплуатацию. Как я ни просил Спектора не подписывать акт о приемке, он меня все же не послушал. Семена убедили (заставили) оценить качество выполненных работ на «отлично», а у второго блока госпиталя были только стены, даже крыши, по-моему, не было.

Семен со стоном на все мои замечания отвечал:

— Все равно надо подписывать, как ты не понимаешь? Я изменить ничего не могу... обком партии... не я, так завтра другой подпишет...

Я возмущался громко. То ли сработал мой протест, но записали: работа выполнена удовлетворительно с условием, что будут исправлены все недоделки. Первого секретаря обкома партии и главы исполнительной власти области на подписании акта сдачи не было.

Как и положено, за сдачу объекта, столь значимого для судеб героев-победителей, спасших мир от фашизма, подняли и осушили бокалы. И, как всегда, за партию и обком партии.

Дальше для меня был сюрприз, достойный чуда. Встает Семен:

— Уважаемые товарищи! Я предлагаю поднять бокалы за человека, которому мы обязаны появлением этого госпиталя, человека, который добился права строительства этого госпиталя, так необходимого инвалидам войны. Этот человек присутствует здесь. Виктор Сергеевич Максимов, инвалид Великой Отечественной войны...

Все встали и посмотрели с улыбками в мою сторону, выпили.

Хотя все это было для меня приятной неожиданностью, появилось чувство благодарности к Семену. А Семен оправдывался за подписание акта:

— Безвыходное положение — надо было подписывать, об этом уже

заранее договорились. Обкому нужно было отчитаться перед ЦК, а если не подпишу, все, что завезли, что сделали, разворуют.

А что стоило потом исправить все недоделки, сколько времени ушло на обустройство и переустройство, можно только представить. Все эти хлопоты легли на плечи Семена.

В связи с рассказом о свердловском госпитале в памяти всплыла история с госпиталем инвалидов войны в Туркмении, в городе Мары, куда занесла меня судьба в 1987 году.

В Туркмении формировался артдивизион, в составе которого я воевал. В надежде разыскать однополчан я отправился в Мары, и там заглянул в госпиталь для инвалидов войны, решив, что может быть там хоть кого-то встречу.

В помещениях, расположенных вокруг двора полукольцом, помнится, стены были сплетены из ветвей кустарника и обмазаны глиной, побелены. На земляном полу настелена солома и сверху кошма, простыни, подушки, все как нужно. Лежат по 3—4 человека, туркмены, ветераны войны. Эти отдельные сараи, в которых когда-то стояли лошади, называются палатами. Одноэтажное здание, видимо, из самана местного производства, тоже побелено, вход со двора. Внутри кабинеты врачей, процедурные, напоминающие поликлинику, как у нас на селе.

Пообщался я с пациентами откровенно, как солдат с солдатами, попил из пиалы чаю, вспомнил войну. К моему удивлению, никто ни на что не жаловался. Народ мирный, добрый, доверчивый.

Из госпиталя иду напрямиком к председателю облисполкома. Он русский да еще и земляк. О многом говорили, я рассказал ему о госпитале, о бывших конюшнях. Он обещал построить новый госпиталь. И сдержал свое слово. Через два года я узнал, что госпиталь построен.

В Свердловске же года через два пациенты и медперсонал перебрались из старого госпиталя в новый и стали его обживать. В госпитале на 240 коек, рассчитанных на инвалидов Великой Отечественной, стали появляться все новые и новые инвалиды, солдаты уже других войн, молодые ребята. В палаты ставят дополнительные койки, кроватями заполняются коридоры и холлы. Теснота! Сам вижу, как плохо инвалидам, ветеранам прошлой войны, плохо «афганцам», инвалидам локальных войн, о которых раньше старались не говорить.

И снова судьба солдат тревожит меня при виде человеческого муравейника, в какой превращается госпиталь. В поисках путей решения

проблемы помощи инвалидам хочется вспомнить еще одну встречу. Когда стабилизировалась обстановка в новом госпитале, я 8 марта находился в Москве, утром с букетом цветов явился в Совмин СССР и с большими усилиями пробился к Лидии Павловне Лыковой, заместителю председателя Совмина, которая была причастна к решению судьбы госпиталя в Свердловске. Поздравил ее с праздником и поблагодарил ее за помощь.

Воспоминание об этой встрече и послужило поводом к действию. Созваниваюсь с секретариатом и прошу, умоляю о встрече с Лидией Павловной. Надежда получить ее совет не покидает меня, так как решение о строительстве новой, второй очереди можно получить только в Москве.

Телефонные разговоры обычно практиковал в госпитале. В один из дней секретарь передает номер телефона, куда просили меня позвонить из Москвы. Звоню: мужской голос мне поясняет, что Лидия Павловна просила выяснить у меня причину и цель встречи с ней, и просит меня рассказать, что случилось, для того, чтобы передать эту информацию ей. Я подготовил и отправил письмо с просьбой о строительстве второй очереди госпиталя на 500 мест. Держал ли я в курсе Семена, не помню, понимая, что он вперед бабки старается не лезть.

Началось томительное ожидание, но надежда не покидала меня.

Дождлся! В первый момент даже не уловил смысл, насколько информация была неожиданной: растерялся, но чувствовал, свершилось! Заместитель председателя Госплана г-н Кузнецов официальным письмом извещает, что моя просьба о строительстве второй очереди госпиталя удовлетворена Советом министров, строительство будет завершено через 36 месяцев, поручение возложено на Свердловский облисполком.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Облисполком тянет с началом строительства. На площадях в центре города перед зданием обкома партии и правительства разворачиваю транспаранты и плакаты, собираю десятки тысяч подписей с требованием ускорения строительства второй очереди госпиталя. Сам комментирую сложную ситуацию об организации медицинской помощи инвалидам и ветеранам войны в Свердловске и области.

При содействии Ларисы Павловны Мишустинной, депутата областного Совета, с трибуны областного Совета изливаю душу и обвиняю правительство области в задержке строительства госпиталя.

В это время председатель правительства Власов баллотируется кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Поднимаю на ноги коми-

теты ветеранов избирательного округа, везде и всюду, где только можно, разъясняю и доказываю, что мы, инвалиды и ветераны войны, пытаемся добиться привлечения к суду Власова за преступное отношение к ветеранам войны... Люди слышали голоса участников войны, Власова сняли.

Я просил помощи у генерального прокурора, не говоря уже о встречах с областным прокурором Владиславом Туйковым. Телевидение вело передачи из госпиталя, показывались новостройки партийных дворцов на всю страну. Много чего было, и все же, наконец, мы добились своего.

В кабинете начальника госпиталя Семена Спектора прошло выездное заседание бюро обкома партии, которое приняло решение о строительстве второй очереди госпиталя.

Кроме общественности, в борьбе с бюрократической властью, которая противоречила интересам ветеранов, союзников у меня не было, но всегда был рядом Семен. Активно помогал в моральном плане: классическим матом обкладывал и обком, и правительство, но в узком кругу. Я не мог тягаться с Семеном в искусстве мата, но все же старался не отставать.

С какой горькой обидой и презрением вспоминаю сейчас чиновников от ветеранов. Как-то Борис Рассохин, Герой Советского Союза, сообщает, что нас приглашает на встречу председатель Свердловского областного комитета ветеранов, бывший облвоенком, генерал в отставке Сидоров. Пришли. Во время беседы председатель просит нас не обращаться с письмами, просьбами непосредственно в вышестоящие инстанции в Москву и убеждает, что все проблемы как личного, так и общественного характера, касающиеся ветеранов, можно и нужно решать через него, через обком партии и местное правительство. В Москве ничего не решается, и все обращения высылаются для решения обратно в Свердловск.

С этим все мы, конечно, согласиться не могли.

В начале девяностых годов местные власти Свердловской области начинают резко сокращать специально организованные отделения и койки в лечебных учреждениях для ветеранов войны, параллельно снижаются денежные средства из бюджетов как местного, регионального, так и федерального уровня для организации медицинской помощи ветеранам. По области около сорока тысяч ветеранов оказываются без надежды на получение медицинской поддержки.

В регистратуре госпиталя в то время висело объявление о том, что инвалиды и ветераны города Свердловска на лечение в госпиталь не

принимаются. Все объяснялось просто: в лечебных учреждениях города было организовано для ветеранов войн 480 коек, которых постепенно не стало.

Пациентов в госпитале все больше, а денег все меньше. Первым сигналом сокращения финансирования госпиталя стал такой случай. Начальник стоматологического отделения Сергей Рыбин, прекрасный специалист, рассказал, что более чем на половину сокращены средства на закупку материалов для протезирования. В управлении здравоохранения узнаю, что средства госпиталя передали для финансирования протезирования спецбольнице обкома партии и правительства области.

Боже! С каким скандалом все же вырвал изъятую у госпиталя сумму из бюджета управления здравоохранения.

Вскоре гласности были преданы факты хищений в спецбольнице обкома партии и правительства. Говорили, что главный врач спецбольницы всю вину взял на себя и получил несколько лет тюрьмы. Однако вскоре бывший главный врач «заслужил» досрочное освобождение.

Как-то в вестибюле госпиталя отгораживается небольшой кабинетик, и на его дверях появляется табличка: заместитель начальника госпиталя по медицине Миронов. Спрашиваю у начмеда Нины Александровны, заместителя начальника госпиталя:

— Нина Александровна! Откуда взялся заместитель по медицине, кто такой Миронов?

— Я ничего не знаю, спрашивай Семена Исааковича, — голос ее звучал твердо, с оттенком неприязни к моему вопросу.

При встрече с Семеном интересуюсь Мироновым.

— Это бывший главный врач обкомовской больницы. Меня заставили его взять на работу, да еще и должность указали. Ты что, с неба свалился? Возражать было бесполезно.

По инерции, чтобы поддержать стоматологическое отделение, я обратился с просьбой к министру здравоохранения СССР Евгению Чазову, который любезно откликнулся на мою просьбу, и госпиталь получил оборудование, материалы, технику для протезного отделения.

Письмо Евгения Ивановича Чазова храню, как память о добре.

Худо ли, бедно ли, но госпиталь стал единственным домом для почти 40 тысяч ветеранов области, где они могли получить медицинскую помощь. Но есть одно «но». Свою очередь в госпиталь на лечение

приходилось ждать 2-4 года, а в районах о стационарном лечении шли только разговоры.

С началом работы госпиталя пришла идея сделать ему ко Дню Победы подарок. В сочинском дендрарии покупаю маленькие пальмочки из питомника, укладываю в коробку и самолетом с подарком возвращаюсь в Свердловск. Пальмочки, посаженные по крупным горшочкам, пусть пока и скромно — украшают палаты и коридоры госпиталя.

На следующий год, подкопив деньжонок, я снова в сочинском дендрарии. Там меня щедро снабдили пальмами, сотни под две, среди которых десятка три оказались небольшими деревцами, что потребовался автотранспорт для доставки их в аэропорт.

Замечу, по инициативе добрых людей, с учетом их вклада в подарок госпиталю цена на пальмочки была минимальная.

В аэропорту приобретаю билет по льготной цене, как инвалид войны, и с мешками, упаковками и свертками подбираюсь к выходу на посадку... а меня не пропускают: во-первых, придется доплачивать, если сверх нормы общий вес, да еще нужно какое-то разрешение или справку, и груз упакован странно, не стандартно.

Просьбы, уговоры не помогают. Тупик. Все.

Ищу выход: в отчаянии кричу в зале во всю глотку:

— Товарищи! Минуту внимания! Я инвалид войны, на свою пенсию приобрел в дендрарии пальмочки, чтобы подарить их госпиталю инвалидов войны 9 мая, ко Дню Победы... — В зале все насторожились. — У меня только две руки, а дежурные по посадке помочь не хотят, у них какие-то свои порядки, правила и обязанности. Доплачивать требуют, а у меня денег нет. Кто летит в Свердловск, помогите довести подарки госпиталю, ко Дню Победы...

Короткая пауза, и в зале нарастает гул: пассажиры волной накатываются на контролеров у выхода на посадку, плотно блокируют их. Появилось начальство. Что происходило, нам, россиянам, представить не составит труда: эмоций было через край, да таким хором, голосами и словами... Минут через двадцать — тридцать в сопровождении работников аэропорта и в окружении возмущенных пассажиров я шел на посадку в самолет, и руки мои были свободны. Люди же не могли успокоиться, упреки в адрес аэропорта были конкретны — инвалид войны, День Победы! Комментарии, которые сыпались в адрес Аэрофлота, были нелестными.

В Свердловске, после приземления самолета, как только открылась дверь, раздался голос: «Кто здесь с пальмами для госпиталя?»

Встретили просто, по-человечески: доставили пальмы от борта самолета к госпитальной машине, переложили и поздравили с наступающим Днем Победы.

Инвалид войны Григорий Файзулин, мастер-универсал, подготовил заранее в госпитале для пальм красивые ящики, и ко Дню Победы пальмочки украшали палаты и холлы госпиталя, радовали своим присутствием.

С годами пальмы подрастали, число их потихоньку сокращалось, а сегодня в госпитале пальмы уже не увидишь: разбежались.

Было все это, было! Было время, и жаловаться на Аэрофлот не было оснований, причин. И люди были ближе к судьбам ветеранов войны, не говорю о власти, терпеливо пропускали инвалидов в очередях, частенько и защищали, как это было например со мной в Сочи.

Пришли другие времена, для Аэрофлота утратились ценности человека, обернулись они деньгами: деньги... деньги. Хотя отдаю должное: не забывает Аэрофлот ветеранов в преддверии Дня Победы — предлагает бесплатно слетать по России старым людям, напоминает о себе, проявляет акт гуманности. Похвально и спасибо.

А если говорить о народе — печальная история: народ вместе с ветеранами ограблен властью, предан, затоптан в цинизме, лицемерии, лжи власти. Утратив при этом надежды на себя, на собственные силы и здравый смысл.

Так есть, так живем.

АЛЕКСЕЙ

В начале восьмидесятых годов прошлого века, уже в новом госпитале, ближе к весне, мотаясь по процедурам, проходил ежегодный, очередной курс лечения. В коридоре второго отделения заметил: за столом сидит ветеран с очками в темной оправе на носу и читает книгу. В какой-то момент ветеран нагнулся над ней, как бы ткнул ее носом и языком ловко перевернул страницу, а затем продолжил чтение. Я понял в чем дело — руки его висели, как плети.

...Мало ли мне приходилось видеть инвалидов: безногих, безруких, слепых, изуродованных войной, общаться с ними — обычная и привычная картина, удивляться нечему. Помнится, в палате рядом со мной лежал

слепой ветеран. Днем он постоянно спал и ворчал, когда его будили и звали на процедуры. Врачи и сестры недоумевали, как Володя может спать день и ночь?

Я же знал причину тревоги врачей и медсестер: как только палата засыпала, Володя под одеялом начинал... читать! Никто до утра ему не мешал, и он, проводя пальцами по строкам книги, жил в реальном, зримом мире.

Прошло около двадцати лет. Как-то поднимаясь по лестнице госпиталя, я разговаривал с идущим рядом со мной человеком. Слышу:

— Витя, Максимов! — окрикнул меня солидный мужчина в темных очках, мимо которого я прошел. Остановился, подхожу — ничего не понимаю, вижу — человек слепой. Он говорит:

— Ты что же, не видишь старых друзей, не узнаешь? Я вот хоть и слепой, а сразу узнал, хотя мы и не виделись с молодости.

Я взвыл: «Володька, елки-палки, сколько лет...» Узнал по голосу. Только слепым такое дано.

...Как и тогда, увиденное напоминало о себе, и захотелось мне познакомиться с инвалидом. В отделении медсестра указала на дверь палаты. Подхожу и через стеклянную дверь вижу: за столом сидит знакомый инвалид и... лакает из стоящей перед ним тарелки суп, как собака, языком. Смотрю, не отрывая взгляда, спешу к посту и спрашиваю медсестру:

— Вы что, почему не кормите инвалида? Там, в палате... он же сам...

Знакомая, еще по старому госпиталю, уже в годах медсестра, понимая меня, в доброжелательном тоне успокаивает:

— Алексей Матвеевич сам почти все ест. Он давно у нас, мы только наливаем ему в тарелку. Он сам ест и не позволяет его кормить, разве что после посуду убираем да стол вытираем. Полотенце ему еще кладем на стол: когда ест, лицо о полотенце вытрет. Алексей Матвеевич добрый, хороший...

Захожу в отделение. Алексей сидит в коридоре на диване и играет в шахматы, наклоняясь, губами переставляет фигуры. Подсаживаюсь, комментирую ходы в игре, так и познакомились. После нескольких встреч стала мне известна судьба этого ветерана войны, лейтенанта, с орденом Красного Знамени.

Уроженец одной из деревень Байкаловского района Свердловской области, сын потомственного уральского крестьянина-бедняка. На

удивление землякам окончил среднюю школу и был принят на учебу в военное училище. Война, на фронте получил пулевое ранение, после ранения полностью отказали руки. Не раз просил ампутировать руки, надеялся, что без рук будет лучше.

— Зря таскась, в госпитале об ампутации и говорить не хотят! Мне сейчас красоты не нужно. Мешают они мне, тяжелые...

Не помню всех обстоятельств и причин, но Алексей в деревне живет более 20 лет в старой, бывшей поповской бане. Все прохудилось, развалилось, тепла нет. У бабки здоровья не стало, оставила его на колхозных работах, самой помогать надо. Живет зиму у добрых людей, а Алексей в госпитале лежит уже четыре месяца, ждет тепла, чтобы уехать обратно в деревню.

Он давно, сколько лет просит у местной власти помощи с жильем. Не дают, не помогают, валят все на колхоз. А колхоз что? Сам себя еле кормил, колхозники за счет огородов жили. Просил, просил и в прошлом году отправил письмо в обком партии.

— После такое творилось, — вспоминал Алексей, — председатель колхоза, думал, убьет меня, шум в районе поднялся, первый секретарь райкома приехал в деревню и предложил деревянный дом. Дом-то дом, только без пола, внизу яма, заполненная водой, окон, дверей нет. Стены и крыша.

Алексей секретарю объяснил, что если была бы хоть одна рука, довел бы дом до ума, не без проблем. Крыши да стен для жилья маловато... Секретарь райкома был вне себя от ярости. Сообщил в обком партии, что Алексей отказывается от предложенного ему дома, якобы ему нужен особняк, что Алексей — кляузник и позорит, хоть и сам инвалид, ветеранов войны.

До обращения в обком партии Алексей просил помощи у райвоенкомата как офицер, у комитета ветеранов войны района и областного комитета. Все обращения возвращались в райисполком, по месту жительства. Круг замыкался. Это была система, практика того времени, пройденная и хорошо знакомая. Вспоминаю, что Алексей не жаловался, а просто рассказывал о пройденном пути, рассказывал без озлобления, спокойно. Судьба Алексея была для меня не в диковинку, она для меня была близка, во многом схожа, только мера была другая: мои ноги и руки были на месте, и глаза видели все вокруг.

Заныло у меня на душе. Как представляю, что Алексей ползает по

лесной поляне, залитой солнцем, и губами собирает землянику, радуется каждой ягодке, вижу с ведром воды в зубах на деревянном крючке, или как он с тряпкой в зубах вытирает стол...

Говорю об Алексее с Семеном Спектором. Он все знает, все понимает, сочувствует, но убеждает меня: искать следы обращения ветерана в обком партии, бороться с властью Семен не может. Настраивает на это меня: мне терять нечего, благо, опыта достаточно. «Только не срывайся», — советует мне Семен. Сейчас я его понимаю — своя шкура дороже!

Детально обговариваем судьбу Алексея с Ниной Густавовной, парторгом, начальником отделения в госпитале, участницей войны. Она пришла работать в госпиталь сразу после окончания войны, мы знакомы лет 35. Думаем, как помочь Алексею. В это же время я поведал судьбу Алексея своему приятелю, журналисту Леве Чумичеву. Принципиальный, жесткий к несправедливости, Лева сумел разыскать и встретиться с секретарем райкома партии Байкаловского района, где проживал Алексей. Секретарь отдыхал в обкомовском санатории у озера Шарташ и при встрече, со слов Левы, оболгал Алексея.

— Слушал я его, слушал, поднялся и, уходя, выразил свое сожаление, что ему не оторвало руки на войне. А сунуть бы его в прорубь, под лед на Шарташе минут на двадцать не мешало бы, — так сказал Лева Чумичев.

Семен дает «Ниву», и ранним утром, по легкому морозу с Ниной Густавовной и Алексеем поехали в деревню, где жил инвалид войны.

Осмотрели предлагаемый Алексеем подарок секретаря райкома. Изба, под крышей вместо пола и погреба — яма с замерзшей водой, ни окон, ни дверей... На задах нормального дома подошли к жилью Алексея: старая избушка, дверь приперта колом. Вошли: небольшое помещение, вроде кладовки, или сенцев, как называют на Урале, понимаю — предбанник. Алексей зубами, за прибитый к дверям ремешок, открыл дверь в избу: промерзлые углы покрыты изморозью, стол, две кровати, печка с чугунной плитой сверху, какой-то шкаф. Через маленькие два окошечка пробивается свет: холод, запах гнилой сырости. Я выскочил на свежий воздух...

...Сидим в правлении колхоза, натоплено, людно, большинство — женщины, представляют нового председателя колхоза: молодой, спортивной внешности, перекидывается словами с присутствующими. Шумно. Все знают уже о цели нашего приезда, слышны голоса возмущения

райкомом, райисполкомом. Чувствуется, Алексей — боль всей деревни, старая боль. На мое замечание, почему не помогли сами Алексею, слышу:

— Попробовал бы сам без огорода или чего остаться...

Бывший председатель колхоза не позволил народу достроить избу для Алексея. Всей деревней, когда освободился дом от детского сада, просили дать квартиру Алексею и еще кому-то. Миром просили. Рассказали о продаже этого двухэтажного дома за 500 рублей подружке секретаря райкома. Подвел итог встречи новый председатель, под одобрение присутствующих:

— Дядя Алексей! При всех своих, кто здесь, и при гостях, клянусь — к осени поставим тебе новую избу. Там, где захочешь,— скажи! Обязательно сделаем и нужник так, чтобы по морозу зимой не бегать, по городскому, чтобы и тепло было, а сейчас давайте вместе подумаем, где и как устроить тебя с бабкой. И не ходи никуда, не унижайся, не проси,— все сами сделаем.

Общее мнение после слов председателя выразила женщина в полушубке нараспашку, с открытой седой головой и пестром платке на плечах:

— Михаил сказал, точно сделаем. Верно, бабоньки? Председатель наш, что и ждали, не то что... Прости меня, Господи. Потерпи Митрич, поможем, и прости нас, грешных...

Алексей сидел молча, не сказав ни слова, шмыгая носом, вытирал плечом о телогрейку мокрое лицо.

Деревня зашевелилась, люди тянулись в правление колхоза. Нина Густавовна в тесном кругу разговаривала о ветеранах, о госпитале, многие жаловались на здоровье, медицинскую помощь. Не без сожаления и труда распрощались и на обратном пути остановились возле дома, где размещался детский сад. Смотрел и думал: ничего себе, за 500 рублей...

Спешим в районный центр, хотим встретиться с председателем райисполкома. Успели. Председатель, не вставая из-за солидного стола, встречает нас пустым выражением лица, но на приветствие отвечает. Представляю Нину Густавовну и себя, как члена общественного совета госпиталя, поясняя наш интерес к судьбе инвалида такого-то, Алексея.

Председатель насторожился: четким голосом подтверждает свое знакомство с инвалидом, в курсе всех проблем с ним, обижается, что инвалид — неугомонный жалобщик, даже обком партии завалил жалобами, требует для себя квартиру. Первый секретарь райкома партии лично предлагал инвалиду отдельный дом, уговаривал взять, а инвалид не хочет. Что

ему надо, никто не понимаем. И в обком партии сообщали об этом, там знают. Трудно инвалида понять, он же не на улице живет!

Я сорвался:

— Вы видели дом, который предлагал инвалиду секретарь райкома? Можете ли сказать, где живет инвалид с больной женой сейчас? Вы говорите, что лично знакомы, может быть, в гостях у него были? Может быть, испытали силу его рук, когда здоровались?

Председатель замялся.

— Я не видел, этим делом по указанию обкома партии занимался первый секретарь райкома партии. К сожалению, у меня не дошли руки...

— Бывает, действительно не хватает времени заниматься пастырю своим стадом, тем более, когда времени не хватает...— говорю я.— Думается, еще и сегодня не поздно сесть Вам в машину и поехать в деревню к инвалиду, собрать народ у избы, где проживает инвалид, если у Вас осталось хоть чуточку чего-то человеческого, встать перед инвалидом на колени. С этого нужно начинать Вашу встречу, вернее продолжить. Мы подождем, ради доброго дела...

Вижу, председатель в растерянности, глаза забегали, как бы ища что-то вокруг. Нина Густавовна хватает мою руку, жмет...

— Я сейчас позвоню, приглашу первого секретаря райкома партии,— неуверенным, теряющимся голосом забормотал председатель.

— Не нужен первый секретарь, не будем усложнять ситуацию. Секретарь сыграл уже свою мерзкую роль...

Нина Густавовна обняла меня обеими руками, повернула к себе лицом, держит, успокаивает, гасит мой порыв и торопливо, в мягком тоне, объясняет положение Алексея. К моему удивлению, она умело связала перспективу с авторитетом обкома партии. Отношение к инвалиду войны властей Байкаловского района — событие весьма негативное, но она надеется, что оно не станет известно средствам массовой информации.

Я не вмешивался больше в разговор, но видел, каким заискивающим взглядом смотрел председатель на Нину Густавовну, он был жалок и беспомощен в эти минуты.

Встреча закончилась заверением председателя райисполкома, что утром он едет в деревню, встретится с Алексеем и надеется решить все, что необходимо, в самое короткое время.

На прощание я не подал руки председателю, хотя он был весьма любезен, а вместо этого предложил:

— Убедите первого секретаря райкома партии, чтобы здание бывшего детского сада в деревне оставил в руках жителей деревни, тем более, что оно в центре деревни. Да еще и 500 рублей сэкономит. Пригодятся...

Возвращались ночью. Дорогой Нина Густавовна ругала меня, обвиняя в грубости, но была рада успеху нашей поездки, а на прощание расцеловала.

Не откладывая в долгий ящик, пишу подробное, обстоятельное письмо на имя первого секретаря обкома партии Бориса Ельцина, делая упор на отношение райкома и райисполкома Байкаловского района к инвалидам и ветеранам войны: аргументов и фактов больше, чем надо. Не прошло и месяца, как в газете «Уральский рабочий» читаю: состоялся пленум Байкаловского райкома партии, освободивший первого секретаря райкома партии от занимаемой должности.

В ГЕРМАНИЮ С ПРОТЯНУТОЙ РУКОЙ

Глава 3

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ НАС ПОДДЕРЖАЛИ

Госпиталь вновь становится моим домом. Вижу, как среди медперсонала все меньше бывших фронтовиков. Сменили и начальника госпиталя: с одобрения сотрудников им становится Семен Спектор. Молодой, активный, искренний. Он пытается что-то улучшить: устанавливают лифт, оборудуют дополнительные кабинеты, подключают госпиталь к теплоцентрали.

Глядя на Семена, с какой энергией он принялся за дело, у меня возникает желание помочь начальнику и решить главную проблему — построить новое здание госпиталя. Так в совместной работе крепла наша дружба, наша взаимная поддержка ради одной цели — помочь нашим ветеранам войны и не только Великой Отечественной. Ради них дорога привела меня в самое «логово» моих бывших врагов — в Германию.

...90-е годы прошлого века. В стране всеобщее брожение. Хаос нарастал, как снежный ком, и в

общем вихре нес в неведомое, в котором оказался и госпиталь ветеранов войны в Екатеринбурге: финансирование нищенское, не гарантированное, рушится вся система здравоохранения.

Тревога Семена Спектора за судьбу госпиталя, за ветеранов передавалась и мне. Госпиталь оставался единственным медицинским учреждением, где ветераны могли получить хоть какую-то поддержку. Я понимал, что не существует в ближайшее время перспективы улучшения его работы.

Ветераны войны были в те годы брошены, затоптаны, да, пожалуй, так было со всеми, кто висел на шее у государства: не только с инвалидами и ветеранами войны, но и с пенсионерами. В моей жизни тревога и забота о ветеранах стали неотъемлемыми и самыми актуальными. Не в моих силах было оставаться сторонним наблюдателем, молчаливым свидетелем страшных событий тех дней. Постараюсь объяснить, почему. Видимо, в первую очередь, к этому подводила дорога, по которой шел последние годы, не расставаясь с госпитальной койкой, постоянно чувствуя зависимость от медицины из-за собственной физической неполноценности. В какой-то момент возникло состояние усталости, отчаяния и собственной вины перед семьей.

Время и возраст сформировали более трезвое отношение к окружающему миру: юношеский пыл растворился во времени и обрел другое понимание идей, которые вели меня по жизни, и новые определения ценности жизни. Если, например, в юности лежишь в двадцатиместной палате госпиталя и принимаешь это как должное, то в последующее время это уже давит не только на психику, но и угнетает нравственно, да еще добавьте к этому постепенную утрату надежд на светлое будущее, которыми ты жил все это время.

Ожидать и надеяться на помощь госпиталю от государства уже не приходилось. Решение проблем госпиталя нахожу в следующем: обратиться за помощью от стран социалистического лагеря — членов Варшавского договора, из которых стали выводить войска бывшего Советского Союза, в том числе и из ГДР. Собираю информацию и убеждаюсь в возможности получения серьезной помощи от Западной группы войск (ЗГВ) в Германии. Объясняю идею поездки в Германию Семену Спектору и предлагаю ему оформить мою миссию как инициативу общественного совета госпиталя. Все расходы, связанные с поездкой, принимаю на себя. Семен поддерживает эту идею.

Подходит к концу лето бурлящего, сумасшедшего 1991 года, я начинаю телефонные разговоры с доброй старой приятельницей, проживающей в городе Дрездене, Миррой Петровной Эберт. Она россиянка, архитектор, вышла замуж за немца из ГДР и переехала жить к мужу. Бюрократические и другие формальности, связанные с организацией моей поездки, хотя и к нашим братьям в ГДР, сейчас могут показаться кошмарным сном: что стоило хотя бы купить в Госбанке 150 немецких марок? Наконец я в вагоне поезда, следующего из Москвы через Берлин до Вюнсдорфа, где располагается штаб ЗГВ. Волнение нарастает. Вспоминаю, я испытывал дрожь не только в руках, но и во всем теле... Нахлынули военные воспоминания.

Ранним холодным утром меня на железнодорожном вокзале Лихтенберг в Берлине встречает Мирра Петровна. Пересаживаемся в поезд до Дрездена. Замечаю, как свободно общается Мирра Петровна на немецком языке, и я с сожалением убеждаюсь, как ничтожны мои знания языка после школы и фронта. Мне рекомендуют обратиться в штаб 1-ой танковой армии, расположенной в Дрездене. И вот я на месте: старинное солидное здание. Через дежурного офицера, которому объяснил цель приезда, прошу организовать встречу с кем-нибудь из командования.

На третий день ожидания передают: обо мне и цели моего приезда, о необходимости встречи доложили заместителю командующего по воспитательной работе, который заявил: «Никаких встреч». И объяснили: «Ветераны войны у нас в особом почете, правительство о них проявляет особую заботу, они в привилегированном положении и, как и раньше, ни в чем не нуждаются. Ветераны имеют все, что только захотят». В мой адрес полковник заявил: «Это не инвалид войны, а какой-то проходимец, авантюрист. Есть еще такие, которые стараются скомпрометировать нашу армию, нашу власть...» Вот так безуспешно закончилась моя первая попытка получить поддержку от армейского чиновника.

Состояние мое было не из простых, но произошло неожиданное: этот полковник придавал мне такое ускорение, что я не узнал самого себя. Меня уже никто и ничто не могло остановить. Я сделал все, чтобы в тот же день информация о поведении главного идеолога штаба армии стала достоянием гласности среди офицеров штаба и вызвала возмущение у всех, с кем пришлось мне общаться в последующие дни. Все они были искренни со мной и понимали положение ветеранов войны в России. Были среди них и участники войны в Афганистане. Некоторые офицеры

даже извинялись за своего командира. Это и поддержало меня.

Через день звонок:

— Виктор Сергеевич! Можете подъехать сегодня к штабу танковой армии в 17 часов. На КПП вас встретят. До вечера.

Еду. Меня встретил офицер, и через десять минут я в кабинете заместителя командующего армией по тылу полковника Евгения Жукова. Он встает мне навстречу, выдержанно любезен, без лишних формальностей усаживаемся за столик. Жуков среднего роста, лет сорока пяти, коренаст, строен, чувствуется офицерская выправка еще с молодости, спокойно присматривается ко мне. Знаю, что он участник войны в Афганистане. В разговоре открыт, вопросы и ответы конкретны. С начала встречи у меня сразу возникла убежденность в откровенности Жукова и его искреннем желании быть полезным и помочь ветеранам.

Жуков не скрывал своего мнения о происходящем в России, о ее власти, о том бардаке, в котором оказалась и армия. Он понимал положение инвалидов и ветеранов войны, имея в виду и «афганцев», по сути отвергнутых властью. Подтверждал возможность реальной помощи для ветеранов войны в России за счет резервов ЗГВ, но, как всегда, он не мог самостоятельно принимать эти решения. Я понимал Е. Жукова.

Встреча затянулась: чаек попили, незаметно перешли на ты, заговорили о прошлой войне. Я рассказал о пациентах госпиталя, об инвалидах афганской войны, говорили об особенностях афганских событий, роли в этой войне России...

— Надо помогать, надо, — соглашался Жуков, — завтра же буду говорить об этом в штабе ЗГВ в Вюнсдорфе...

К концу следующего дня позвонил капитан:

— Виктор Сергеевич! Завтра в восемь жду вас у КПП, поедем в Вюнсдорф. Не забудьте паспорт.

— Буду. Спасибо.

Вюнсдорф. Генеральный штаб Западной группы войск.

Я в кабинете заместителя командующего по тылу генерала Владимира Исакова. Красивое лицо интеллигента, внимательный взгляд, ровный голос, без лишних эмоций. Рассказываю кратко о себе, о положении госпиталя для ветеранов войн в Екатеринбурге, объясняю, что без дополнительной помощи госпиталь нормально работать не может, что ветераны лишены возможности получить медицинскую помощь.

Зная, что генерал — участник войны в Афганистане и до сих пор

имеет проблемы со здоровьем после ранения, я заметил, что «афганцы», как и старые ветераны, также не могут достойно воспользоваться услугами госпиталя. Не удержался и рассказал, как встретили меня политработники в Дрездене, в штабе танковой армии, обвинив в авантюризме и лжи, я выразил свое негодование в адрес политуправления. Мне показалось, что генерал мою исповедь пропустил мимо ушей, но все же я уловил на его лице странную ухмылку и был уверен, что генерал меня понял.

Вопросов возникало много, вместе мы искали на них ответы и беседовали часа полтора, если не больше. Вывод генерала был однозначен:

— Надо помогать! Возможности есть, тем более в условиях вывода армии из Германии. Я лично решение в данном случае принимать не могу, но буду советоваться и говорить по этому поводу с товарищами из Генерального штаба. Будем надеяться и сделаем все возможное в организации помощи ветеранам. Обязательно поможем!

Таково было мнение и решение генерала.

— Через два-три дня через Жукова буду информировать вас, с кем в штабе, в Москве, нужно будет связаться и лично встретиться для организации помощи ветеранам. Мы, в свою очередь, будем думать, что можно сделать здесь. Жуков будет держать вас в курсе дел.

Расставаясь, уже у дверей, обнялись без лишних слов.

Убежден: кто прошел через войну, тот обретает особые чувства. Война связывает людей своими нитями, роднит их пережитым ужасом. Так и тут, я почувствовал, что обрел своего побратима по войне и уверенность — он поможет.

На третий день в Дрездене полковник Жуков по просьбе генерала Исакова передает мне номера телефонов Генерального штаба в Москве, имена тех, с кем мне нужно связаться лично, в том числе обязательно с генерал-лейтенантом Жуковым. Это был уже серьезный шаг вперед.

Полковник Евгений Жуков убеждал меня, что генерал Исаков не понаслышке знает о войне. И в Москве, в Генеральном штабе есть толковые, дельные офицеры из «афганцев», на которых можно положиться.

— Это не политчиновники, как у нас в штабе.

Много дней я мотался с Миррой Петровной по Дрездену: встречи с представителями общественных организаций бывшей ГДР, Красного Креста, «Мальтезер» и других. Везде чувствовалось понимание моей миссии, я ощущал желание помочь, но был бессилен предложить какие-либо условия и принять предложения. За мной было только желание, да

и статус был невыразителен — всего лишь член общественного совета госпиталя без конкретного, юридического лица.

«КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ»

В бургомистрате Дрездена Мирра Петровна подготовила встречу с господином Хобахом, человеком из Западной Германии, доверенным лицом администрации города, вроде наставника для новой власти. Он сделал такой вывод:

— Я понимаю и ценю Вашу миссию. Она гуманна и благородна, и заслуживает уважения. Я готов ее поддержать. Возможности для этого имеются, и наш долг помочь госпиталю ветеранов прошлой войны. Жизнь человека зависит не только от его индивидуальности, но и во многом определяется Обществом, в котором он живет. Не всегда интересы человека и общества совпадают. Давайте оставим в стороне политическую ситуацию в России и будем думать, как помочь людям, которые нуждаются. Я Вам признателен как человек, как гражданин Германии, за Вашу инициативу и за обращение к немецкому народу. Пожалуйста, послушайте мое предложение: Вы должны представлять благотворительную общественную организацию в соответствии с законом вашей страны. Поэтому я предлагаю Вам, господин Максимов, создать благотворительную общественную организацию в России, целью которой будет гуманитарная помощь госпиталю ветеранов прошлой войны. Как это будет происходить, Вы определите сами. Если будете официально представлять это Общество, милости прошу в Дрезден. Буду рад видеть Вас вновь и помочь Вам.

Обговорили детали и условия по созданию общества, о котором, к моему стыду, я никогда не задумывался. Пообещал господину Хобаху создать в России благотворительное общество и в апреле-мае вернуться в Дрезден. Расставаясь, господин Хобах любезно добавил:

— Я Вам обещаю от имени администрации города, когда Вы вернетесь с официальными полномочиями, подарить 15 «КамАЗов» из резерва Народной армии ГДР. Ваше общество будет иметь свой автотранспорт!

Итоги встречи в бургомистрате потрясли меня: неожиданность, масштаб предложений немцев и, главное, их искренность. Причин радоваться предстоящему было немало. Это придало мне сил и уверенности.

В Москве встречаюсь с адресатами, которых мне рекомендовал

генерал Исаков, предоставляю информацию о целях своей миссии, встречаю понимание в необходимости помощи госпиталю и поддержки ветеранов за счет ЗГВ. Но механизм ее организации требуют времени, и решение сразу принято быть не может, поэтому я должен поддерживать связь с друзьями генерала Исакова.

По возвращении в Екатеринбург интересуюсь всем, что связано с созданием общественных, благотворительных организаций. Изучаю законодательные акты, встречаюсь с руководителями общественных организаций, консультируюсь с адвокатами, ищу помощников. Готовлю проект устава Фонда помощи инвалидам войны. Время меня торопит.

В марте 1992 года после подбора актива, в основном из ветеранов войны, в госпитале проходит собрание: обсуждается проект устава, избирается правление, я стал его президентом, вскоре регистрируется Фонд помощи инвалидам войны. В правление Фонда вошли инвалид войны, Герой Советского Союза Борис Рассохин, депутат Государственной Думы Лариса Мишустина, начальник госпиталя ветеранов войны в Екатеринбурге Семен Спектор, инвалид войны Виктор Максимов. Создание Фонда и определение дальнейшей работы по организации помощи ветеранам привело меня к мысли не дожидаться помощи от Генерального штаба, где пробивалось решение программы гуманитарной помощи, а обратиться непосредственно к министру обороны России. С этой идеей я спешу за советом к Ларисе Павловне Мишустиной.

Намерение обратиться к министру обороны Лариса Павловна одобряет и надеется добиться личной встречи. Ее, как депутата, волнует состояние медицинских учреждений, тем более положение в госпитале для ветеранов войны. Она и попросила меня подготовить проект письма министру обороны от имени Фонда.

Лариса Павловна — журналист, активная, миловидная женщина, общение с которой всегда приятно. После того, как текст отредактировали, Лариса Павловна приглашает меня в Москву. И вот мы в кабинете министра обороны Павла Грачева. Согласен с Борисом Ельциным, который когда-то сказал: «Такого министра обороны у нас еще не было!» Атлетическая фигура, прекрасная выправка, на мундире Золотая Звезда Героя. Поднимается из-за стола легко и любезно, я бы сказал, по-джентльменски, приветствует Ларису Павловну. Мы здороваемся, усаживаемся за стол. Впечатление от начала встречи хорошее.

Лариса Павловна информирует министра о проекте и цели нашего

визита. Завязывается разговор о сложности экономического состояния в России. Министр последовательно, буквально по абзацам, записывает наши просьбы, не спешит, чувствуется, обдумывает. Обстоятельно и откровенно я рассказал о положении в госпитале и подчеркнул, что там получают медицинскую помощь и участники афганской войны. Павел Грачев во время встречи приглашает по телефону генералов, в том числе командующего, насколько я понимал, автобронетанковых войск. Звонил командующему ЗГВ, командующим ВВС и Московского округа. Во всех случаях разговор касался возможности помощи госпиталям ветеранов войны. Распоряжений министра было много, но это были не команды, не приказы, а как бы обоюдные решения, и роль министра в этом напоминала мне роль дирижера, усиливающего, определяющего и выделяющего отдельные, самые важные аспекты в общем комплексе проблем по организации акции. Получилось вроде большого совещания руководства армии, на котором, как следствие, были приняты решения по механизму организации помощи.

Много времени прошло после той встречи с Павлом Грачевым. Для многих она была жизненно важной, но результат оказался не столь значительным, как мог бы быть. Его прервали почти на старте, сорвали по воле власти, а расплатились за это преждевременной смертью ветераны, старые солдаты. Говорю об этом еще и для того, чтобы защитить тех, кто был причастен к гуманитарной акции.

Во время встречи с Павлом Грачевым я понимал: многое для него было неожиданностью, особенно то, что касалось госпиталей, и это его волновало, он был озабочен происходящим. В эти моменты я видел в нем не генерала и чиновника, а человека, бывшего солдата. Отсюда и родилась его резолюция на нашем обращении: «Это важное государственное дело, наш святой долг...»

Несмотря на последующие события в политической и экономической жизни России, несмотря на катаклизмы во власти, в которых звучало имя Павла Грачева, считаю, что нужно отдать ему должное: решение о помощи армии госпиталям ветеранов войны было принято с подачи Павла Грачева.

В конце нашей встречи министр обороны, передавая мне координаты тех, с кем я должен был поддерживать контакты, спросил:

— Когда думаете быть в Вюнсдорфе?

— У меня проблемы с визой, но постараюсь побыстрее...

Не прошло и десяти минут, как в кабинет министра вошел генерал, и Павел Грачев, не прерывая разговора, кивнул головой в мою сторону, указывая генералу, и потом добавил:

— Дайте информацию, чтобы для Виктора Сергеевича не было проблем в Чкаловском с бортом на Вюнсдорф!

Прощаясь, мы обнялись с Павлом Сергеевичем:

— Держитесь, отцы, армия позаботится, поможем! Время не простое...

Обнимая Павла Грачева, я изумился: обнимал человека железных мускулов. Такого ощущения я раньше никогда не испытывал. Впечатление было сильное. Через час я выходил из здания Генерального штаба со служебным паспортом Министерства обороны, вручая который, генерал констатировал:

— Поздравляю! Вы по возрасту рекордсмен среди тех, кому мы вручали служебный паспорт нашего министерства. Желаю удачи и здоровья во имя добрых дел.

Все, для поездки в Германию больше не требовалось никаких дополнительных документов, виз, даже не надо записываться заранее на рейсы полетов из Чкаловска в Германию.

На следующий день в газете «Красная звезда» появилось сообщение о приеме министром обороны президента Фонда помощи инвалидов войны, ветерана войны Виктора Максимова. Обсуждались возможности помощи армией госпиталям для ветеранов войны. Министр принял решение: оказывать помощь за счет резерва ЗГВ, которая выводится из бывшей ГДР.

Вот текст обращения:

*Первому заместителю Главнокомандующего
Вооруженными Силами СНГ,
Первому заместителю
министра обороны России
генерал-полковнику П.С. Грачеву*

1. Передать в распоряжение нашего Фонда не менее двадцати автомобилей марки «КамАЗ», находящихся в Западной группе войск СНГ, поскольку десять КамАЗов, обещанных бундесвером, явно не обеспечат предстоящего объема перевозок.

2. В г. Дрездене выделить нашему Фонду гарнизон воинской части 05091, который в связи с выводом войск высвобождается к осени нынешнего года, где затем мы намерены сосредотачивать, обрабатывать и складировать гуманитарную помощь из Германии и других западноевропейских государств. Данный гарнизон, по уже достигнутой договоренности с земельным правительством Саксонии и обербургомистром г. Дрездена, после вывода войск будет передан нашему Фонду в его длительное и безвозмездное пользование, пока будет необходимость в гуманитарной помощи.

3. Передать Фонду часть военного имущества Западной группы войск СНГ, исключая, разумеется, боевую технику. Тогда, обладая юридическим правом владения этим имуществом, наш Фонд в последующем сможет планомерно, без спешки, обеспечивающей полную сохранность, реализовать это имущество как в Западной Европе, так и в России, а по согласованию с Вами часть вырученных таким образом денежных средств, включая валюту, передать в распоряжение Министерства обороны России. Перечень конкретного имущества, которое армия сможет передать Фонду, определяется Министерством обороны России и командованием Западной группы войск СНГ. Эта передача должна проводиться при участии и под соответствующим контролем представителей армии. Фонд, в свою очередь, обязуется, если потребуется, давать полные отчеты о реализации военного имущества и целевом использовании средств.

4. В районах Москвы и Екатеринбурга выделить часть военных складских помещений и автобаз, где бы Фонд имел возможность складировать, перерабатывать и распределять гуманитарную помощь, а также осуществлять стоянку и ремонт автотранспорта, занятого перевозками из Германии в Россию.

Осуществление всей этой программы действий позволит не только без дополнительных государственных дотаций улучшить медицинское обслуживание и материальное положение тысяч и тысяч военных инвалидов, находящихся ныне в крайне тяжелых, унижительных для человека обстоятельствах, а и реконструировать и расширять сеть госпиталей инвалидов войны, построить реабилитационный центр для воинов-афганцев. Это святое дело требует незамедлительных решений.

*Президент Фонда помощи
инвалидов войны,
инвалид Великой Отечественной войны*

В. Максимов

*Член совета Фонда,
депутат Верховного Совета
Российской Федерации*

Л. Мишустина

*Член совета Фонда,
Герой Советского Союза,
инвалид Великой Отечественной войны*

Б. Рассохин

Резолюция П. Грачева:

Тов. Бурлакову М.П.

Это очень важное государственное дело. Ветераны, инвалиды войны и Афганистана, мы должны глубоко чтить, уважать и гордиться. Это наш святой сыновий долг.

Прошу взять под личный контроль и принять к исполнению все четыре пункта просьб.

Подробности при встрече тов. Максимова В.С.

С уважением, г.п-к П. Грачев.

По решению министра обороны встречаюсь с командующим Московским округом. Обсуждаем возможности приема гуманитарного груза из Германии, его складирования и доставки по регионам. Встреча с генералом прошла в деловой обстановке и оставила у меня самое хорошее впечатление: я встречал полное понимание необходимости помощи армии госпиталям, которая, по мнению генерала, возрастала с каждым днем, хотя и сама армия в данный момент имела немало проблем.

Итак: имея в кармане письмо с просьбой о гуманитарной помощи ветеранам войны с резолюцией министра, для меня открыли ворота Чкаловского аэропорта. Лариса Павловна радовалась вместе со мной. Вперед! Через три часа я уже в Вюнсдорфе, получаю пропуска не только в военный городок, но и в штаб командования.

Командующий ЗГВ генерал Бурлаков, к которому я обращаюсь, проводит совещание с руководством служб штаба, представителями

воинских соединений ЗГВ, представляет меня и объявляет, что принято к исполнению решение министра обороны о проведении гуманитарной акции помощи госпиталям ветеранов войны в России. Проведение акции генерал Бурлаков возлагает на заместителя командующего по воспитательной работе генерала Иванушкина.

Меня такое решение взорвало, и я напомнил, как меня уже принимали политработники в штабе танковой армии в Дрездене, и в самой грубой форме выразил свое отношение к политработникам. Бурлаков замял разговор на эту тему, но я чувствовал молчаливое одобрение присутствующих моей реакции. По моей просьбе генерал Бурлаков дает указание: организовать гуманитарный центр в Дрездене в расположении воинской части, располагающей большими площадями складских помещений. Многие из участников совещания одобрительно отзывались о проведении акции и выражали готовность помогать инвалидам и ветеранам войны, а генерал Исаков как-то особенно пожал мою руку и, глядя в лицо, четко произнес:

— Поможем!

Я снова в Дрездене. На этот раз возвращаюсь в город с особым чувством. Замечу, что Мирра Петровна, у которой я получил приют в первое посещение, отсутствовала. Она была приглашена в Москву, где проектировались дома для офицеров ЗГВ, выводимой из Германии, строительство которых финансировалось германской стороной. Мне же представилась возможность пожить в ее квартире. Не заставил себя ждать приказ 46/203 главкома ЗГВ о передаче неиспользованного имущества ЗГВ Фонду помощи инвалидов войны Екатеринбурга. Все отлично.

От штаба ЗГВ я получаю в свое распоряжение легковой автомобиль с водителем, старшим прапорщиком, участником афганской войны Александром Якубовичем. Я ему очень благодарен за поддержку, за добрую душу, за усердие.

Начинаю знакомиться с общественными организациями города: Красным Крестом, «Мальтезером», молодежными организациями, которые начали помогать бывшим странам социалистического блока, особенно большая гуманитарная помощь пошла на Балканы.

Во многом активному началу работы мы обязаны начальнику штаба бригады, которая дислоцировалась в городе, подполковнику Зайкову. С ним сложились у меня дружеские отношения, и вместе мы планировали работу Фонда до вывода армии из Германии. Именно Зайков стал моей

главной опорой: помогал «выбивать» автотранспорт, руководил солдатами, определял помещения под офис, склады, организовывал питание при столовой бригады. Одним словом, делал все, что было необходимо для сбора гуманитарных дарений, упаковки и отгрузки.

Я посетил и господина Хобаха, информировал его о создании в России Фонда помощи инвалидам войны, рассказал о помощи Фонду Российской Армией ЗГВ, поблагодарил за совет по созданию благотворительной организации. К тому же я объявил господину Хобаху, что он стал как бы «крестным отцом» российского фонда по православной традиции. Господин Хобах за это звание, тем более российское, был очень благодарен. Он был удовлетворен полученной информацией и был рад началу реальной помощи ветеранам прошлой войны и, в свою очередь, предложил принять подготовленные семь «КамАЗов», как гуманитарное дарение от администрации Дрездена из резерва бывшей Народной армии ГДР. И с улыбкой добавил, что выполняет данное обещание и поясняет, что грузовики в хорошем техническом состоянии и заправлены горючим из расчета дороги до границы Германии с Польшей.

Предложение, откровенно говоря, шокировало меня своей неожиданностью и щедростью, но и озадачило. Что делать, как быть? Принимаю «КамАЗы», а где они должны стоять? А если я поставлю, то сколько дней они простоят? Ведь могут угнать! Только на днях подарили Фонду несколько тонн дефицитных запасных частей для «КамАЗов» в масле и в упаковке. Мы складировали их под замок, а через два дня все исчезло, улетучилось. Не только воровство пошло, но и грабежи. Все, что имело хоть малую ценность, воруют в открытую друг у друга.

Защитники Отечества! Если солдаты на дорогу прибирают по мелочам, то офицеры... Я был в растерянности, не знал, как быть. Любезно благодарю господина Хобаха, но объясняю, что не могу принять такой щедрый подарок: нет помещений для хранения, нет водителей, не решен вопрос с лагерем. Переводчик, наш армейский, смотрит на меня с изумлением и не может понять причину моего отказа. Позднее я убедился в правоте своего решения: машины и дарения невозможно было сохранить, все бы разворовали.

Сейчас сложно объяснить, по каким каналам расходилась информация о появлении в Дрездене Фонда помощи ветеранам войны в России. Но к нам посыпались предложения о помощи от германских общественных организаций, аптек, фирм, церквей. На двух «КамАЗах» с солдатами

едем в Лейпциг и из подвалов одной из церквей загружаем подарки. Все упаковано в коробки, сумки, мешки, там и продукты питания, игрушки. Немцы помогали чем могли.

Предлагали Фонду солидные объемы дарений от «Мальтезер» — Международной благотворительной организации. Я недоумевал, откуда немцы черпали информацию о сложностях, в которых оказался российский народ с крушением Советской власти, понимали экономические условия, в которых оказались россияне. Солидарность немцев с россиянами была для меня неожиданностью.

Постепенно склады заполняются гуманитарными дарениями: от функциональных кроватей с матрасами, инвалидными колясками до одежды и обуви...

В штабе ЗГВ сформировался штат, подбирали персонал из числа военнослужащих для работы на базе гуманитарной помощи и для выделения постоянного автотранспорта по сбору и транспортировке дарений на склады. Генерал Иванушкин на базе не появлялся. Я понимал, что для Иванушкина время сложное. Он, видимо, намеревался гуманитарную акцию взять в свои руки, да и делового контакта со мной не получалось, хотя через вторые лица попытка договориться была. Не могу сказать, почему, но я кому-то пришелся не ко двору.

Помнится, в первую минуту я оторопел, когда через несколько дней после совещания у генерала Бурлакова и приказа начальника штаба генерала Подгорного о предоставлении информации о возможности передачи имущества Фонду для госпиталей ветеранов войны у меня в руках оказалось три или четыре тома с перечнем имущества для возможного дарения. Бегло заглянув в списки, у меня перехватило дыхание: в моих руках были миллиарды рублей, сокровища.

В этот момент у меня мелькнуло: кто же может так просто взять и отдать кому-то такие ценности, хотя бы и во имя спасения старых солдат, ветеранов войны. Соображал, сколько людей думало об этих ценностях... Кто же, испытывая в жару, в зной жажду и находясь возле ручья с холодной, прохладной водой, не напьется?

В то время в Дрездене в трех сотнях метров от базы полыхали кострища, в которых сжигались резервы армии, хранящиеся на складах: от медикаментов до предметов санитарии. Особенно много днём и ночью уничтожалось перевязочных материалов, стерильных спецпакетов. Однажды дело чуть не дошло до драки: на моих глазах в мусоровозах

прессовали инвалидные коляски. Мои попытки что-то сохранить успехом не увенчались: мусоровоз глотал, что ему толкали в пасть. Кричу: «Караул, грабят, помогите...» Отзыва нет: все ссылаются на кого-то, а на кого — не поймешь и не найдешь. Замкнутый круг. И все же что-то попадало на склад Фонда: прапорщики, кладовщики копались в своих заначках, что-то списывали, и на склад Фонда перекочевывали обмундирование, обувь, постельные принадлежности, белье, включая бывшее в употреблении. С миру по нитке, а позже кто-то в России получал рубашку.

Постепенно склады заполняются гуманитарным дарением, и приходит время отгружать их в Россию. В штабе тыла генерала Исакова через диспетчеров транспортных операций, где меня уже знали, начинаю просить вагон под гуманитарный груз и вскоре получаю уведомление о решении его предоставления. Начальник службы по перевозкам железнодорожным транспортом Дрездена подполковник Геннадий Смирнов уведомляет о подаче вагона в ближайшее время под погрузку.

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

И вот груз для отправки подготовлен, солдаты предупреждены, два «КамАЗа» готовы к его доставке к вагону. В один из дней приезжаю на базу. Вагон подан, и загрузка пошла. Солдаты работают шустро, аккуратно и дирижирует погрузкой начальник штаба бригады подполковник Зайков. Не успел я осмотреться, как в работу включился военный комендант Дрездена, подполковник, украинец из-под Киева, забыл, к сожалению, фамилию и имя, с группой офицеров и солдат военной комендатуры. Едем на железнодорожную грузовую станцию, смотрю на вагон, радуюсь — огромный, нашенский, российский, таких больших у немцев нет. Смирнов уже ждет у вагона. Начинается загрузка. Вагон, в полном смысле слова, тремблется.

Огромный четырехосный вагон, забитый под завязку, как говорят в народе, стал первой ласточкой, которая полетела на мою грешную Родину в адрес госпиталя ветеранов войны Екатеринбурга, для старых солдат. Коляска для Бориса Рассохина была упакована в деревянный каркас и обшита свежей фанерой. Когда образовалась пауза, я объяснил солдатам, что коляска подарена молодыми летчиками ветерану войны, инвалиду, бывшему летчику, Герою Советского Союза Борису Рассохину. Попросил ребят написать несколько слов деду Боре. Все солдаты написали теплые

слова в адрес ветерана и расписались, а также положили в упаковку с коляской бутылку коньяка «Наполеон» и водку. Потом я узнал, что вагон с гуманитарной помощью почему-то получил городской комитет ветеранов войны Екатеринбурга и распределил ее по районным комитетам, где комиссией решали вопрос о предоставлении персональной помощи тем, кто в ней остро нуждался. Получил свою часть госпиталь ветеранов войны. Радовался коляске и Борис Рассохин.

Если участвовать в этой операции или хотя бы наблюдать за погрузкой, то какими словами объяснить настроение людей от молодого солдата до зрелого человека, старшего офицера? Почему последние принимали такое активное участие, хотя их и не заставляли грузить вагон? Чем объяснить поведение офицеров, а тем более передать их чувство праздника, внутреннего подъема и счастливые улыбки на потных лицах?

Закрыли вагон, счастье не покидало людей: кто-то похлопывал рукой по вагону и наставлял — давай, давай, кати, вези... Поведение всех было естественным, проявилось понимание благородства цели. Я был тоже счастливым человеком вместе с ними, радовался за своих стариков. Это добавляло мне уверенности и сил.

РОБКИЕ ШАГИ НАВСТРЕЧУ

Расширяются связи с общественными, благотворительными организациями в Дрездене, с трудом крепнет уверенность в помощи армии. Мы постепенно обживаемся на территории воинской части, налаживаем отношения с офицерами и прапорщиками гарнизона, штаба танковой армии, службой генерала Владимира Исакова и лично с ним.

Появляется круг знакомств и с офицерами военной академии бывшей Народной армией ГДР, но уже на стадии ее ликвидации. Большинство преподавателей, офицеров академии — выпускники советской системы академий Министерства обороны — хорошо владеют русским языком.

Однажды я получаю информацию от полковника бывшей Народной армии, что в Дрездене в военно-историческом музее состоится встреча немецких солдат, участников Сталинградской битвы, и меня приглашают принять в ней участие. Приглашение от своих бывших смертельных врагов. Быть с ними, сидеть за одним столом было заманчиво для меня. Я принял предложение.

Ранее, когда появилась возможность посетить Германию, у меня

никогда не возникало каких-либо раздумий о немецких солдатах. Но где-то подспудно они оставались врагами. Не то чтобы я испытывал к ним злобу или ненависть. Нет! Все, что касалось войны, отступило куда-то назад, и не возникало мысли о возможных встречах с немецкими солдатами. Сейчас вокруг меня были немцы, обычные немцы, за этим словом оставался мир без солдат, мир без войны. Я продолжал находиться и общаться в Германии, в первую очередь, с русскими и частично с немцами. Но они говорили по-русски, и мне казалось, что от них даже пахнет русским духом, и мало обращал внимания, не придавал значения всему остальному, хотя и видел в современной германской жизни много удивительного. Даже покаюсь: удивлялся, сам себя спрашивал, например, как же так, вокруг магазинов, прямо на улицах развешены товары, немцы выбирают покупку и идут в помещение магазина расплачиваться. Или гуляешь по торговому центру и сам, своими руками, берешь, смотришь продукты и кладешь в корзину. Очередей нет, в спину тебя никто не толкает. Удивлялся! Что было, то было. Это было не от мира моего, в котором я прожил полвека. Это был не мой мир. Ходил, гулял, читал вывески, объявления и вникал в смысл виденного, убеждался, что не все ладно с моими знаниями немецкого языка, на которые я рассчитывал.

...Итак, я отправился на встречу. На нее съехалось около двухсот человек, в том числе и из западных земель Германии. Присматривался: люди как люди, моего возраста и старше. Никаких внешних отличий. Одеты просто, обычно. Я спокоен, никакого нервного напряжения нет, но ощущаются некоторое волнение, интерес к предстоящему, ожидание возможных упреков, обвинений в адрес русских и даже оскорблений. Сажу в ожидании, рядом полковник в штатском и на приличном русском языке рассказывает, что все присутствующие в прошлом солдаты, они воевали под Сталинградом и Красной Армией были взяты в плен.

Идут разговоры о прошлом: оцениваются события, предшествующие началу войны, сама война, плен. О настоящем и будущем времени разговора не было, разве что высказывалось удовлетворение тем, что выводятся советские войска из Германии. Спорили жестко, грубо обвиняли Гитлера за начало войны на Востоке против русских, но больше всего говорили о Сталинградской битве, говорили о голоде, морозе, гибели солдат, обвиняли Паулюса за позднюю капитуляцию. Страшно было слышать о плене, о гибели немецких солдат от голода и холода, о том,

как военнопленных развозили по лагерям в товарных вагонах без пищи и воды, в холоде, пока везли, в живых оставалось меньше половины...

Но были и спокойный анализ трагических условий: пленных много, продуктов питания русским самим не хватало, лагерей нет, морозы. Отмечали, что солдаты стали умирать от голода и холода еще до пленения, и получалось, что многие, наоборот, выжили благодаря плену. Я бы сказал: негативные факты трактовались немецкими солдатами в своем большинстве объективно, с учетом условий того времени.

Немцы рассказывали и о том, что позднее, в лагерях, их кормили лучше, чем питались сами русские. Неоднократно звучало, что в прошлой войне немецкий народ оказался в роли пушечного мяса по воле Гитлера и его команды. Не припоминаю, чтобы солдаты говорили о проблемах будущего, думали о борьбе за мир и выступали против войны. Затрагивались социальные проблемы, но одно выступление меня удивило. Из него я мог понять, что в ГДР инвалидов и ветеранов войны не было. В первый момент я не понимал сути вопроса, подумал, что неправильно понял сказанное. Однако позднее убедился в этом — не было в ГДР официально ни ветеранов, ни инвалидов войны!

Вот, пожалуй, и все, что я услышал из уст немецких солдат и почувствовал уже в то время. И это стало для меня неожиданностью — они говорили, как люди, а не как солдаты. Я осознавал, что какие-то нити связывают мою судьбу с судьбой немецких солдат. Может быть потому, что война была одна на всех, она заставила убивать, а теперь заставляет размышлять — ради чего и ради кого все это было. Таков был первый шаг к знакомству с немецкими солдатами, в прошлом с моими кровными врагами. Это был первый шаг к изменению оценки моего жизненного пути.

...А сейчас — лето в разгаре, солнечное утро, предвещающее жаркую погоду. За мной приезжает Саша Якубович. Я встречаю его с улыбкой, настроение соответствует погоде. Едем в гарнизон, на базу. Нарастают обороты поступления гуманитарной помощи на склады: идут дарения от Красного Креста, «Мальтезера», библиотек, от служб генерала Иванушкина, везут спортивный инвентарь, музыкальные инструменты, один из складов заполняется мукой. Большое количество дарений от населения, даже через военную комендатуру проходят подарки от жителей городов и деревень Саксонии.

Очень нужны вагоны. Информировую ребят из отдела перевозок генерала Владимира Исакова, в штабе ЗГВ. Проблем нет. По железнодо-

рожной ветке, непосредственно по базе, подаются три железнодорожных вагона европейского стандарта. К этому времени подготовлены десятки немецких металлических контейнеров, заполненных гуманитарным дарением, они загружаются в вагоны и отгружаются запломбированными. Адреса доставки вагонов ограничены договором с Германией, которая оплачивает перевозку, и поэтому вагоны могут быть доставлены только до Москвы.

При загрузке вагонов присутствовали подполковник Геннадий Смирнов, начальник штаба бригады подполковник Зайков и военный комендант. Было сделано все, чтобы как можно больше загрузить контейнеров в вагоны. Гуманитарная помощь отправлялась в адрес московского отделения Фонда помощи инвалидам войны. Все условия поставки Фонду были обговорены с председателем его отделения Донатом Сидоровым. Помощь дошла до адресатов: госпиталей ветеранов войны Москвы и Подмосковья, детских домов детей-сирот.

Продолжался вывод Советской Армии, сокращалась численность ее персонала, опустели солдатские казармы. В гарнизоне, где базировался Фонд, собрал свое хозяйство штаб бригады, штаб танковой армии. Командующий армией (фамилию, к моему сожалению, уже не помню), уже из молодых генералов, известил меня, что со мной хотел бы встретиться генерал бундесвера, командующий восточным округом Германии генерал Рихтер.

Захожу в приемную командующего. Дежурный офицер докладывает о моем прибытии и приглашает в кабинет, вхожу. Все присутствующие встают, командующий представляет меня, коротко говорит о содержании моей работы в Германии. Представляет гостей.

Генерал Рихтер смотрит мне в лицо и говорит, что он рад встрече с российским ветераном войны, надеется на успешное проведение гуманитарной акции и просит лично обращаться к нему. Если со стороны бундесвера будет необходима помощь, бундесвер готов помочь российским ветеранам прошлой войны. Я, в свою очередь, поблагодарил генерала Рихтера за встречу и минут через десять покинул кабинет командующего. Встреча с немецким генералом удивила меня, особенно тем, как доброжелательно немцы встретили меня.

В августе армия прощалась с могилами советских солдат, погибших и умерших в госпиталях и захороненных в Дрездене. В траурной церемонии принимал участие и я, возложив цветы к памятнику на кладбище.

После окончания траурного митинга я стоял возле автомашины с председателем Общества германо-советской дружбы доктором Эртелем и его коллегами, и мы делились впечатлениями о прошедшем событии. Стоявшая рядом женщина средних лет приятной внешности, разглядывая на моей груди орденские планки, на русском языке спросила, откуда я и какова моя миссия в Дрездене.

Отвечал с гордостью: «Я из России, с Урала, возглавляю Фонд помощи ветеранам войны и нахожусь в Дрездене с намерением организовать гуманитарную помощь инвалидам и ветеранам прошлой войны, в которой они сейчас нуждаются». Тут же обращаюсь к собеседнице:

— Не можете ли Вы, в случае необходимости, оказать любезность и быть участником этой гуманитарной акции?

— Я много раз бывала в Советском Союзе, у меня друзья в Москве, я поклонница бывшего Союза, уважаю русских людей, но сейчас занята своими проблемами. На всякий случай оставляю Вам свой телефон. — Я получаю визитную карточку. — Возможно, я смогу быть полезной вашему Фонду, если возникнет необходимость, сообщите. Мое имя Ханнелоре Дандерс. Имя сложное, запоминается не сразу, особенно для русского уха.

Попрощались, а улыбка этой женщины осталась в моей памяти.

Доктор Эртель с уходом Ханнелоре Дандерс заочно представил новую знакомую. Оказалось, что она была председателем регионального Общества германо-советской дружбы в одном из районов города, хорошо знает русских, дружит с ними и, конечно, может помочь Фонду, и, если я привлеку Ханнелоре к нашей акции, считайте — повезло!

— Держитесь за нее... — так напутствовал меня доктор Эртель.

Многие годы, являясь представителем ГДР в Совете экономической взаимопомощи, доктор Эртель немало времени проводил в Москве, хорошо знал не только историю, но и душу нашего народа. Я благодарен судьбе, что она свела меня с этим человеком в начале гуманитарной акции, его советы, его мнение помогали успешной работе Фонда, а потом и германскому Обществу помощи ветеранам войны в России, членом которого он стал позднее.

Многочисленные встречи с немцами, владеющими русским языком, с которыми сводила меня судьба в Германии, всегда приводили к дружеским отношениям. Связующей нитью, которая нас сближала, был наш великий и могучий русский язык. Он был несомненным важнейшим

фактором первого шага к взаимности. Сам же я не мог стартовать, мое владение немецким языком было ничтожным.

В том, что многие немцы владеют русским языком, конечно, заслуга ГДР, где формировалось и доброжелательное отношение к бывшему Советскому Союзу. Это была неотъемлемая часть государственной политики. Значительную роль в знании немцами русского языка сыграло и общение с офицерами из ЗГВ. До сегодняшнего дня многие из них с удовольствием рассказывают о своих встречах с офицерами и смеются, вспоминая, как впервые пили водку с русскими. Удивительно было и то, что многие поддерживают связь с русскими и сейчас.

...После прощания армии с воинскими могилами с надрывом заревели мощные тягачи. В этой суматохе я поскандалил, и довольно серьезно, с командиром бригады, полковником. Он где-то «раздобыл» бортовой «МАЗ» и загрузил автомобиль до предела всем, что представляло собой ценность, в том числе и кислородными баллонами с ремонтного участка бригады, где я хотел организовать ремонт автотранспорта, используемого на перевозке гуманитарных грузов. Я старался сохранить ремонтный участок. В присутствии офицеров потребовал вернуть баллоны на место.

Этот эпизод стал достоянием гласности. И несложно представить реакцию военных: одни проклинали меня до самой печенки, другие гордились моей смелостью и открыто возмущались беспределом начальства. Понятно, кто-то гнал машины через Польшу, а кто-то отправлял через Росток, морем, и не «Трабанты» или западное старье, а «МАЗы», «КамАЗы», да не по одному, и загруженные до предела... Время было смутное, тревожное и хлопотное, и многие спешили урвать что можно, а можно было многое, но не все и не для всех. Я видел, как офицеры, прапорщики покупали старые автомобили за свои деньги. Это были люди чести, достоинства. Многие из них помогали работе Фонда.

Прошло небольшое время после отгрузки вагонов в Москву, и я снова в штабе генерала Исакова, в службе отдела перевозок. Благодарю офицеров за своевременную подачу вагонов и пытаюсь обговорить возможности следующего получения Фондом вагонов под гуманитарную помощь. Замечаю, что офицеры в разговоре о сроках подачи очередных вагонов не так оптимистичны. По договору имуществом ЗГВ, объемами, адресами, вагонами, как я понял, распоряжалась отдельная служба и свои решения передавала в отдел перевозок. В связи с этим требуется особое разрешение на перевозку гуманитарного груза, с чем я и обращался в

отдел перевозок, но разрешения пока не получено. Например, последние вагоны хотели отгрузить на Урал, а разрешали только до Москвы.

Я понимал, что с подачей вагонов возникают определенные бюрократические проблемы, но меня насторожило то, что кроме меня с заявкой на подачу вагонов больше никто не обращался. Вагоны заказывала служба генерала Исакова. Ищу встречи с генералом. Владимир Ильич ссылается также на договор и, видя мое нервное состояние, пытается успокоить: «Постараемся, придумаем что-нибудь». Я видел, чувствовал, в его голосе и во взгляде отсутствовала уверенность, обычно присущая людям с генеральскими погонами на плечах. Казалось, он что-то недоговаривал.

Однажды возвращался с Сашей из Вюнсдорфа в Дрезден, на душе было беспокойно. Не знаю, как объяснить, но интуиция подсказывала: ситуация усложняется, а причины мне пока не известны, но искать их нужно у Иванушкина. Именно его главком ЗГВ назначил ответственным за выполнение распоряжения министра обороны генерала Грачева, и это решение, вроде было логично. Службы Иванушкина продолжали доставлять на базу книги от библиотек воинских частей, что-то из музыкальных инструментов, спортивный инвентарь, киноустановки с экранами, кинофильмы, телевизоры советского производства. После доставки в Россию в госпиталях и детских домах многое из этого оказывалось, мягко говоря, не совсем желаемого качества, естественно, кроме книг, кинофильмов.

НАЧАЛО ПРОБЛЕМ

После очередной поездки в штаб ЗГВ звоню Ханнелоре Дандерс, прошу о встрече и приглашаю посетить гарнизон, где базируется Фонд. В ответ получаю приглашение встретиться у нее дома. В назначенное время с букетиком цветов я у Х. Дандерс. Хозяйка в обращении со мной в меру приветлива. За чашкой кофе рассказываю о своих целях, положении дел в госпитале инвалидов и ветеранов войны в Екатеринбурге, стараюсь объяснить общую ситуацию положения ветеранов.

Конечно, я передал подробности, предшествующие созданию Фонда помощи инвалидам войны в России, и крестным отцом Фонда назвал немца, господина Хобаха, по рекомендации которого мною и был зарегистрирован Фонд в России. Не делал секрета о начале гуманитарной помощи ветеранам армией ЗГВ, которую поддержал министр обороны

генерал Грачев, и не скрывал беспокойства, что помощь армии определяется временем ее пребывания до вывода из Германии.

В разговоре постепенно и как-то незаметно для меня я проникся чувством доверия к своей собеседнице: исчезло ощущение, что разговариваю с иностранкой, немкой, звучала русская речь. Касаясь различных тем, связанных с событиями в России, литературы моего народа, его истории, Ханнелоре восхищалась классической музыкой, восторгалась творчеством Чайковского... Мы говорили на одной ноте, на одном языке.

Я узнал о ее общественной деятельности в качестве председателя регионального Общества германо-советской дружбы, о ее поездках в Союз, в республики Кавказа и Средней Азии. Она работала с туристическими группами, принимала участие в конференциях, симпозиумах по изучению русского языка. В Германии по теории изучения русского языка защитила докторскую диссертацию. Активно участвовала в подготовке и проведении встреч общественности с солдатами и офицерами ЗГВ. Я попросил Ханнелоре дать совет о возможности организации в Германии общественной благотворительной организации по оказанию помощи инвалидам и ветеранам в России и сослался на идею, предложенную господином Хобахом.

Моя просьба, естественно, была неожиданной, и Ханнелоре задумалась:

— Я сейчас занята... Не знаю...

— Прошу Вас, Ханнелоре, прошу о помощи. У вас друзья, коллеги по общественной работе, люди, изучающие или знающие русский язык, знакомые... Это не только моя просьба, но и требование времени. Посоветуйте, подумайте!

Наступила пауза, но я чувствовал: Ханнелоре зацепила моя просьба. Тем более война наложила и на нее свою роковую печать — на фронте погиб отец, человек высокой гуманности: учитель, директор школы по воле власти стал солдатом, санитаром, на фронте был убит.

— Мне близка Россия, близок ее народ, небезразлична и судьба ваших ветеранов и, откровенно говоря, я никогда и не задумывалась об этом. Хотелось бы помочь, быть полезной. У нас в ГДР никогда не существовало ни ветеранов, ни инвалидов войны, мы не говорили об этом, потому что они были врагами вашего народа, были фашистами... Я подумаю! Позвоните, пожалуйста, в воскресенье, если у Вас нет выхода. Я

поняла Вашу идею помощи ветеранам, возможно, это и необходимо со стороны нас, немцев...

До воскресенья оставалось четыре дня.

Время есть. Еду в Вюнсдорф выяснять причину задержки поставки вагонов под гуманитарную помощь, и подтолкнул меня на эту поездку подполковник Геннадий Смирнов, начальник службы перевозок железнодорожным транспортом в Дрездене. По его мнению, появились определенные, пока ему не понятные, сбои с вагонами для гуманитарной помощи, и лучше решать эти проблемы в штабе генерала Исакова.

В отделе перевозок при штабе ЗГВ офицеры объяснили мне, подтверждая неофициальную информацию, что проблемы с вагонами повисли в воздухе не по вине их службы. Думают, причины возникли не в штабе, если генерал Исаков обращается с этим вопросом в Генеральный штаб Министерства обороны, а в Москве, которая определяет адреса отгрузки имущества ЗГВ.

В разговорах возникало мнение, что, возможно, определенные лица из командования не заинтересованы, в силу определенных причин, в отгрузке Фондом гуманитарной помощи. Проскользнула мысль и о том, что я со своим Фондом отнимаю кусок пирога, загораживаю кому-то дорогу... Кому, не говорили, но по выражению лиц, как они обменивались ироничными улыбками, я был уверен, офицерам многое было известно... Но служба! Это работа, это деньги на жизнь, а впереди полная неизвестность после вывода армии из Германии. Одно было ясно: штаба ЗГВ больше не будет...

В скверном настроении выхожу из штаба, нарастает убежденность в отсутствии перспективы на получение вагонов под гуманитарный груз. Саша встречает меня у КП и с первого взгляда понимает мое состояние. Молча идем к машине, и Саша предлагает:

— Виктор Сергеевич, может, посидите за рулем?

Саша знает, что это для меня лекарство. Принимаю его предложение с чувством благодарности и усаживаюсь за руль нашей «семерочки», которую на первом совещании генерал Бурлаков приказал передать мне, лишив машины одного из генералов.

Какое удовольствие получаю, когда на родной «семерке» проезжаю через леса, поля, на которых даже признаков сорняка не увидишь. Деревни красивые, чистые, опрятные, восхищаюсь дорогой, покрытой свежим асфальтом и такой разметкой, которую никогда, с окончания

войны, не видывал. Ездишь по таким дорогам ночью, как и днем, словно по улице.

Езда успокаивает, отвлекает от забот. Доволен и Саша, мой постоянный спутник: прошел Афганистан, награжден орденом Красной Звезды, скромный, терпеливый, выдержанный, ответственный. Саша стал близким мне человеком. Он видел все мои муки. Его советы помогали мне и нашему общему делу.

ДОКТОР ЗЮСС

Развал Союза, происходящие события в России, хаос в экономике, тяжелое социальное и материальное положение народа — все это в Германии широко освещалось и комментировалось в СМИ. Немцы, чему я являлся свидетелем, понимали материальные проблемы наших людей и старались помочь россиянам и бывшим странам соцлагеря. Склады Фонда пополнялись дарениями: было что отправлять в Россию, но не было вагонов.

С волнением ожидал встречи с Ханнелоре и откровенно поделился с ней своей тревогой за судьбу гуманитарной акции, тем более накануне по телефону получил грустные новости из госпиталя в Екатеринбурге. Не спрашивая ни о чем Ханнелоре, говорю, что гуманитарная акция может рухнуть с выводом армии. Надежда остается одна — помощь немцев!

Ханнелоре понимала мое состояние. Оно действительно было неважное. Она осторожно, деликатно старается успокоить меня и пытается определиться с организацией благотворительного общества в Германии. Оказывается, она уже выясняла условия его организации и получила информацию о поддержке правительством Германии создания и работы Общества:

— Появление благотворительного Общества помощи ветеранам прошлой войны в Германии на общественных началах возможно — таково резюме Ханнелоре.

Ханнелоре предлагает вместе поехать и встретиться с доктором Зюссом. Он ее коллега по институту, знакомство и дружеские отношения с ним сложились чуть ли не со времен молодости. С чувством гордости рассказала, что доктор Зюсс владеет в совершенстве русским языком, как никто другой из немцев. Она уже разговаривала с ним, вводила в курс всего происходящего и просила стать участником организации

гуманитарной помощи инвалидам и ветеранам войны в России и помочь созданию благотворительного общества в Германии.

Но доктор Зюсс от предложения отказался, и, как думает Ханнелоре, для этого были действительно серьезные причины, основная — действие новой власти. После падения Берлинской стены его уволили из высшего учебного заведения с официальным уведомлением о запрете работы со студентами. По сути, преподавательский состав высших учебных заведений ГДР был грубо выброшен на улицу, как и сама Ханнелоре.

Ханнелоре знала доктора Зюсса, его любовь к студентам. Он гуманист, интеллигент, человек большой культуры, активный, общительный, обаятельный, не мог сидеть без дела. Ханнелоре считала, что, если он согласится на сотрудничество, Фонд только выиграет.

Она позвонила, разговор шел на немецком языке. Я слышал убедительный тон голоса Ханнелоре и понимал, что тема разговора для обеих сторон непростая. Внутреннее напряжение у меня нарастало. Но тут лицо ее озаряется улыбкой:

— Доктор Зюсс дома, можем подъехать к нему сейчас...

И мы едем. Поднимаемся по лестнице, на площадках между этажами вижу цветы, много цветов, куклы или статуэтки, но что это — спрашивать как-то неудобно, хотя хотелось бы. Диковинка!

В дверях квартиры нас приветливо встречает мужчина: в годах, выше среднего роста, стройный, с короткой стрижкой седых волос, приятное, интеллигентное лицо. Здравствуемся. Протягивает руку: «Зюсс». Представляет невысокого роста женщину: «Моя жена Хельга». Рассаживаемся в комнате: скромная обстановка, ничего особенного, вижу шкафы с книгами. Фрау Хельга предлагает сок, минеральную воду. Через несколько минут я прихожу в восторг, слушая чистейшую русскую речь доктора Зюсса, да еще переплетенную исконно русскими словами и выражениями.

Разговор был продолжительным, за чашкой кофе я рассказывал о сложившейся ситуации в России, социальном положении людей и особенно инвалидов и ветеранов прошлой войны, на примере госпиталя ветеранов войны в Екатеринбурге. За разговором, казалось, я расслабился, но одновременно во мне нарастало чувство внутреннего восторга, подъема и удовлетворения от мысли, что я делаю следующий шаг.

В конечном итоге все сложилось так, как оно и должно было сложиться: доктор Зюсс не смог остаться в стороне от гуманного, святого дела помощи людям, жертвам войны. Ханнелоре и фрау Хельга переключились

на что-то житейское, а мы договорились с доктором Зюссом о встрече на следующий день в Фонде, где он будет знакомиться с состоянием дел. Не знаю почему, но я расставался со ставшими мне близкими людьми в небывалом, приподнятом настроении, и это чувство подарили мне немцы в Германии.

На следующий день доктор Зюсс прибыл на базу: знакомлю его с начальником базы и представляю доктора Зюсса как представителя Фонда с немецкой стороны. Осматриваем общежитие, столовую, солдатскую кухню, вспомогательные помещения. Все расположено в одноэтажном здании и сделано умелыми руками солдат (огромное, многоэтажное здание старой казармы уже пустовало).

Доктор Зюсс почувствовал себя на базе, как у нас говорят, своим человеком: самостоятельно общается, разговаривает с солдатами, что вызывает восторг. Солдаты не отрывают глаз от него, звучат шутки-прибаутки, русские пословицы, байки, смех. Я удивляюсь и радуюсь не меньше солдат, как доктор Зюсс владеет психологией общения, ведь каждый из собеседников постоянно находится в центре его внимания, для всех он находит нужное слово. Проходим с доктором Зюссом по складам: материалы где-то складировались на полках, стеллажах, но больше навалом, все разбросано или перемешано... В одном складе — бочки, ящики, коробки, бутылки, краска, лаки, эмали, растворители. Доктор Зюсс не выдерживает:

— Нужно привлечь специалистов, рассортировать, определить, где нужно, где ненужное...

Вот так! Своевременный урок и для меня. Потом сидим в кабинете и обсуждаем увиденное, определяем организацию складского хозяйства. Начальник базы получает конкретные указания навести порядок.

Основной темой наших бесед стал поиск возможности организации благотворительного общества в Германии. Разбирали, анализировали устав российского Фонда, но на многие вопросы ответа не находили. Еще предстояло познакомиться с законами, определяющими работу общественных организаций в Германии.

На следующий день доктор Зюсс снова на базе, приехала и Ханнелоре. Мы продолжаем осматривать армейское хозяйство. Оценивали то, что оставили прапорщики от имущества, обмундирования. В основном бывшее в употреблении. Определяли, что оставить для гуманитарной помощи. Одобрив мое предложение, и два солдата на швейных машинах

из старых плащ-палаток шили мешки для упаковки гуманитарных дарений в Россию.

Мои новые друзья знакомятся с армейским персоналом, занятым на базе помощью Фонду. Именно в этот день я заметил особенность в поведении доктора Зюсса и Ханнелоре. Их тянуло к солдатам, к молодым парням, временами казалось, что, кроме них, они никого и ничего не видят вокруг. Тянулись к немцам с любопытством и мои ребята: с обеих сторон проявлялся взаимный интерес к общению. В первый момент мне показалось что-то странным. Но что? Сейчас такое чувство не могло и возникнуть вообще, а в то время заставляло задуматься, а и суть-то была на поверхности — немцы! Немцы и русские потянулись друг к другу. И это потрясало. Картина этого порыва взволновала меня.

На память приходит снова судьба солдата. В первые дни моего появления на базе ко мне пришел мой ровесник, русский ветеран войны и поведал такую историю. После окончания войны Вадим, так звали гостя, продолжал службу техником-лейтенантом в авиаподразделении. Война закончилась, молодость, счастливое время. И влюбился Вадим в молодую, красивую немку. Любовь оказалась взаимной, и Вадиму вскоре предстояло стать отцом. На крыльях радости он обращается к начальству с рапортом на право зарегистрировать брак с любимым человеком, тем более, у них будет ребенок.

На следующий день, не успел Вадим даже сообразить, что происходит, как оказался в России, даже не успев попрощаться с любимой, вылетел из армии... Шли годы, узнать судьбу своей любимой и ребенка не удавалось. От жизни никуда не уйдешь: женился, родились дети, а мысли не покидали Дрезден. Дети выросли, обрели семьи, к старости он овдовел, а тут еще и распался Советский Союз, началась чехарда, суматоха. И первая мысль — уехать в Дрезден и найти там свою любовь. Почти через полвека Вадим все-таки встретился с Анной-Лизой и своим сыном Петером. Анна-Лиза тоже оказалась вдовой, и они второй раз пошли навстречу друг другу и зарегистрировали брак. Судьба вернула солдату ранее утраченное счастье, но не уберегла от болезни. Через три года Вадима не стало.

В Германии ко мне судьба была благосклонна и подарила встречу с Ханнелоре и доктором Зюссом. Немцы отработали программу создания германского Общества помощи ветеранам войны в России, привлекли к этому своих сограждан, нашли учредителей, в том числе и среди

западников, деловых людей, общественности. Основная работа по организации Общества легла на плечи доктора Зюсса и его активную помощницу Ханнелоре.

Проходит собрание учредителей, желающих принять участие в гуманитарной акции. Это представители общественности Дрездена, бывшие коллеги доктора Зюсса. А он избирается председателем Общества помощи ветеранам войны в России. Я стал заместителем председателя по решению вопросов, связанных с российской стороной, касающихся таможенных и других проблем с доставкой дарений в Россию и контролем за их использованием. Избирается правление Общества из шести человек.

После собрания начинается подготовка к регистрации Общества, что требует времени, в том числе решение суда, утверждающее его статус, председателя общества, заместителя и казначея. А на базе появляются новые люди: доктор Зюсс представляет активистов Общества: своих коллег по работе в институте, знакомых, друзей. В складских помещениях немцы наводят порядок. Немцы есть немцы. Начинаю привыкать к их педантичности: тщательно сортируют, пакуют, все раскладывают по стеллажам, одно к одному, выделяя то, что заслуживает внимания для отправки в Россию.

Дарения продолжают поступать, особенно много одежды, обуви, постельных принадлежностей: их доставляют через военного коменданта, аптеки, приходят посылки даже от настоятеля православной церкви отца Георгия, частных лиц. Стал приезжать на своем грузовике Зигфрид Циллер, чуть помоложе меня: молчаливый, коренастый, постоянно чем-то озабоченный, одетый в рабочий комбинезон. Он наводил порядок, собирал мусор: отходы армейского хозяйства, старую авторезину от грузовиков, аккумуляторы, брошенные детали и узлы от различных механизмов; просроченные консервы отвозил на корм скоту.

Узнаю, что вывоз мусора обходится недешево, плюс плата там, где он сваливался. Денег у Фонда нет, беспокоюсь. Доктор Зюсс утешает: «Зигфрид — немец! Кое-что из металла он вывозит в те приемные пункты, где можно получить небольшие деньги и расплатиться за мусор, а то и свои деньги заплатит. Он ранее занимался автоперевозками, не обеднеет». С помощью, мне думается, Зигфрида Циллера, получили в подарок микроавтобус «Баркас». Впоследствии на нем перевезли на базу не одну тонну гуманитарных дарений.

Необходимо сказать несколько слов о сложившейся ситуации в землях, которые появились после объединения с бывшей ГДР. Они пережили период перехода к западным стандартам. Ликвидировались фирмы, компании, предприятия, с Запада стали вливаться огромные инвестиции, создавались новые, современные отрасли производства, внедрялись новые технологии, переоснащались, например больницы, лечебные учреждения. Однажды доктор Зюсс предложил поехать и посмотреть стекольный завод. Посмотреть, в том смысле, что не пригодится ли что Фонду. Осмотрели: завод демонтировали, оборудование приготовлено к продаже, его цена — одна марка, оплати и забирай. Думаю, могу оплатить назначенную цену, деньги в кошельке есть, тем более под Екатеринбургом оказался в огромных запасах подходящий кварц. Но доставка и монтаж завода на Урал по предварительным расчетам обойдется в 500 тысяч марок. Оплатить стоимость продажи завода в одну марку я мог, а узнав про полмиллиона, забыл о заводе в тот же день, хотя меня просили в России о содействии.

Что только в то время не дарили немцы. Доктор Зюсс просил поехать с ним в медицинскую академию в Дрездене, где он должен получить что-то нужное для госпиталя. Четверо солдат на «КамАЗе» едут вслед за нами. На складах медицинской академии солдаты, полураздетые, потные, таскают из склада упаковки с постельным бельем и укладывают в кузов «КамАЗа», а я оглядываюсь по сторонам, не видит ли кто, не подумают ли, что русские солдаты грабят склад. Пришел в себя, успокоился в буфете академии за столом. Доктор Зюсс угощал ребят обедом, естественно, за свой счет, а те в прекрасном, приподнятом настроении жуют и пьют напитки и от души смеются, а немцы за соседними столиками кушают и, поглядывая на солдат, приветливо улыбаются. Меня радовало настроение ребят, они сделали доброе, нужное дело.

Случалось со мной такое нередко, волновался и радовался, особенно в первое время, когда принимал дарения. Потом это чувство становилось естественным, оставалась только радость со слезами на глазах, иногда и горло перехватывало...

В начале каждого дня часто я слышал от доктора Зюсса:

— Виктор, нужно съездить, посмотреть...

Ездим, смотрим. Звоню начальнику госпиталя: что брат, что не брат? Семен упрощает мои заботы.

— Бери все, что дают, что можно! Все надо! Не гадай, сидим с голой

задницей... Немцы все равно ерунду не дадут. Все бери!

Коротко и ясно. Я понимал, о чем говорил Семен.

Предложения поступали часто, и мы с доктором Зюссом принимали дарения, особенно если это касалось медицинской техники. Все оказывалось на складах. Затрудняюсь сейчас ответить, почему жадничал и принимал все, что предлагали. Иногда доктор Зюсс, видя это, морщился, а я толковал ему, что госпиталь не богат техникой, но есть еще и региональные больницы: немцы отдают старое, заменяя новой техникой, а там мы можем только мечтать о том, что они отдают.

Хрусталики для глаз и слуховые аппараты я передавал в госпиталь своими руками. Меня радовало: госпиталь, меньше года оперируя глаза, не имел проблем с хрусталиками, а моему госпитальному другу, инвалиду войны Григорию Файзулину обеспечили нормальный слух двумя аппаратами, и он прямо в госпитале на радостях напился, обмывая аппараты, вечером, возвращаясь домой, потерял оба. Утром пошел искать и, о чудо — нашел. Обмывать больше не стал. И, как говорил, прежде чем взять рюмку в руки, аппараты убирал в карман.

Такие бывали истории, и их немало: жизнь есть жизнь.

На базе же с помощью доктора Зюсса работа активизируется, инициатива сбора гуманитарной помощи переходит в руки немцев, солдаты помогают доставлять дарения на склады базы.

Одна беда: гуманитарные дарения на складах, а транспорта — нет!

АВТОТРАНСПОРТ В МОСКВУ

Использую все рычаги, которые имел для получения транспорта, звоню во все колокола и, о новость. Из штаба ЗГВ выделяют для перевозки дарений в Россию автоколонну «КамАЗов».

Доктор Зюсс готовится к отгрузке гуманитарной помощи, все проверяет и перепроверяет: количество возможного груза, его ассортимент, объемы, качество упаковки, все группирует. Обговаривает, советуется со мной, вопросов много, ищет оптимальные решения. Скрупулезно, терпеливо привлекает, кроме солдат, и кладовщиков, шоферов, кто имел практику перевозки грузов. И первым советником у него стал Зигфрид Циллер.

Ближе к вечеру на базу втягивается автоколонна из 10 грузовиков-тягачей «КамАЗ» с длинными полуприцепами под тентом, автомастерской

и топливозаправщиком. Все наполняется гулом моторов. Автоколонну сопровождает патруль от службы генерала Иванушкина.

Без лишней спешки автотранспорт загружался гуманитарным дарением для Московского отделения Фонда помощи инвалидам войны: медицинской техникой, большим количеством медикаментов, не рассортированных, навалом в коробках, дарениями аптек не только Дрездена, но и других городов Саксонии. Сбор медикаментов, предметов санитарии и ухода за больными был произведен немцами — друзьями доктора Зюсса. К медикаментам из резервов медицинской службы ЗГВ меня не подпустили, хотя и были обещания даже от служб штаба ЗГВ. Загружаются постельные принадлежности, в основном постельное белье, одежда, обувь, книги от библиотек воинских частей, музыкальные инструменты, киноустановки, и в один «КамАЗ» укладываются 220 мешков муки в заводской упаковке. Перечень груза был большой.

27 октября на базе торжественный день: проводы автоколонны с гуманитарной помощью в Россию. Солдаты, прапорщики, офицеры бывшего гарнизона, военной комендатуры, присутствуют гражданские лица, русские и немцы. Звучат короткие напутствия, благодарность в адрес немцев. Отец Георгий, протоиерей православной церкви в Дрездене, отслужил молебен для путешествия, благословил солдат и вручил нателенные крестики. Автоколонна под общие аплодисменты покинула базу.

До отправки транспорта я посетил в Гёрлице пограничную и таможенную службы и получил устное заверение с польской стороны на беспрепятственное прохождение автоколонны с гуманитарным дарением с указанием перечня груза. Проблем не возникало.

Опережая автоколонну, спешу на проходной пункт границы, чтобы ускорить прохождение контрольного пункта, где получаю в довольно резкой форме категорический отказ. Все ссылки на предварительное согласие поляки отметаю напрочь: только разрешение правительства, обращайтесь в Варшаву! Намного позже выясняю причину отказа у самих же поляков: накануне было сообщение о признании Борисом Ельциным вины в расстреле в 1940 году у Катыни польских солдат сотрудниками НКВД Советского Союза.

Поляки мстили как могли.

Ночь. Автоколонна выводится на окраину города.

Несусь с Сашей в Берлин, в самую рань разыскиваю третьего секретаря посольства России В. Платонова, с которым был уже знаком, бежим в

посольство Чехословакии, где нас ожидал посол, и договариваемся о проезде транспорта через Чехословакию и только после этого идем завтракать.

Маршрут автоколонны отслеживался службами генерального штаба Министерства обороны, что значительно облегчало проезд. Через пять суток на окраине Москвы воинская автоинспекция встретила автоколонну и по зеленой улице препроводила в военный городок, расположенный на бывшем аэродроме, возле аэровокзала города Москвы. Там были подготовлены склады в старых ангарах для приемки гуманитарной помощи.

Автоколонну встречал заместитель командующего Московским военным округом (фамилию генерала, к сожалению, не помню, но благодарен за помощь и сопричастность к акции). Среди встречающих, если не ошибаюсь, был и кто-то из командования военной комендатуры Москвы. Председатель отделения Фонда Донат Сидоров стал принимать гуманитарный груз и, естественно, точной записи не получилось: мелочи прошли мимо, он успевал отражать более значительные предметы.

Разгрузка затянулась до полуночи, и большая часть ее проходила уже в темное время: уследить было сложно, хотя офицеры привлекались для надзора. По объему груз был очень большим. Впечатление у присутствующих от видимого дарения было удивительно восторженным. Мы с Донатом Сидоровым остались на ночлег в ангаре, где спали вместе с солдатами роты почетного караула Московской комендатуры. Так мне помнится: в ангаре они аккуратно развесили парадную униформу.

Утром обнаружилось, что замок на дверях ангара-склада сорван, хотя для охраны был выделен пост. Бросились в глаза следы обуви от места укладки муки за ангар и разбросанная одежда, разорванные мешки.

Я спокойно выразил свое неудовлетворение присутствующим офицерам и прапорщикам, собравшимся в ангаре.

Один из присутствующих офицеров попытался упрекнуть меня: как я могу, какое имею право подозревать офицеров в недостойных поступках? Все присутствующие попытались одернуть офицера, зашикали на него. Я промолчал, и пошел разговор, как навести порядок в ангаре, сгруппировать дарения по назначению, чтобы легче было посмотреть.

Неожиданно ко мне подходит полковник и в упор, даже не здороваясь, жестким тоном начинает упрекать меня в оскорблении чести офицеров, как я посмел... и это во все горло и, главное, — он честью офицера гарантирует, отвечает за честность солдат и не позволит позорить армию...

Трудно сейчас понять, почему я спокойно выдержал истерику и предложил вместе пройти со мной по территории городка и собрать разворованные вещи из гуманитарного груза. Возмущению полковника не было предела, но предложение принял мгновенно, наверное, не успел в пылу и подумать. Пошли, дело касалось и моей чести.

В каждом укромном месте, скрытом от глаз, в заброшенных помещениях, где-то прикрытых местах нашли столько спрятанного добра, что солдаты узлами таскали обратно на склад. Не знаю почему, но за нашей акцией наблюдали со стороны офицеры и прапорщики и откровенно улыбались... Мне и сегодня стыдно за того полковника, стыдно не за погоны, а стыдно за человека, у которого они были на плечах.

После спрашивал ребят-солдат:

— Зачем красть надо было, что, не могли попросить по-хорошему?

— Да кто его знает, у кого просить, все несладко живут, а подкормиться хочется. Каша-то не очень жирная. Да и на сигареты не мешало бы...

Я понимал ребят, не поднималась рука, судил их по-своему, по-стариковски.

Между прочим, до сих пор ищу ответ по такому случаю: на склад в Дрездене много привозили книг от службы генерала Иванушкина, и однажды вижу, как военфельдшер, что находилась на базе с солдатами, помогающими гуманитарной акции, смотрела книги, выгруженные из грузовика. Заметив меня, вдруг спрятала книгу за спину и пошла в сторону. Я позвал ее, подошел и спросил:

— Людочка, что за книга, которую ты прячешь от меня, или секрет?

Как же она смутилась, покраснела. Протягивает мне из-за спины «Медицинский справочник»!

Наступила длинная пауза.

— Простите, Виктор Сергеевич... не знаю почему, сама не знаю...

После указанного случая мы с Людой вели доверительные разговоры, прекрасно понимали друг друга, но Люда так и не смогла ответить ни мне, ни себе, почему она пыталась скрыть, спрятать от меня справочник, который для нее и предназначался.

...Но вернемся в Москву, к складам гуманитарной акции.

Помнил: в штабе ЗГВ генерал Исаков познакомил меня с женщиной приятной внешности, средних лет, профессором, доктором медицинских наук, которая обратилась к офицеру с просьбой о помощи «афганцам» медикаментами. Генерал объяснил ей, что она может через меня получить

информацию о наличии медикаментов, если медслужба ЗГВ сможет выделить их для гуманитарной помощи. Я обещал, если будут медикаменты, извещу! У меня были координаты комитета ветеранов войны Афганистана. Позже позвонил и указал адрес склада и номер телефона.

Донат Сидоров рассказывал позднее: приезжали от «афганцев» две женщины, одна из них — профессор. Увидели медикаменты, заахали — как много! Почему навалом в коробках? Потребовали от Доната, чтобы он рассортировал медикаменты, упаковал в коробки рассортированное с информацией на них. Донат убеждал их, что он не фармацевт и сортировать медикаменты не может, и просил забрать, что нужно, как есть.

Представители комитета «афганцев» предложили Донату для сортировки пригласить фармацевтов и позвонить, когда можно будет забрать медикаменты. Больше он их не видел, и они не звонили.

Из госпиталей ветеранов войны приезжали фармацевты и по несколько дней отбирали медикаменты. Все разобрали, да еще жалели, что мало. Были представители от госпиталей из Подмосковья. Вот так зачастую решались судьбы и людей, искалеченных войной в Афганистане.

Донат извещал госпитали о поступлении гуманитарной помощи, и они с благодарностью принимали дарения: не прошло и месяца, как склады опустели. Он консультировался со мной и просил согласия помочь домам для престарелых ветеранов, больным детям в домах для сирот. Были упреки в адрес Фонда, что не все были извещены о гуманитарной помощи от немцев из Германии.

По прибытии в Москву автоколонны с гуманитарной помощью я подробно информировал начальника госпиталя ветеранов войны Екатеринбурга Семена Спектора, перечислил все, что может получить госпиталь. Узнав о наличии лакокрасочных материалов, Семен просил отгрузить, сколько можно. На мой вопрос, сколько он сможет послать автомашин в Москву за гуманитарной помощью, Семен ответил: «Сколько смогу!» Через два дня грузовики были в столице.

Один из них полностью загружается большими бочками с краской и эмалью. Еще один или два загружали медтехникой, упакованной и переложенной постельными принадлежностями, предметами санитарии, одеждой, перечень был большой. На все были оформлены накладные, в том числе и на авторезину для легкового транспорта.

По возвращении в Екатеринбург, в госпитале проверил, как доставлена из Москвы гуманитарная помощь. Все по накладным было в порядке,

только некоторые упаковки с одеждой все же были похудевшие, а авторезину кладовщик не приняла на склад, и она валялась возле мусорной площадки: старые, советского производства, вместо германских. Последние были б/у, но можно удивляться их высокому качеству. Я не удивлялся, в Москве у меня очень просили эту резину для военной комендатуры.

Стал разбираться. Работник снабжения, который доставлял груз из Москвы, с искренней откровенностью сказал мне:

— Знал бы, ни за что не поехал бы в Москву! Всю дорогу шофера собирали старую резину...

Лет через шесть я все еще видел бочки на складе госпиталя с лакокрасочными материалами. Про историю с авторезиной перед немцами я помалкивал. На этом и закончилась доставка гуманитарной помощи нашей армией.

Кто-то в ней нуждался, а нуждающихся была масса, от госпиталей для ветеранов войны до домов детей-сирот и простых людей, хотя и кто-то от власти тоже был заинтересован что-то получить из имущества ЗГВ. Еще не успели штабы ЗГВ покинуть Германию, а прокуратура Германии предъявила претензии конкретным лицам, в том числе командующему ЗГВ генералу Бурлакову. Не до инвалидов и ветеранов прошлой войны было кое-кому в штабах армии новой зарождающейся России, надо было решать свои, личные проблемы, а тут, под ногами, Фонд помощи инвалидам войны. Не до него! Вот так, в очередной раз, предала власть ветеранов войны.

А Донат Сидоров, подполковник в отставке, ветеран войны на девятом десятке лет своей жизни ездил на подаренном немцами грузовике по глубинным районам, подешевле покупал картофель для инвалидов войны, экономя для них копеечку, пока хватало сил.

БИНТЫ

Помнится, весной 1993 года, доктор Зюсс предлагает посетить Грос-рёрсдорф и встретиться там с господином Щёне, директором фирмы «Холтхаус Медитекст» по производству перевязочных материалов. По предварительной договоренности можно рассчитывать на получение от господина Щёне дарения бинтов для госпиталей России.

Едем. Господин Щёне принимает нас в своем служебном кабинете. Как принято у немцев, традиционно, сначала выпиваем по чашечке кофе.

Доктор Зюсс рассказывает о положении инвалидов и ветеранов прошлой войны в непростое для России время, о целях и задачах Общества. Господин Щёне рассказал о фирме по производству бинтов. Ранее, до войны, фирма принадлежала семье Щёне, при ГДР была национализирована и после объединения Германии стала общественным предприятием, а господин Щёне продолжает еще со времен ГДР исполнять обязанности директора. Он готов поддержать гуманитарную акцию помощи российским ветеранам войны в пределах возможного и, заметил, у него еще в период существования ГДР сложились хорошие отношения с представителями Советской Армии, и он не скрывал своего уважения к российскому народу. Особенность фирмы еще и в том, что там изготавливаются эластичные бинты, в которых особенно нуждаются люди преклонного возраста.

По предложению господина Щёне осматриваем производство. У меня возникло ощущение, что господин Щёне не только хорошо, до мелочей, знает всю технологию и технологическое оборудование, но и каждую деталь, каждый узел, предмет на территории предприятия. Все на фирме — это часть его самого себя, и все же, думалось, главным в его работе было не то, что связано с производством, а более значительным в его жизни было стремление быть полезным людям. Я понимал, это было состояние души человека и содержание его жизни.

Потом я буду говорить без конца о том источнике, из которого получают силы такие люди, как немец Щёне. Их будет в дальнейшем много на моем пути и, откровенно говоря, особенно в Германии, в стране, народ которой в свое время я рвался убивать...

Вскоре в складах Общества оказалось около двадцати картонных упаковок с бинтами в привлекательной на глаз обертке: все, как у немцев, как и должно быть. Все последующие годы господин Щёне дарил Обществу для России бинты партиями по пятнадцать-двадцать коробок, доставлял сам или забирали мы.

В госпиталях приходилось неоднократно слышать о ценности и большом дефиците эластичных бинтов, а в чем выражалась эта ценность, я и не знал, не вникал: главное, чтобы они были.

Особенность бинтов от господина Щёне, по моему представлению, вошла в историю становления новой России в октябре 1993 года, о которой известно очень узкому кругу людей, и я поведаю об этом.

Первые числа октября 1993 года. Москва, как и вся Россия, бурлила в мощном потоке борьбы за власть. В ее верхах шла борьба жестокая,

беспощадная. Все события тех дней открыто транслировались, комментировались по телевидению, в средствах печати. Можно было все свободно говорить, показывать по телевидению, и все видели, как танки крупным калибром стреляли по зданию Верховного совета, видели окровавленных людей...

Смотрели все, в том числе и в Германии, смотрели служивые из ЗГВ, остававшиеся еще до полного вывода. С ужасом следил я за всем происходящим в Москве. Слышал голос журналистов, что в столице много раненых, но нет бинтов, чтобы их перевязать. Мое состояние было ужасным! Не мог понять, поверить: в центре Москвы ухали танковые орудия, строчили автоматные очереди, лилась кровь, а раненых нечем было перевязать...

С недоумением смотрит на меня доктор Зюсс: не понимает немец, человек высочайшей гуманности, что происходит в Москве, видимо, не хватает все же у него смелости спросить у меня о причинах событий, за которыми следит с нескрываемым интересом народ Германии. Не понимает, кто против кого, почему убивают, почему не могут перевязать раненых. Я не могу толком объяснить доктору Зюссу происходящие события в Москве, сам не понимаю всего до конца. Чувствую только, идет серьезная борьба за власть.

Уловил доктор Зюсс из передач о событиях в Москве и проблему отсутствия перевязочных средств. Спрашивает: почему отсутствуют?

Объясняю ему: нигде нет, в том числе и в госпиталях, которым помогает Общество. Нигде нет. Не был бы доктор Зюсс немцем, если бы в разговоре не затронул вопрос о возможной помощи бинтами пострадавшим в Москве.

— Подумай, как можно организовать помощь, у нас есть бинты... Посоветуйся со своими в Вюнсдорфе...

Звоню в штаб ЗГВ: выясняется, там тоже в ужасе. Через час, не более, звонок. Нам говорят: необходимость в перевязочных материалах есть, не исключается возможность отправки их в Москву самолетом. Решение принято. Если все подготовлено у нас к отправке, из Вюнсдорфа в Дрезден направляется транспорт за бинтами. Ждите.

Идем с Доктором Зюссом на склад: вместе с солдатами осматриваем коробки, выносим на эстакаду. Ждем транспорт.

Армия работает четко: прибывают санитарные «УАЗ» и «Волга» с красными крестами на дверцах машин. Обе загружаются коробками с

бинтами. Все это происходило в темпе. Обратил внимание и на то, как офицер, несомненно, врач, вскрыл несколько коробок и осмотрел содержимое, даже разрывал пакеты, разматывал бинты. Мысленно хвалю деловитость офицера! Можем, многим можем... Уехали.

Рабочий день близится к концу, напряжение спало, осознаем, что выполнили хорошее и нужное для людей дело в этом суматошном мире.

На следующий день получаю информацию — утром в Чкаловске перевязочные материалы непосредственно с борта самолета были переданы по назначению. Спасибо.

Позднее, резонансом до меня доходили слухи, что в тревожные дни октября у Белого дома генералитет ЗГВ из Германии оказал помощь перевязочными материалами. О том, что эта помощь была оказана немецким Обществом помощи ветеранам войны в России, не упоминалось...

По прошествии пятнадцати лет до сих пор перед моим взором полыхают костры, возле которых я стоял и смотрел, как горели десятки, если не сотни тысяч индивидуальных спецпакетов в упаковках из резервов спецназначения. А в это время мои соотечественники покупали на свои нищенские пенсии для себя бинты, стирали их в лечебных учреждениях... Сейчас в это многие уже и поверить не могут. **НО ЭТО БЫЛО!**

Для Фонда, для ветеранов войны, для госпиталей от армии ЗГВ я не получал перевязочных материалов, не говоря уже о медикаментах или медицинской технике, разве что где-то пяток колясок инвалидов удалось перехватить, когда их давили в машинах-мусоровозах...

Нескромная мысль: интересно было бы заглянуть в отчеты генерала Иванушкина, где сообщался перечень гуманитарной помощи от ЗГВ и кому, и сколько... Конечно, не отрицая самого факта гуманитарной акции.

Сейчас нас в очередной раз заверяют, что госпитали для ветеранов войны России ни в чем не нуждаются. Но мне хочется усомниться в этом. Я до сих пор пациент таких госпиталей. И вижу только одно: власть в очередной раз перекрыла возможность помогать госпиталям гуманитарными дарениями, а ветераны оказались лишенными, ограниченными в своих правах на получение этой помощи.

АКЦИЯ ДЛЯ СТОМАПАЦИЕНТОВ

— Ты знаешь что-нибудь о стомабольных? — обратился ко мне Иохим Зюсс осенью 1993 года.

Я ничего не слышал и сказал об этом своему председателю и, естественно, поинтересовался, чем вызван у Иохима интерес к такому заболеванию.

— Мне позвонила фрау Абентрот, жительница нашего города, и сообщила, что из газеты узнала о нашем Обществе помощи ветеранам войны в России и поинтересовалась, не нуждаемся ли мы в стомаматериалах для русских ветеранов. Как я понял с ее слов, это что-то очень необходимое для больных после операции на кишечнике или мочеполовой системе.

В это же время я вспомнил, как в госпитале одновременно со мной лежал инвалид войны с подвешенной на шее обычной бутылкой, в которую через какую-то резиновую трубочку поступала моча. Помнится, как от него постоянно дурно пахло.

Я рассказал об этом Иохиму, а он попросил меня созвониться с Семеном Спектором и сообщить ему о предложении фрау Абентрот.

На мою информацию Семен в обычной для него манере четко определил программу:

— Я наслышан о стомаматериалах: кало- и мочеприемниках, которыми пользуются в Европе, но видеть — не видел. Все бери, что немцы предлагают, сколько я тебя об этом прошу — все принимай! Это же божий дар!

Я все понял.

И вот мы в центре Дрездена у подъезда высотного здания. Иохим звонит по домофону фрау Абентрот и извещает о нашем прибытии. И вот мы встретились. Приветливый взгляд, ровный, спокойный голос: любезна, доброжелательна. Иохим представил меня, рассказал о первых успехах гуманитарной акции помощи старым солдатам в России.

Фрау Абентрот, в свою очередь, рассказала, что стомапациенты Дрездена, которой является и она, объединились на общественных началах в коллектив самопомощи: общаются между собой, путешествуют, посещают зрелищные представления, концерты, музеи... Фрау Абентрот предложила идею сбора стомаматериалов. Иохим сообщил фрау Абентрот, что госпиталь действительно нуждается в стомаматериалах для ветеранов и других пациентов. Мы спускаемся в подвал и переносим в автомашину картонные коробки, упаковки и пакеты.

Иохим еще долго разговаривал с фрау Абентрот о том, как пользоваться стомакамерами, о дальнейших возможностях сбора материалов и

не только в Дрездене, но и в других городах и районах Саксонии. Во время разговора фрау Абентрот предложила подняться в квартиру, выпить кофе, но Иохим с благодарностью отказался, ссылаясь на отсутствие времени.

Мог ли я тогда предполагать, что судьба подарила в лице фрау Абентрот несбыточную ранее надежду для старых солдат-стомапациентов, моих россиян, снова обрести достойную жизнь человеку, которого время обрекло на страдания и мучения?

Так, впервые, при активном участии и гуманных чувствах доктора Иохима Зюсса начались сбор стомаматериалов для ветеранов войны и доставка их в госпиталь Екатеринбурга, а позднее и Челябинска.

Первая ласточка появилась в жизни наших ветеранов-стомапациентов, и это в то время, когда они вообще не имели возможности получить более-менее сносную медицинскую помощь.

Постараюсь с дилетантских позиций рассказать о судьбе ветеранов-стомапациентов того времени. Рассказывать об этом нелегко. Обычно, как я понимаю, заболевания в области кишечника и мочевого пузыря появляются у людей пожилого возраста, и они приводят к большим нарушениям в функционировании организма. Нетрудно представить, как живет такой человек в семье, какое складывается настроение у родственников, которые день за днем испытывают на себе все трудности проживания с этим больным. Ветеран отказывается от общения с родными, близкими, стремится к затворничеству, болезненно переживает свою неполноценность.

Средства помощи для стомапациентов в то время теоретически можно было и найти в аптеке, правда, не в любой, но вспомогательные материалы были очень низкого качества. Жизнь стомапациента и его родственников превращалась в кошмар.

Успех реализации идеи воодушевил фрау Абентрот, добавили забот Иохиму Зюссу. Вскоре сбор стомаматериалов распространился на другие города и регионы Саксонии. Центром гуманитарной акции помощи стомапациентам в России становится фирма «Каймед» в Дрездене и семья Кристины и Томаса Кайль.

С началом гуманитарной акции помощи Общество приглашает в Дрезден для ознакомления с практикой обслуживания стомапациентов в Германии хирургическую медицинскую сестру из госпиталя ветеранов войны Екатеринбурга Анну Ивачеву. Она проходит курс обучения практике обслуживания таких пациентов, изучает психологию.

По возвращении в Екатеринбург Анна проводит мониторинг, выявляет среди ветеранов и жертв войны стомабольных и начинает оказывать им помощь. Привлекает к участию в акции медперсонал госпиталя, проводит семинары, организует практические занятия с медицинскими сестрами из лечебных учреждений Екатеринбурга и районов Свердловской области. Так начиналась для некоторых ветеранов новая, достойная жизнь.

Если не ошибаюсь, на третий год после начала акции я и Ханнелоре встретились с группой самообслуживания стомапациентов, организованной Анной Ивачевой. За свою долгую жизнь немало видел я людских слез, но то, что пришлось увидеть в компании людей, незабываемо: пожилые люди, сидящие за столами и открыто, не стыдясь слез, плакали. И это было выражение бескрайней, исходящей от сердец благодарности и счастья людей. Я понимал, как им было трудно выразить свои чувства радости и признательности Ханнелоре за все то, что подарили им немцы, а Анне Ивачевой за вторую, настоящую жизнь.

По просьбе начальника госпиталя для ветеранов войны в Челябинске профессора Дмитрия Альтмана Общество приглашает в Германию медицинскую сестру госпиталя Зою Художенко. Она прошла теоретический курс и практику по уходу за стомапациентами в Дрездене и обслуживала немецких пациентов на дому самостоятельно. И представьте себе такую картину. Идем мы с ней по одной из центральных улиц Дрездена и неожиданно слышим громкий мужской голос:

— Фрау Зоя! Фрау Зоя!

К нам чуть ли не бежит худощавый, в темных солнцезащитных очках мужчина и начинает обниматься с Зоей. Восторгу обоих не было предела. Не владея, один — русским, другая — немецким языком, они старались выразить переполнявшие их чувства, сказать что-то друг другу, обнимались и улыбались...

— Готфрид. Мой пациент, — потом пояснила мне Зоя, — я помогала ему и ухаживала за ним после повторной операции...

Сейчас я оцениваю: сколько немцев помогли улучшить судьбу российских ветеранов и жертв войны. Среди них были и старые немецкие солдаты. Я уверен, что все это находило отклик в сердцах наших ветеранов, понимание и благодарность, и признание в необходимости укрепления дружбы между ветеранами и народами наших стран.

После возвращения Зои из Германии события в госпитале ветеранов

войны в Челябинске развивались бурно. Она организовывает семинары, практические занятия с медперсоналом госпиталя по обучению и обслуживанию стомапациентов. Начинается обслуживание стомапациентов в госпитале и на дому, параллельно их обучают навыкам самообслуживания. На втором этапе при госпитале и в лечебных учреждениях области создаются центры по уходу за пациентами по месту жительства. В госпитале выделяют склад для стомаматериалов.

Вот так, в самое сумасшедшее для России время для ветеранов, как в самой доброй сказке, была решена проблема помощи стомапациентам. При этом слились судьбы немецких и российских ветеранов.

Анна и Зоя периодически передавали Обществу отчеты о количестве обслуживаемых пациентов по своим регионам и категориям больным: жертвы и ветераны Великой Отечественной войны, участники локальных войн, «афганцы», а в последующем просто нуждающиеся люди, при условии запаса годового резерва для ветеранов и жертв войны.

Объем поступления стомаматериалов стабилизировался и мог увеличиваться, налаживались контакты с другими регионами Германии, например с Баварией.

Полных тринадцать лет механизм гуманитарной помощи из Германии российским ветеранам и жертвам войны работал бесперебойно, десятки работников посвятили себя заботе о старых солдатах и жертвах войны на общественных началах. Сотни немцев, и среди них бывшие немецкие солдаты, протянули руку помощи российским ветеранам в тяжелейшее для них время. И только в 2006 году выходит решение Правительства РФ о послеоперационном обслуживании стомабольных необходимыми материалами.

С МИРУ ПО НИТКЕ...

Состояние души человека, его поведение, отношение к другому человеку и его понимание, в свою очередь, индивидуальны: печаль или радость, добро и зло, выражение своего отношения к этому различны. Противоречив мир людей, казалось бы, в самых простых, малозначительных жизненных ситуациях. Человек наделен природой гуманным отношением, помимо всего, друг к другу. А вот как реализуется это чувство в жизни, как проявляется оно в практике взаимоотношений людей, мне и хотелось бы рассказать.

Да, гуманность присуща людям, мы сталкиваемся с ее проявлениями постоянно, часто и, не замечая, не придавая значения, сталкиваемся и с фактами обратного. Может быть, это обуславливается индивидуальными особенностями характера, способностью воспринимать окружающее и понимать людей, условиями жизни, в которых оказывается человек.

Я, россиянин, рассуждаю об этом с позиции своего положения в обществе, в котором нахожусь, живу не просто, мягко выражаясь, а если откровенно, то в условиях и надеждах только на свои старческие силенки: власти не до меня, а в средствах массовой информации Германии появляются материалы о немецкой гуманитарной акции помощи российским ветеранам войны, о положении в госпитале инвалидов войны в городе Екатеринбурге. Вопрос касается судьбы старых солдат — людей, искалеченных войной.

И сразу появляется интерес у немцев к судьбам российских солдат. Не только у отдельных граждан, но и общественных, благотворительных организаций, фирм, таких как «Наведа», «Каймед», бундесвер или частной «Стеуэр», предлагающей постельное белье для госпиталя с доставкой его на склад немецкого Общества. Дарят даже грузовики. К примеру, автобус «Икарус» трудится в госпитале до сих пор. Фирма по производству шерстяных тканей, работавшая на армию, полицию, таможню в городе Анаберг, завалила склад тканями. Больница в Арнздорфе, например, передала в дар госпиталю функциональные кровати, медтехнику, а из медицинской академии в один из дней кроватями и матрасами загрузили сразу два контейнера.

Объем гуманитарной помощи российским ветеранам в Германии растет, и уже под завязку заполнены склады товарами самого широкого назначения, а отгрузка дарений задерживается из-за отсутствия транспорта. Председатель Иохим Зюсс предлагает часть гуманитарных дарений отправить через гуманитарное Общество «Архех Новаи» — Ноев ковчег — организованное студентами и молодыми людьми Дрездена, которые своим транспортом доставят дарения на Балканы, Украину и в другие европейские страны, бывшие республики Советского Союза.

В госпитале Екатеринбурга ветераны лежат на функциональных кроватях с матрасами какого-то физиологического назначения, невиданных ранее, на блокпостах медицинских сестер появились медикаменты европейского стандарта, о которых даже начальник госпиталя говорит: «Не слышал, не видел, в руках не держал». Медперсонал госпиталя щеголяет

в чудесных костюмчиках от медицинской академии Дрездена: курточка и брючки, а подвалы госпиталя заполнились впрок медтехникой, постельным бельем, одеялами, мылом и шампунем...

В Германии много времени уходило на сбор дарений от жителей Дрездена. Ездили по квартирам, принимали в дар одежду, обувь, постельное белье, детскую одежду, игрушки, предметы быта. Все в чемоданах, узлах, свертках, пакетах. Первое время было тяжело принимать дарения от людей, глядя, с каким чувством доброжелательности и удовлетворения немцы делали это. У меня наворачивались слезы и не хватало слов выразить чувство благодарности.

Попытаюсь, если получится, немного сказать о том времени, как мне казалось, новом времени, в котором оказалась не только Россия, но и Германия в лице ГДР, которая вскоре приобрела общее лицо германского народа. Немцам представилась возможность увидеть истинное лицо, истинную суть происходящего в России, в новой России, и понять ее во многом по-новому: не в тех красках, какими она рисовалась советской властью, а увидеть, понять реальную жизнь старых солдат прошлой войны. Естественно, для многих немцев нищета бывших солдат-победителей явилась неожиданностью и привлекла внимание. Люди старшего поколения, среди которых доминировали бывшие немецкие солдаты, находящиеся после войны в тени, как бы изолированные властью ГДР от истории прошлой войны, были послушными гражданами той власти.

Немцы откликнулись на беду российских солдат сразу своей личной сопричастностью в материальном да и моральном плане, как я понимаю, без каких-либо политических мотиваций, просто, по-человечески.

Если это может послужить примером, постараюсь рассказать о начальном этапе акции гуманитарной помощи российским ветеранам, ее первых проявлениях среди немцев на примере жителей и общественности города Хайденау.

Уже летом 1992 года официально начинает функционировать при военной комендатуре ЗГВ в Дрездене Фонд помощи инвалидам войны в России, о чем извещает вывеска на здании комендатуры. Затрудняюсь сейчас объяснить почему, но именно в комендатуру стали поступать первые предложения о помощи из городов, прилегающих к Дрездену: от аптек, принимающих дарения от жителей этих городов, церквей. В городе Майсен, в одном из храмов мы приняли подарков такое количество, что

пришлось загружать их с помощью солдат в два «КамАЗа». Среди адресатов оказался и Хайденау, до которого было рукой подать.

Буквально на глазах дарения из этого города нарастали, акция поддерживалась общественностью и позднее — администрацией города. В итоге в городе был создан центр по приему гуманитарной помощи целенаправленно: российским ветеранам и жертвам войны через Общество помощи ветеранам войны в России в Дрездене. В определенные дни и часы жители города и близлежащих регионов, все желающие передать дарения стали их доставлять в открытый центр-склад, подготовленный специально для этих целей и финансируемый администрацией города. Был даже штатный работник. Центр принимал дарения не только от граждан, но и от лечебных учреждений, общественных организаций, фирм.

Мне приходилось видеть, как доставлялись дарения к центру на личном автотранспорте и принимались от дарителей с учетом и отражением в соответствующих документах. Последний факт хотелось бы прокомментировать. Люди доставляют гуманитарную помощь, часто имея определенные трудности: везут на автотранспорте или пользуются услугами общественного транспорта, таскаются с чемоданами, пакетами, при том что в любом населенном пункте Германии, в любом городе в пределах видимости, или, как говорят, на каждом углу стоят специальные контейнеры, куда можно опустить вещи, отдать все, что может пригодиться человеку, нуждающемуся в этом, не затрудняя себя поездками в центр.

Или аналогичный пример: в предрождественские праздники в газетах города и по телевидению сообщается, что в ратхаузе Дрездена в выходные дни идет сбор дарений, например для ветеранов и жертв войны Екатеринбурга или Челябинска, для домов детей-сирот.

В указанные дни и часы в вестибюле администрации города звучит русская музыка, народные мелодии, гостей встречает Дед Мороз с мешком угощения для детей, развернута выставка работы Общества помощи ветеранам войны в России, фотографии, наглядные материалы. И кто-то из членов правления рассказывает о работе Общества, комментирует информацию, накрыты столы, можно выпить чай из русского самовара. Гости приветствуют и члены Общества, и кто-то из немецких ветеранов войны, разговоры бывают долгими. В это время к входу администрации идут люди, подъезжают автомобили, выходят люди с сумками, упаковками, свертками, коробками и несут их в помещение, передают подарки, регистрируются, многие достают кошельки, сумки и жертвуют евро на

оплату доставки подарков в Россию. Прибывают семьями, с детьми, которые стараются помогать нести папам и мамам подарки. При виде всего однажды испытал такое волнение, о котором забыть не смогу: у подъезда останавливается такси, выходит водитель и помогает выбраться из машины очень пожилому, даже старому человеку, открывает багажник, забирает из него два приличных пакета, и вместе с дедом они идут в помещение. Вижу, как тяжело передвигаться старому человеку, опирающемуся на таксиста с сумками. В вестибюле дед старается помогать таксисту поставить коробки, после шаркает ногами, идет к столу и передает деньги в кассу для оплаты доставки груза в Россию... Я попросил узнать у таксиста, кто этот дед и откуда. Сообщили: был солдатом, воевал в России, был в плену, живет в Радебойле... Не близко!

Вернемся к Хайденау.

Контакты Общества с населением города Хайденау, общественностью города, администрацией города и бургомистром сложились настолько близкими, постоянными, доверительными, что Иохим Зюсс, Ханнелоре и я стали постоянными гостями и, от себя добавлю, друзьями, на встречах с общественными организациями города, участниками в открытии художественных выставок в ратхаузе, в том числе российских художников и ветеранов войны — немцев. Приглашали нас и на собрания партии демократического социализма. Посещали школы, встречались с учениками, рассказывали о России, о дружбе наших народов, о желании русских ребят дружить с немецкими. Отвечали на вопросы учащихся.

Незабываемой была встреча в ратхаузе учащихся школ и молодежи города с русским узником концлагеря Бухенвальд, ныне жителем города Пушкино, из Подмосковья, живым свидетелем, жертвой фашистского нацизма, Яковом Непочатовым. Встреча со старым человеком, рассказывающим о трагедии своей молодости, которую принесла война, в которую власть втянула народы и сделала их жертвами войны. Дедушка рассказывал простым языком, и ребята понимали его. Это было видно по выражению их лиц: они слушали историю, ужасные ее страницы, призывы, чтобы война не повторялась больше... Много было вопросов, и на все они получили ответы — искренние, доброжелательные, призывающие к дружбе и налаживанию контактов между ребятами, в том числе и российскими, для того чтобы потом вместе решать, как они будут жить после, в будущем, и не допустить больше войны... Глядя на ребят, я понимал их волнение от встречи с таким человеком и от услышанного рассказа о тех

ужасах, которые он пережил. Забывать об этом нельзя, прошлое напоминает о себе: до сих пор вижу выражение детских глаз, помню, как они смотрели на Якова Непочатова.

Встреча взволновала и присутствующих на ней взрослых, не скрывал свои чувства и бургомистр господин Якобс — инициатор этой встречи. На отчетных годовых собраниях Общества помощи ветеранам войны в России присутствовал и бургомистр города, а жительница города Уте Брендель вошла в состав правления Общества.

Активному участию в гуманитарной акции жителей города содействовал бургомистр господин Якобс. Думается, его личная сопричастность этому проявилась, в первую очередь, с чисто человеческих позиций: сам он очень выдержанный, внешне спокойный, внимательный к людям при общении и понимающий людей. Допускаю мысль и о том, что он обладает какой-то дополнительной информацией, связанной с событиями прошлой войны, касающейся его родных или близких, а может быть, это просто чувство гражданского долга, продиктованного гуманизмом.

Событием в жизни города явилось посещение его российской делегацией из Челябинска и Екатеринбурга по случаю 60-летия окончания Второй мировой войны. Город принимал у себя в чем-то необычных гостей.

Программа посещения Германии российскими ветеранами и жертвами войны была разработана Обществом помощи ветеранам войны в России, доктором Зюссом. Участие в этой программе принял и господин Якобс.

На следующий день по прибытии с утра делегацию принимали недалеко от Хайденау в старинном замке. Мы встретились с членами и представителями администрации соседних городов и деревень, общественных организаций, немецкими ветеранами прошлой войны. Молодое, послевоенное поколение всматривалось в присутствующих с нескрываемым любопытством, очень доброжелательно. Господин Якобс поприветствовал гостей и представил присутствующих, пожелал приятных встреч и времяпрепровождения на немецкой земле. «Добро пожаловать!» — произносится на русском языке.

Иохим Зюсс представляет членов российской делегации, рассказывает присутствующим историю создания германского Общества помощи ветеранам в России, осторожно затрагивает положение дел в России с оказанием медицинской помощи ветеранам в госпитале и конкретную

помощь в этом Обществе. Политическую ситуацию в России не затрагивает: считает, что это не его прерогатива.

Выступают российские ветераны-фронтовики Михаил Гавриленко, Леонид Чернышев, узник гетто Леон Друкман. Разговор неминуемо касается событий прошлой войны, трагедии народов России и Германии, трагедии многих миллионов людей, расплатившихся своей жизнью за преступную политику властей, развязавших эту трагедию. Серьезно идет разговор и о настоящем, тревожном времени, когда не затихают военные конфликты, растет, набирает силы политика терроризма, насилия, не прекращается гонка вооружения, нарастает угроза ядерной войны. Из уст всех выступающих звучит тревога за будущее, поднимаются вопросы о поиске путей к взаимопониманию и дружбе наших народов, о стремлении к диалогу.

Своими впечатлениями о значении гуманитарной помощи немцев для старых российских солдат и детских домов для сирот поделилась Валентина Четверикова, координатор по использованию и назначению гуманитарной помощи от Общества в Екатеринбурге. Она дала оценку, что это дар божий для старых людей и детей-сирот... Я бы лучше сказать не смог.

Высказывается общее мнение о ценности подобных встреч, о необходимости общения и поддержки совместного обращения российских и немецких ветеранов к мировой общественности «XXI век — век без оружия и войн».

С немецкой стороны была подтверждена ответственность немецкого народа за прошлую войну, были вопросы к гостям, высказывались мнения и выражение искренних чувств взаимного уважения. Встреча носила откровенный, доверительный характер, была, по общему мнению, нужной и полезной.

Говорил, говорю и буду говорить: расставались друзьями, а ветераны между собой с довольными улыбками и объятиями. Это было для меня уже обычным, нормальным явлением.

На следующий день делегация побывала на городском кладбище, где захоронены советские солдаты. Могилы советских солдат ухожены. Общественность города вместе с немецкими старыми солдатами и российскими ветеранами возложили венки и цветы, печальная церемония прошла под звон колоколов, установленных на открытом кладбище, у входа. Такого я в Германии не встречал. Это еще одна особенность города.

Бургомистр постоянно был с делегацией наших ветеранов, пока она находилась в городе. Господин Якобс — человек лет пятидесяти, выше среднего роста, со стройной фигурой и аккуратной бородкой на лице, всегда строго одет: костюм и галстук. Внешность приятная. Не берусь судить о способностях администратора, хозяина города, но не в первый раз он избран жителями города бургомистром. Меня привлекли его человеческие качества, его отношение к гуманитарной акции для российских ветеранов, в которую не без его помощи втянулись жители города, общественность.

Именно эти ценности — отношение к людям, их понимание — вызывают огромное уважение. Так получается, что таких людей я встречаю на пути в Германии больше, чем в России. Что поделаешь, может, это и потому, что слишком дерзко, бессовестно власть моей России решает свои личные проблемы, грабя народ и обрекая старшее поколение на нищету, бесправие и унижение. На свою беду я имею еще возможность сравнивать положение людей этой категории в других странах, видеть, убеждаться: везде старики, в своем большинстве, в чем-то жалуются на жизнь, имеют проблемы, но от своих, российских стариков, когда об этом идет разговор, всегда слышу: «Нам бы их заботы!» Я тоже согласен со своими стариками, особенно когда идет речь о медицинском обслуживании... Лучше об этом пока не говорить.

Заносит меня, заносит, срываюсь, но вернемся к ветеранам.

Старые солдаты — и немцы, и русские — встречаясь за тем же «круглым столом», где только судьба их сводит, как показало время, чувствуют себя старыми друзьями. Нет слов, невозможно просто говорить о состоянии этих людей при встречах, когда возникает потребность, необходимость сказать друг другу о том, что думают, что их волнует всю жизнь, как людей, прошедших войну, особенно в последние годы. Это чувство, от которого уйти невозможно старому солдату. Не избавиться от прошлого.

По общему мнению российских ветеранов, не исключая и моего, а также старых немецких солдат, членов немецкого Общества помощи ветеранам войны в России, необходимо совместно украшать грудь бывших врагов — немцев, а в России — наших ветеранов и государственные стяги России и Германии знаком или, как часто его называют, медалью, на которой слова на немецком и русском языках «Мир без войн». Символика медали отработана совместно с ветеранами, а изготовлена в России.

Медаль примирения, как мы ее называем, была вручена бургомистру и с благодарностью принята господином Якобсом. Он особенно подчеркнул значение гуманитарной акции для укрепления дружбы между народами России и Германии.

Вот так получается: день за днем жизнь и время распоряжаются судьбами старых солдат, бывших врагов. Роднит их на старости, как братьев по войне, жертвами которой они стали.

После России мне пришлось слышать многое и видеть материалы о пребывании делегации наших ветеранов войны в Германии, Дрездене и Хайденау, посещении Ризы и Цайтхайна, бывшего лагеря военнопленных, где остались навечно в могилах десятки тысяч наших солдат, перед памятью которых стояли на коленях вместе с российскими ветеранами и немецкие старые солдаты, вместе посадили деревца плакучей ивушки, яблоньки... Могилы отмечены памятниками, надгробиями, ухожены и опрятны. Старые солдаты в СМИ рассказывают о встречах с немецкими солдатами, общественностью, молодежью, о дружбе и братстве во имя добра и справедливости, счастливой жизни людей в будущем без войн и насилия.

И все же хочется немного вернуться назад, добавить ко всему вышеизложенному: вскоре после нового 2008 года Ханнелоре и меня пригласили в Хайденау на собрание представителей общественных организаций города, которое проходило в центре искусств. Собрание напоминало что-то вроде краткого отчета бургомистра господина Якобса о проделанной работе за предыдущий год перед общественностью и администрацией города. Что же я увидел, услышал и узнал? В городе с населением менее ста тысяч жителей работает, как понял, далеко за пятьдесят общественных организаций, судя по числу присутствующих представителей от организаций, как молодежи, так и людей зрелого возраста. Для меня было неожиданностью: спортивные организации для молодых и взрослых, детей, по различным видам спорта, садоводы, пчеловоды, по связям с другими городами, организации самых различных выставок, ярмарок, культурных, художественных, дни семей, по работе с детьми, гуманитарные общества, включая и наше Общество в лице фрау Уте Брендель, различные клубы, сообщества пенсионеров, помощь на дому для престарелых людей, по уходу за больными... всего и не припомню.

Бургомистр комментирует итоги работы общественных организаций города, делает замечания, выражает пожелания и благодарит участников за проделанную работу.

Собрание закончилось фуршетом от администрации города. А мне думалось: вот бы побывать на подобном собрании у нас, в Екатеринбурге... сколько вестибюлей, коридоров только в здании администрации города, да и охрана есть, вот где можно разгуляться...

Часто мне лишний раз бывает трудно избавиться от чувств, не покидающих меня, о смысле, содержании встреч, имею в виду своих бывших врагов, и думаю — неисповедимы пути господни, поэтому мозг постоянно ищет ответа, как зарождается путь к чувству, которое окрыляет и объединяет людей! Немцы говорят: любое начало бывает тяжелым. Согласен, вроде бы и уразумею, но стараюсь забраться в души и сердца не только старых солдат, но и простых смертных, среди которых мы живем, и хочется узнать, как возникает, зарождается искра, огонек в их душах и сердцах, и в конце концов появляется пламя, вокруг которого рассаживаются все вместе со старыми солдатами и сливаются в одно пламя — пламя взаимопонимания. Как хотелось бы сказать о том, как к этому костру привлечь больше людей, рассадить их вокруг костра, чтобы они почувствовали необходимость подкидывать в этот костер свои чувства вместе с чувствами старых солдат и подогрывать, призывать, бороться за идеи и цели ветеранов войны. Цель одна — уберечь людей от возможной катастрофы — ядерного урагана над планетой. Хочется надеяться на разгорающийся костер, от которого люди будут брать, как факел, все доброе, все лучшее, что присуще разумному человеку, и нести дальше, в сердца и разум других людей.

Мне казалось: вот так реализуются мои желания и надежды в поведении немцев в Германии. Своими действиями они творят добро во имя людей, для людей, реализуя в этом себя.

С миру по нитке, говорят в народе, голому рубашка! Мудро и человечно сказано народом, куда более гуманно, если учесть, что в этом еще и проявление нравственности, идеала народа. Мораль здесь более чем проста, открыта — творить добро, служить людям. Ниточка, протянутая немцами, помогла сохранить жизнь, в конечном итоге, тысячам тяжелобольных старых солдат России, продлить им жизнь, детям домов сирот получить одежду, обувь, игрушки, обрести счастливое детство...

Это лишь одна сторона медали. Другая для меня, прошедшего через войну, свидетеля трагедии народов и политики властей сегодняшнего дня, не менее важна: ниточка протянулась от человека к человеку, связала их между собой многогранностью, определенностью смысла, много людей,

очень много и в Германии, и в России объединила в гуманных чувствах немцев и россиян, немецких и российских старых солдат, превратилась в своего рода тропу, мало проторенную, в начале с ухабами и камнями на ней, но дальше, постепенно превратившуюся в дорогу, по которой люди пошли друг другу навстречу и объединились в единый поток. В первую очередь все же объединились старые солдаты и пошли вместе в сторону будущего, плечом к плечу, сердцем к сердцу, подняв свой голос к народам, призывая следовать за собой к дальнейшему взаимопониманию, к добру и мирной жизни будущих поколений.

Мы, старые солдаты прошлой войны России и Германии, объединились, сделали этот шаг, успели сказать свое последнее слово.

МЕДИКАМЕНТЫ

Глава 4

ВОТ ОНА, ЖИЗНЬ!

С начала работы Фонда в Германии на базу гуманитарные дарения в основном поступали от аптек, а иногда и от населения. Аптеки, принимая такие подарки, добавляли медикаменты и предметы санитарии от себя. Естественно, я не знал, какие это медикаменты, их ассортимент был очень велик. Военврач из ЗГВ обстоятельно растолковал нам, какими медикаментами, не взирая на запрещение командования, пользовались в войсках. И это понятно, аптеки Германии располагают более эффективными и качественными медикаментами, чем наши, российские. Потому военврач и посоветовал: берите все, что предлагают аптеки, а в госпиталях врачи уже сами разберутся, что к чему.

Доктор Зюсс был осведомлен о дефиците медикаментов в лечебных учреждениях России и сразу же проявил интерес к сбору лекарственных препаратов. Я информировал его об уже имеющейся практике дарения подобных товаров, но сослался на случайный характер поступления

медикаментов: от кого, откуда, что это за препараты — конкретно сказать не мог никто.

Рассказал, что в екатеринбургский госпиталь медикаменты поступают время от времени. Впрочем, если не располагаешь деньгами, рад и этому. А потребность большая. Это без конца объяснял мне Семен Спектор, и я чувствовал в его словах неподдельное беспокойство.

И началось. Вместе с доктором Зюссом мы ходим по аптекам, разговариваем о возможности помощи госпиталям для ветеранов войны в России. Везде находим понимание и в некоторых случаях даже моментально получаем в руки пакет с медикаментами, предметами санитарии в подарок и обещание участвовать в этой гуманитарной акции. Не помню ни одного случая, чтобы нам отказали в поддержке.

Сидим за столом, пьем кофе и ведем разговор в организации, которая объединяет интересы аптек Саксонии. Возникает полное взаимопонимание. В пригороде Лейпцига — городе Тауха — мы с доктором Зюссом бывали в фармацевтической фирме «Наведа», посетителем которого доктор Зюсс бывал, оказывается, уже не раз. Вижу, как любезно его встречают в секретариате. Снова обстоятельный разговор о возможной организации гуманитарной помощи госпиталям ветеранов войны в России. В конечном итоге принимается решение: управляющий фирмой господин Гепарт сам известит аптеки, а их более восьмисот, которые обслуживает «Наведа», чтобы они по возможности поделились медикаментами и передавали «излишки» для германского Общества помощи ветеранам войны в России. Медикаменты от аптек, выделяемые для гуманитарной помощи, фирма доставит уже своим транспортом.

Хорошее впечатление произвел на меня господин Гепарт. Скромный, среднего роста, лет сорока пяти человек с приветливым взглядом, ровный, без лишних эмоций голос, постоянная улыбка на лице. Чувство доверия к этому человеку возникло сразу, его искренность покорила меня. Уважение к нему и чувство благодарности за помощь нашим старикам не покидает меня все эти годы. Радостные, как дети, с восторгом мы возвращались с доктором Зюссом обратно в Дрезден. Оснований для радости больше, чем ожидали.

Впоследствии медикаменты от аптек концентрируются на складах фирмы «Наведа» и по мере их накопления германским Обществом помощи ветеранам войны отгружаются в Россию 20-тонными железнодорожными

контейнерами в адрес госпиталей в качестве гуманитарной помощи. Стоимость доставки полностью оплачивало Общество.

На склады «Наведы» доставлялись медикаменты от фармацевтических и других фирм Германии. Однажды, не помню, к сожалению, названия фирмы, от которой доктор Зюсс принимал дарственное письмо на медикаменты, и я увидел его неподдельное удивление. Оказалось, фирма заканчивала свою деятельность в Дрездене и вливалась в другую фирму на западе Германии, куда полностью переезжало производство из Дрездена. Как я понял, фирма не успела реализовать полностью готовую продукцию и дарит ее как гуманитарную помощь немецкому Обществу для госпиталей России. Адресат получателя при этом имел определенное значение. При оформлении документов на дарение я понял: стоимость значительна. Извиняясь, я поинтересовался ее размером:

— Два миллиона триста тысяч немецких марок!

Я обомлел!

Еще случай. Пакуя медикаменты в кабинете, который я имел на базе, обратил внимание на коробку с таблетками. Их стоимость превышала пятьсот марок. Перевел на рубли, снова в марки и запомнил: на эти деньги можно купить в магазине напротив сто пятьдесят бутылок французского коньяка. Удивился. А вскоре увидел эти таблетки при сортировке у себя, в госпитале. Беру упаковочку — и к Семену, показать и сказать, что немцы сумасшедшие. Семен смотрит на меня:

— Где взял?

— Как где?! Привезли по гуманитарке из Германии. На складе.

Семен взрывается:

— Это же чудо медицины... первый раз в руках держу... У нас, в России, с инфарктом лежат месяц и больше... кто выживает, а у немцев, да и в Европе, три дня в больнице, и с этими таблетками домой, на своих ногах. Рассказывают, я читал...

При отправке в Россию в документах стоимость гуманитарных дарений не указывается. По законам таможни любой груз именуется товаром и должен иметь стоимость, чтобы от нее определять таможенную пошлину. Но гуманитарные дарения не могут иметь стоимости и цены — это дарение. Подарки, да еще гуманитарного направления, оценивать в деньгах аморально. Вот и указывали стоимость всего контейнера не выше пяти тысяч, хоть в марках, хоть в евро, хоть в рублях, чтобы не было мороки. Вот так-то...

При личной встрече с министром бундесвера Германии господином Рюе я получил любезное заверение о готовности помочь российским госпиталям и ветеранам. Передо мною поставили только одно условие: гуманитарная помощь бундесвера не должна попасть в действующие госпитали Российской армии. Я дал слово чести офицера выполнить это условие. Как? Я расскажу об этом позднее.

Было решение правления Общества: гуманитарные дарения бундесвера доставлять на склады «Наведы» и уже со склада отгружать в Россию вместе с медикаментами от других аптек и фармацевтических фирм. Замечу: склады у фирмы «Наведа» закрытого типа.

Рассказывая о механизме получения медикаментов и отправки в Россию, поясню: следовало получить разрешение властей на сбор медикаментов. Что это стоило доктору Зюссу, невозможно даже представить! Поначалу предстояли поиски структур, с которыми нужно иметь дело, потом — сбор информации, подготовка документации, комиссии, визиты. Куда только ни приходилось нам обращаться! Все это в полном объеме легло на плечи доктора Зюсса. Только благодаря его упорству и терпению начатое дело удалось довести до конца. После выяснилось, что только наше Общество имеет в Саксонии право заниматься сбором медикаментов для гуманитарной помощи.

Обычно ближе к осени, чтобы не подвергать контейнеры с медикаментами перегреву от летнего жаркого солнца, ежегодно в нашем присутствии на складах фирмы «Наведа» загружался 20-тонный железнодорожный контейнер. В нем медикаменты из аптек и фармацевтических фирм, дарения бундесвера. Медикаменты из аптек укладывались в коробки навалом, без сортировки. На контейнер ставилась пломба Общества, и контейнер отправлялся получателю — в госпиталь.

Таможенная служба принимала контейнер и передавала комиссии, где медикаменты 2-3 месяца сортировались, проверялись, группировались. Документы проверки отправлялись в правительственную комиссию по гуманитарной помощи, и после, если все соответствовало нашим нормам, дарения признавались гуманитарной помощью.

Не могу избежать комментария. Допустим, медикаменты из Германии отгружаются в Смоленске, досматриваются железнодорожной таможней, после чего направляются в таможню по месту адресата, госпиталя. Таможня на месте передает комиссии опять для досмотра, а время-то идет, месяц, второй, третий... Проверка правительственной комиссии. Жди,

терпи, пока проверят и дадут добро... А ведь в контейнерах — медикаменты с разным сроком годности, а таможня пропускает их только со сроком годности не менее шести месяцев.

Получается: отгрузили, например, со сроком годности один год, а груз в пути задержали, и приходится коробки выносить... на помойку. Таможенники — тоже люди, над ними начальство. Закон нарушил — вылетел с работы. Начальство тоже зарплаты лишиться не хочет: закон есть закон.

Но несмотря на все сложности, около 60 тысяч инвалидов и ветеранов Второй мировой войны, инвалидов и жертв афганской и чеченской войн, которые живут на Урале, через госпитали ветеранов войны Екатеринбурга и Челябинска стали получать необходимую помощь медикаментами европейского стандарта и качества.

Наличие медикаментов самого широкого профиля, назначения от германского Общества позволили начальнику госпиталя Семену Спектору открыть при госпитале дополнительные отделения, например дерматологическое, о чем ранее не могли и мечтать. В 1997 году в День Победы дорогими гостями в госпитале стали... немцы — члены правления Общества. В госпитале им показали все имеющиеся медикаменты из Германии, которые полностью удовлетворяли потребность лечебных процессов. Радовались этому позже и члены Общества в Дрездене, просматривая видеозаписи.

Событием для немцев стало и другое обстоятельство. В праздничные дни на трибуне главной площади города, где проходил парад войск Российской Армии, они увидели своего земляка, коллегу по гуманитарной акции доктора Жоржа Хайке. Так высоко российская сторона оценила огромную помощь немецкого Фонда. С самыми добрыми чувствами и надеждами активисты Фонда решили продолжать гуманитарную акцию.

В челябинском госпитале для ветеранов войны была организована специальная служба по обеспечению гуманитарными медикаментами в случае необходимости. Через региональные лечебные учреждения, где для ветеранов войны существовали специальные отделения, распространялись немецкие лекарства.

Большие объемы гуманитарной помощи общественности Германии пришлось на российский период нищенского финансирования госпиталей. Кроме того, ряды ветеранов войны стали пополняться ребятами, пострадавшими в чеченских событиях. Они и вовсе оказывались без прав

в отличие от ветеранов и инвалидов Второй мировой. Искалеченные чеченской войной, они не имели на тот момент солдатского статуса, такого как инвалид войны.

Об этом очень просто и откровенно говорили участники, прошедшие афганскую и чеченскую войны, в фильме «Солдаты в пижамах», снятом немцами в госпитале Екатеринбурга. Фильм этот обошел Европу. Его перевели на немецкий, английский и французский языки. Впечатление у зрителей оставалось одно — никого не волнует судьба ребят, прошедших эти войны, никого не волнует судьба старых ветеранов. Возвращаясь в то сложное, тяжелое время для народа России, вспоминаю случай, касающийся судеб ребятишек, искалеченных чеченской войной, как любой войной — все же избежавших смерти.

О работе общественного благотворительного Фонда при госпитале ветеранов войны в Екатеринбурге писалось и говорилось много. В какой-то день передают: со мной хочет встретиться начальник госпиталя МВД, располагающегося по соседству, всего в двухстах метрах от здания нашего госпиталя. По слухам, туда доставили большую группу раненых из Чечни.

МАЛЬЧИКИ ИЗ ЧЕЧНИ

И вот я в госпитале МВД. Начальник госпиталя, полковник медицинской службы — усталый, измученный человек, тяжелый взгляд. Понять его можно. Неожиданно авиацией из Чечни доставили в госпиталь 107 раненых. У госпиталя и так хватало проблем, а тут... И он просит меня: если есть возможность, помогите...

Иду по палатам, где лежат почти что мальчики. Поначалу думалось, что у МВД должно быть не так, как везде. Лучше. Оказалось — и здесь, как везде. Нищета, бедность и дефицит всего необходимого. Угнетало и настроение молодых пациентов. В одной палате задержался: уж больно один парнишка кричал, рвался обратно в Чечню, обещал, как поправится, снова будет убивать чеченцев, мстить за погибшего друга. В палате лежали еще шесть парней. Настроение нормальное, но все переживают за Николу из Моршанска, что лежит у двери. У него настроение хуже некуда: ноги ему оторвало, домой не хочет возвращаться.

Не столько вижу отсутствие ног у парня, сколько чувствую, понимаю его боль, как ему в его-то молодые, чуть больше двадцати, годы остаться

без ног. Мне тоже тяжело, но присаживаюсь на кровать, начинаю втолковывать парнишке: ты же мужик! Нет ног, будут протезы, будешь ходить, бегать, танцевать. Будешь, как Маресьев, только потерпи, надо заставить себя. Вот когда-то я сам лежал в госпитале после ранения в ту далекую войну, в палате был такой же парень, молодой, как ты. Вот ему в жизни не позавидуешь: руки, ноги на месте и голова целая, а оторвало ему... то, что ниже пояса. Вот и посуди, что лучше, что хуже. Все заулыбались, зашумели, в один голос заговорили: тебе повезло, парень! Заулыбался Николка.

— Не падай духом, внучок, все у тебя будет, как у всех, только старайся встать. Сегодня у тебя для начала будет коляска, начинай жить по-новому, сначала, ведь впереди — вся жизнь! Судьба подарила ее тебе, береги.

Вышел в коридор, а в голове шумит, стучит, и воздуха мало: вот таким, как эти ребята, был я молодым шестьдесят лет назад, разница только в том, что сегодня они лежат не на полу, как я когда-то, а на кроватях.

Ранее мы уже обсуждали с доктором Зюссом, как быть, если в госпиталях перемешаны ветераны всех войн, как помогать старым ветеранам, если молодых становится больше. Общество по уставу имеет право помогать ветеранам только прошлой войны...

Слов «прошлая война» в уставе нет. Какая война искалечила или убила, неважно. Люди не виноваты, что их посылают на войну, заставляют убивать. Мы работаем, помогаем людям, а не государству, мы — вне политики. Помогаем людям, которые нуждаются в помощи, всем, кто пострадал от войн. Это наш гражданский долг, а у немцев особый долг, тем более перед Россией.

Вместе с военврачом госпиталя МВД идем на склады Фонда, в подвалы госпиталя ветеранов, и наша баба Валя, хозяйка склада на общественных началах, помогает отобрать все нужное.

Уже не помню точно всех подробностей того времени, но по телевидению был репортаж о помощи Фонда госпиталю МВД. Для раненых ребят, доставленных в госпиталь из Чечни, загружался грузовик, а в нем функциональные кровати, постельное белье, даже операционный стол. А я слово свое сдержал и инвалидную коляску передал Николке сам. И отругал серьезно, по-мужски, по-русски, чтобы не нагнетал страстей, не мучил родителей.

В дальнейшем баба Валя подбирала ребятам, которые выписывались

из госпиталя МВД, одежду. В ней они и возвращались домой после выписки. Униформу в то время никто надевать не хотел: не знаю, была ли она вообще в то время в госпитале. Случалось даже, что по каким-то причинам ребята, ожидая одежду от бабы Вали, коротали время, ночуя где-то на чердаке своего госпиталя.

Было все это, было! Да так было, что вспоминать жутко.

Начальник госпиталя для ветеранов войны в Екатеринбурге Семен Спектор выступал во всех СМИ, везде, где только было возможно, письменно и устно говоря, что государственный госпиталь функционирует только благодаря немецкому Обществу помощи ветеранам войны в России и Фонду помощи инвалидам войны. Благодаря немцам в госпитале есть главное для пациентов — медикаменты.

Действительно, в госпитале благодаря гуманитарной помощи Общества и Фонда не возникало проблем с медикаментами или с постельными принадлежностями. Мало того, поступающие медикаменты, многие из которых госпиталь и не имел ранее, во времена советской власти, позволили начальнику госпиталя открыть дополнительные отделения в госпитале по профилю лечения заболеваний, не связанных с последствиями ранений в условиях войн.

Финансирование госпиталя властью было грошовым, нищенским: надо еще и кормить ветеранов, пациентов госпиталя, платить заработную плату сотрудникам, не говоря о накладных расходах, вроде коммунальных услуг... Случалось, и телефон отключали.

В один из дней Семен звонит мне:

— Хлеба нет! Кормить нечем...

Через пару часов я в редакции газеты «Уральский рабочий», а на следующий день в газете мое обращение к народу с просьбой пожертвовать госпиталю на кусок хлеба. Последующие результаты потрясали: масса очень скромных переводов госпиталю поступила от инвалидов войны и ветеранов, от простых людей, поделившихся своим кусочком хлеба... Ни одного рубля от государственных организаций, частных фирм, предприятий и банков не было передано.

Госпиталь продолжал сидеть без денег, а вместе с ним и сотрудники: месяц за месяцем они не получали заработную плату. Начался голод среди сотрудников медперсонала. Голодные обмороки, прямо в госпитале, на рабочих местах, врачей, медицинских сестер; голодные дети семей сотрудников. Начальник госпиталя дал распоряжение: все, что остается

в столовых, после приема пищи пациентов, отдавать сотрудникам. Молодые родители приводили с собой на работу детей в надежде получить от пациентов кусочек хлеба для ребенка. Среди нас, ветеранов, был брошен клич: «Врачи и медицинские сестры спасали нас, давайте спасти от голода врачей и медсестер!»

В прямом эфире телевидения откровенно рассказываю о сложной, недостойной жизни человека в сложившихся условиях, о работе госпиталя. Семь месяцев персонал госпиталя не получает заработной платы. Как выжить человеку? Все делаю достоянием гласности.

Активно и искренне поддерживал идеи и цели моих выступлений в средствах массовой информации начальник госпиталя Семен Спектор, всегда говорил в мой адрес благодарности и помогал организовывать публичные выступления.

АЛЬТМАН БЛАГОДАРИТ НЕМЦЕВ ЗА ПОМОЩЬ

А сейчас мне хочется привести выдержки из интервью начальника госпиталя ветеранов войны в городе Челябинске, профессора, доктора медицинских наук, заслуженного врача РФ Дмитрия Александровича Альтмана, которое он дал газете «Здоровье». Речь в нем, в частности, идет о помощи немецкого Общества.

Корр: В редакцию идет поток жалоб на отсутствие бесплатных лекарств. Откуда же вы-то их берете?

Профессор: Получаем от гуманитарных структур Германии. Познакомились, когда обеспечение медикаментами было просто катастрофическое... вся наша прекрасная мебель — кровати, тумбочки, маленькие холодильники — все это нам отправили немцы. А сколько инвалидных колясок из Германии мы бесплатно раздали людям! Но самая большая и весомая помощь — медикаменты. Понимаете, это ведь не те лекарства, которые мы здесь получаем. Ни для кого не секрет, что от 20 до 50 процентов лекарств на российском рынке поддельные, а мы получаем дорогие лекарства европейского уровня. И видим по своим старикам, насколько они эффективны. Мы их раздаем всем бесплатно. Ведь к нам приходит контейнер, в котором 5—10 тонн медикаментов.

Корр.: Ничего себе! Только как же такие богатства проходят таможню?

Профессор: Вы себе не представляете, какой это адский труд! Мы его оформляем на склад. Как минимум три месяца весь наш коллектив сидит в подвале, разбирает, переводит и описывает полученный груз. Затем все эти огромные списки мы отправляем в Минздрав. Там их анализируют, дают рекомендации. И отправляют в комиссию по гуманитарной помощи, чтобы груз был признан гуманитарным. Далее, впрочем, тут нет ни конца ни края, меньше девяти месяцев ни разу все эти медикаменты не оформлялись...

Корр.: Но ведь за это время у многих препаратов кончается срок годности.

Профессор: И получив заветную посылку, мы начинаем со слезами оформлять бумаги на уничтожение бесценных сокровищ... ведь эти препараты, в том числе и от бундесвера, которые по гарантийным письмам можно использовать еще до двух лет. Но кто возьмет на себя такую ответственность.

Знаете, иногда в сердцах хочется бросить все. Но вот вчера опять звонили немцы, им тоже по 70, искренне, как дети, хотят помочь. Я не могу сказать «Нет». И с другой стороны, если я это скажу, с чем останутся пациенты госпиталя? Ведь соцзащита им выделяет на лекарства... едва ли тысячу рублей в год. Это, к сожалению, очень мало. А мы даем им гуманитарных препаратов на тысячу в месяц. Потому и работаем.

...В заключение хочу еще раз подчеркнуть: категория ветеранов войн находится у нас в области в приоритетном отношении, без помощи этих людей никто не оставит.

Корр.: Что же, у вас совсем не бывает жалоб? Контингент-то особый.

Профессор: Вот поэтому по средам, во время обхода госпиталя, я разговариваю с каждым пациентом. Вопрос ставлю конкретно и жестко: «Скажите мне, что вам не нравится. Какие замечания, пожелания, чем недовольны?» Старики часто плачут: «Да что вы такое говорите? Госпиталь — это единственное место, где так относятся!»

...Скажу не для политеса, таким положением дел мы, конечно, обязаны поддержке губернатора и его заместителей, которые постоянно оказывают нам помощь и внимание.

НЕОБЫЧНЫЕ ЭКСКУРСИИ

Перед этими событиями госпиталь в Челябинске посетил заместитель главы администрации Екатеринбурга Владимир Кулик. Обозрев все и вся, по хозяйской привычке, заглянув во все углы и отобедав за одним столом со стариками, поделился со мной:

— С трудом верится, что я в госпитале. Это не госпиталь... Это санаторий! Представить себе не мог, да что представить, даже подумать, что жить можно, как в сказке.

Я понимал Владимира Диомидовича. Чувствовал: радовало его увиденное и услышанное в Челябинске, но и одновременно печалило, наводило на мысли о незавидном положении госпиталя города Екатеринбурга.

И на самом деле: казалось бы, и города рядом, и медперсонал госпиталей в порядке, но медицинская помощь такая разная! Все это так, потому что люди у власти разные, отношение власти к ветеранам войны разное.

Есть и особенность: правительство Челябинской области и города решает вопросы медицинской помощи ветеранам вместе и удачно. В Свердловской области правительство изменило структуру обслуживания ветеранов.

А ведь было время... Вспомню 1996 год. Начальник госпиталя Екатеринбурга в одной из газет информировал общественность и региональную власть: «Наши беды можно перечислять долго, хронически и катастрофически не хватает медикаментов... В том, что мы как-то выходим из положения, заслуга президента Фонда помощи инвалидам войны В. Максимова. Перед 9 Мая в четвертый раз получили гуманитарную помощь от немецкого Общества помощи ветеранам войны в России. Сбор медикаментов для нашего госпиталя идет сейчас по всей Германии...»

Нарастает поток гуманитарной помощи из Германии от Общества помощи ветеранам войны в России: впервые в истории госпиталя, в палатах появляются сотни функциональных кроватей... В средствах массовой информации широко освещается и комментируется гуманитарная акция. «Областная газета», правительственная: «Опять таблетки из Германии» — «...на триста тысяч марок бундесвер прислал медикаментов в очередном контейнере... более семисот медицинских костюмов, ранее невиданных в госпитале... тысяча триста тридцать один комплект постельного

белья...» В одной из газет огромным шрифтом заголовок «Мы еще живы благодаря... бундесверу».

Гуманитарная акция помощи ветеранам немцами и нашим Фондом помощи инвалидам войны комментируется по телевидению, радио: госпиталь обеспечен и, самое важное, что имеет жизненное значение для ветеранов, — медикаментами.

Ветераны с пониманием и благодарностью принимают помощь.

Поступает помощь и в дома детей-сирот.

В адрес германского Общества, доктора Зюсса идут благодарственные письма от губернатора господина Росселя, награда председателя Общества доктору Зюссу от членов правительства области, областной думы и сотни персональных благодарностей от начальника госпиталя Семена Спектора, общественных организаций.

Заведующая аптекой госпиталя Вероника Титова, посетившая по приглашению Общества Германию для ознакомления работы аптек, в своем письме для журнала аптек земли Саксония благодарит за помощь ветеранам войны. Перечисляет наименования важнейших медикаментов, их значение и роль в организации медицинской помощи ветеранам войны и надеется на дальнейшее продолжение гуманитарной акции, сопричастности общества...

Позже Вероника Титова напишет:

«Уважаемые коллеги!

Первое движение доброй души — сострадание и милосердие. Вне всякого сомнения, что именно эти чувства и стали побудительным мотивом создания германского благотворительного Общества помощи ветеранам войны в России. Свою практическую деятельность оно осуществляет через созданный семь лет назад Екатеринбургский фонд помощи инвалидам войн, базирующийся в Свердловском психоневрологическом госпитале для ветеранов войн.

На излечении в нашем госпитале находятся одновременно 1200 больных. Это участники, инвалиды Великой Отечественной войны и других боевых событий. За год в госпитале проходят лечение около 31000 человек. Финансирование госпиталя не позволяет в полном объеме обеспечить больных необходимыми медикаментами. Поэтому большим подспорьем в деле лекарственного обеспечения является ваша гуманитарная помощь. Зимой 1993 года груз гуманитарной помощи впервые поступил к нам в госпиталь. И вот уже в течение семи лет мы плодотворно

с вами сотрудничаем. За семь лет госпиталь получил более 300 тонн медикаментов и перевязочных средств. Сюда входит большое количество обезболивающих, противоревматических, противовоспалительных препаратов. Много препаратов и для улучшения мозгового кровообращения, сердечно-сосудистой деятельности, средств для ухода за лежачими больными, в том числе памперсов, колапластов, эластичных бинтов.

Подлинное милосердие состоит в том, чтобы разделить с другими не то, что имеешь, а то, чего у них нет. Главное, чего катастрофически не хватает госпиталю, это лекарственных препаратов, и эту проблему помогаете решить нам вы. Большое вам человеческое спасибо и низкий поклон от всех ветеранов, находящихся на излечении в нашем госпитале.

IX-2000 г.»

ШАГ В СТОРОНУ

Глава 5

И вот я снова в Германии, в Дрездене. На складах «Наведа» — горы коробок с медикаментами от аптек, дарения от бундесвера. Все это можно отправлять в Россию, но ожидалось еще дарение медикаментов от фармацевтической фирмы «Берлин-Химия», старого спонсора Общества. Так что сидели и ждали.

А я тем временем на правлении Общества поделился своими волнениями относительно заинтересованности и внимания к немецкой гуманитарной акции оказания помощи ветеранам войны со стороны спецслужб России. Тогда было принято решение обратиться с письмом к президенту России В. Путину. В письме проинформировать его о работе Общества и попросить упростить или ускорить доставку медикаментов в госпитали ветеранов войны. Ведь некоторые так и не успевают дожидаться помощи, расплачиваясь за это здоровьем, а то и жизнью.

В том, что президент поддержит просьбу немцев, у них сомнений не возникало: гуманизм и человеческий разум превыше излишних, бюрократических формальностей и личного отношения

к этому самих чиновников. Письмо писала Ханнелоре, редактировалось оно членами правления. Вверху письма поставили яркий, от руки нарисованный знак SOS.

Я, знающий советских чиновников, предлагаю отправить письмо через посольство России в Берлине, причем с обязательным уведомлением о вручении. 27 июня 2005 года письмо было отправлено.

В это время доктор Зюсс готовится к отгрузке медикаментов и впервые просит коллектив фирмы «Наведа» провести проверку медикаментов, определить срок годности и попытаться проверить, не посчитают ли посылаемые препараты уже в России наркотиками. Два воскресных выходных дня коллектив «Наведа» активно работает: прекрасное настроение, чувство того, что ты делаешь доброе дело, в конце работы — праздничный ужин. Чудесная солнечная погода только добавляет радости. Все это сохранилось на видео. Это был настоящий праздник. Доктор Зюсс, Ханнелоре и я были участниками праздника, дней надежд, радости за российских ветеранов войны, которые смогут воспользоваться сокровищами, приготовленными для них немцами.

Надежды окрыляли. Мы были уверены, что президент Путин не сможет остаться в стороне и не поддержать начатое нами доброе дело.

Тут сообщают из «Наведы»: «Берлин-химия» доставила для Общества, для госпиталей ветеранов в России очередную партию медикаментов общей стоимостью 50 тысяч евро. Фирма подарила серьезные медикаменты, которые всегда ждут в госпиталях.

«Берлин-химия» и госпитали имеют отработанные контакты через Ханнелоре, постоянно лично контактирующей с работниками фирмы и дающей подробную информацию о госпиталях. К медикаментам фирма добавила, уже не в первый раз, спецпитание со сроком годности 6 месяцев для больных послеоперационного периода, перенесших удаление раковых опухолей кишечника.

Отправленное письмо Путину и поступление этих медикаментов от «Берлин-химия» подтолкнули доктора Зюсса заказать контейнер, отправить гуманитарный груз в Россию. Это решение поддержали все члены правления. 25 августа контейнер был отправлен. Все надеялись, что в ближайшее время медикаменты поступят в госпиталь Челябинска и помогут людям.

Меня же мучили сомнения. Уже до отправки контейнера я знал, что посольство РФ в лице секретаря господина Константина Иванова, в

обязанности которого вменялись и вопросы, связанные с проблемами гуманитарной помощи для России, «наводит справки». Я позвонил господину Иванову и поинтересовался судьбой письма немецкого Общества в адрес президента Путина. На что мне ответили, что письмо отправлено в Москву, но с некоторым опозданием по причине режима доставки дипломатической почты один раз в месяц, и заверили, что письмо будет доставлено до адресата.

Но врал господин дипломат, хитрил, а мои опасения начинали подтверждаться...

В начале сентября контейнер стоял уже на эстакаде Смоленской таможни. Годом раньше я посетил госпиталь ветеранов войны в Смоленске с намерением определить возможность организации госпиталю гуманитарной помощи. Параллельно доктор Зюсс просил обязательно встретиться с работниками таможни и навестить декана Смоленского университета, коллегу по работе в прошлое время со студентами из ГДР, Тамару Леонидовну Ковалеву. Она любезно согласилась сопровождать меня на таможню, где, как выяснилось, трудятся ее бывшие студенты.

Встреча с таможенными чиновниками прошла в полном взаимопонимании: положение Общества с отгрузкой медикаментов и значение этой акции для ветеранов войны на таможне понимали и оценили, но для свободного прохождения медикаментов от Общества в госпитали России необходимо разрешение гуманитарной комиссии, без которого таможня все же пропускала дарения и досматривала груз сама. Проще говоря, шла на нарушение таможенных правил, осознавая бюрократические формальности ради того, чтобы помочь госпиталям. Но с появлением на таможне службы наркоконтроля растаможивание медикаментов будет проходить сложнее и дольше.

Посетил Смоленский госпиталь, познакомился с медперсоналом. Общее впечатление от госпиталя, от уровня оказания помощи сложилось, по тем временам, хорошее, особенно по сравнению с госпиталем в Екатеринбурге. Немецкое Общество после того моего посещения оказало значительную гуманитарную помощь, за что получило благодарность от коллектива госпиталя и представителей правительства Смоленской области. В Германии решили и в дальнейшем оказывать гуманитарную помощь Смоленскому госпиталю.

А тем временем, после загрузки контейнера в адрес Челябинского госпиталя ветеранов войны доктор Зюсс и Ханнелоре готовили документы.

Уже на товарной станции я уговорил их приобщить к товарным документам копию нашего письма президенту Путину в надежде привлечь внимание к значению отправляемого дарения.

Только 22 ноября Смоленская таможня, практически по истечении трех месяцев после отправки контейнера, обратилась своим письмом в адрес Общества с требованием о предоставлении дополнительной информации для решения вопроса о задержании товара! В перечне вопросов чувствовался интерес не только таможенной службы.

Отвлекусь: во всех таможенных инструкциях гуманитарная помощь именуется товаром. Соответственно и попадала она по содержанию и правилам, предусмотренным для товаров. Требовались и данные об изготовителе, о цене. Все, что можно сказать о «товаре».

К этому времени в Смоленске спецслужбой наркоконтроля подвергалась допросу Тамара Леонидовна. От чего, как я полагаю, ей потребовалось немало времени прийти в себя. Начальник Смоленского госпиталя ветеранов войны, где тоже искали наркотики от немцев, после встречи со спецслужбой резюмировал:

— Виктор Сергеевич, даже если Общество из Германии пришлет нам контейнер с чистым золотом, я прикасаться к процессу растаможивания не буду...

Начальник Челябинского госпиталя не побоялся заявить чиновникам из наркоконтроля, что не от веселой жизни они просили у немецкого Общества медикаменты... Отказался от медикаментов и начальник госпиталя ветеранов войны в Екатеринбурге В. Башков. Перед этим отказался от медикаментов и начальник управления здравоохранения Екатеринбурга: «Пока мы еще имеем аспирин, мы живем, как-никак. В медикаментах мы нуждаемся, но получить их по гуманитарной помощи от Общества не в наших возможностях. Причина одна — проблемы с растаможиванием».

Комментировать вышеизложенное не могу! Стыдно. Еще до обращения к Обществу за дополнительной информацией от таможни я потратил десятки часов, не говоря о деньгах. За счет Общества и на свои деньги я вел телефонные разговоры с комиссией по гуманитарной помощи, Минздравом, чиновниками таможенных служб, особенно Смоленска. Думал, не случайно таможня официально обратилась к Обществу за дополнительной информацией только через три месяца после отправки контейнера.

Разговаривал я и с чиновниками наркоконтроля: просил не спешить с принятием крутых решений, подумать о ветеранах, не исключать надежды

на то, что немцы дождутся ответа на свое письмо президенту. Кто-то на мои просьбы обещал «достать» меня, а начальник службы, если не перепутал, Николай Черноусов, на мои тревоги за судьбу ветеранов, значения гуманитарной акции немцев, отрубил:

— Немцы... немцы! Да они у меня трех дедов убили! — и бросил трубку.

Как только прошла информация о задержке контейнера наркоконтролем, председатель Общества доктор Зюсс, кстати, всегда заполнявший документы на гуманитарные грузы и разрешавший все формальности с таможней в Германии на отправку грузов в Россию, заявил правлению Общества о немедленном снятии с себя полномочий председателя. Мотивировка его выражалась в том, что он немец, за ним стоит немецкий народ, именем которого он проводит гуманитарную акцию жертвам прошлой войны России. Подобное поведение спецслужб без каких-либо контактов с Обществом — это недоверие ему, явное проявление недоверия народу Германии, что оскорбительно!

Года за два до описываемых событий доктор Зюсс за проведение гуманитарной акции был награжден президентом Германии высоким орденом, солидной премией. Но доктор Зюсс отказался от принятия правительственной награды, мотивируя это тем, что он не может принять ее от власти, которая посылала своих солдат на Балканы в период югославских событий. Политика и поведение в данном вопросе правительства Германии, бомбежка в 1999 году народов Югославии, оскорбительное отношение новой власти к прошлому своего народа — все это, вместе взятое, противоречило человеческому чувству, смыслу поведения власти. Я не сомневаюсь, смысл и содержание своей жизни доктор Зюсс оценивал с позиции гуманизма.

Мы старались убедить доктора Зюсса, что его награда — это не только признание властью общественной деятельности, его лично, но и людей, членов Общества, немцев за их сопричастность к гуманитарной акции народа.

Не помогло. Доктор Зюсс не принял награды.

После всего мне, находящемуся в замкнутом кругу, с петлей на шее, накинута мной, россиянину, родной властью, ничего не оставалось, как с позором снять с себя полномочия заместителя председателя Общества помощи ветеранам войны в России. Обязанности председателя члены Общества упростили взять на себя Ханнелоре Дандерс. Сложив обязанности

заместителя председателя Общества, я оставался членом правления, и это обязывало продолжить борьбу за судьбу моих соратников, ветеранов войны.

Весной 2005 года прохожу очередной, ежегодный курс лечения в Челябинском госпитале ветеранов войны, хотя врачи рекомендуют госпитализацию дважды в год. Насколько обладаю информацией, сопоставляю работу госпиталей. Лучшим в России, как мне кажется, все же был челябинский. Не в обиду иркутскому, смоленскому, пермскому... Значительная в этом заслуга германского Общества помощи ветеранам войны. Нельзя сказать, что последние годы госпиталь с трудом вел лечебный процесс. И все же бросалось в глаза необычное настроение коллектива медперсонала госпиталя, в том числе и начальника госпиталя Дмитрия Альтмана, внутренняя напряженность, сухость в общении.

Оказалось, госпиталь подвергся нашествию работников недавно созданной специальной службы по борьбе с наркоманией. Понять решение правительства несложно: наркотики захлестнули Россию, и купить наркотики стало возможно чуть ли не на каждом перекрестке, на любой дискотеке. При проверке госпиталя в одном из сейфов государственного производства обнаружили одну ампулу обезболивающего средства из категории наркотиков, получали две — одна использована. Оказывается: ампулу нужно хранить в сейфе особой гарантии, в отдельном помещении, изнутри отделанном металлом, с решетками особого качества на окнах. Вдобавок выясняется: госпиталь получал гуманитарную помощь от германского Общества медикаментами, медтехникой, контейнерами, фурами. И пошло-поехало: досмотр сейфов, складов, шкафов на постах медсестер, чердаков и подвалов. Прошли собеседования с сотрудниками госпиталя, после которых многие плохо засыпали. Даже возбудили уголовное дело.

Вмешалось правительство области в защиту госпиталя: авторитет начальника госпиталя Дмитрия Альтмана и его коллектива высок. Дело прекратили. Но неприятный осадок остался.

Из разговора с медперсоналом госпиталя я, конечно, слышу, что кое-кому не по душе получение из Германии медикаментов, что госпиталь как государственное учреждение не может обращаться с подобной просьбой о гуманитарной помощи к иностранному государству. Пришлось придумать компромисс: госпиталь не просит официально медикаменты у немцев, а немцы по собственной инициативе посылают медикаменты

госпиталю, как и раньше. А мы будем принимать такие подарки, так как без гуманитарной помощи госпиталь не сможет работать в полную силу, даже с учетом поддержки областного правительства.

Я чувствовал, как изменился психологический климат коллектива после нашествия спецслужб: возникла осторожность в общении, зародилось подозрение, исчезло безоговорочное доверие между сотрудниками.

Но вернусь к событиям, связанным с госпиталем ветеранов войны, моим госпиталем, в Екатеринбурге. После того как был разгромлен Фонд (об этом далее отдельный разговор) по указанию начальника госпиталя Семена Спектора и отказа от получения немецкой гуманитарной помощи, госпиталь вновь упал на колени. Начальнику госпиталя ничего иного не оставалось, как с мольбой вновь обратиться к германскому Обществу за помощью, и из Германии снова были отправлены медикаменты. Я старался помогать немцам в отправке контейнера. Ведь не Спектору и Башкову помогал, а старым ветеранам, старым солдатам. Госпиталь ожил.

По случаю Дня Победы в 2005 году в госпитале устраивают торжественный прием. Под общее одобрение начальник госпиталя В. Башков целует руки активистке немецкого Фонда Ханнелоре Дандерс и благодарит за помощь госпиталю. Благодарностей и добрых пожеланий в тот день было предостаточно.

Спустя год Ханнелоре Дандерс снова в госпитале. Встречают, как родную. Ее рады видеть и врачи, и медсестры. Правда, на этот раз начальник госпиталя руки Ханнелоре Дандерс не целует. Кажется, что все, как и прежде — внимание и подарки. Но что-то и не так. Отсутствовал на этом приеме Семен Спектор. Он в это время оперировался в Германии.

Перед возвращением в Германию Ханнелоре зашла к заместителю начальника госпиталя Башкову, намереваясь обговорить дальнейшие перспективы гуманитарной помощи госпиталю. Башков, со слов Ханнелоре, был крайне официален, сух. За помощь поблагодарил, но заявил, что госпиталь больше не нуждается в гуманитарной помощи извне: власть отныне полностью удовлетворяет все потребности госпиталя, в финансировании не ограничивает. Когда Ханнелоре уходила, Башков даже не встал, не вышел из-за стола, не проводил, прощаясь, не подал руки.

Ханнелоре была удивлена таким поведением представителя госпиталя, но и довольна: наконец ветераны смогут получить от государства достойную, медицинскую помощь в госпитале. И все же у нее возникло

недоумение: накануне ничего подобного о государственной помощи, о чем говорил Башков, она не слышала от медперсонала.

Информация Ханнелоре меня, наоборот, не обрадовала, а озадачила. Я-то знал истинное положение дел в госпитале.

В ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ ОБНАРУЖЕНЫ... «НАРКОТИКИ»

Таможенная служба информирует: проверка контейнера германского Общества с медикаментами в адрес Челябинского госпиталя ветеранов войны показала, что среди медикаментов есть упаковка таблеток, относящихся по российской классификации к группе наркотиков, и десяток упаковок сильнодействующих таблеток, по стандартам российской классификации относящихся к группе наркотиков.

Было странно, ведь последние свободно продаются в аптеках Европы. Есть в ответном письме и факт лжи: спецслужбы отмечают, что немецкое Общество в декларации указало: наркотиков среди медикаментов нет. Хотя в нашей декларации было записано, что медикаменты не проверены и не рассортированы. Федеральная таможенная служба была столь любезна и дописала, что при необходимости в рамках своей компетенции она готова разъяснить порядок перевозки таможенных грузов гуманитарной помощи, поступающих на территорию Российской Федерации.

По факту проверки... возбудили уголовное дело. А о дальнейшей судьбе медикаментов нам ничего не известно.

Не удалось достучаться немцам и мне до власти. Публичные выступления в средствах массовой информации с критикой власти обошлись физическим насилием надо мной, и благодарю судьбу, что это противостояние не стоило мне жизни.

КАК ВЛАСТЬ ЦЕЛОВАЛА ХАННЕЛОРЕ

От себя добавлю: чувство глубокого признания и благодарности губернатору Челябинской области Петру Сумину и первому заместителю губернатора Андрею Косилкову не покидает до сего дня. Подписание меморандума между правительством области и германским Обществом

о совместной гуманитарной помощи ветеранам войны области было первым, совместным шагом к дальнейшим связям, личным встречам российских и немецких ветеранов прошедшей войны. Правительство поддержало идею ветеранов о проведении совместной конференции в г. Челябинске: впервые, за все послевоенное время. Именно в Челябинске было принято совместное обращение российских и немецких ветеранов, бывших смертельных врагов, к мировой общественности с призывом: «XXI век — век без оружия и войн».

Ханнелоре и первый заместитель губернатора Челябинской области Андрей Косилов расцеловались при встрече: немка и представитель власти, просто, по-человечески. Не открою большого секрета, если скажу, что губернатор Петр Сумин на одной из встреч с начальником госпиталя Дмитрием Альтманом предложил: если что-то неотложное — звонить домой.

Отношение власти к судьбам ветеранов войны плюс активная работа городского комитета ветеранов войны, дружеские, деловые контакты с германским Обществом привели к тому, что ветераны области последние годы не имели проблем с получением медицинской помощи. Госпиталь и организация отделений госпиталя по эффективности организации медицинской помощи оказались, по моему мнению, лучшими в России. Как следствие, судьба ветеранов области с получением медицинской помощи оказалась счастливой!

Хочется обратить внимание, в данном случае задуматься и понять, оценить роль власти, ее место и отношение к судьбам старых солдат Челябинской области и сказать: «Повезло им!»

Власть: губернатор области, члены правительства, общественность области и города, ветеранские структуры были искренни, откровенно благодарны немецкому Обществу помощи ветеранам войны в России за гуманитарную помощь госпиталю, ветеранам, за личные встречи, многочисленные контакты, взаимопонимание, за дружбу и примирение.

Челябинцы благодарят за помощь.

В подтверждение хочется привести полностью содержание благодарственного письма председателю германского Общества помощи ветеранам войны в России доктору Ханнелоре Дандерс, написанного 28 ноября 2006 года Д.А. Альтманом, профессором, доктором медицинских наук, заслуженным врачом РФ, начальником госпиталя ветеранов войны города Челябинска:

«Администрация и коллектив Челябинского областного клинического терапевтического госпиталя для ветеранов войн выражают Вам огромную благодарность за помощь, которую Вы оказываете в рамках благотворительной программы германского Общества помощи ветеранам войны в России.

Сотрудничая с Вами в течение ряда лет, мы знаем, сколько сил, труда, внимания и заботы о ветеранах минувшей войны Вы вкладываете в свою деятельность.

Благодаря многолетней гуманитарной помощи, которую Вы оказывали пациентам госпиталя, все больные имели возможность лечиться самыми современными и эффективными препаратами, теми, что спасают тяжелобольных и продляют жизнь ветеранов.

К сожалению, в течение последнего года по объективным причинам эта помощь временно приостановлена, но мы очень надеемся на дальнейшее человеческое и партнерское сотрудничество.

Мы желаем Вам и всем членам Общества успешной работы, личного и семейного счастья, здоровья и благополучия».

Трудно сейчас сказать, чей голос звучал в этом письме: начальника госпиталя, врача или человека высоконравственного. Пожалуй, все вместе, присущее достойному имени человека. Он выражал, думается, мнение коллектива.

ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕЗИДЕНТУ ОСТАЛОСЬ БЕЗ ОТВЕТА

ПРЕЗИДЕНТУ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
господину Владимиру Путину
г. Москва

г. Дрезден, Германия
27 июня 2005 года

русский текст

Уважаемый господин Президент Владимир Путин!

Германское Общество помощи ветеранам войны в России за 13 лет активной деятельности доставило около 1500 тонн гуманитарных дарений в Россию и в первую очередь — госпиталям ветеранов войн, лечебным учреждениям, домам детей-сирот.

Особенность акции — сбор и дарение медикаментов для госпиталей

ветеранов прошлой войны. В необходимости этого мы убедились, ежегодно посещая госпитали, встречаясь с медперсоналом госпиталей, ветеранами войны: явились свидетелями и убедились, что сопричастность немцев, нашего Общества помогли поддержать здоровье и продлить жизнь десятков тысяч ветеранов России.

Гуманитарная акция проводится совместно с российскими общественными организациями ветеранов при поддержке правительства регионов, — особенно правительства Челябинской области.

Представить и определить значение нашей совместной акции, понять, насколько она существенна и многогранна в разных аспектах жизни ветеранов войны, как российских, так и немецких, — большой разговор.

Трижды Общество удостоилось почетных наград только немецко-русским форумом.

Оказание гуманитарной помощи российским ветеранам для нас, немцев оказалось сложным, болезненным: имеющиеся возможности мы не могли реализовать в полной мере до сего времени по причине некоторых бюрократических формальностей, касающихся гуманитарных дарений, например: указание цены на каждой упаковке таблеток или завода-изготовителя на каждой паре подаренных очков...

С получением медикаментов от фармацевтических фирм, от бундесвера и доставкой этих дарений в Россию сложностей не возникало. Значительный объем медикаментов самого широкого профиля (назначения), европейского стандарта, высоких цен мы получаем от 800 аптек земли Саксония, которые усложняют нашу акцию в силу того, что дарения от аптек, в большинстве, составляющие немалые тысячи упаковок, не рассортированы, не описаны.

Место сбора, хранения медикаментов и отгрузки безвозмездно предоставляет фирма «Новеда» на закрытых специализированных площадях, которая обслуживает аптеки земли Саксония.

Общество принимает дарения от аптек, понимая, что физически не имеем возможности описать каждую упаковку, назначение, цену и т.д., из-за отсутствия средств на оплату фармацевтов по описанию медикаментов.

Вышеуказанные функции выполняются при растаможивании по доставке дарения госпиталю ветеранов войн: тяжело, сложно, но медикаменты все годы доходят до пациентов без каких-либо последствий.

Отправленные в контейнере медикаменты в г. Смоленске транспортной таможней снимаются с платформы и подлежат досмотру. За редким

исключением обнаруживаются медикаменты, не включенные в перечень допуска ввоза в Россию, они изымаются, а остальные отправляются адресату, в распоряжение местной таможни.

С поступлением контейнера адресату местная таможня передает медикаменты под своей пломбой госпиталю на временное хранение: создаются независимые комиссии с участием фармацевтов, которые проверяют медикаменты по количеству, назначению под контролем таможни.

По окончании проверки информация передается в комиссию Минздрава, которая после соответствующих документальных анализов разрешает допуск, передачу документации в гуманитарную комиссию при Правительстве РФ, откуда дается разрешение на растаможивание медикаментов после выполнения дополнительных условий этой комиссией.

Все инстанции, через которые проходят медикаменты, исчисляются месяцами, в результате возникают новые проблемы уже для госпиталей — изымать и уничтожать просроченные медикаменты, возникшие за период растаможивания. Это немалая потеря денег, но и утрата здоровья, сокращение жизни, откровенно преждевременная смерть определенного числа ветеранов.

В госпитале движение медикаментов от склада, через отделения до пациентов строго документируется, что подтверждается проверками спецслужб таможенных управлений.

Практика растаможивания показывает, что директивные положения, связанные с гуманитарными дарениями, расплывчаты, часто меняются, не учитывают особенности специфики содержания гуманитарных дарений. Например, подарить дому детей-сирот игрушку, или мыло и шампунь... Шесть тысяч очков, подаренных госпиталю для ветеранов, идут под гусеницы бульдозера только потому, что в декларации не указан завод-изготовитель.

Вопрос по телефону в Правительственную комиссию... это Черноусовский детский дом ...ждем второй год ВАШЕГО решения!?

Ответ из комиссии... — все ждут!

Перечень подобных примеров велик.

Раньше многое из подобных проблем решалось таможней на месте, при досмотре, при растаможивании.

Не удивительно, что по информации Минздрава РФ за последние годы медикаменты через таможню, как гуманитарные дарения, в Россию поступают только от нашего Общества. Условия их прохождения через

таможенные службы просто не по силам общественным организациям.

Однако за годы совместной работы мы навели мосты и проторили дороги искренней дружбы и взаимопонимания, вместе открыли кладбища немецких солдат в России.

Общество в связи с 60-летием разгрома германского нацизма вместе с ветеранскими организациями России организовали и провели встречи ветеранов в России и Германии с широкой общественностью, на проведенных конференциях приняли обращение к мировой общественности «XXI век — век без оружия и войн». Свое последнее слово в обращении ветераны и жертвы войны передают, как эстафету, будущим поколениям.

Необходимость обращения к Вам, господин президент, возникла на заседании правления нашего Общества в г. Дрездене. Мое письмо — это и обращение комитета ветеранов войны г. Челябинска (председатель господин Евгений Куракин). Мы просим о Вашей сопричастности к нелегкой судьбе ветеранов и жертв войны, в данном случае — содействовать нашему Обществу, как прежде, в ускоренном прохождении наших дарений от таможенных служб до места адресата.

Не все буквы таможенных законов по плечу нашему Обществу, но мы надеемся на продолжение нашей совместной гуманитарной акции, которая вошла доброй строкой в историю Второй мировой войны.

С уважением и пожеланиями благополучия
председатель правление Общества,
доктор Ханнелоре Дандерс.

Сомнений больше не возникало: власть перекрыла каналы для поступления в Россию гуманитарной помощи, не объявляя об этом открыто, а сплела паутины различных распоряжений и условий, преодолеть которые общественности стало невозможно. В этой связи вспоминаю, как в конце 90-х годов прошлого века в Москве в комиссии по гуманитарной помощи пытался получить поддержку в признании мыла и шампуня гуманитарными дарениями. Об этом шел разговор в кабинете члена правительственной комиссии г-на Ильметова. В детских домах детей-сирот педикулез, дизентерия — нет ни денег, ни мыла. Обещали в комиссии постараться что-то решить. К слову, решают по сей день, но не об этом речь.

Присутствующий при разговоре мужчина интеллигентной внешности вручает мне визитку и просит потом зайти к нему в соседний кабинет.

Смотрю визитку: доктор, профессор, вроде фармацевтики... Сажу в кабинете профессора и слушаю, как он несколько лет посвятил разработке практики контроля за поступлением медикаментов в Россию из-за рубежа контрольными службами и Минздравом. Он заявляет, что если его рекомендации спасли хотя бы одну жизнь, он будет собой доволен. Не выдержав патристических слов о спасенной одной жизни, я встал и заявил:

— Не могу судить, сколько спасете Вы своим усердием человеческих жизней, а то, сколько вместе с Минздравом и вашими комиссиями загнали раньше времени в могилу ветеранов войны — можно считать уже сегодня.

Не прощаясь вышел из кабинета.

Так оно и получалось: кто сегодня может сказать, во сколько обошлись бюрократизм и «бдительность» власти, как это сказалось на здоровье и жизни ветеранов войны? Спросите об этом врачей в госпиталях для ветеранов войны. Плюс ко всему, хочется спросить власть, почему сегодня наши аптеки напичканы, причем открыто, и всем это известно, — фальшивыми медикаментами? Где сейчас господин профессор, где комиссии по разным контролям за медикаментами, где Минздрав и ФСБ, которые из-за горсти таблеток, не предусмотренных правилами, лишили медикаментов тысячи ветеранов войны?

Сколько было таких спасителей.

И все-таки я услышал из уст господина Ильметова слова, обращенные к Ханнелоре:

— Фрау Дандерс, простите нас за то, что мы такие, какие есть....

Чувствовался отголосок совести, я понимал господина Ильметова и в чем-то сочувствовал ему...

СТОЛЯРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Как-то в разговоре о Черноусовском детском доме для детей-сирот доктор Зюсс поинтересовался у меня о возможности организовать там профессиональное обучение ребят. Вопрос этот для себя я считал не первоочередным. С начала нашего знакомства с детским домом в 1992 году аврально решался только один вопрос: как накормить детей, их одеть и обуть. Об обучении детей какой-либо профессии у нас и мысли не возникало, не до этого было.

В первых партиях гуманитарной помощи детскому дому от Общества

оказались швейные машины. Среди воспитателей оказалась баба Зоя, которая в подсобном помещении организовала небольшую швейную мастерскую, усадила девочек за швейные машины и стала их обучать. Позднее в здании новой школы оборудовали специальный учебный швейный класс с 12-ю рабочими местами, швейными машинами. И девочки стали получать профессию швей. В старших классах обучали работе с лекалами, кройке, шитью, вязанию, художественной вышивке, изготовлению поделок и игрушек.

Баба Зоя проявила себя не только великолепной мастерицей, но и прекрасным педагогом. Она активно развивала детские творческие способности. Одежда из гуманитарных дарений перекраивалась и перешивалась девочками для себя и для мальчиков по росту, фасону, вкусу. Сейчас детский дом принимает заказы и подрабатывает на пошиве постельного белья, рабочей одежды, рукавиц. В детском доме ребята изготавливают игрушки, куклы и дарят их в дома для престарелых, интернаты инвалидов и другие детские дома.

Учителя и воспитатели всегда с удовольствием говорили о профессиональном обучении девочек. Профессию мальчикам детдом дать не мог: нет средств, учебной базы, условий. Все озабочены, что мальчики уходят в жизнь без профессии, уходят, мало подготовленные к жизни. Немецкое Общество подарило два грузовика, да еще с прицепами, на которых детдом стал зарабатывать, занимаясь доставкой картофеля, овощей, а заработанные средства позволили завести свиней, приобрести трех коров.

Но как организовать профессиональное образование ребят, я не знал. Особенность детского дома заключалась в том, что он находился в лесу. В соседней деревне Черноусово отсутствует какое-либо производство, где можно было бы познакомить ребят с какой-либо профессией.

Доктор Зюсс поддержал интерес ребят к профессиональному обучению и предложил создать в детском доме учебно-производственную столярную мастерскую. Вместе с ним мы посещаем учебно-производственные предприятия Дрездена, производственные мастерские, где работают люди с ограниченными возможностями: разбирают старые телевизоры или выполняют столярные работы. Посещаем торговые фирмы, центры по продаже строительной, бытовой техники. Где-то Общество получает в подарок для детского дома универсальный распиловочный станок, где-то фрезерный, где-то что-нибудь из инструментов для столярного дела. Доктор Зюсс знакомится с немцами, мастерами столярного дела, получает

от них инструменты, полезные советы. На одной из ярмарок по продаже строительной техники мы получаем в дар два столярных верстака, ценою по тысяче евро каждый. Оборудование для учебной мастерской Черноусовского детского дома доставлялось на склад гуманитарного центра Дрездена, загружалось в контейнер и отправлялось в Россию.

В организации гуманитарной помощи детскому дому по созданию мастерской участвовал фонд «Роберт Бош» из Штутгарта, внесший значительную сумму на приобретение инструмента и оснастки для обучения столярному делу.

В региональной газете «Вести» от 17 апреля 2006 года сообщалось: «...В Черноусовском интернате детей-сирот открылась учебно-производственная мастерская по обучению ребят столярному делу, профессии столяра, оборудование для которого подарили немецкие друзья. Воспитанники детского дома будут осваивать профессиональную путевку в жизнь».

Открытие учебно-производственной мастерской в детском доме стало большим событием и радостью не только для ребят и персонала детского дома, но и для доктора Зюсса и тех немцев, которые принимали участие в помощи детскому дому. При этом не могу не сказать о недостойной роли в гуманитарной акции наших чиновников. Посудите сами: немцы спешат помочь детскому дому, собрали контейнер и оплатили его доставку. Детский дом принял груз и стал ждать его растаможивания: отправил документы в Москву, в правительственную комиссию по гуманитарной помощи.

Ждут решения. Проходят месяцы.

Еще проходят месяцы. Звоню в комиссию из Германии, разговариваю с ответственным секретарем комиссии Михаилом Титовым. Разъясняю: заждались в детском доме гуманитарный подарок от немцев... Мне ответил господин М. Титов:

— Решение уже давно принято. Пусть приезжают и забирают. До свидания!

Звоню снова: в детском доме нет денег на автобус, не то что до Москвы, вышлите, пожалуйста, почтой. Но меня перебивает господин М. Титов и уже другим голосом, с возмущением:

— Только лично. Деньги — это их проблемы. Не имеем права отправлять почтой...

И все-таки смилостивился господин Титов: «Могут передать решение

комиссии о признании груза гуманитарным дарением по доверенности детского дома с письмом». Детский дом стал искать тех, кто сможет поехать в Москву и забрать решение комиссии. Мир не без добрых людей. Привезли решение комиссии и понеслись в таможеню, как на крыльях.

Явились в таможеню и, получается, напрасно! Истек срок растаможивания, который ограничен одним годом, и по закону гуманитарный груз оказывается бесхозным. Такие дела! Десятки инстанций, контор, служб, контактов с чиновниками пришлось пройти детскому дому и германскому Обществу, чтобы через год уже купить гуманитарное дарение у государства, опять же за деньги германского Общества.

Пройдя этот путь, я все же должен сказать, что кое-кто из чиновников старался помочь, возмущался вместе с нами бюрократической волоките, а кто-то даже и разговаривать не хотел: своя шкура дороже здоровья и жизни стариков и детей, да и брать с детского дома и от немцев не с руки. Было и такое.

Склад, где хранилась гуманитарная помощь, открыли только через два года. К счастью, все отгруженное для мастерской было в порядке, но одежду, постельное белье пришлось выбросить, подгнило, испортилось.

Это лишь маленький пример из жизни детей-сирот и бездомных. А теперь представьте себе, как я себя чувствовал, когда доктор Зюсс и члены Общества спрашивали меня:

— Как дела в детском доме? Что они уже сделали в мастерской для своего дома?..

Сколько же в жизни людей добра и сколько еще зла, бездушия, безразличия к людям!

В Германии часто приходится слышать вопросы о положении дел в России. В силу характера и уважения к людям врать мне трудно, и приходится говорить правду, хоть это и горькая правда.

Так, в Черноусовском детском доме с помощью немцев радостное событие: учатся ребята столярному делу в мастерской дедушки Зюсса, мастерят столики, тумбочки, стеллажи. Видим это и радуемся. Но главное, что в 2009 году впервые детский дом отправил своих мальчишек работать на мебельную фабрику, которая в будущем году тоже примет очередное пополнение. С каким восторгом делились с нами этой радостью педагоги и воспитатели, а вместе с ними и дедушка Зюсс из Дрездена.

ПУТЬ К ПРИМИРЕНИЮ

Глава 6

СТАРЫЙ ВИЛЬГЕЛЬМ

Сейчас, по прошествии более десяти лет после открытия первого кладбища немецким солдатам в России, могу откровенно признаться: помогла мне возможность сделать первый шаг к примирению и, как следствие, открыть кладбище — встреча и знакомство с немецким ветераном войны, инвалидом войны Вильгельмом Дауэром.

Ближе к весне 1993 года я с Ханнелоре оказался на ее родине, в Магдебурге, и, возвращаясь, мы заехали в город Бург, где Ханнелоре начинала педагогическую деятельность в школе и где у нее остались друзья и коллеги. В этом городе и столкнула ее судьба с бывшим шефом Вильгельмом Дауэром.

В воскресный день мы сидим за чашкой кофе в квартире Вильгельма Дауэра, находящейся в здании школы. Хозяин — мужчина среднего роста, худощавый, машинная стрижка коротких седых волос, лицо мелко усеяно морщинами, цепкий, внимательный взгляд. Одет просто, по-домашнему, правый рукав теплой курточки пустой, на ногах

теплые тапочки. Ханнелоре рассказывает о гуманитарной помощи российским ветеранам, инвалидам войны, рассказывает обо мне.

Многое Вильгельм уже знал от Ханнелоре по переписке. Особый интерес у Вильгельма к положению российских ветеранов войны, ситуации в госпитале, проблемам дома детей-сирот. Замечаю, как в разговоре тускнеет выражение лица Вильгельма. Он становится сосредоточенным, внимательно слушает, задает мне вопросы. Вильгельм явно взволнован встречей с российским ветераном, не выпускает сигареты из руки. Я откровенен во всем и чувствую: Вильгельм понимает меня, не скрывая явного интереса к тому, как и что думаю я. Взаимопонимание и доверие между нами были искренними.

Многое в его мыслях и суждениях было для меня новостью, неожиданностью, я видел в нем солдата с грузом прошлой войны, и в то же время человека, понимающего меня и разделяющего мои мысли о значимости проводимой гуманитарной акции для ветеранов войны в России и для немецкого народа, его солидарность и поддержка участия в этом немцев, и благодарность российским ветеранам. Значение гуманитарной помощи российским ветеранам Вильгельм высоко оценил.

Считаю своим долгом солдата и гражданина рассказать об этом человеке. Рассказать о солдате, немце, прошедшем войну с другой стороны, судьба которого схожа с судьбами миллионов солдат, оказавшихся в военной мясорубке. Разве что не разделивших судьбу погибших, независимо от того, где и на чьей стороне они воевали, и оставшиеся в живых должны успеть сказать свое слово о войне будущим потомкам.

В 30-е годы прошлого столетия в Германии после обвального кризиса начинается экономический подъем, национал-социалистическая партия во главе с Гитлером приходит к власти, и народ Германии, в первую очередь, молодежь, попадает в жернова идеологии, психоза политики нацизма. В вихре нацистского урагана оказался и Вильгельм. Учеба, армия. В 1939 году он вливается в ряды вермахта. Сам факт роли человека с оружием в руках, от которого решается исход дела в войне, заставил Вильгельма задуматься о справедливости применения оружия, как средства беспощадного насилия над людьми, против которых оно направлено. Человек оказывается в подобной ситуации жертвой оружия, и люди бессильны перед человеком с оружием в руках. Вильгельм в условиях войны увидел и осознал самую большую трагедию в жизни человека — насильственную смерть, которую людям несет война.

Победоносные марши по Европе, сила оружия перед людьми ослабила дух пруссачества у Вильгельма, и военная карьера начала противоречить его жизненной позиции. Пока раздумывал и решал, началась война против Советского Союза. Раскрученная военная машина Гитлера покатила на Восток, в которой Вильгельм командовал ротой. Быстрое продвижение вермахта сметало все на своем пути, но это не радовало Вильгельма: путь войны был усеян смертью. Жертвы Красной Армии вперемешку с мирным населением были неисчислимы: пожарища разрушенных городов и сел, окопы, дороги, улицы, усеянные трупами. Было жутко, не хотелось верить тому, что видели глаза. Если первые дни войны 1939 года как-то еще вызвали определенное чувство солдата-победителя, то война на Востоке с первых дней потрясала страшным кошмаром и крайней бесчеловечностью.

Ближе к осени Вильгельм понял: обещанный Гитлером блицмарш до Москвы, и осенью, после освобождения России от коммунистов, обратно домой, может присниться только полному идиоту. Но приказ есть приказ!

Вильгельм рассказывал:

— В августе 1941 года, где-то возле города Великие Луки, при штурме позиции, где держала оборону пехота Красной Армии, мы напоролась на яростное сопротивление и под огнем пулеметов, да еще на открытом месте, залегли, стали отползать обратно, подбирая раненых, и оказались как бы в ложине, месте, которое не простреливалось. Стали скатываться в эту ложину и... оказались в компании трех русских солдат. Потом выяснилось — один был мертв, двое ранены. В первый момент схватились за автоматы, но пронесло, обошлось без стрельбы.

Осматриваюсь: рядом со мной, опираясь руками на землю, «Иван» старается принять позу сидящего, одна нога в ботинке, вторая боса, голень обмотана кровавой тряпкой. Сам в грязной вылинявшей гимнастерке, без ремня. В петлицах красненькие треугольнички. Рядом винтовка. Чуть в стороне лежит на боку второй «Иван»: на нем грязная рубашка в бурых пятнах крови, видна кровавая повязка на животе, глаза закрыты.

Все солдаты, а нас набралось человек двадцать, если не больше, сидят, поглядывают на «Иванов», переглядываются, кое-кто курит...

Мой сосед «Иван» начинает лазить по своим карманам, что-то по крохам собирает в ладонь, отрывает от небольшого листа газеты кусочек, и я вижу, как он скручивает сигарету. Движения его рук были, как мне

казалось, неторопливы и уж тем более, не дрожали, выражая внутреннее спокойствие. Это я хорошо помню. С сигаретой в руке «Иван» смотрит на меня и глухим голосом говорит: «Спички, спички». Передо мной потное, грязное, давно небритое лицо, глаза усталого человека. Снова слышу: «Спички, спички». «Иван» показывает мне самодельную сигарету: соображаю, в чем дело, достаю зажигалку и протягиваю ее. Мужская рука со следами крови и грязи на ней берет зажигалку. «Иван» крутит ее в руках, разглядывает — появляется огонек пламени, он прикуривает, несколько раз глубоко затягивается и передает окурочек своему товарищу и возвращает мне молча зажигалку... Мои солдаты не сводят с них глаза.

При виде происходящего мои однополчане заговорили, задвигались, окружили «Иванов» кольцом. Один протягивает сигареты русскому солдату, другой возится возле раненого солдата, лежащего на боку с раной на животе, кто-то подносит к его губам фляжку. На моих глазах происходило невероятное: растворялась серая масса, и вокруг появились люди.

— Полвека минуло с того времени, а я и сейчас вижу того русского «Ивана», его глаза, слышу волшебное для меня слово «спички», — вспоминал Вильгельм, — До сих пор не могу объяснить сам себе, что произошло со мной после встречи с русскими солдатами, но знаю одно: именно в те часы войны легла на меня, охватила своим ужасным пламенем, своей сутью война, как-то сделала меня другим, переродила, вселила в меня бесконечную боль и тревогу за людей, оказавшихся в ее безжалостных, кровавых руках. Я почувствовал, осознал безумную роль солдата, в которой он оказался сам с оружием убийства в руках, от чего не могу уйти всю жизнь. Думаю, когда мои глаза увидели раненых русских солдат, они увидели их души, помогли увидеть в них людей, простых людей, а не солдат войны, как и мы немцы...

На мой вопрос: «Как развивались события того дня?», Вильгельм ответил:

— Наши забросали позиции минами — русские отступили...

Вильгельм вспоминал:

— Встреча с ранеными русскими повлияла и на моих солдат. Я почувствовал, как изменилось отношение к себе, полагаю, что стал ближе для них не как командир, офицер, а как человек, товарищ по несчастью, солдат, как и они. Это было видно по их лицам, голосу, более доброжелательному отношению и не по уставу, а по чувству товарищества, взаимопониманию, складывающемуся между людьми в обычной жизни.

Вильгельм, как бы исповедуясь, рассказал о своем сложном, непростом состоянии после боев под Великими Луками, где погибли солдаты из его роты, с какой болью переживал гибель солдат, судьба которых в сущности даже и не зависела от него. Смерть солдат на войне, в боях неизбежна, он осознавал это, но чувство вины в смерти людей у него обострялось, нарастало, и он не находил оправдания своей сопричастности войне, обострялось сознание несправедливости войны и сомнения в ее успехе для Германии.

Старый Вильгельм скупно рассказывал о последующих событиях войны и, как я понимал, это было для него непросто: тяжелейшие бои под Москвой, жуткие рождественские морозы, от которых промерзали до костей, в том обмундировании вермахта спасения не было. Убитых забрасывали снегом: земля от мороза была каменной, не до могил... Что в рождественские дни пережил Вильгельм, он сейчас говорит откровенно: хотелось смерти в бою или просто застрелиться, глядя ночами на безоблачное небо, но сдерживало чувство ответственности перед солдатами, чувство чести: помочь выжить этим людям, уберечь от смерти. О себе Вильгельм в те дни, под Москвой, не думал и даже сейчас удивляется и не может найти ответа, как можно было там остаться в живых. Рассказать об этом невозможно, не хватит слов, все оставалось в каком-то тумане...

Восприятие окружающего постепенно вернулось уже на госпитальной койке: судьба сохранила ему жизнь, как он думает, за бесценок — всего лишь отняв руку.

По словам Вильгельма, ранение выбило его только с поля боя, но не из реальности войны и ее событий, она продолжалась, оставаясь вокруг. Ежечасно геббельсовская пропаганда убеждала народ в победах германского вермахта, героизме и подвигах немецких солдат, скорой полной победе. Победа, победа, а вокруг росло с каждым днем число матерей, жен и детей, у которых погибали на фронте дети, мужья, отцы... После Сталинградской битвы исход войны для большинства немцев был предрешен: война своей сутью пришла и к народу Германии смертью, горем и страданиями, как и всем народам, задействованным в войне.

После войны привела судьба Вильгельма в деревню, в школу учителем: дети, уроки, учеба, книги. Однако война не покидала его, не давала покоя, возвращала в прошлое. Он искал ответы на мучившие его вопросы: как и почему, откуда появились корни войны? Искал ответы в историях войн, в мыслях философов, политиков, психологов, исторической

и классической литературе, определял и свою роль, место в прошлой войне. Часто мысли Вильгельма шли параллельно с понятиями война и власть, не умаляя одно другого: доминировала в его размышлениях все же власть, а война определялась уже как следствие власти.

Общение с Вильгельмом, его судьба солдата войны, его мысли о войне, власти, о мире активизировали мой интерес к событиям прошлой войны, плюс к этому нарастающая информация обо всем, что было связано с войной, как с российской, так и с германской стороны, помогали во многом определиться и утвердиться в своей деятельности. Гуманитарная акция помогла старым солдатам не только в материальном аспекте, но и добавила сил, смелости и упорства в налаживании личных контактов между ветеранами войны России и Германии. Послужила стартом к организации и проведению совместных конференций ветеранов.

Вильгельм после войны, начав педагогическую деятельность в школе, возглавлял службу образования региона, помогал повышению квалификации молодых учителей: ближе к старости снова вернулся в сельскую школу к детям и до последнего дня сеял в душах детей, молодежи и окружающих его людей добро и любовь к жизни и к людям.

— Я был его учеником, — рассказывал мне в городе Бурге пожилой мужчина. — Мне посчастливилось сидеть на уроках старого Вильгельма: как маг, завораживал он нас, учеников, уводил в другой мир, о котором нам было неизвестно, и мы жили в том мире, не отрывая от него взгляда. Перед нами был однорукий волшебник, которого мы боготворили и всегда его ждали и радовались встрече с ним. Старый Вильгельм открывал нам души и сердца людей, учил жизни, вкладывал в нас чувство добра и дружбы, любви между людьми...

К моей хлопотной и тревожной, полной забот жизни имел прямое отношение и сам Вильгельм своей прожитой судьбой солдата, своими мыслями о войне: его судьба схожа с моей судьбой и судьбой миллионов солдат, ставших жертвой власти и войны, на каких бы полюсах они ни находились. Вильгельму я обязан первым шагом к открытию кладбища немецким солдатам в России под Екатеринбургом.

Недавно я с Ханнелоре посетил на сельском кладбище ухоженную могилу старого Вильгельма, гауптмана вермахта, солдата, инвалида прошлой войны. Возложил цветы и преклонил колени перед его памятью и поблагодарил судьбу за встречу с этим человеком.

Я уже не хожу по палатам госпиталя для ветеранов войны, не раздаю,

как раньше, старым солдатам сигареты от немецкого ветерана — старого Вильгельма. Я часто вспоминаю его, и перед моим взором Вильгельм: он сидит за столом, рассматривает фотографии, переданные ему, на которых запечатлены моменты освящения кладбища немецких солдат в 1995 году в России, сосредоточенно всматривается в них, вижу, как трясется его рука с фотографией, и понимаю, что Вильгельм сейчас там, в прошлом...

Постоянно во мне живут его мысли и слова:

— Мы, немцы, в неоплатном долгу перед российским народом... Чувствую и признаю в прошлой войне и свою вину, и раскаиваюсь в этом. Мы, немцы, несем национальную ответственность перед народами всех стран, которые пострадали от войны, мы виноваты перед историей за прошлую войну... Народы не должны повторить, допустить новые войны, допустить к власти людей, которые могут еще раз использовать военную силу с оружием в руках, отстаивая интересы власти... Люди должны постоянно думать о своем будущем и не забывать урок прошлой войны... Главный из них: Европа должна стать для европейских стран, в том числе и обязательно для России, одним общим домом...

Но все же в 63-ю годовщину Победы я ходил в госпиталь по палатам и предлагал старикам очки, в подарок от немецких солдат. Один из ветеранов, примеряя очки, спрашивал:

— А сигареты от того безрукого немецкого солдата, что посылал нам с тобой, все еще..?

— Нет, не присылает, не курит, — отвечал я старику.

— Вот и я, как ни мучался, а завязал, тоже бросил! Очки сейчас к месту, — рассуждал старый солдат. — Можно я и бабке своей посмотрю?

— Зачем спрашиваешь, — нашелся я что ответить. — Подбирай и в запас возьми.

ВСТРЕЧИ... ВСТРЕЧИ...

С каждым днем растет число моих встреч с немецкими ветеранами, старыми солдатами, и постепенно уходит чувство предвзятости к ним, как к врагам, пусть и бывшим. Думаю, что начало этому ощущению положила встреча с немецкими солдатами, участниками Сталинградской битвы, в музее бундесвера в 1992 году, где я почувствовал, что это не

только солдаты, но и люди, которым тоже присущи человеческие мысли о трагических событиях того времени.

Позднее мне пришлось выступать на ежегодном Международном симпозиуме, на котором обсуждали путь к миру и безопасности в Европе. Он проходил в Дрездене. Здесь я познакомился с председателем общества «За безопасность в Европе» Рольфом Леманном, профессором, доктором, генералом в отставке и его коллегами.

В эти же времена при активном участии Ханнелоре судьба связала меня с хором пенсионеров «Музыка-74» из Дрездена. Его участники — ветераны войны — стали почетными членами Общества помощи ветеранам войны в России и активно участвовали в гуманитарной акции помощи российским ветеранам. Среди участников хора были уже хорошо знакомые мне ветераны: Вернер Шмидт, Александер Гофман, Ахим Нитше. Ежегодно хор участвует в фестивалях хоровой песни, проходящих в европейских странах. Однажды бывшая коллега и многолетняя подруга Ханнелоре, прекрасно владеющая русским языком, Марьяна Кой и ее муж Георг Кой, ветеран войны, пригласили нас посетить Италию вместе с хором, где коллектив должен был принять участие в Международном фестивале в Писсаро.

В Италии мы расположились в отеле на берегу моря. В этот же день, после купания в море, как всегда стал искать встречи с итальянскими ветеранами. Мое желание сбылось: Ханнелоре познакомилась с немкой, которая в свое время вышла замуж за итальянца и проживает сейчас в Писсаро.

Ханнелоре передает землячке нашу просьбу и просит содействия. Мир не без добрых людей: на третий день пребывания в этом городе мы с Ханнелоре и ее соотечественницей сидим за большим столом с группой итальянских ветеранов прошлой войны. Нас человек десять. Осматриваюсь: помещение служебное, на стене развешен государственный флаг Италии, на столе стоит небольшой российский флажок: готовились к встрече с нами. Итальянцы, естественно, моего возраста, с серьезными, сосредоточенными лицами, как мне показалось, с любопытством присматриваются ко мне...

Ханнелоре через любезную землячку представляет меня, рассказывает о совместной гуманитарной акции помощи российским ветеранам войны, которым сейчас не просто, о встречах ветеранов обеих стран. Стараюсь коротко рассказать о себе: добровольцем пошел на фронт, воевал,

был тяжело ранен, говорю о том, как страдал в войну мой народ. Но прошло время, народы узнали правду о войне, о Гитлере, о Сталине, о народах России, Германии. Оживают лица у старых солдат, в глазах появляется огонек: заговорили, зашумели, поглядывая друг на друга, перекидываются репликами. Сколько проклятий понеслось в адрес Гитлера, Муссолини, эти фразы в переводе не нуждались. Прорвало! Все, что накипело в сердцах старых солдат, вышло наружу, да в таких эмоциях, как это бывает только у итальянцев... В буре эмоций незаметно на столе появилось вино, стаканчики, и пошли тосты за дружбу, за мир. Каждый выражал свои чувства, которые и перевода не требовали.

После беседа пошла в спокойном, ровном тоне. Вопросы ко мне были разными, но в основном все они касались последствий войны, социального положения инвалидов войны, причин развала Советского Союза. Большой интерес был проявлен к совместной гуманитарной акции немцев для российских ветеранов, которую итальянцы одобрили. Мнение было общим: необходимо развитие контактов и поддержка дружбы между ветеранами войны европейских стран. Прозвучали голоса тревоги за судьбу мира в Европе. Услышал в свой адрес вопрос: «Почему у меня нет орденов на груди за войну против германского фашизма?» Пожалуй, впервые я постарался объяснить, что слишком большой кровью заплатил народ за победу над фашизмом, и награды облиты такой кровью жертв войны и моей тоже, и я хочу жить так, чтобы больше не было орденов и медалей за пролитую кровь в войнах...

Вот что делает время с бывшими врагами через десятки лет, в конце жизни. Оно роднит свои жертвы. Вот и сейчас вижу смуглое лицо седого итальянца. Он держит меня за руки и, глядя на меня, торопливо, с жаром что-то рассказывает о войне, о Крыме, а лицо его в слезах... Обнявшись, стоим, два бывших врага, и молчим: наши мысли и чувства не нуждаются в переводе и комментариях, они едины. Встреча с итальянскими ветеранами осталась для меня незабываемой и добавила сил в продолжение своей акции.

На обратном пути из Италии остановились на ночлег в Австрии, в селе среди чудесного, сказочного царства. После завтрака вышли с Ханнелоре полюбоваться горным пейзажем и подышать воздухом, насыщенным запахом и ароматом трав и цветов альпийских лугов, и окинуть взглядом улочки и дома, присущие архитектуре только Австрии и, частично, Баварии.

Проходя мимо церкви, уже по привычке, захожу на кладбище и рассматриваю каменные плиты, на которых вырублены имена погибших в войнах сельчан. Заметил на могилах, расположенных вокруг церкви, светящиеся огоньки и стал интересоваться. К нам подходит мужчина моего возраста. После приветствия мужчина говорит, что его внимание привлекла русская речь.

Ханнелоре рассказала, кто мы, откуда, и объяснила мой интерес к судьбе итальянских ветеранов войны. Мужчина слушает Ханнелоре с большим вниманием и рассказывает, что многие годы после войны является священником, ведет службу в храме этого села. А еще юношей был призван на войну и Бог сохранил ему жизнь. Совсем недавно представилась возможность со своим однополчанином посетить могилы солдат, погибших на фронте возле Мурманска, и помолиться за несчастные жертвы войны. Посещение России явилось для него неожиданностью, предвестником хороших надежд, и он молится Богу за этот дар. Вот и сейчас верится с трудом, что стоит рядом с российским ветераном, который вместе с немецкими солдатами прошлой войны проводит акцию помощи российским ветеранам. Он взволнован этой встречей и пригласил нас посетить его дом и встретиться с еще двумя солдатами, оставшимися в живых...

Но время было ограничено. Я понимал волнение этого человека, его искренность и желание многое сказать о себе. Его слова о необходимости нам, солдатам войны, днем и ночью быть вместе, делать все, что в наших силах для того, чтобы противостоять силам войны. В этом наш долг — уберечь народ от войны, страданий и бед, защитить и солдата, первую и самую трагическую судьбу в войне... Меня особенно и не удивляло, что австрийский солдат говорит моими мыслями. В этом чуда нет: война породнила наши чувства и чаяния. Расставались с искренним душевным порывом, обнялись. В последний момент мой новый побратим поспешно достает портмоне, извлекает из него ассигнацию в пятьдесят марок и передает Ханнелоре со словами: вашему святому делу!

Через пару часов я уже сидел в автобусе рядом с Вернером Шмидтом, и мы ехали, любуясь и наслаждаясь снежными вершинами гор, пестрыми коврами альпийских лугов, ущельями, по которым проходила дорога. Вернер, будучи в советском плену, вернулся домой с некоторым запасом знаний русского языка, и мой скудный запас немецких слов помогал нам понимать друг друга, но все же больше помогало чувство

взаимопонимания, заложенное, по-видимому, нашими судьбами. Именно тогда, в пути, у Вернера возникло желание снова побывать в России, через полвека приехать в те места, где прошли несколько лет его молодости. Он уже радовался этому желанию, верил и надеялся на встречу с российскими ветеранами с самыми добрыми чувствами, а я находился рядом с человеком близкой мне судьбы, судьбы солдата...

Но вернусь к рассказам знакомства с немецкими ветеранами. В Вильдорфе, Баварии, с Готфридом Шумом, бывшим танкистом с перебитыми ногами, вспоминаем войну, много говорим о жертвах войны с той и другой стороны, удивляемся несуразности, нелепости сути войны. Готфрид удивляется тому, как немецкий народ мог допустить эту войну. Сам себе не может объяснить, почему и ему так заморочили голову, и он оказался в танке для того, чтобы убивать людей... Иногда даже не верит в то, что произошло с ним в молодости, да ноги напоминают каждый день, каждый час.

Во Франкфурте-на-Майне встречался с Куртом Шабловски, для которого прошлая война началась в 4 часа 22 июня 1941 года. В ее первые часы Курт снимает звездочку с фуражки убитого пограничника, лежащего на бруствере окопа. Из дрожащих рук Курта я беру эту звездочку. Курту спазмы перехватывают горло, ему трудно дышать, открытым ртом он хватает воздух. Звездочку хранил, как талисман, прошел войну и вернулся из плена с этой звездочкой и самодельным чемоданом из фанеры из России. Жизнь Курта после войны, как он говорит, была успешной. Но все послевоенные годы война не покидала его. Курта беспокоит и сегодня политика непрекращающихся военных конфликтов в мире. Страшит распространение ядерного оружия, беспокоит судьба будущих поколений... Он очень ценит гуманитарную акцию помощи российским ветеранам и поддерживает ее материально. Очень ценит, радуется встречам немецких и российских солдат и сожалеет, что возраст и здоровье не позволяют ему принять участие в этих встречах.

Встречи, встречи... Группа американских солдат прошлой войны в составе хора пенсионеров из Америки при посещении Дрездена встретилась с немецкими ветеранами войны. Принимал в этой встрече активное участие и я, как ветеран войны из России. Первый бокал за столом ветераны подняли за память тех солдат, которые остались в войне навсегда.

Присутствуя на встречах, я не мог и допустить мысли, что это встречаются бывшие враги: общение проходило в исключительно

доброжелательной обстановке доверия и взаимопонимания. Все напоминало встречу давно не встречавшихся друзей: говорили о прошлом, особенно выразительно говорили о дружбе, о мире между народами. Я видел и присутствовал среди людей одной судьбы!

Расставались друзьями с обаяниями и пожеланиями друг другу добра, здоровья и мирной жизни. К сожалению, время за столом было ограничено. Эти встречи были для меня судьбоносными, они во многом изменили мой взгляд на войну, на роль народов и определили мой жизненный путь.

ОТКРЫТИЕ КЛАДБИЩА НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ ПОД ЕКАТЕРИНБУРГОМ

Трудно было объяснить, почему, но раз за разом, встречаясь с ветеранами, бывшими в годы Великой Отечественной войны нашими врагами, возникает чувство схожести судеб солдат той большой войны, чувство взаимопонимания. Подошло время и вот я вместе с немцами сижу в одном «окопе»: собираю гуманитарные дарения, пакую вещи, помогаю доставлять их в Россию для госпиталей, своим старым солдатам. Это сотни тонн жизненно важных медикаментов, всего, что помогает облегчить и продлить жизнь ветеранам. Немцы стали для российских ветеранов желанными гостями... Налаживаются личные контакты между российскими и немецкими ветеранами, завязываются узы дружбы. В Дрездене я вместе с немецкими ветеранами возлагаю цветы на могилы наших солдат: кладбище ухожено, все это сделано немцами.

Точно помню: именно на кладбище наших военнопленных солдат, умерших в лагере Цайтхайн, я вспомнил, как в семидесятые годы, под Воронежем, возле села Семилуки, что на берегу реки Дон, проезжая на машине вдоль дороги, увидел разбросанные человеческие черепа и ужаснулся! Стал выяснять у сельчан — откуда взялись черепа? Знал, что в этих местах во время войны шли тяжелые бои при форсировании Дона. Толпившиеся в очереди возле магазина местные жители успокаивали меня:

— Да ты чего подумал? Это не наши. Ребятишки в футбол играют, гоняют черепа немецких солдат, вокруг деревни полно их...

И я успокоился — «не наши».

В брежневские времена по всему Советскому Союзу, во всех городах, селах поселках появились обелиски, в городах — мемориалы, стелы с Вечным огнем и с именами погибших воинов, односельчан... Сейчас, за редким исключением, большинство из них исчезли, развалились, а вечные огни погасли... Развалился и мемориал возле села Семилуки, открытие которого в свое время транслировали по Всесоюзному телевидению.

Решил найти места захоронения немецких солдат на Урале. Советуюсь с ветеранами. Много вспоминаем, думаем, а тут еще перед глазами гуманитарная помощь от немцев. Старики торопят: «Давай!» Поддержал идею и начальник госпиталя Семен Спектор — бывший малолетний узник гетто. В результате поисков решили открыть первое кладбище немецких военнопленных в поселке Уралниисхоз, который находится в 20 километрах от Екатеринбурга. Почему именно там?

Во-первых, очевидцы показывают точное расположение могил. Во-вторых, в последние годы при попытке выкопать силосную яму сельчане наткнулись на гроб и отказались от дальнейших работ: яму заровняли. По мнению очевидцев, всего на кладбище было около 115 могил. Позднее в моих руках оказалась копия справки, выданная администрацией лагеря высшей инстанции службы НКВД, о 13 немецких солдатах, умерших в лагере, поименно: фамилии, время пленения, место призыва в вермахт в Германии, время смерти и номер могилы. Умерших солдат хоронили сами военнопленные, на могилах ставили деревянные кресты...

Не предавая широкой огласке свою работу, мы хотели открыть кладбище к юбилейной дате — 50-летию окончания войны, накануне Дня Победы, 8 мая 1995 года. Откровенно говорю сейчас об этом: открытие кладбища бывшим смертельным врагам — дело по тем временам необычное и с непредсказуемыми последствиями.

Отношение к открытию кладбища местных жителей не вызывало беспокойства: немцы в поселке были расконвоированы, жили в отдельной казарме, строили дома, помогали жителям поселка по хозяйству, имели свой огород, спортивную площадку... Жители поселка старшего поколения даже рассказали, как вдова погибшего на фронте местного жителя скандалила с комендантом лагеря и просила разрешить пожить у нее пленному немцу, мужику трудолюбивому, доброму, каких не сыскать среди своих... На кладбище хотели установить монолитную гранитную глыбу, разбить которую невозможно.

Весна. Спешу. На заводе каменного карьера, где обрабатывают камни,

аврал: готовятся к открытию в Екатеринбурге памятника маршалу Жукову, и принять мой заказ могут только в июне. Прошу помощи у Семена Спектора, результат тот же. Использую традиционный метод: деньги из рук в руки, и через неделю заказ готов: четырехугольный конус, не в одну тонну весом, на усеченной, верхней полированной плоскости на русском и немецком языках вырублено: «Здесь покоятся немецкие солдаты». Простые слова текста предложил доктор Зюсс.

На госпитальном грузовике с помощью автокрана рабочие из ремонтной группы госпиталя помогают подготовить место, доставляют бетонную плиту, укладывают ее и устанавливают на ней с помощью автокрана в центре кладбища надгробный камень.

8 мая 1995 года. Накануне Дня Победы теплый, солнечный весенний день. На поляне, окруженной березами с начинающими распускаться листочками оживление. Вокруг камня без шума и суеты начинается скорбно-торжественная церемония: у всех присутствующих в руках горящие свечи. Протоиерей Екатеринбургской епархии отец Иоанн с благословения владыки начинает службу перед ветеранами войны, сотрудниками госпиталя, представителями администрации и местными жителями, военкомом региона.

По окончании службы я от имени ветеранов войны выражаю удовлетворение в освящении кладбища немецких солдат и говорю о нашем вкладе в примирение народов России и Германии, говорю о значении этой гуманной акции во имя добра и памяти жертв войны, благодарю за причастность к акции примирения нашу Православную Церковь.

Казачий атаман, называющий себя подранком войны, говорит о священности могил солдат, их неприкосновенности, о чем я слышал впервые. Говорит, что, помимо воли народа, власти начинают войны, а страдает и гибнет в них народ, и создание обелиска на этом кладбище — слово народа против войны.

В своем слове начальник госпиталя Семен Спектор сообщает: он информировал правительство области и города об открытии кладбища немецких солдат, информировал и командование военного округа и приглашал принять участие в акте гуманности. Но в это же время представители власти участвуют в открытии памятника маршалу Жукову в Екатеринбурге. Он выразили удовлетворение по поводу открытия кладбища немецких солдат. Семен Спектор заверил: здесь, где мы стоим, будет построена часовня. Он приветствовал и поддержал идею открытия

этого кладбища, как символа великодушия и примирения наших народов. Госпиталь ветеранов войны уже несколько лет получает гуманитарную помощь, и сейчас, в сложное время, мы с помощью немцев оказываем достойную медицинскую помощь нашим ветеранам и принимаем ее с искренней благодарностью.

Полковник Владимир Смаков проходил службу в ЗГВ в Германии, участник афганской войны, кадровый офицер, в своем выступлении говорил об уважительном отношении немецкого народа к российскому народу, к Советской Армии, напомнил об исторических корнях наших народов, призывал к дальнейшему укреплению дружбы во имя будущего, во имя мира на Земле, к доверию, взаимопониманию.

Глава местной администрации Дмитрий Мякишев отмечает, что освящение кладбища он понимает как знак примирения народов России и Германии, примирения бывших врагов, наших и немецких солдат, ради будущей жизни людей в согласии и мире. Кладбище будет напоминать людям о трагедии прошлой войны, которую допустили народы. Звучит «Вечная память»... Ветераны войны, кто при орденах и медалях, кто с орденскими планками, возложили венок к камню на могиле немецких солдат, перевитый лентой с символикой государственного флага Германии, российские солдаты прошлой войны отдают долг памяти немецким солдатам — своим бывшим врагам. Возлагается венок от госпиталя, местной администрации, присутствующие кладут на могилу цветы...

И снова «Царство небесное воинам»... Слова отца Иоанна, от которых охватывает озноб и сжимается сердце... Заканчивается официальная часть освящения кладбища. По церковному и народному обычаю начинается поминальный обед. На поляне возле кладбища, под березами, разостланы скатерти, а на них — тарелки и блюда с пирогами, закуской, напитками. Раздаются присутствующим металлические солдатские кружки, в которые одновременно наливается русская и немецкая водка, по этому случаю доставленная из Германии. Солдатскую кружку с водкой и накрытую кусочком хлеба ставят перед камнем на могиле немецких солдат.

Под короткую проповедь отца Иоанна все молча, полагаю, каждый со своими мыслями, подносит кружку к губам. Закусываем пирогами, еще сохранившими тепло госпитальной кухни. Предлагаю всем выкурить по немецкой сигарете и поясняю: сигареты послал немецкий ветеран, инвалид войны Вильгельм Дауэр для наших ветеранов, фронтовиков в знак

примирения, чтобы сказать свое слово вместе со всеми против любой войны.

Никто не отказался. Каждый старался взять сигареты, кто одну сигарету, а кто и пачку. Я почувствовал усталость и сел под березой на свежую травку. Мой взгляд замирает на золотом блеске серого гранита и вырубленных на нем словах, и сердце защемило: вот оно, то, о чем думал, чем жил последнее время в мыслях, в заботах и ожиданиях. Удивлен происходящим, оно кажется сном. Закрываю глаза и снова передо мной отец Иоанн, слышу его молитву... войны, войны... вечная память... вечный покой и снова сердце начинает частить. Вижу бородатое лицо казачьего атамана, усердно, с поклоном осеняющего себя крестным знамением и слышу его слова о священной могиле солдата... Войны начинают политики, а гибнут и страдают в них народы. Полковник — высокий, стройный и его голос четкий, твердый... Чтобы люди не держали в руках оружие убийства... Могилы призывают нас к этому...

Все слилось в один голос, и слышал я не только своими ушами, я слышал все своим сердцем, своей жизнью. Именно в эти минуты и часы впервые осознал, услышал и понял — в этом хоре и мой голос. И произошло все это 8 мая 1995 года, через 50 лет после окончания Второй мировой войны.

При возвращении с кладбища в город, рядом со мной в машине оказался молодой человек с телекамерой на коленях — оператор телевидения. Обменялись впечатлениями о прошедшем событии, освящении кладбища немецких солдат. Сидя за рулем автомашины, я не придавал значения камере своего соседа и на вопрос о своем отношении, как ветерана войны, к начавшимся военным событиям в Чечне, где уже задействованы регулярные войска армии с тяжелой военной техникой, ответил как на духу:

— Это политическая авантюра нашей новой власти. Воевать со своим народом, убивать своих людей — это не просто позор, а преступление, которому не может быть оправдания. Это первая позорная страница новой власти, и мне стыдно за все, что затеяла власть в Чечне, развязав войну, за что должна отвечать. И ответит. Наше дело не допустить дальнейшего развития военного конфликта в Чечне, остановить войну, в которой погибают люди. Хватит власти распоряжаться жизнью людей...

В тот же вечер я увидел репортаж об открытии кладбища немецких солдат по телевидению, увидел и себя на экране телевизора и согласился

со своими мыслями при оценке событий в Чечне... А в госпитале ветеранов войны Екатеринбурга на митингах было принято обращение к генеральному прокурору России о привлечении к суду Президента России Бориса Ельцина и министра обороны Павла Грачева за развязывание войны в Чечне. Обращение комментировалось в средствах массовой информации регионов Урала. К сожалению, эта акция не получила широкой поддержки общественности. Я от имени ветеранов войны посетил Международный трибунал по военным преступлениям в Гааге и передал наше обращение с требованием привлечь к ответственности виновников чеченской войны. Обращение было принято, но в рассмотрении отказано — обращение не поддержано официально общественными организациями...

9 мая ветераны войны из госпиталя посетили кладбище немецких солдат, возложили цветы и постояли у камня со свечами в руках — судьба солдата одна для всех: есть, что вспомнить, и есть, что сказать. В подобных поездках приходилось участвовать и мне. Посещают кладбище служители католической и протестантской церквей, а также немцы, доставляющие из Германии гуманитарный груз для госпиталя ветеранов войны и домов детей-сирот. Приходили на кладбище и немецкие ветераны войны, участвующие во встречах с российскими ветеранами...

Не просто объяснить мою инициативу открыть кладбище для немецких солдат. Путь к этому был длительным — длиною полвека, пока чувство не переросло в необходимость реализовать новое понимание взаимосвязи прошлого с настоящим. Началом этому послужила встреча, она связала меня с бывшими врагами, только не на поле боя, где мы убивали друг друга, а в нашей обычной жизни. Я оказался среди людей, таких как я сам. Однако среди них заметил людей особенных. Они не могли скрыть того, что на них наложена особая печать. Сделала это ВОЙНА!

Потребовалось время, чтобы избавиться, прежде всего от той идеологии, которая меня вскормила, подготовила к войне. Пришло время, и прошлое рухнуло в один миг. Вместе с прошлым утратились и многие его ценности. Не обошлось и без переоценки многих событий прошлой войны. Только через полвека мы стали осознавать чувство долга и памяти перед жертвами войны, только через полвека мы спохватились и вспомнили о суворовской мысли — война заканчивается тогда, когда захоронен последний погибший солдат. А от себя хотелось бы добавить: когда мы, бывшие враги стоим вместе, склонив головы над могилами своих жертв...

ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ

Наша работа приобрела большой размах. Самое важное, что она ставила перед собой цель не только решить материальные проблемы госпиталей: привезти медикаменты, продукты, одежду. Главное, что во время этого процесса изменялась психология участников, как с немецкой, так и с российской стороны — каждый понимал, что это сотрудничество должно прийти к более тесному взаимодействию и даже к современному переосмыслению итогов Второй мировой войны. Но долгое время каждый варился в собственном соку, работал только в своих странах. Не было личного контакта, а мне хотелось добиться наиважнейшей цели — исторического примирения народов и особенно среди тех, кто более 60 лет назад смотрел друг на друга через прицел автомата.

Для этого уже созрели хорошие условия. Первоначальное недоверие исчезло в результате совместного участия в гуманитарной акции помощи ветеранам войны в России, организованной германским Обществом с привлечением немецких ветеранов войны, в торжествах по случаю Дня Победы и дня окончания Второй мировой войны и, естественно, активное общение. Информация в прессе, на телевидении и радио о гуманитарной помощи госпиталям ветеранов войны германским Обществом вызывала широкий положительный отклик как в России, так и Германии, признание и благодарность ветеранов войны России, общественности двух стран. Все это привело меня к мысли организовать официальную встречу ветеранов войны Германии и России.

Идея была поддержана всеми членами Общества в Германии. Проведение такой встречи горячо поддержали и российские ветераны, а Совет ветеранов Челябинска и его руководитель Евгений Федорович Куракин предложили организовать совместную конференцию в бывшем Танкограде, в областном госпитале ветеранов войны с привлечением общественности. Инициативу поддержало и правительство Челябинской области. Особо хочу отметить роль в организации конференции Евгения Федоровича Куракина. Он в прошлом один из руководителей Челябинской области, фронтовик, сразу оценил значение нашей совместной акции и настроил ветеранов на доброжелательную волну. Дата проведения конференции была выбрана знаменательная: 60-летие нападения фашистской Германии на Советский Союз.

В ночь с 21 на 22 июня 2001 года в аэропорту Баландино Челябинска немецких гостей встречали начальник госпиталя ветеранов войны доктор, профессор Дмитрий Альтман, председатель правления Немецкого культурного центра Александр Нахтигаль и от имени российских ветеранов — я. Гостей принял коллектив госпиталя и разместил в двухместных палатах, где, к немалому удивлению гостей, они увидели функциональные кровати с постельными принадлежностями, полученными госпиталем по гуманитарной акции от германского Общества.

Наступило 22 июня 2001 года. В 10 часов утра немецкие друзья отправляются в центр Челябинска, где начались мероприятия, посвященные 60 годовщине начала Великой Отечественной войны.

Основное действие проходило у Вечного огня, рядом с памятником воинам Уральского добровольческого танкового корпуса. Площадь окружена серебристыми елями. По периметру площади стоят тысячи челябинцев с цветами в руках, приглушенно звучит реквием. Объявляется минута памяти, минута молчания. Под стук метронома немецкие ветераны подошли к Вечному огню и на глазах тысяч граждан России на черный гранит возложили венок и цветы. Через 60 лет, день в день, когда началась война, они встают на колени перед памятью жертв войны. Плечом к плечу вместе с немецкими солдатами встаю на коленях и я, бывший русский солдат. Кладет цветы, склоняет голову и скорбит дочь немецкого солдата, погибшего в войне, доктор Ханнелоре Дандерс.

Что творилось в эти минуты в моей душе, что я ощущал, передать не могу: от волнения все вылетело из головы. Только потом увидел на экране телевизора, как смахивал слезу, а у Ханса Лаубша дрожал подбородок...

...В какой-то момент все затихло, и люди медленно стали сужать круг и приближаться к Вечному огню для возложения цветов.

Все молча покидали траурный митинг.

Подошло время конференции. В госпитале людно. В вестибюле, перед конференц-залом и в самом зале развернута выставка акварелей немецкого художника, профессора Адольфа Бёлиха и челябинских художников, ветеранов войны. Участники конференции, в основном, ветераны войны, многие в старой армейской форме. Они при параде наград с интересом рассматривают картины. Большая, богатая палитра цветов в пейзажах Адольфа Бёлиха, красоты природы притягивают к себе, выражение

лиц ветеранов становится доброжелательным, и одобрительные слова звучат в адрес художника.

Заметно волнение старых солдат перед встречей со своими пусть и бывшими смертельными врагами. Как мне казалось, все были в состоянии повышенной возбужденности.

Следует сказать и о том, что немало времени было уделено на подготовку совместного проекта — Обращения к мировой общественности с призывом прекращения войн и разоружения государств в XXI веке, которое должна была принять конференция. К моему удивлению, уже перед началом конференции текст обращения я увидел в руках ее участников. Совет ветеранов Челябинска размножил текст и перед конференцией вручил его ветеранам и представителям общественности.

Зал был заполнен до отказа: часть сотрудников госпиталя и некоторые ветераны стоят у входа в зал и в проходах. В президиуме председатель совета ветеранов Челябинска Евгений Куракин, начальник госпиталя Дмитрий Альтман, председатель правления Немецкого культурного центра Александр Нахтигаль, немецкие друзья Уве Лааш, Рольф Леманн.

Евгений Куракин объявил открытие конференции, приветствовал гостей из Германии, рассказал о трагедии народов Европы, которая произошла 60 лет назад и отметил особую роль ветеранов России и Германии, которые в этот трагический день должны заявить о том, что такая трагедия не должна повториться.

С докладом выступил профессор, доктор, генерал Рольф Леманн. Он дал на русском языке развернутый анализ и объективную оценку причин и условий возникновения Второй войны войны, обратил особое внимание на политику властей государств в послевоенное время и выразил большую тревогу за непрерывную гонку вооружений. Он подчеркнул необходимость объединения миролюбивых сил всех стран в противостоянии политики войны, и это должно стать непреложным фактором общественной жизни всех государств.

Ветеранов волновали не только проблемы войны и мира, они говорили и о том, что давно надо было собрать ветеранов России и Германии и провести такую конференцию. Особый упрек прозвучал в адрес властей: почему молчат руководители государств, которые в первую очередь отвечают за то, чтобы между народами формировалась доброжелательная атмосфера.

Эмоционально прозвучал голос председателя общества «Дети погибших воинов» госпожи Новиковой, которая рассказала о трагедии сирот, детей погибших солдат в войне. Она требовала принять меры для того, чтобы больше никогда не повторилась судьба миллионов детей прошлой войны.

Мнение участников конференции после каждого выступления было единым — принять обращение.

Меня не удивляло, что наши российские ветераны не сказали ни одного слова упрека в адрес немецких солдат за участие в прошлой войне. Обвинения были адресованы вождям фашистской Германии и в адрес властей других стран, развязавших войну. Все отмечали, что солдат в любой войне — ее первая жертва, оружие в руках власти.

Время и жизнь поставили все события прошлой войны на свои места, определили и виновников любой войны — это власть!

После конференции я видел, как нелегко расставались ветераны, но расставались друзьями. Человек в человеке узнал брата, брата по несчастью, породненного войной. Расставались старики удовлетворенными, как будто они проснулись после кошмарного сна, длившегося почти всю жизнь.

После конференции теплая беседа продолжилась на торжественном обеде, который организовал коллектив госпиталя с фронтовыми ста граммами. В непринужденной обстановке сердца и души старых солдат, как ворота и двери, распахнулись настежь, были полные доверие друг к другу и откровенность. Ветераны не скрывали своих чувств и мыслей. Они особенно подчеркивали, что благородные цели могут быть воплощены в жизнь только при совместной работе российских и немецких народов. Обо всем, как говорят, что накипело, они говорили спокойно, без лишних эмоций.

Я прекрасно понимал, что это был разговор друзей, связанных одной судьбой, разговор о том, что волновало старых солдат: и россиян, и немцев. Все шли к поиску ответа на главный вопрос: как добиться прекращения убийства людей, как остановить войны, какими путями идти к миру, и как исключить войны из жизни народов?

Мне кажется, ветераны затрагивали вопросы, которые касались действительно актуальных проблем настоящего дня — гонка вооружений и то, что накоплено огромное количество ядерного оружия. Они были критичны и в свой адрес: проповедовали по старинке, и мало рассказывали о

необходимости борьбы за мир, против войн и насилия.

И все же больше было слов о дружбе. И за дружбу поднимали бокалы, причем «за нашу дружбу»!

— Спасибо вам, что вы сделали первый шаг, что приехали, — эти слова произнесла фронтовичка, в недалеком прошлом партийный работник Таисья Тихоплав, которая шла на конференцию с осторожностью и думала: «Что еще немцы могут нам сказать?» Но искренность и открытость немецких друзей ее потрясли и «разоружили».

Она же, обращаясь к немецким гостям, подвела главный итог конференции:

—...Вряд ли теперь мы сможем жить дальше без нашей дружбы...

Таисья Тихоплав поблагодарила Общество за оказание гуманитарной помощи госпиталю, ветеранам и подчеркнула:

— Вы этим продлеваете нам жизнь!

Еще много слов благодарности было сказано в адрес германского Общества, в адрес немцев и особенно за дарение медикаментов высокого, европейского качества.

Итог встречи был, по моему убеждению, старого солдата, историческим событием: под одобрительные возгласы и аплодисменты присутствующих, старых и молодых, российский ветеран войны Таисья Тихоплав и немецкий солдат Хельмут Петерайнс подняли бокалы и выпили на брудершафт.

Бывшие враги сделали выбор.

Через 60 лет после окончания самой кровопролитной войны в истории человечества старые солдаты, ее участники, подвели итоги и выразили свое понимание прошлой войны, и сказали свое последнее слово: Войнам не быть.

На следующий день делегация посетила кладбища и возложила цветы на могилы российских и немецких солдат, захороненных на Урале, встретилась с пациентами госпиталя ветеранов войны, престарелыми людьми и инвалидами в домах-интернатах. И всегда при встречах наших граждан с немецкими ветеранами атмосфера была доброжелательной и уважительной.

Встреча с российской молодежью вначале вызывала удивление: как это — видеть и общаться с бывшими немецкими солдатами Второй мировой войны! Возникала масса вопросов. В итоге сами такие встречи признавались не только интересными, но и полезными. Во всех случаях

молодежь с интересом общалась и поддерживала принятое на конференции Обращение.

Делегацию принимали и члены Немецкого культурного центра. Гостей познакомили с историей российских немцев, они возложили цветы к мемориалу трудармейцев, которые в годы войны строили Челябинский металлургический завод.

Накануне отъезда делегации в Екатеринбург состоялась встреча с медперсоналом госпиталя. Мы обменялись мнением о дальнейшей совместной организации гуманитарной помощи ветеранам войны и госпиталю. От имени коллектива госпиталя Дмитрий Альтман поблагодарил немцев за помощь, а Ханналоре Дандерс поблагодарила российских друзей за гостеприимство.

«XXI ВЕК — ВЕК БЕЗ ОРУЖИЯ И ВОЙН»

Обращение ветеранов Второй мировой войны России и Германии к народам и правительствам

Мы считали, что после окончания Второй мировой войны, самой разрушительной в истории человечества, весь мир навсегда забудет об использовании оружия при решении межгосударственных проблем. Но мы просчитались, и через 60 лет проблема борьбы за мир остается самой актуальной. И мы заявляем об этом со всей ответственностью.

Было время, когда мы смотрели друг на друга через прицел винтовки или автомата, но сейчас мы вместе. Жажду мира и взаимопонимания — вот что мы хотим оставить последующим поколениям. Любая война — преступление перед человечеством. Войны начинают политики, но народы расплачиваются за это своей кровью. Мы, российские и немецкие ветераны, хотим заявить — народы мира должны бороться за свое право жить без войн.

С каждым годом нас, живых свидетелей тех страшных событий, становится все меньше, поэтому хотим объявить свою последнюю волю.

Мы обращаемся к ветеранам всех войн, к людям доброй воли, независимо от их политических, религиозных убеждений, к правительствам и главам государств, к Организации Объединенных Наций:

1. Созвать Международную конференцию под эгидой ООН, на которой принять программу «XXI век — век без оружия и войн». Участниками

конференции должны быть не представители властных структур, а представители народов.

2. Поставить перед правительствами всех стран главную цель — добиваться прекращения производства и торговли оружием.

3. Приступить к сокращению армий.

4. Выступить за систему мирного решения международных конфликтов под эгидой ООН, перейти от безопасности государств друг перед другом к системе коллективной безопасности.

5. Разработать систему законодательной ответственности глав государств, правительств за нарушение решений ООН.

6. Совершенствовать организацию международных миротворческих сил и контрольных структур, ответственных за выполнение решений ООН.

Принято на конференции ветеранов Второй мировой войны России и Германии.

г. Челябинск, 22 июня 2001 года

КЛАДБИЩЕ, 2001 ГОД

По пути в Екатеринбург мы заехали в дом детей-сирот в поселке Тюбук, с коллективом которого Общество дружит и, по возможности, оказывает гуманитарную помощь. Детский дом располагается на окраине деревни, в лесу: небольшая школа, свой огород и даже своя корова...

Директор детского дома Анна Дмитриевна Дядикова около 50 лет работает с ребятами: доброжелательная, энергичная, заботливая, в простой деревенской одежде встретила гостей. Гости усадили за стол, на котором кипел самовар, угостили чаем. Показали классы, пахнущие свежей краской, готовые к новому учебному году. И все это сделано руками воспитанников-ребятишек. Директор познакомила нас с ребятами и рассказала о них. Немцы угощали ребят сладостями.

Когда стали собираться дальше в путь, Петра подарила из своего кармана Анне Дмитриевне сто евро. Она, не скрывая радости, с благодарностью приняла дарение и, передавая ассигнацию своей коллеге, радостно сказала:

— Завтра купим мыло...

Ребята, провожая гостей, крутились возле микроавтобуса и хором кричали:

— До свидания, до свидания!

А я вспомнил. Однажды, передавая детскому дому гуманитарное дарение от Общества, я сидел в кабинете Анны Дмитриевны, и пока она писала благодарное письмо Обществу, мое внимание привлекла лежащая на столе тетрадь, с наклейкой на обложке «Что нам дарят». Заметив мое любопытство, Анна Дмитриевна передала мне тетрадь. На одной странице я прочитал:

— 3 килограмма сосисок — фамилия дарителя, адрес.

— 2 куса хозяйственного мыла — от церкви...

Немцы не скрывали своего огорчения и удивления за положение дел, выражали беспокойство за судьбу детского дома в Тюбуке, но о воспитанниках и воспитателях у них сложилось хорошее мнение. За разговорами незаметно доехали до Екатеринбурга и в указанное время вышли из микроавтобуса в центре города, на площади 1905 года, где делегацию должны были ожидать. Но директора Билимбаевского психоневрологического интерната на площади не оказалось. Прождав около часа, организовали маршрутное такси до Билимбая. Через час мы были в старинном уральском селе в 50 километрах от Екатеринбурга. Высаживаемся во дворе интерната, директор оправдывался, что ждал в Первоуральске, по пути в Билимбай, но упустил факт, что площадь 1905 года только в Екатеринбурге.

Пациенты интерната, кто мог ходить, сразу гостей окружили. Мои друзья при виде больных теряются, и я не сомневаюсь, что им впервые пришлось видеть перед собой уродливые лица, уродливые руки, ноги, услышать невнятную речь. Да еще многие больные бурно выражали свои чувства, старались их обнимать, прижаться к ним и при этом мычали, пытались что-то сказать... Немцы быстро приходят в себя и начинают общаться с больными, угощают их сладостями, дарят открытки, карандаши, фотографируются, пытаются разговаривать. Заранее была договоренность, что не будем приглашать гостей в палаты с лежащими больными: не каждый выдержит, что предстанет перед взором.

Из интерната на старом автобусе мы отправились в пансионат, где гости переночевали. Поездка до пансионата была увлекательна. Он находился от деревни Билимбай в восьми километрах, и от тракта дорога к нему была грунтовая, через лес и настолько ухабиста, что в автобусе так кидало пассажиров из стороны в сторону, что не хватало сил держаться за поручни, и возникало сомнение у некоторых — доедем ли живыми. К общему удивлению и восторгу — доехали.

На следующий день делегация познакомилась с Екатеринбург. Гидом была жена протоиерея отца Владимира матушка Людмила. Женщина средних лет, подвижная, общительная, с большой эрудицией и небогатым знанием немецкого языка и давний партнер германского Общества по реализации гуманитарной акции на Урале. Значительное впечатление произвело на гостей посещение музея искусств и особенно комнаты чугунного литья Каслинского завода, работы уральских мастеров по камню, живопись. К концу дня делегация посетила Храм на крови, возведенный на месте дома, где была расстреляна большевиками царская семья в 1918 году.

В автобусе, по дороге обратно в пансионат, активно обсуждались события прошедшего дня, и вывод для всех был однозначен — история Урала ранее для немцев была загадкой, и они узнали много интересного и любопытного.

Но главное событие впереди. В газете «Вечерний Екатеринбург» была опубликована информация об открытии 27 июня в 10 часов утра на Широкореченском кладбище памятного камня на месте захоронения 52 военнопленных немецких солдат, умерших в лагерях Свердловска. 27 июня поднимаемся рано, завтракаем и отправляемся в Екатеринбург. Ночью шел дождь, утро хмурое, дождливое, настроение у меня тревожное. Открытие кладбища немецких солдат само по себе событие для Екатеринбурга неординарное, впрочем, и для России тоже, а тут еще и погода дождливая.

Подъезжаем к мемориалу захоронения советских воинов. Сворачивая зонты, нас встречают российские ветераны, представители общественности, служители религий.

Не знаю, как, но произошло чудо: дождь прекратился.

Слова приветствия... встречаются бывшие враги, но я, глядя на эту встречу, улыбался: сердце мое трепетало от радости — встретились друзья...

У мемориала погибших советских воинов траурная акция: немецкий и русский солдаты, ветераны войны, медленно подходят к гранитным плитам стелы и возлагают большой венок, обрамленный красно-желто-черной лентой и, стоя рядом, отдают поклон памяти погибшим воинам.

Минута памяти, минута молчания. Возлагают цветы немецкие и российские ветераны, старые солдаты.

Протоиерей отец Владимир произносит проповедь, приветствует эту

встречу, призывает людей к миру и добру... Читает молитву и провозглашает вечную память павшим воинам. В сотне с небольшим метров, на этом же кладбище находится могила немецких солдат, умерших в плену.

Определить точное место захоронения немецких солдат оказалось сложно. Во-первых, я узнал, что при университете, на кафедре этнографии профессор, доктор Владимир Павлович Мотрович серьезно занимался поиском мест захоронения военнопленных немцев. Я встретился с Владимиром Павловичем и получил от него понимание и хороший старт в поисках места захоронения немцев, у меня даже оказались списки захороненных. В течение двух лет я встречался с людьми, которые независимо друг от друга указывали места, где были могилы немецких солдат, нашел даже свидетеля процесса захоронения.

Митинг открыл председатель движения «Семьи погибших воинов» Алексей Зыков, сын погибшего воина. От областного Совета ветеранов выступил Александр Леденев. Он сказал о своей вере в дружбу народов России и Германии, в дружбу ветеранов войны и необходимости совместного обращения к народам с призывом не допускать военных конфликтов. Полковник российской армии Владимир Смакаев определил нашу главную задачу — укреплять дружбу между народами России и Германии и передать эстафету нашим детям.

Немецкий солдат Хельмут Петерайнс сказал: «Я не сомневаюсь, что немцы, которые лежат здесь, были бы сегодня вместе с нами и также, вместе с нами боролись за мирную жизнь, за счастье людей...» Его выступление прозвучало на немецком и русском языках. Немецкий ветеран Ханс Лаубш в своем выступлении отметил: «Советские воины, разгромившие и уничтожившие фашизм, заслуживают самого глубокого и особого уважения народов Европы». Он благодарил ветеранов и присутствующих за теплую встречу и солидарность, взаимопонимание и дружбу.

На митинге выступили бывшие узники концлагерей и гетто, представители «Мемориала», организации солдатских матерей, жертвы сталинских репрессий, молодежи. Не скрывая слез, говорила о жестокости войны и призывала людей к миру посланец Московского Совета ветеранов Нина Николаевна Коблова.

8 мая 1995 года в поселке УралНиисхоз, в 22 километрах от Екатеринбурга по моей инициативе и при поддержке ветеранов и жертв войны, моих земляков, впервые в России было открыто кладбище умерших в плену 13 немецких солдат. При открытии кладбища я из проповеди отца

Иоанна и выступающих узнал, что могила солдата, какой бы национальности и вероисповедания он ни был — священна. А после освящения могилы она неприкосновенна.

Поэтому на открытие могилы немецких солдат были приглашены служители разных конфессий. Провели службу католический пастор Ежи Пагуски, протестантский пастор Василий Пичек, мусульманский хазрат Насибулла, православной священник, протоиерей отец Владимир.

Немецкие солдаты Уго Энш и Ханс Лаубш медленно подошли к камню на могиле немецких солдат и возложили к его основанию большой венок, обрамленный черно-красно-желтой лентой, символом государственного флага Германии и склонили головы перед памятью немецких солдат.

После траурной церемонии, по старинному русскому обычаю, поминуют воинов — немецких солдат рюмкой русской водки.

Все.

Отныне немецкие солдаты обрели на российской земле вечный покой под уральскими соснами.

Пребывание на кладбище обычно вызывает у человека особое состояние, лица становятся сосредоточенными, печальными. Но после окончания официальных формальностей открытия кладбища я видел обратное: ветераны, жертвы войны, все присутствующие были в хорошем, приподнятом настроении, разбившись на группы, в центре которых оказывался кто-то из членов немецкой делегации, активно дискутировали, убеждая друг друга в своих чувствах искренней дружбе. На их лицах были улыбки, улыбки доверия и признательности.

Я видел счастливые лица друзей. Забыть это нельзя.

Об открытии памятника на могиле немецких солдат в Екатеринбурге была информация, фото в местной, региональной печати и в общероссийской газете «Известия» от 29 июня — «Памятник бывшим врагам, как знак примирения».

Итоги конференции в Челябинске и принятие ветеранами России и Германии, при поддержке общественности обращения «XXI век — век без оружия и войн» к народам мира и совместное открытие памятника немецким солдатам в Екатеринбурге, последующие встречи ветеранов с общественностью и проведение «круглого стола», где было поддержано обращение «XXI век — век без оружия и войн» — все эти события стали для меня знаковыми. Мы, бывшие враги, солдаты войны, подвели итоги

трагических событий прошлого, все назвали своими именами и поставили точку, но точку с запятой в истории прошлой войны.

У старых солдат остается тревога, боль, кровоточат старые раны — за будущее людей, за то, чтобы будущее еще и состоялось...

ЕКАТЕРИНБУРГ. ГОСПИТАЛЬ

На следующий день наша делегация прибыла в госпиталь ветеранов войн на Широкой речке. В конференц-зале нас ждали заместитель начальника госпиталя по медицинской службе Нина Александровна, члены общественного совета госпиталя, ветераны, заведующие трех отделений и несколько врачей.

Я не ошибусь, если скажу, что присутствующие были определены заранее. И, возможно, подготовлены к встрече с немецкой делегацией.

Нина Александровна поздоровалась с гостями, передала привет от начальника госпиталя Семена Исааковича Спектора, находящегося тогда в Канаде. Рассказала историю госпиталя, условия работы, форму и содержание медицинского обслуживания пациентов. Определила важную роль госпиталя в лечении ветеранов, не забывая заметить, что госпиталь — крупнейший в России.

Особенно старательно остановилась на вопросе о постоянной помощи госпиталю и заботе о ветеранах правительства области и губернатора лично: построили новые столовую и клуб, идет строительство поликлиники. Позднее я увижу в два этажа огромный плакат, видимый за версту с информацией о поддержке строительства поликлиники партией «Единая Россия» и правительством области.

На самом деле деньги собирались с народа, с самих ветеранов и отбирались у таких организаций, как тот же Билимбаевский психоневрологический интернат, нищий до предела, еле живущий и то благодаря гуманитарной помощи от германского Общества. Казалось, что Нина Александровна в какой-то момент захлебнулась от дифирамбов. Пауза затянулась...

Обратил внимание, с каким удивлением Ханнелоре Дандрес слушала хвалу власти и в недоумении окидывала взглядом присутствующих. Нина Александровна, заметив, что я веду запись на видео, растерялась и после каких-то пустых фраз спохватилась и скромно поблагодарила за гуманитарную помощь госпиталю германское Общество помощи ветеранам

войн России. Без каких-либо комментариев...

Откровенного разговора с обеих сторон не получалось. Все замкнулись, молчали. Ощущалась скованность, если не сказать — стыд за самих себя перед немцами. Не верилось, что какое-то время назад встречи были шумными, радостными, с огромным чувством взаимного понимания и выражения дружбы и благодарности.

Причиной всему, что происходило сейчас, был письменный отказ начальника госпиталя, заместителя правительства Свердловской области Семена Сектора Ханнелоре Дандерс, которую ранее он боготворил и выражал свои чувства открыто и был рад этой дружбе немало лет. Теперь Спектор отказывался от гуманитарной помощи, которую ранее получал с благодарностью и признанием, от помощи, которая спасала тяжело больных, продлевала им жизнь.

Годы правительство Свердловской области не удовлетворяло потребности госпиталя в денежных средствах и, вне всякого сомнения, сотрудники и персонал госпиталя не только знали, но и на себе испытывали тяжелые последствия отказа от гуманитарной помощи, на которой госпиталь держался последние, самые трудные годы. И этот позорный отказ стоил многим ветеранам преждевременной смерти.

Немцы рассчитывали на этот раз получить откровенную информацию о положении дел в госпитале и надеялись на восстановление возможности оказывать гуманитарную помощь ветеранам войн области.

Все присутствующие сидели с озабоченными, серьезными лицами и понимали незавидное положение Нины Александровны и свою роль во все происходящем, тем более что Спектор по телефону из Канады дал указание принять немецкую делегацию на самом высоком уровне.

Я хорошо знал настоящее положение вещей в госпитале. Спектор сам пытался восстановить контакт с нашим Обществом. Будучи «затычкой» в правительстве, как он говорил мне сам, все же он оставался врачом. И я надеялся на определенный шаг в пользу восстановления отношений с германским Обществом. Я понимал сложившуюся ситуацию, но в разговор вмешиваться не стал, понимая бессмысленность этого.

Разговора не получилось. Поступило предложение познакомиться с госпиталем. Немцы уже успели пройти по коридорам с кроватями вдоль стен. Видели переполненные палаты, духоту и тесноту в них.

Делегацию не провели по палатам, а показали огромный зал новой столовой, в основном пустующей, только незначительная часть которой была

заставлена столами. Получили разъяснение: в отделениях имеются свои столовые, и больные кушают у себя на местах, а в полутемной столовой едят «афганцы» и «чеченцы». Необходимости в новой столовой не было.

Конечно удивил клуб. Огромное помещение, чудесные кресла, обстановка и оформление, сцена, театр. Но тут же выяснилось, что все культмассовые мероприятия проводятся в старом клубе.

Чего только ради пиара не сделаешь! А немцы, мягко говоря, очень растерялись, когда увидели в коридоре у дверей кабинетов ожидавших приема старых ветеранов, висящих на костылях или опирающихся на палочки, а то и сидящих на корточках в заполненном коридоре. Ни одного стула, ничего, на что можно присесть. Удивлению моих немецких друзей не было конца, и все это на фоне громады столовой и клуба. Вдобавок немцы во всем обвиняли меня. В госпитале нет стула для инвалидов войны, там, где стул обязан быть.

Рольф Леманн в одном из холлов госпиталя пристально рассматривал скульптуру: на ладони лежит пораженное пулей сердце, а ниже кисти, как браслет, обойма патронов и надпись на каждом их них: Вьетнам, Корея, Афганистан, Чечня...

— Справедливо, мудро и смело. Молодцы, — слова бывшего немецкого генерала. Я солидарен с Рольфом Леманном, ничего не скажешь.

В узком кругу от администрации госпиталя, общественного совета во время обеда, данного администрацией, делового разговора также не получилось. Вопросы, касающегося положения в госпитале, не существовало, хотя он был на виду и постоянно давал о себе знать: медикаментов не хватает в первую очередь...

Пройдет немного времени, и все же Спектор обратится к Обществу за помощью... Но тогда, за обедом все молчали. Отделялись редкими репликами, пустыми вопросами. И только тост за дружбу немецких и российских ветеранов взорвал всех единым порывом.

Зашумели, задвигались, лица расплылись в улыбках, открытых и искренних, и все внутренние тревоги, которые были, исчезли.

Раскрылись души людей, особенно ветеранов. Все было искренне, я чувствовал, понимал и приветствовал тост, который снял с моего сердца тяжесть, вызванную ситуацией в госпитале.

Немцы покидали госпиталь в сдержанном молчании. Я их понимал, особенно Ханнелоре. Они были в поиске ответов на увиденное и услышанное, многое им было непонятно.

Позднее Хельмут рассказывал, как они с Уго заскочили в туалет у вестибюля главного входа. И тут же вылетели обратно. Пол туалета был полностью залит, навалены кучи бумаги. Пришлось подняться выше, разыскать общий туалет с унитазами вдоль стен, но не в полном комплекте. И возникли вопросы: как же обходятся старики? Каждый решает, видимо, по-своему...

КРУГЛЫЙ СТОЛ

После госпиталя ветеранов войны делегация направилась в библиотеку главы администрации города на встречу за круглым столом с представителями общественных организаций города: ветеранов прошлой войны, чеченской, локальных войн, старыми солдатами-афганцами, солдатских матерей, движения «Семьи погибших воинов», молодежи. Немецкое Общество помощи ветеранам войны России оформило в зале встречи выставку рисунков немецких школьников и акварелей профессора Адольфа Бёлиха, приготовила столы с напитками и холодными закусками.

Ханнелоре представляет членов делегации, рассказывает о совместной гуманитарной акции помощи ветеранам войны России, фондом помощи инвалидам войны, в частности и госпиталю ветеранов войны в Екатеринбурге. Раздает присутствующим текст обращения к мировой общественности «XXI век — век без оружия и войн», принятого на международных конференциях ветеранов войны России и Германии, при поддержке общественности в городе Челябинске и просит присутствующих в конце встречи высказать свое отношение к обращению и поддержать его...

Непринужденно, откровенно шел разговор о насущных проблемах, возникали вопросы к членам делегации, касающиеся гуманитарной акции германского общества ветеранов. Российские ветераны высоко оценили вклад немцев в оказание медицинской помощи и высказали мнение, что это содействует укреплению дружбы наших народов. Прозвучали слова: госпиталь уже не первый год держится за счет гуманитарной помощи немцев. Если не изменяет память, это было сказано кем-то из афганцев...

Но все же в последующих разговорах основное внимание сосредотачивалось на событиях, касающихся прошлой войны, ее последствиях, политическом и социальном анализе, целях гуманитарной акции немецкого

народа. Обсуждаются события, касающиеся послевоенного времени, межрегиональные проблемы, причины их возникновения и следствия. Обстоятельно, аргументированно, на конкретных примерах свое мнение по этим вопросам высказывал профессор, доктор, генерал Рольф Леманн, кстати, хорошо говорящий на русском языке. В центре дискуссии оказались афганская и чеченская войны, и отношение к ним всех было однозначно осуждающим!

В выступлениях звучала тревога за жизнь людей, говорилось об ответственности народов, допускающих военные конфликты, в которые втягиваются, а потом сами же и становятся жертвами этих конфликтов.

Запомнились слова Юрия Левина, журналиста, фронтовика: «Наши слова с призывом к миру, слова ветеранов войны, как и страницы моих работ, все буквы пропитаны кровью жертв прошлой войны, в том числе и немцев! Разве этого еще мало властям? Мирную жизнь на нашей планете надо отстаивать всем вместе — и россиянам, и немцам, и американцам... Всем вместе, а не откладывать на завтра...» От себя хочется добавить к сказанному Юрием Левиным: иначе можно и опоздать!

Не могу забыть и выступление одной женщины, не буду называть ее фамилию, ее имя — МАТЬ! Полтора года искала сына, погибшего в чеченской войне. Наконец где-то в Ростове, в вагонах-морозильниках нашла фрагменты тела своего сына... и признательна президенту Путину за его личную сопричастность к уничтожению того зла, которое возникло на Северном Кавказе, и готова помогать ему, Путину, в организации помощи пострадавшим в чеченской войне...

Я боялся, ничего не мог в то время сказать этой женщине, матери убитого в чеченском кошмаре, где россияне убивали россиян... Через какое-то время чувства и мысли, понимание сущности событий чеченской бойни изменились диаметрально, и я, вспоминая эту женщину-мать, признавался сам себе, что не мог затронуть свежие раны материнского сердца. Время не только ставит диагнозы, но и, как говорят, лечит.

Но вернемся назад. Дискуссия затягивалась, и казалось, не будет ей конца: спорили, доказывали свои мнения другим, свое понимание прошлого и настоящего, активны были все — и старые, и молодые. Чувствовались доверие друг к другу и взаимопонимание, удовлетворение от встречи и благодарность за возможность сказать друг другу откровенно, без каких-либо опасений все, что и как думается. Я чувствовал, видел,

понимал: нет сомнений в искренности добрых чувств моих земляков, моих стариков к немцам, чувства были взаимны.

Главным было для всех понимание, осознание необходимости дружбы наших народов, единства во имя будущего, в противостоянии власти в достижении своих интересов: методами насилия над народом.

На встрече обсуждалось и обращение «XXI век — век без оружия и войн», было принято решение: от имени ветеранов войны и общественности признать обращение и присоединить свой голос к нему.

Получился у меня и конфуз: за столом с напитками и бутербродами не оказалось возможности для старых солдат выпить свои фронтовые сто грамм за примирение и дружбу, в чем упрекали меня жестоко, по-русски. Я винился и каялся, не помогало! Промахнулся, действительно.

Это была первая, послевоенная встреча в Екатеринбурге бывших врагов, ставших друзьями.

ЧЕРНОУСОВО. ДЕТДОМ

Перед отъездом, последний день пребывания делегации в Екатеринбурге решили провести в детдоме Черноусово. Ранее я уже рассказывал подробно о Черноусовском детдоме, интернате, коррекционной школе. Писал, как началось знакомство и развивалась дружба общества ветеранов войны с детским домом. Сейчас могу сказать другими словами, не в обиду. Это достойное, многогранное слово, но более емкое по содержанию — совместная жизнь германского общества ветеранов войны и детского дома, немцев и русских. Именно жизнь! Время породнило не только ветеранов войны, но и немцев с детьми из детского дома. Это был период выживания детей, период становления детдома в сложных условиях того времени, и важный период для германского общества, для немцев, которые не только думали о детях, но и активно делали все возможное, чтобы облегчить судьбу детей, по сути, брошенных властью на произвол судьбы — голод и холод...

Утро солнечное, теплое, воздух насыщен запахом наступающего лета. Яркая, набирающая силу зелень, да еще к этому хорошее настроение на предстоящий день, обещающий радость, ожидание чего-то нового.

Путь в Черноусовский детдом лежит через Екатеринбург. По пути дорогу пересекает символическая граница между Европой и Азией,

отмеченная более двух веков назад. Свернув с автодороги в сторону, мы видим: на поляне, окруженной лесом, столб из гранита с надписью «Европа», с другой стороны «Азия». Столб вокруг выложен каменными плитами, и в одну сторону, на юг, — черная полоса, также из камня: граница.

Выходим из автобуса. Смотрю на своих друзей, удивляюсь — радость у всех через край. Событие! Представьте себе, у кого была возможность одновременно одной ногой стоять в Европе, другой — в Азии? Или пожимать руки, когда один находится в Азии, а другой в Европе.

Шутки-прибаутки, смех, фотографирование, видеозаписи... да еще возможность выпить по глотку шампанского из одного и того же бокала в разных частях света.

Все радостно возбуждены посещением границы Европа-Азия, шутят, у всех счастливые лица. Усаживаемся в автобус. Едем через Екатеринбург на восток в сторону Каменска-Уральского, переезжаем железную дорогу и за переездом сворачиваем в сторону деревни Черноусово. Я замечаю удивленные взгляды немцев. Понимаю, что удивляет моих друзей — дорога! Если по трассе качество дороги оставляло желать лучшего, то сейчас проселочная дорога асфальтирована и ровна, как стол, и это через лес, к деревне!

Удовлетворяя любопытство, поясняю:

— Это ваша заслуга, немцев, и вся деревня и детдомовские говорят в ваш адрес спасибо!

Проезжая через деревню, указываю на один участок дороги и добавляю: «Здесь Зигфрид Циллер и Юрген Метлер с трудом проезжали на грузовиках, застревали в грязи, тянули грузовики тросами. Асфальт дороги через участок леса упирается в ворота детского дома. Что произошло и почему — после объясню, — пообещал я немцам.

Въезжаем на территорию детдома. В один миг сбегаются ребята, окружают гостей, некоторые бросаются к Ханнелоре, липнут к ней: бабушка приехала! Счастливая Ханнелоре обнимает ребят.

«Мама, мама!» — кричат девочки и попадают в руки Вали. Обитатели детдома привыкли к немцам: ежегодно посещает этот дом Ханнелоре и много времени проводит с детьми в классах, играет и гуляет с ними, дарит игрушки, сладости. Общение с Ханнелоре для детей всегда праздник.

На грузовиках приезжают дедушка Зигфрид и дядя Юрген. Последнему особенно рады мальчишки: он привозит и дарит настоящие

футбольные мячи, приезжали супруги Жорж и Ханнелоре Хайке, много фотографировали и дарили фото.

О себе, тележурналистах и работниках госпиталя и говорить не приходится. С немцами детей и персонал детского дома связывает взаимная совместная цель и содержание гуманитарной помощи.

Если считать, что детдом хоть какие-то копейки получал на питание, то на одежду, обувь, мыло даже и копейки не было. Все, что окружало детей, в своем большинстве было от немцев, от германского общества ветеранов войны. Чтобы все это понять — нужно видеть.

Сейчас многое изменилось: обижаются, ругают детей за то, что плохо кушают кисломолочные продукты, не хотят. Это пережить можно, не беда, а когда дети днями кусочка хлеба не имели — беда была общая — и персонала, и немцев, и решали ее вместе. Помнить об этом нужно. Вернемся к приезду гостей: уговорили ребят, что гостям нужно с дороги привести себя в порядок, и мы пошли в здание школы. Осмотрели классы: особо приятно всем было видеть уровень организации развития творческих способностей детей и, в первую, швейный класс: девочки кроили, шили, перешивали одежду из гуманитарных дарений по размерам, фасонам для воспитанников, выполняли заказы на массовые пошивы постельного белья, рабочих рукавиц.

Для меня видеть все это было нелегко: не забывались глаза голодных детей, лежащих в постели четвертый день без крошки хлеба во рту, только кипяченой водой их поили, а воспитательница надеялась через пару дней собирать крапиву и кормить детей супом из этой травы. Вся деревня в ту весну оставалась без семян картофеля — скормили детям.

А сейчас было весело: солнце, тепло, во дворе такой галдеж, что голоса взрослых не слышны. Все играли в немецкие игры, взрослые и дети, последние получали сладости, картинки, нарисованные немецкими школьниками, пели для своих гостей песни, танцевали, соревновались в ловкости, надували воздушные шарик. Счастливые для детей часы, общая радость. Праздник для всех!

Наблюдая за немцами, я видел и понимал их радость от встречи с детьми. Радость обоюдная, открытая выплеснулась наружу, и скрыть ее было невозможно. Хозяева угощали своих друзей за столом с самоваром, на столе пироги с капустой, картошкой и блины. Разговор был откровенным, искренним и познавательным — разговор старых друзей.

Благодарность хозяев гостям за святое дело помощи детям, в которой они крайне нуждались и получили ее, выражалась достойно.

Расставались с детьми и персоналом детдома сердечно, с объятиями, поцелуями и добрыми пожеланиями повторной встречи.

При выезде со двора детдома Ханс Лаубш увидел стоящий в стороне у жилого дома грузовик ИФ-50 и поинтересовался — оттуда? Я пояснил, что Общество, Зигфрид Циллер подарили детскому дому два грузовика: один эксплуатируется, работает по хозяйству, второй в резерве, в запасе.

По дороге в Екатеринбург мы должны заехать еще на кладбище немецких солдат в поселке УралНиисхоз. По дороге я коротко рассказал, что начиная с 1992 года при доставке гуманитарного груза детскому дому, я приглашал с собой тележурналистов с операторами телевидения — на экранах телевизоров стали появляться репортажи из детдома Черноусово.

Например, в одной из передач ведущая задает вопрос телезрителям: государство дает детям-сиротам детского дома в Черноусово деньги. На эти деньги едва ли хватает купить стакан чая. Встает вопрос — как уберечь детей от голодной смерти? В одном из репортажей телевидения из детского дома ведущий обрисовал сложную обстановку в детдоме. И затем констатировал:

— Одного Максимова на все детские дома не хватает.

Это было сказано на фоне разгрузки грузовика с гуманитарной помощью. Репортажи из детского дома были бескомпромиссны, смотреть спокойно было невозможно. Трагедия детей в детских домах комментировалась в средствах массовой информации широко и становилась достоянием общественности.

Вскоре появляется распоряжение губернатора области, господина Росселя, построить в детском доме Черноусово школу, общежитие, спортивный зал. Через полтора года на скорую руку школа была построена, а чуть раньше — асфальтовая дорога, для которой даже вырубали лес. Про остальное забыли. Школа стала событием в истории детдома.

Мы в поселке УралНиисхоз, в 22 километрах от Екатеринбурга, на окраине, в редком березовом лесу. Поляна, заросшая молодняком, на ней камень, на полированной плоскости на русском и немецком языках вырублено: «Здесь покоятся немецкие солдаты».

Вокруг тишина, деревья, молодые высокие травы с полевыми цветами. Ничто не мешает покою солдат. Мои друзья молча стоят перед памятным камнем. Какие их одолевают мысли? После они собирают полевые

цветы и возлагают их на могилу перед камнем. Я замечаю: бывшие немецкие солдаты принимают строевую позу и преклоняют головы перед памятью погибших, оставшихся навечно в российской земле.

Петра, Ханнелоре и Валя кладут цветы и делают поклоны. Несметные тучи комаров не дают покоя, мешают, отвлекают. Погруженные в свои мысли, возвращаемся к автобусу.

Вечером, в одном из ресторанов, в кругу российских друзей, помощников по гуманитарной акции, актива ветеранов, молодых людей сидим за ужином. Непринужденно идут разговоры, дискуссии о дружбе, значении гуманитарной акции, помощи старым людям и детям. Взаимопонимание, могу сказать, полное, что радует меня. Поднимали бокалы, это уже традиционно, за дружбу наших народов, и в меру своих возможностей принимали русскую водочку.

Расставание было не скорым, для многих оно продолжилось после выхода из ресторана уже на улице. Вылет из Екатеринбурга предстоял ранним утром, поэтому было решено провести последнюю ночь в пансионате города. Туда были заранее доставлены вещи из Билимбая. Помогла в этом администрация Екатеринбурга.

На следующий день я получил сообщение, что делегация в Германии, у себя дома.

В послевоенную историю вписана добрая строка, и написана она самими ветеранами.

ПУТИ ЗЕМНЫЕ...

Информация в СМИ Германии о гуманитарной акции помощи российским ветеранам войны, организованной немцами, и участие в этой работе помогали расширять круг моих знакомств с немецкими ветеранами войны. Одним из них явилось приглашение посетить выставку художника Христиана Модерсона, с которым Ханнелоре уже переписывалась.

Летним днем 1997 года мы с Ханнелоре едем в Фишерхуде, который находится недалеко от Бремена, в старую усадьбу, где жил и творил отец Христиана, художник Отто Модерсон. В свое время он соперничал в мастерстве с Репиным и Шишкиным. В Берлине одна из улиц города носит имя Отто Модерсона.

Христиан встречал нас с улыбкой, по-доброму, одет просто, домашнему. Взгляд живой... В первую очередь знакомимся с музеем Отто

Модерсона, затем идем в мастерскую Христиана. Бережно он извлекает из папок оригиналы своих зарисовок, сделанные на фронте: в рваной, потрепанной одежде женщины, дети, старики, измученные, страдающие лица, глаза, полные тревоги, на фоне разрушенных и сожженных изб, улиц. Деревенские бытовые картины, пикирующие самолеты на Сталинград, разрывы бомб... Я все это видел уже раньше, на фронте, и вот вижу снова, как наяву, и сердце начинает учащенно биться...

Эти рисунки, оказывается, спасли жизнь художнику: под Сталинградом наши солдаты наткнулись на тяжело раненного немецкого солдата и хотели добить, но увидели в его сумке рисунки советских людей, удивились их правдивости, перевязали немцу раны и оставили лежать на поле боя. Уже потом немцы подобрали его и доставили в госпиталь. Немецкий врач в госпитале по бинтам понял, что Христиана перевязали русские и этим спасли ему жизнь.

Христиан подарил нам с Ханнелоре прекрасную копию рисунка: на вершину горы из последних сил, с посохом в руках и огромной сумой за плечами поднимается человек. Гора окутана мраком... Смотрю на рисунок, и возникает образ горьковского Данко.

Христиан восторженно приветствовал гуманитарную акцию немцев помощи российским ветеранам, считал ее очень важной, ведь он признавал вину своего народа перед Советским Союзом. Христиана волнует гонка вооружения, милитаризация стран, волнует и судьба будущих поколений, и он считает своевременным принятие Обращения к народам ветеранов войны «XXI век — век без оружия и войн».

Я понимал его сожаление о невозможности лично побывать в России, повстречаться с ветеранами и рассказать о своих чувствах и мыслях в кругу новых друзей. Радовало Христиана проведение выставок его работ в России, он считал это его личным вкладом в укрепление нашей дружбы и примирение. Они прошли в городах Поволжья, в Екатеринбурге, Челябинске и других городах Уральского региона. Постоянными экспонатами остались его картины в военно-историческом музее Екатеринбурга. Познакомились с работами Христиана Модерсона и жители Санкт-Петербурга. Остались его картины и в Успенском храме, возле Сологубовки, что рядом с кладбищем немецких и советских солдат, погибших под Ленинградом.

В 2005 году мы с Ханнелоре получили приглашение от Христиана Модерсона на открытие выставки картин его отца Отто Модерсона. На

этой выставке мне выпала честь вручить Христиану «Знак примирения» народов России и Германии, изготовленный в России. Зал музея во время этой процедуры буквально взорвался от восторга. Дискуссии затянулись до позднего вечера — война жила в памяти немцев старшего поколения.

Христиан с нескрываемым волнением заявлял, что он уверен в прекрасном будущем народов России и Германии, в том, что они вместе будут противостоять возникновению любого военного конфликта. Он верит в мирную жизнь людей и в то, что разум восторжествует.

Во время одной из встреч у Христиана Модерсона Ханнелоре дискутировала с хозяином дома о творчестве Бетховена, а я рассматривал картины, развешанные на всех стенах, и вдруг, как молния, перед моим взором появилась икона! Наша, православная. Стояла она на почетном месте — на камине. Христиан заметил мое волнение при виде иконы и рассказал такую историю.

Его родной брат Ульрих, не лишенный способности к живописи, был мобилизован на войну рядовым солдатом и оказался на Восточном фронте. С фронта Ульрих и привез с собой эту икону, когда был в краткосрочном отпуске.

Оказалось, что на фронте часть, в которой служил Ульрих, однажды остановилась в одной из деревень. Он расположился со своими лошадьми и повозкой у одинокого старика и ночевал в старой крестьянской избе, крытой соломой, очень бедной и совершенно пустой. В углу избы только икона. Иногда он брал ее в руки, разглядывал и бережно возвращал на прежнее место. Ульрих ухаживал за лошадьми, на которых подвозил на передовую продукты питания, помогал старику в огороде, старался подкормить старика. Так продолжалось несколько дней.

Когда пришло время покинуть деревню, брат запряг лошадей в повозку, забрал свои вещи, попрощался со стариком и уселся в повозку. Тронулся. И вдруг солдаты закричали Ульриху и стали показывать, что к нему спешит старик. Все остановились. Старик подошел к Ульриху, перекрестил его той самой иконой и протянул ее. Затем снова перекрестил и махнул рукой — поезжай! Все происходило на глазах солдат, стоящих вокруг повозки Ульриха. Они стояли молча потрясенные.

Так икона оказалась в доме Модерсонов и стала самой дорогой семейной реликвией. А Ульрих с войны не вернулся.

Не перестаю удивляться благосклонности судьбы и ко мне, старому солдату. Она свела меня в Дрездене с ветераном войны, немецким

солдатом Гансом Мрачински, художником, профессором. Юношей Ганс был мобилизован в армию и отправлен на Восточный фронт «освободить народы от каких-то коммунистов, врагов, которые угрожали и немцам, и Германии», но вскоре оказался в плену. Лагерь военнопленных находились в Подмосковье. В лагере профессия художника предопределила будущее военнопленного: ватман, карандаш, краски и рабочий стол в структурах лагерных служб политпропаганды. Со слов Ганса, только в лагере он осознал и понял, что война была ужасом и страданием для всех людей, втянутых в нее по воле политиков. С тех пор война поселилась в его мыслях и чувствах и прошла через все его творчество. До сих пор.

С первой встречи наши мысли и души с Гансом оказались открыты друг другу: роднила единая судьба, понимание прошлого. Войну без слов я увидел в рисунках Ганса, написанных в лагере и после войны. Война, она и есть война, откуда на нее ни посмотри. Оригиналы некоторых рисунков после возвращения из плена в ГДР у Ганса изъяли соответствующие органы, о чем он весьма сожалеет, но тему войны продолжает до сих пор.

Работы Ганса Мрачински вместе с рисунками Христиана Модерсона представлялись на выставках в России и остались в фондах музеев Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, музея примирения в Успенском храме Сологубовки. В 2008 году Ганс Мрачински на личные средства издал триста экземпляров каталога своих картин и подарил Обществу.

Ганс всем своим сердцем близко принял совместное Обращение ветеранов войны к общественности «XXI век — век без оружия и войн». Я понимал, чувствовал его тревогу и заботу за политику милитаризации стран, военные конфликты, нестабильность в мире. Близки и его тревоги за возможность ядерной войны... Что говорить, сердца старых солдат, особенно на Западе, еще и кровоточат... О своем — не говорю.

Аргументы Ганса в этом неоспоримы. Так же, как и всех старых ветеранов, солдат — немцев и российских. Всех, в ком остается еще и живет война своим кровавым следом...

Нет смысла говорить о том, насколько близки мне, старому солдату, Христиан Модерсон и Ганс Мрачински. Война породнила нас: доступны и понятны стали наши судьбы, связанные войной. Мы, ветераны, стараемся, в меру своих возможностей, сказать свое слово о войне, человеческом горе и страданиях, принесенных войной, мы не можем молчать об этом, не имеем права перед ее жертвами. Мы в постоянном диалоге с людьми, общественностью: рассказываем, выплескиваем из себя

прошлое, напоминая нынешнему поколению о тех ужасах, которые выпали на нашу долю. Помимо слов, Христиан и Ганс еще и предоставляют возможность людям с помощью рисунков увидеть реальность кошмара и безумия войны.

1996 год. В центре Екатеринбурга накануне Дня Победы в Музее молодежи открывается персональная выставка акварелей немецкого художника профессора Адольфа Бёлиха, организованная германским Обществом помощи ветеранам войны в России и нашим Фондом помощи инвалидам войны. Через несколько дней после открытия выставки получаю сообщение: на выставке в книгу отзывов один из посетителей записал, излил свою душу — на картинах мазня, уродливые тела, не поймешь, кто и что. Сам зашел на эту выставку и удивился: чудесная гамма цветов, красота природы, доброта, умиротворение. От всего написанного кистью и карандашом исходит тепло, уют, не хочется расставаться с увиденным. Попросил незаметно убрать лист из книги отзывов.

В то время в России, уже новой России, можно было говорить и писать все откровенно, ничего не бояться — налаживалась демократия...

Адольф Бёлих застал войну. Юношей начал трудовой путь электриком, но дар и любовь к живописи, упорная борьба за реализацию своего дара помогли стать художником, а потом и профессором, доктором искусства и ректором художественной академии в городе Дрездене. Знакомство с Ханнелоре Дандерс, интерес к новой России и сложности социальных проблем российских ветеранов войны, гуманные чувства привели Адольфа в Общество помощи ветеранам войны в России.

Выставка акварелей Адольфа Бёлиха положила начало проведения многих выставок, в которых участвовали Христиан Модерсон и Ганс Мрачински. Вход на выставки всюду был свободным. От имени Общества акварели дарились госпиталям ветеранов войны, общественным и благотворительным организациям, музеям, административным органам и инвалидам, ветеранам прошлой войны. При последнем посещении Германии Адольф, вручая мне картины, просил подарить их старым российским солдатам, ветеранам прошлой войны, чтобы они, картины, стали знаком примирения наших народов.

Если рисунки Христиана Модерсона и Ганса Мрачински напоминают о великой скорби и будут волновать людей всегда, то акварели Адольфа Белиха наоборот излучают добро, ласкают и будут ласкать взор людей красотой природы и гармонией счастья.

Сколько же я везу с собой, когда еду в Германию, приветов, добрых пожеланий, благодарностей, сувениров из России от наших ветеранов, людей, посетивших Германию и побывавших в гостях у Адольфа и Кристины. По-стариковски поделюсь: сколько Ханнелоре ежегодно привозит в Россию картин Адольфа Бёлиха в специально приобретенном для этого большом чемодане, чтобы не смять картины, а сколько картин уже подарены россиянам. Подумаю, и голова кругом идет. А у Адольфа Бёлиха не видно, что она кружится: в его глазах всегда выражение внимания, всегда улыбка. Радуюсь, когда вижу счастливого человека...

Хочу коснуться судьбы друга, журналиста, немца Вольфганга Хверта. Он прошел войну сполна, остался жив. Казалось бы, радуйся, отдыхай, будь счастлив. Не получается. Вольфганг трудится в обществе помощи ветеранам войны России: информационная работа, переписка общества, редактирование материалов, Интернет, иногда и дня не хватает, чтобы пробиться в бюрократических условиях.

Волнуют старых солдат нестабильность в мире, военные конфликты, угроза войны. И для того, чтобы не повторилось прошлое, ради завтрашнего дня, мирной жизни будущих поколений они сегодня на общественных началах делают все, что могут, что позволяет им здоровье.

ЧЕЛЯБИНСК – ЕКАТЕРИНБУРГ, 2005 год

Глава 7

ПИСЬМО БЫВШЕМУ ДРУГУ

О человеке в обществе можно судить по его поведению. В уважении к людям проявляется чувство гуманности и искренности. С другой стороны, человек во власти, как показывает жизнь у нас, отбрасывает от себя все человеческие нормы и ценности, как, на мой взгляд, это произошло в Екатеринбурге.

Заместитель главы правительства Свердловской области, он же начальник госпиталя ветеранов войн Семен Спектор неожиданно, в жестокой и грубой форме, отказывается от получения гуманитарной помощи германского Общества помощи ветеранам войны в России. Он публично выразил сожаление, что получал ее, и заставляет министра здравоохранения области Михаила Скляра отказаться от предлагаемой помощи медикаментами.

Своя шкура оказалась дороже здоровья и жизни старых солдат, министр отказывается от медикаментов. Причин отказа объяснить не могли, боялись. Госпиталь лишился возможности помогать ветеранам войны. Однако Спектор снова умолял

немцев о помощи ветеранам, и госпиталь снова получил 20-тонный контейнер с медикаментами.

Не отношу себя к скептикам или пессимистам. Мой жизненный принцип определился: презрение к несправедливости, стремление помочь людям нуждающимся, старым и больным. Я не могу от этого уйти. Я не стучу себя в грудь, не кричу о своей любви к России, к своему народу. В этом нет необходимости. Все это мое, в этом я сам со своей судьбой, но хочется видеть и чувствовать Родину близкой и родной людям, матерью, а не мачехой, где люди счастливы в достойной жизни и обществе, где справедливая, честная и умная власть. А мы живем во лжи, непредсказуемости, говорю о стариках, инвалидах, бездомных детях... Для них и сегодня отсутствует возможность получать нормальную медицинскую помощь, они выброшены на обочину жизни.

У нас, старых солдат, свои проблемы: выдержать, пережить старость с ее болячками, невзгодами, мучениями для тела и души и сказать людям, что будущее людей в опасности. Страх старости, как и смерти, у меня нет, все позади, но остается сожаление о существовании несправедливости в жизни.

Все послевоенное время я связан с госпиталем на улице 9 января, где в 1948 году Гута Яковлевна подарила мне вторую жизнь. Сколько лет провел на госпитальной койке... долго считать.

Однажды Нина Густавовна спрашивает меня:

— Ты знаешь Семена Спектора? Присмотрись, живем без начальника.

Точку поставила Наталья Михайловна, помнишь ее, медицинская сестра. Ты стал начальником госпиталя, и я, получается, стоял у твоей колыбели. Пошло: пристраивал, надстраивал, ночами уголь кидал, зимой, в котельной, подменял алкоголиков. Работал активно. Я радовался новому начальнику. Но в госпитальных коридорах стали появляться койки...

Начинаю добиваться расширения госпиталя: ты подкидываешь проект 5-этажного пристроя к госпиталю. Годы крутили поганку чиновники. Сколько визитов в Москву... Мне помогали Борис Россохин и Александр Кострыкин, оба кавалеры Золотой Звезды.

Однажды ты бросаешься ко мне: «Слушай, что случилось... Звучит твоя фамилия, из Москвы делегация правительства, мне в обком к 14 часам».

Я знал, что случилось... С Федором Кирилловичем Семеновым выбираем место под строительство нашего нового госпиталя...

Через пять лет подсчитал: чтобы освоить остальные средства на строительство нужно еще... 39 лет!

Снова Москва, считаем там... все вместе... все верно... и в начале января в обкоме партии человек из ЦК: «Сдать госпиталь к Новому году».

Перед Новым годом я ругаюсь: «Не подписывай акт приемки... не достроено...» Подписываешь! В конференц-зале один из первых тостов ты предлагаешь за человека, которому мы обязаны госпиталем... за присутствующего здесь, называешь мою фамилию... Все выпили под аплодисменты. Я тоже выпил, но не аплодировал...

Прошло два-три года, госпиталь именуется «Ветеранов войн»: кровати в коридорах, теснота в палатах... Снова Москва, привожу решение правительства о строительстве второй очереди госпиталя и его финансировании... Лидия Павловна Лыкова, заместитель председателя Совмина СССР, приняла это решение. Доброй ей памяти!

Госплан уверял меня, что строительство будет закончено через 36 месяцев (!). Не тут-то было... С твоего одобрения, на твоих глазах на улицах и площадях города, среди транспарантов и плакатов собираю десятки тысяч подписей... Бьюсь в облисполкоме, обкоме, требую у генерального прокурора помощи, трясусь В. Туйкова, выбиваю Власова из кандидатов в Верховный Совет. Твоя помощь была вежливой, осторожной: помогал в моральном плане, признанным мною уже в то время высочайшим авторитетом, самого циничного русского мата в адрес виновников задержки строительства. Я тоже, как мог...

...В начале января в твоём кабинете выездное бюро обкома партии принимают решение о начале строительства второй очереди...

Во многом мы шли в одной упряжке. Мотаюсь по исполкомам, райкомам, сколько встреч, по-доброму скандалим с Бабичем, прекрасным человеком, фронтовиком... У тебя орден Дружбы народов.. Ждали Трудового Красного Знамени...

Стал понимать некоторые особенности твоего характера, деловых качеств, толерантности... Не все принимал с одобрением... Удивляла твоя доброта, простая, человеческая, кому-то медикаменты, кого-то положить в госпиталь со стороны, пробьешь инвалидность... Прекрасно льстишь и принимаешь сам, любишь говорить, часто хвастаешься, появляется «Я», желаемое принимаешь за действительное... Но корысти не видел. Потом убедился, делаешь добро человеку... за счет другого или за счет кармана

государства. Например: держишь деда в госпитале три месяца, чтобы сэкономил пенсию на ремонт телевизора. Гуманно? Да! Дед молится на тебя, а два инвалида ждут очереди... Я ругался: «Почему кладешь в госпиталь блатных?» Оправдывался: «Нужные люди...» Кому?! Встречаю Глеба, доволен, был в «Снежинке». Спрашиваю: «Много блатных?» Смеется: «ВСЕ, кроме меня!»

Ты делал добро, особенно последние годы одним, отнимая, по своей доброте, медицинскую помощь у инвалидов войны... По твоей доброте подсобное хозяйство приносит ежегодно более миллиона убытка...

Вспомни всех, кто по доброте твоей получал заработную плату, не бывая в госпитале, почитая тебя... Отдельный разговор...

В 1990 году госпиталь залихорадило, не хватало средств, и я, с твоего благословения, отправляюсь в Германию. Не могу не заметить, что в мое отсутствие ты по доброте своей сделал меня нищим: разрешил взломать и разграбить мастерскую и комнату. Подставили меня...

После создания Фонда помощи инвалидам войны, по совету немцев, в 1992 году пошла гуманитарная помощь потоком в адрес Фонда и госпиталя от германского Общества помощи ветеранам войны в России, созданного с участием доктора Х. Дандерс, в котором я избран заместителем председателя и утвержден германским судом. Госпиталь ожил, ты был на седьмом небе. Только через склад Фонда прошли сотни тонн гуманитарных дарений. Без твоей помощи мне было бы тяжело, и я ценю твое участие.

Помощь стали получать и больницы, дома детей-сирот, инвалиды, ветераны, нуждающиеся люди, узники фашизма... По телевидению, в газетах, радио идет широкая информация о гуманитарной помощи, понимании значения акции, твое заявление о ее жизненном значении для госпиталя. В Германию идет добрая сотня твоих благодарственных писем, Фонду, мне, награда губернатора, письма Думы... Твое участие придавало силы, я был откровенен в своих чувствах и убеждениях, когда просил у народа кусок хлеба для госпиталя, по телевидению рассказывал о голодных обмороках врачей и медицинских сестер в госпитале, обвинял правительство области в политике геноцида старых солдат, я не мог пойти на сделку с совестью, и ты одобрял мои выступления.

...ТЫ — вице-премьер правительства... Прошу, умоляю... не лезь, откажись... Твой аргумент: уговорили, слово дал. Через год наседаю: брось... уйди... госпиталь разваливается. Вижу! Убеждаешь, до выборов

нового губернатора уйти не можешь. Разъясняешь... Росселя не изберут, будет новое правительство и... уйдешь. Вопрос, а если изберут? ...Россель прославился забастовками, голодовками врачей, учителей... — не изберут! Избрали.

Рассказывал мне, что тебя в правительстве зовут затычкой! Не с радостью рассказывал.

Предпоследняя наша встреча: вице-премьер в 6 часов утра настаивает и заезжает за мной, чтобы отвезти на вокзал. Там напутствует: береги себя...

Узнаю, под большим секретом от меня, срочно готовишься выбросить Фонд и меня из госпиталя. Звоню: не смей, не делай глупостей... Послушал, стал ждать.

Встречаемся: вижу твою растерянность, слушаю болтовню об инвентаризации, таможне... Молчу. До встречи я уже многое знал... но не мог поверить, что сделаешь. Ждал, скажешь: надо поговорить! Был необыкновенно любезен с Ханнелоре, но тебе было не по себе... Волновался, много говорил... приветствовал, что Ханнелоре будет раздавать подарки, как всегда, ветеранам... Она пошла на склад Фонда, где ее встретили незнакомые люди холодно, через зубы кое-кто поздоровался, молчали. Не увидев Валентины Семеновны, она в недоумении ушла со склада. У Валентины Семеновны к этому времени уже были отобраны ключи от склада.

При выезде из госпиталя меня останавливают и... обыскивают!... Ханнелора показывает свою сумочку, показывает всю мелочь в багажнике, показывает салон машины... Бросаюсь на молодого парня, тот бледный: «Меня заставили, я не виноват...» ОБЫСК! ИНОСТРАНКИ! В моем госпитале, моем доме! Я к тебе, не успел объяснить, перебиваешь — это «мусор»! Что, «мусоров» не знаешь... и заговорил о другом.

В субботу или воскресенье, не помню, встречаешь нас у входа в здание правительства, в кабинете вице-преьера активно навязываешь разговор и уклоняешься от вопросов Ханнелоре о ее проблемах подготовки встреч с ветеранами. Провожаешь нас вниз, где ждет правительственная машина для поездки в Невьянск осмотреть Демидовскую башню, музей... Вас там ждут! Нас там ждали... Ханнелоре была в хорошем настроении. Я подумал, все будет нормально.

Утром, в понедельник, открываю дверь твоего кабинета, навстречу милиционер. Видишь, спрашиваешь ты, — иди на склад, работай.

Захожу на склад своего Фонда, милиционер просит: «Посторонним освободить помещение...» Разъясняю, показываю твою записку ему... Но меня не послушали и силой поволокли к двери, упираюсь... хватаюсь за решетку дверей, Валентина Семеновна со слезами защищает меня... Во рту сухо... шум в голове... в висках стучит... сваливаюсь, вижу врачей, молчат... сознание моментами возвращается... Через дверь, за толпой людей мелькнуло лицо твоего психиатра, и понял... Ты рассчитывал, что я взорвусь, потеряю контроль над собой — П Р О В О К А Ц И Я! У меня не было сил даже на возмущение, и это спасло меня, остался жив...

Часа через три стал приходить в себя... Появляются два парня и по команде милиционера: «Берем!» — скручивают, от боли снова в забытьи, но старался не закричать, не завывать... Лежу на полу в коридоре подвала, никого нет, рядом плачет Валентина Семеновна. Появляется сын с внуком, благодарю бога, что опоздали... ты в скверном настроении умотал в правительство.

Утром, весь в кровоподтеках, добрался в травматологический пункт, а после наблюдал в отделе милиции, как в течение месяца там разыгрывался спектакль, обычный для сегодняшней милиции...

Врач расправился с инвалидом войны, которого временами боготворил, чудом не отнял у него жизнь.

Сколько лет восхищался, как нам с тобой повезло, что у нас есть Валя Четверикова, честная, добросовестная... редкий человек, на которого можно положиться. Встречая ее в коридорах госпиталя, публично целовал... приходил на склад Фонда, рассказывал, жаловался на нищету людей, горе, ужас в больницах периферии... По твоей просьбе она ночами подбирала одежду, обувь, халаты, постельное белье, паковала, а утром ты забирал. Когда она заболела, навещал в палате и рассказывал мне о ее здоровье, по твоим словам, весьма неважном. Платишь госпитальную зарплату, как какому-то методисту. Я оправдывал эту зарплату.

После всего пытаешься как-то запачкать ее: обыскиваешь склад, удивляюсь, почему при обыске и изъятии имущества Фонда не нашли... ни наркотиков, ни гранат... а деньги пора вернуть мне лично, самому. И... увольняешь Валю за... прогул. Не встретился, не поговорил... и уходит она из госпиталя в кровоподтеках и слезах.

О прогуле Валентины. Когда у тебя появился новый заместитель, бывший главный врач обкомовской больницы, после освобождения из лагеря, я к тебе с вопросом: «На какой хрен тебе этот наркоман, алкоголик...»

Ты жаловался — заставили принять! Позднее появился еще заместитель в «Снежинке», не помню фамилии — по неделе в запое, не просыхал. Я к тебе... оправдываешься — не знал я! Проглядел, жаль его! А сколько их в госпитале, алкоголиков, жуликов...

Можно часами смотреть и слушать, с каким воодушевлением ты рассказываешь на митингах, собраниях, различных встречах о нашей дружбе: обнимаешь, целуешь фрау Х. Дандерс, члена правления германского Общества помощи ветеранам войны в России, гордишься этой женщиной высочайшей гуманности и доброго сердца. Был счастлив дружбой с этим человеком, не было случая, чтобы ты не поздравлял ее по любому случаю... Она тебе платила тем же. В Германии из ее уст часто звучали твое имя и рассказы о госпитале, о ветеранах... Сколько радости дарила она ветеранам, общаясь с ними в госпитале, его сотрудниками, больными людьми, везде, с кем встречалась. В домах детей-сирот устраивала праздники детям, игры, угощения.

В Германии Ханнелоре — активный участник международных симпозиумов, конференций, встреч... Она поддерживает, пропагандирует и проводит идеи мира, гуманизма, работает по оказанию помощи жертвам фашизма.

Сегодня ты проводил Ханнелоре с объятиями в Невьянск, а следующие три дня она лежит с сильнейшим нервным потрясением: без слов, без пищи... Она по своей природной сущности не могла понять, что произошло... Почему не встретился с ней... Наивная душа...

На ее вопросы ты откликнулся письмом: «Госпожа Дандерс! Я сожалею, что получал от ВАС гуманитарную помощь... сожалею, что наши взаимоотношения, как прежде, складываться не будут».

Вот так, не хочет вице-премьер для себя помощи...

Гуманитарную помощь получали госпиталь, инвалиды и ветераны войны, больницы, дома детей-сирот, структурные организации ветеранов и нуждающиеся люди. Десятки тысяч ветеранов получали серьезную помощь медикаментами... Говоришь: «Правительство области, ближе к концу года, от обещанных средств госпиталю на медикаменты дало... 8% с небольшим...» «Сотрудники госпиталя констатируют: самые важные и дефицитные, дорогие медикаменты сердечно-сосудистые на 95% получаем от немцев...»

Ты врач, премьер-министр, лишил ветеранов войны, госпиталь, больницы, дома детей-сирот, больных, другие категории людей, медикаментов,

предметов санитарии, инвалидных колясок, постельного белья, медтехники, одежды, обуви, игрушек, продуктов питания, не говоря о таких «мелочах», как слуховые аппараты, очки, шампунь, мыло и т.д. Отнял у стариков здоровье, у детей — частицу детства...

После всего случившегося немцы попросили меня официально, как заместителя председателя Общества, обговорить с правительством области условия дальнейшей совместной организации гуманитарной помощи ветеранам войны... Правительство уперло меня в тебя... И вице-премьер правительства, врач, отказался от встречи без объяснения причин!

Позднее в госпитале валокордин был верхом дефицита... и из Германии ушел железнодорожный контейнер с медикаментами в госпиталь, оплатила стоимость перевозки кузина доктора И. Зюсса из своей пенсии. Ты ранее посылал ей письма благодарности. Между прочим, незадолго, как выбросить Фонд и разграбить его, просил меня не отгружать ничего, пока не оплатишь ранние услуги перевозки...

Общество не имеет средств на оплату перевозки и два контейнера с медикаментами отправило инвалидам в другие регионы, где, как ты, на здоровье инвалидов не играют в политику. Боль моя была беспредельна. Что ты делаешь?!

Будучи в Думе, в комитете социальной защиты, с твоего молчаливого согласия разваливалась в области структура организации медицинской помощи ветеранам войны: ликвидировали филиалы госпиталя, отделения и койки в больницах области, а ты, будучи вице-премьером, не реанимировал разрушенную структуру. В России нет более трагического положения ветеранов войны с медицинским обслуживанием, как в Свердловской области. Уйдя во власть, ты развалил госпиталь ветеранов войн, единственный в области, где старики раскошеливаются на медицинские услуги... Слова врача госпиталя: «Такого бардака, как у нас в госпитале, найти невозможно».

Пишешь в газете, что когда нет денег — ничего не выполняется. «Мы переживаем вместе с ветеранами, но время такое. Нас спасает то, что наши люди воспитанные, и когда с ними говоришь, рассказываешь всю правду, они понимают так, как надо». Приучаешь ветеранов к бедам, страданиям, терпению, уверенный, что ветераны не привыкли требовать, бороться за свои права, а надеются на твою милость, слушая сказки твои...

В другой газете пишешь: «Наши беды можно перечислять долго: хронически и катастрофически не хватает лекарств... В том, что мы как-то выходим из положения, заслуга президента Фонда помощи инвалидам войны В. Максимова». Писал в июне 1996 года.

Ты был человеком, врачом, которого ценили ветераны, но старая мудрость гласит: «Хочешь узнать человека, дай ему власть». Ты получил ее, а чем помог людям? Добавил страданий! Удерживаешь за собой госпиталь не в интересах ветеранов войны. Это особый разговор.

Читаю в газете, что ты превратился из врача в чиновника... От себя добавлю — и в политическую проститутку... Разглядели тебя: «академика»-лжеца, «участника боевых действий»... и город плюнул в твое лицо, кандидата в мэры Екатеринбурга.

Врач, государственный чиновник содействует созданию невозможных условий для жизни человека.

Ты должен предстать перед судом.

Виновато правительство области, допустившее развал медицинской помощи ветеранам войны, инвалидам в городах и районах области. Играя на гуманных чувствах губернатора, ты добился расширения перечня лиц с правом госпитализации (да простят меня люди!), в результате ограничил возможности инвалидов войны на лечение в госпитале.

Физическое насилие над инвалидом войны, разрушение Фонда помощи инвалидов войны и его разграбление с последующими действиями и результатами имеет единственную причину — ПОЛИТИЧЕСКУЮ!

Это расправа за мои выступления в средствах массовой информации с критикой, обвинениями правительства в бедственном положении инвалидов и ветеранов войны в Свердловской области с получением медицинской помощи. Это расправа за голос в защиту прав человека.

Мои обращения в суд, губернатору, правительству результатов не дали. Кругом молчание...

Ты оправдываешься — меня подставили! Не могу сказать, кто тебя подставил! Не скажешь и ты сам... Предательством ты утратил моральное право быть рядом с теми, кого предал... кому посвятил жизнь...

Оставь госпиталь, оставь двурушничество, не крутись, не лги... Другие дадут госпиталю новую жизнь, помощь ветеранам войны.

Я отдаю право судить о том, что произошло, людям, кто может свободно говорить, честно оценивать и бороться во имя справедливости и

защиты прав человека, на суд журналистов и правозащитных организаций в России и за рубежом.

Ветераны войны Свердловской области нуждаются в защите и помощи!

20.02.2001 год.

P.S. После предательства Семена прошли годы. Хочется посмотреть назад и подумать, во что же обернулся поступок врача для ветеранов и жертв войны ему самому?

Врач разгромил Фонд помощи инвалидам войны, у истоков которого сам стоял. Лишил права на получение медикаментов госпитали ветеранов войны не только Свердловской области. Взамен, хочется верить, что это простое совпадение, как я прочитал в газете, Семен Спектор получил звание профессора Академии безопасности и правопорядка. Не за операцию ли по ликвидации Фонда?

**Свердловский областной клинический психоневрологический
Госпиталь для ветеранов войн**

Россия, 620905, г. Екатеринбург,
ул. Соболева, 25, тел./факс (3432)23-65-85
При ответе ссылаться на наш номер и дату

27 мая 1999 г. №855

Госпожа Ханнелоре Дандерс!

Отвечаю на поставленные Вами вопросы:

1. Я, как руководитель учреждения, не располагаю данными, подтверждающими факт нанесения телесных повреждений и физического воздействия на Президента Фонда помощи ветеранам войны Максимова В.С.

2. Имущество госпиталя, полученное в дар от Общества помощи инвалидам войны в России из Германии, по моему приказу было инвентаризировано специально созданной комиссией и передано на центральный склад госпиталя.

3. В нарушение существующих правил учета в нашей стране (России), проявляя к Вам, представителю дружественного государства, уважение и гостеприимство, а также учитывая то, что Вы лично прибыли к нам, я обратился с просьбой к председателю и членам инвентаризационной комиссии, чтобы, в порядке особого исключения, предоставили Вам

возможность произвести дарение с благотворительной целью учреждениям, которые Вы сами определили. Я искренне благодарен членам инвентаризационной комиссии, что они ответили любезностью на мою просьбу.

4. По вопросу обыска машины господина Максимова В.С. проводится служебное расследование. По предварительным данным, действий, квалифицированных как обыск, со стороны вахтера не было ни по отношению к Вам, ни по отношению к господину Максимову.

5. Ни в одном из действий членов инвентаризационной комиссии элементов унижения и оскорбления госпожи Четвериковой В.С. не было. С ее стороны было допущено грубое нарушение производственной дисциплины и бестактное отношение к коллегам по работе. Ею также совершен длительный прогул, т.е. отсутствие на работе без уважительной причины.

6. Мы признавали и признаем вклад Германского Общества помощи инвалидам войны в России и Фонда помощи инвалидам, возглавляемого господином Максимовым. Свидетельством нашей признательности являются благодарности ветеранов войн, сотрудников госпиталя, Губернатора и Правительства Свердловской области. Мы также благодарны Вам за инициативу приглашения наших сотрудников.

7. Ваше официальное письмо, датированное 22.05.99 г. напоминает мне о том, что Вы направляли к нам 39 железнодорожных 20-тонных контейнеров и 19 грузовиков с гуманитарным грузом, а также перечисление того, что там было, вызывает у меня чувство сожаления, что я это получал.

Сожаление потому, что мне кажется, что и Вы грустите, что так много сделали для нас. Сожаление потому, что наши взаимоотношения в дальнейшем, как прежде, складываться не будут. Сожаление потому, что Вы, именно Вы, не осознали, что произошло (выделено мной. Автор).

8. Мои чувства к председателю Германского Общества помощи инвалидам войны в России доктору И. Зюссу остаются кристально чистыми и искренними. Я сожалею о том, что не имею возможности приехать в Дрезден и, глядя ему в глаза, высказать все, что произошло. Буду считать себя счастливым, если он найдет возможным приехать в Россию для личной встречи со мной.

С.И. Спектор

ЧЕЛЯБИНСК. ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

Приближается юбилейная дата — 60-летие окончания Второй мировой войны. Важное событие в жизни и судьбе ветеранов. Этот факт сам по себе удивляет старых солдат — прожить столько лет, о чем даже и во сне мечтать не могли. Как пройден послевоенный путь, как он прожит, вопрос в первый момент не возникает — прожит, ну и прожит, вроде так получилось, так надо, судьба такая. И только потом, после первого удивления начинаешь разматывать клубок пройденного пути, он разматывается медленно, потому что сильно запутан, с остановками, год за годом, с тяжелыми мыслями, а то и с болью в сердце. И чем ближе конец этого жизненного пути, тем больше старых солдат заботит настоящее время и мало чем радует.

Предлагаю правлению Общества по случаю 60-летия окончания войны организовать поездку в Россию делегации немецких ветеранов Второй мировой войны для встречи с российскими ветеранами и общественностью тех регионов, где получают немецкую гуманитарную помощь. Делегацию готовы принять в Челябинской и Свердловской областях. Финансовую поддержку Общество может получить от фонда «Воспоминание, ответственность и будущее» (г. Берлин).

19 апреля 2005 года делегация в составе ветеранов войны Хельмута Петерайнца, Зигфрида Бурмайстера, полковника в отставке Уве Лааша, доктора Михаэля фон Берга, доктора Ханнелоре Дандерс, члена правления Общества Уте Брендель прибыли в Челябинск и разместились в палатах областного госпиталя для ветеранов войны. Получалось так, что на функциональных кроватях, полученных госпиталем по линии гуманитарной помощи от германского Общества, спали российские ветераны, а теперь предстоит спать немецким ветеранам. Символично! Думается, подобная ситуация говорит о многом в истории солдатских судеб.

Это уже второй визит немецкой делегации, которую принимает коллектив госпиталя. Надо было видеть, с какими добрыми чувствами они встречали немцев, как старых и желанных друзей. На вопрос о бывших гостях госпиталя, узнав от Ханнелоре о кончине профессора Рольфа Леманна, сотрудники госпиталя выразили соболезнование членам Общества и родственникам Рольфа Леманна.

Госпиталь последние годы был постоянно связан с Обществом тесным, деловым сотрудничеством, пациенты получали медикаменты,

медицинскую технику, предметы санитарии, постельные принадлежности... Какими словами можно передать впечатления, оставшиеся у медицинского персонала и ветеранов, после личного общения с немцами из первой делегации в 2001 году, когда в госпитале впервые за послевоенную историю диалога между нашими странами прошла конференция российских и немецких ветеранов войны. В стенах Челябинского госпиталя родилось обращение к мировой общественности «XXI век — век без оружия и войн».

На следующий день начальник госпиталя Дмитрий Александрович Альтман знакомит гостей с медицинским персоналом, организацией и условиями лечения пациентов. Особым событием явилось посещение палат, личные беседы. Удивляло откровение ветеранов в оценке событий прошлой войны и ее последствий для судьбы ветеранов, судьбы народов Германии и России. Едиными были мысли и чувства о войне и мире...

Раскрывались души и сердца у старых солдат, спокойно и трезво оценивали они события прошлой войны и настоящей обстановки в мире, не скрывали тревог за будущее народов мира. Я видел, понимал — вышел из наших стариков дух ура-патриотизма! Понимают старые солдаты, какой ценой заплатил народ за Победу.

Вечером делегация побывала в Челябинском театре оперы и балета, где посмотрела балет «Ромео и Джульетта».

Значительным событием для делегации было посещение Челябинской академии культуры и искусства. Врач госпиталя и одновременно художник Василий Шмуратко, выставки его работ успешно проходили в Германии, к посещению делегации города, совместно с администрацией академии, подготовил выставку немецких художников, участников Второй мировой войны: Христиана Модерсона, профессора Ганса Мрачински и акварели профессора Адольфа Бёлиха.

При участии ветеранов войны, представителей общественности города, преподавателей и студентов ректор академии профессор Владимир Яковлевич Рушанин торжественно открыл выставку и сказал о роли искусства в достижении взаимопонимания и дружбы между народами. Студенты и преподаватели академии в честь гостей дали большую концертную программу.

Активным было общение с молодежью. Поисковая группа передала жетон немецкого солдата, погибшего в войне и обнаруженного ребятами

при раскопках захоронений в местах боев. Жетон был передан в службу военного архива Германии, чтобы найти имя этого солдата.

Немцы посещали и челябинскую школу, где организован кадетский класс. Наставником у этих ребят является наш ветеран, полковник в отставке Михаил Семенович Гавриленко. Спрашиваю Михаил Семеновича: «Как ребята?» Улыбается:

— Хорошие! Ремня с собой не ношу, а конфеток не забываю...

За обедом делились своими мыслями о прошлом, настоящем времени и заглядывали в будущее, каким оно видится и представляется старшему и молодому поколению. Ветераны рассказали о прошлой войне, говорили о необходимости недопущения войн и подарили молодежи текст принятого ими обращения «XXI век — век без оружия и войн». Впечатление у ребят было сильное от встречи с ветеранами, бывшими врагами.

Делегация посетила Челябинский областной Немецкий культурный центр, расположенный в здании католической церкви, на месте которой в годы Великой Отечественной войны располагался лагерь трудармейцев. От голода, холода и непосильного труда в те годы только за шлакоотвалами коксохимического производства было захоронено в общей могиле около 27 тысяч российских немцев. Возле церкви установлен памятник погибшим, представляющий собой статую Христа, увенчанного терновым венком и опутанного колючей проволокой. Гости из Германии поставили свечи и возложили цветы к памятнику в память о жертвах, погибших в годы войны.

В тот же день вечером председатель Немецкого культурного центра Александр Нахтигаль пригласил делегацию ветеранов войны на концерт органной музыки в концертный зал.

Члены делегации выезжали в другие города области, встречались с ветеранами, общественностью, студентами, и везде разговоры при встречах были откровенными, свободными, часто оборачивались и спорами, но всюду были доброжелательными, искренними и, как казалось всем, после встречи оставался в сердцах людей добрый след.

Кульминационным моментом этих дней явилась официальная встреча российских ветеранов с членами немецкой делегации, подготовленная Челябинским городским Советом ветеранов при поддержке правительства области и Челябинским областным Немецким культурным центром. На встречу были приглашены представители общественных, благотворительных организаций и молодежь.

Прозвучал и статус встречи — конференция!

С официальными докладами выступили с российской стороны — ветеран Леонид Устинович Чернышев, с германской — полковник в отставке Уве Лааш. Докладчики как бы подвели итоги последних лет совместной гуманитарной акции германским Обществом помощи ветеранам войны в России госпиталю ветеранов войны в Челябинске. Они особенно подчеркнули значимость личных встреч ветеранов в России и Германии, что способствует развитию и укреплению дружеских контактов граждан двух стран и призывали всех бороться за мир во всем мире.

В прениях звучало слово ветеранов. Заметил: ветераны, выступая, не колотили в свою грудь: «Мы... мы...», а рассуждали, говорили о необходимости заботиться о будущем людей, о мирной жизни, призывая молодежь к дружбе людей, особенно между Россией и Германией, ссылаясь на пример дружбы ветеранов германского Общества и ветеранов Урала. Просто с человеческих позиций признавали и высоко оценивали гуманитарную акцию помощи немцев госпиталю. Не могли обойти и свои тревоги за дальнейшую судьбу народов.

Говорили о прошлой конференции ветеранов войны, на которой было принято обращение к мировой общественности «XXI век — век без оружия и войн». На конференции прозвучал в последний раз и голос Таисьи Тихоплав, ветерана войны, выступившей на прошлой конференции ветеранов войны России и Германии с призывом не только к нашей дружбе, но и к борьбе против войн и насилия над людьми во всем мире.

Могу сказать в память о дорогой нашей Таисье. Мы, старые солдаты, в меру своих сил и возможностей стараемся реализовать твои призывы к борьбе за мирную жизнь. И пока мы живы, твои призывы будут звучать в нашем голосе, мы постараемся передать их в будущее.

В КЫШТЫМ ЗА ПРОШЛЫМ

24 апреля после завтрака в госпитале ветеранов войны члены делегации, поблагодарив медперсонал за прием, отправились в Свердловскую область, в Черноусовский детский дом детей-сирот.

Было еще и одно обстоятельство, которое требовало нашего скорейшего отъезда. Интересна судьба члена делегации д-ра Михаэля фон Берга. Его дед во второй половине позапрошлого века в городе Кыштыме был управляющим горного округа и за свою деятельность был удостоен

грамоты российского императора Николая II. Революция разметала семью деда, а сам дед после революции уже Советской властью был назначен управляющим Уральского горного округа в Екатеринбурге. Позднейшая судьба его оказалась неизвестной. Бабушка Михаэля с дочерью оказались в Германии, где ее дочь позднее вышла замуж за немца. Так началась жизнь Михаэля. Бабушка и мама окрестили его, и сами всю жизнь исповедовали православную веру, приобщая к ней внука и сына.

По пути в детский дом было решено немного отклониться с пути и заехать в Кыштым, по просьбе доктора Михаэля фон Берга, тем более, что председатель Немецкого культурного центра Александр Нахтигаль предварительно связался с собственным корреспондентом газеты «Челябинский рабочий» Виктором Рискиным и просил его выяснить, имеются ли какие-либо материалы в архивах о дедушке Михаэля. Ответ был — есть!

И вот мы сидим в музее и видим в дрожащих руках Михаэля пожелтевшие листки того времени, оригиналы, на которых информация, касающаяся жизни и работы его деда в Кыштыме век тому назад. Заметил: на одном из листов перечислялось, сколько казна Кыштымского горного округа отпускает своему управляющему денег на то, на другое жительство, в том числе на извозчика. И не только в рублях, но и копейках.

В центре города — огромная церковь. Михаэль сосредоточенно молится, поклонившись крестится по-православному. Встает на колени перед иконами, ставит свечи. Общается со священником... Незаметно делаю фотоснимки, стараясь не привлекать их внимание...

Выходим из церкви. Михаэль сосредоточенно молчит и через некоторое время рассказывает:

— Здесь, в этом храме, крестили моих деда и бабушку, здесь они венчались, а потом крестили мою маму. Я родился в Германии, но чувствую, корни мои здесь, на этой земле, в России. Это чувство, пожалуй, выше того чувства, где родился. Вот сейчас могу сказать о том, что снова обрел себя, по-новому. Благодарю Бога, благодарю судьбу, что дали мне возможность посетить и поклониться моей земле, народу, из которого вышли мой дед, бабушка, мама. Сейчас понимаю, как мне всю жизнь не хватало этого, хотя я и немец, но мои корни, моя кровь отсюда. Спасибо всем, спасибо тебе, Виктор, тем, кого я видел в храме. Ваши старые солдаты, ветераны в чем-то напоминают мне моего деда, как русского человека, конечно, другого времени, но я почувствовал их роль в жизни

людей, значение своей миссии в спасении народов Европы. Я многое познал в эти дни, и это поможет легче прожить оставшееся время после посещения России, о чем я мечтал последние годы. Я живу встречами со старыми ветеранами, с моим прошлым, хотя вижу и понимаю, как нелегко сейчас народу... Дай мне прийти в себя.

В одном месте дорога проходила через березовый лес, редкий для глаз, кругом одни березы, и Уве Лааш попросил остановиться: вышел из автобуса и углубился в березняк, к березам с длинными тонкими ветвями, опускающимися вниз в ожидании начала весны. Мы тоже вышли из автобуса и радовались природе, нашему российскоу символу — березке. Мне пришло тогда на память, как граф Игнатьев в книге «50 лет в строю», будучи во Франции, в тяжелые минуты испытаний вспоминал русскую березу...

ВНОВЬ НАШЕ ЧЕРНОУСОВО

В детском доме нас ждали: в одном из классов школы скромно накрыт стол. Сидим за столом и пьем чай из самовара: пироги с капустой, картошкой, еще с чем-то сладким. Атмосфера встречи, общения — лучше и не пожелаешь: немцев коллектив детского дома принимал, как старых друзей, радостно, сердечно, у всех на лицах улыбки до ушей. Слова благодарности сотрудников искренни, а дети, уже зная о приезде бабушки Ханнелоре, поджидали внизу, на первом этаже, вместе с Норманом, внуком бабушки Ханнелоре. Норман — студент, заканчивающий университет, высокого роста, стройный, худощавый, с короткой стрижкой темных волос, открытое приятное лицо. Член германского Общества помощи ветеранам войны в России, со школьного возраста самостоятельно собирал гуманитарную помощь для детского дома и утром прилетел из Германии непосредственно в Екатеринбург повстречаться с российскими студентами и посетить детский дом в Черноусово, хорошо для него знакомый по переписке, видеоматериалам.

Вечером мы в столовой, украшенной плакатами, рисунками, выполненными ребятами специально по случаю встречи гостей. На столах — игрушки, поделки собственного изготовления, рисунки, украшения на стенах, на окнах: празднично, красиво, уютно.

Дети подготовили для гостей праздничную концертную программу: читают стихи, поют, танцуют, показывают спортивные пирамиды. Звучит

музыка, гости с детьми танцуют, водят хороводы: мальчики в белых рубашечках, девочки в кофточках, с бантиками, смех, аплодисменты, возгласы восторга, счастливые лица всех: старых, молодых, детей. «Такого еще у нас не бывало», — слышу слова Светланы Сергеевны, завуча школы. А у меня возникают в памяти голодные глаза детей, полураздетых, в старой рваной обуви, в холодных классах, в старых, разваливающихся избах, посередине с деревянными столбами, подпирающими потолок, чтобы не обрушились на ребят, и не могу припомнить, слышал ли в то время детский смех. Позднее, помнится, с какой радостью жадными, горящими глазами мальчишки крутились, сгрудившись вокруг деда Зигфрида и дяди Юргена, накачивающих для них настоящие футбольные мячи, как обомлевшие от счастья, тянули ручонки, стараясь поддержать легкий мотоцикл, когда дядя Юрген снимал его с грузовика — свой подарок ребятишкам, контрабандой доставленный в детский дом.

Или за версту были слышны галдеж и смех детей, когда с ними играла бабушка Ханнелоре. К сожалению, происходил этот праздник для детей только с ее приездом и посещением детского дома, с играми, в которые играют немецкие дети: веселые, азартные, в которых всем надо быть смелыми и ловкими, да плюс к этому и завоевать еще игрушку или сладости, что было в те времена большой редкостью в детском доме.

А сейчас перед моим взором происходит чудо, как в сказке или во сне, на которое смотрю сквозь слезы, слезы моего старческого счастья, радости за детей, за их радость, доброту взрослых людей, своих стариков: взявшись за руки, танцуют под общий восторг присутствующих, стараясь придерживать такта музыки. Вокруг радостные, счастливые лица, восторг, и сердце мое тоже волнуется от происходящего вокруг... А память выжимает безжалостно: видится, как выходят дети из столовой детского дома, толкнутся перед выходом на крыльце, окружают воспитательницу, тянутся к ней ручонками, по-моему, девочки, я четко слышу их голоса с мольбой, стоном:

— Мама! Мама, я есть хочу!

Воспитательница, женщина в годах, прижимала к себе детей и молчала, а на лице ее были слезы... Меня сдавило, охватило чувство ужаса, от которого в первый момент зазнобило, и в глазах все слилось, подернулось каким-то туманом, и я шарахнулся от крыльца...

Мысли не покидали меня, лезли в прошлое, а музыка уже ласкала слух спокойными мелодиями и возвращала к настоящему: гости, мои

дорогие старики, танцуют с учителями, воспитателями детского дома: пары с улыбками смотрят друг на друга, о чем-то разговаривают, впечатление — встретились старые друзья. Гости сидят с ребятами, угощают сладостями, о чем-то разговаривают: взрослые обнимают детей. Настроение у всех приподнятое, праздничное, неудержимо радостное... Представлялось: я не только видел, но и пережил, почувствовал, что виденное мною событие в жизни детского дома, жизни его сотрудников и детей произошло впервые, более чем за 50 лет его существования. По общему мнению сотрудников, это было чудо! Особенно мнение бывшего первого директора — Василия Ивановича, ветерана войны, все годы проживающего в небольшой деревушке рядом с детским домом, окно в окно.

— Такое представить себе не мог бы, — утверждал Василий Иванович, — немецких солдат (побывав ко всему еще и в плену у немцев)! Сажу за одним столом с новыми друзьями и благодарю судьбу за эту встречу.

Вечером, за поздним ужином подняли бокалы за взаимную дружбу россиян и немцев, за помощь детям, за мирную жизнь людей на нашей планете. Ветераны вспоминали ужасы войны с болью в сердцах. Разговор был откровенным.

Вроде бы привык и понимаю обиды наших стариков на немецких друзей за то, что немцы слабоваты на лишнюю стопочку, но оставалось сожаление — все тосты прошли с обеих сторон, желающих выпить побольше и покрепче не оказалось на этот раз. При удобном случае я напоминал немецким друзьям русскую пословицу: «Что русскому здорово, то немцу смерть».

Немцы на это были не совсем согласны, вроде, мы тоже с усами. Но в ГДР получалось все же так, что в компаниях с офицерами нашей армии, дислоцированной в ГДР, когда сидели за рюмкой, то чаще все же под столом оказывались немцы! Признаются в этом искренне.

Но отвлекся немного. За разговорами засиделись допоздна: вспоминали тяжелые времена для детского дома, для россиян после распада Советского Союза, худо ли бедно ли, но дети не были голодны и раздеты. Скромно, но имели все. Часто прорывались слова в адрес гостей: «Если бы не вы! Не ваша помощь...»

В этот же вечер мне рассказали: Норман с мамой Валей приехали в детский дом еще утром, и все время, до приезда делегации, Норман, владеющий русским языком, не расставался с ребятами. Те показывали

ему свинарник, за животными которого ухаживают сами, ходили к реке, прошли по маленькой деревеньке со скромными домиками, в которых проживают учителя и воспитатели, показали грузовики, подаренные детскому дому Обществом. Мальчиков невозможно было оторвать от Нормана. Удивляли его отношение к ребятам, его тяга к ним, умение понимать ребят и сразу найти общий язык, взаимопонимание с мальчиками, открытость своих чувств, искренность.

Позднее Норман с грустью поделился со мной:

— Я не представлял, что у детей, подростков может быть такая сложная судьба без детства, в котором они нуждаются. У них есть детство, но оно определено самой природой жизни и нуждается в дополнительной помощи, которую им должны дать люди, а ее не хватает. Это печально: не могут поиграть в футбол, заниматься спортом с учетом своих желаний, возможностей и развивать их, заниматься на тренажерах. Или когда теплая солнечная погода, мальчик (называет его имя) в одной рубашке бегают в надетых на босые ноги огромных резиновых сапогах, или когда тридцать человек в одной комнате...

Пришлось разъяснить Норману: с одеждой в детском доме проблем нет — сам видел! Благодаря гуманитарной помощи дети одеты. С обувью сложнее — быстро изнашивается, хотя и заграничная. Выход пока один — собирай и отправляй больше. Опыт у тебя есть!

Стыдно было, но все же откровенно признался, власть на одежду и обувь для детей пока еще ничего не давала, даже и рубля. Для школы, на все и вся, на полугодие власть выделила 700 рублей: писали вашими ручками и карандашами на вашей бумаге... Сейчас, вроде, налаживается. О гнилых матрасах и рваном постельном белье, например, говорить было стыдно...

Разговор в тот вечер продолжался до полуночи, и улеглись в постели, приготовленные в помещении классов школы, за полночь.

Утром, после завтрака, весь персонал работников детского дома вместе с ребятами провожал гостей в Екатеринбург на микроавтобусе, специально выделенном администрацией города для обслуживания гостей из Германии.

СТРОИМ МОСТЫ ДАЛЬШЕ

В Екатеринбурге делегацию разместили в гостинице с весьма приличными условиями. Это была первая в послевоенный период официальная

делегация немецких ветеранов, посещающая Екатеринбург. Встречала ее руководитель отдела администрации по связям с общественными организациями и зарубежным связям Майя Иннокентьевна Михайлова: женщина в возрасте, солидная, немного полноватая, подвижная, с открытым лицом в общении, курирующая и работу с ветеранскими советами города. Отец Майи Иннокентьевны и мама были участниками войны, что уже говорило о многом в ее отношении к ветеранам, судьба которых была для нее близка и видна воочию.

Ближе к вечеру члены делегации были гостями городского совета ветеранов войны: в одной из трех комнат помещения Совета накрыты столы, и, естественно, среди тарелок с разнообразными закусками красовались бутылки с водкой и вином, явно предназначенные для женщин: по нашим временам стол достойный — в честь встречи ветеранов. Старые солдаты выглядят празднично, торжественно: у кого сохранилась униформа, или приобретена новая, на груди — ордена, медали, ветеранские знаки, на гражданских костюмах — орденские колодки. Все серьезные, сосредоточенные, присматриваются к немцам, немногословны, прислушиваются к разговорам. Присутствуют и ветераны-бабули, отставники послевоенной службы. Обратил внимание — среди присутствующих ветеранов я никого не помню, кто бы из них участвовал при открытии кладбища немецким солдатам в Екатеринбурге в 2001 году, из отставников признал — были.

Знакомимся: Ханнелоре представляет гостей, членов германского Общества помощи ветеранам войны в России, коротко говорит о личности каждого в отдельности. Дает общую картину работы Общества, помощи госпиталю ветеранов войны в Екатеринбурге, на что от стариков звучат реплики — мы знаем!

С российской стороны делегацию приветствует председатель Совета ветеранов — не ветеран войны, а отставник, подполковник, о котором приходилось слышать, что он обижен на администрацию города, которая не принимает решения о присвоении ему звания почетного гражданина города. Представлял Совет ветеранов человек в штатском, по имени Николай Федорович, по его словам — подполковник в отставке, участник войны в Афганистане, имеющий ранение и, доверительно, активист, член коммунистической партии, продолжающий работать в партии на благо своего народа.

Я бы не сказал, что мои земляки мило улыбались на приветствия немецких ветеранов, кроме председателя Совета: много говорил и шумел

Николай Федорович. Я понимал своих стариков, сам прошел подобное: пожимать руку своему смертельному врагу, сидящему рядом, не просто и через 60 лет после войны, а тот не скрывает удовлетворения от встречи, улыбается, шутит и смотрит на тебя, как на старого знакомого — искренне, радостно и просто, по-человечески. И немцев понимаю: за плечами уже большой пройденный по времени путь, встречи и знакомства, деловые контакты с российскими ветеранами по совместной гуманитарной акции.

Помнится, лет десять назад из Германии прибыла группа киношников, чтобы снять фильм о жизни ветеранов войны в госпитале Екатеринбурга, общаясь со старыми солдатами, инвалидами афганской и уже чеченской войн. Режиссер кинофильма Майка Белих поинтересовалась возможностью познакомиться с городом. Не раздумывая, я предложил Майке ключи от машины и карту города, чтобы самой присмотреться к нему. Майка, немного владея русским языком, смело отправилась в поездки, выкраивая свободные часы. После она рассказывала: чудесные у нас в городе люди. Кого бы она ни беспокоила своими вопросами, представляясь немкой, любезность к ее просьбам была постоянна. Люди старались помочь: показывали, садились в машину и сопровождали к тем объектам, что интересовали ее. Даже высказала удивление, какие любезные в Екатеринбурге милиционеры, как в Германии, если не лучше.

Новые времена, новые взаимоотношения людей.

Так и при встрече в Совете ветеранов: русскоговорящие немцы активны. Хельмут узнает ветерана, с которым встречались за «круглым столом» в Екатеринбурге в 2001 году, оба рады новой встрече. Для Ханнелоре эта встреча — обычное событие: вопросы, ответы, реплики, шутки и восхищения накрытым столом... Расслабляются старые солдаты, появляется огонек в их глазах, дальше — больше, и пошло: Ханнелоре, Хельмут и Уве Лааш заработали, как переводчики и собеседники, зазвучала русская и немецкая речь — вопросы, ответы с обеих сторон, комментарии, и до моего слуха стали доноситься отдельные немецкие слова из уст моих стариков, что остались в памяти со времен войны.

Активность нарастает, как снежный ком, на лицах моих стариков появляются улыбки, зашевелились старики, громче зазвучали голоса, зашумели. Ханнелоре между той и другой стороной, а вопросов все больше и больше, особенно у россиян, появляются и признаки проявления характеров, начинают спорить, упираясь носами, друг другу в лица, и в этих спорах чувствуются нотки доверия друг к другу, чувство взаимопо-

нимания, того, что может быть присуще людям, которые прошли войну и остаются во многом все еще в ее плену. Это чувство — стимул, который по-своему объединяет этих людей, роднит их своей нечеловеческой трагедией, ужасом и бедами, независимо от их национальности, и всем, что присуще человеку, преображенному всем этим.

Обращает на себя внимание поведение Николая Федоровича, пытающегося направить русло беседы о роли присутствующих ветеранов в разгроме фашизма, о патриотизме и победе над нацистской Германией: чувствовалось намерение этого человека придать встрече политический характер, подчеркнуть и выделить, разделить функции российских и немецких ветеранов в прошлой войне...

— А ну! Слушай мою команду, — прозвучал женский голос. — Все к столу. Дорогие гости, рассаживайся!

Команда была дана женщиной из ветеранов, актива комитета.

Рассаживались шумно, в прекрасном настроении и, как я заметил, уже вперемешку, кто с кем, поддерживая друг друга за локоть, похлопывая по плечу, приглашали на место.

Под общий шум начинаю разливать по рюмкам водку с намерением предложить поднять свои фронтовые сто граммов в память о тех, кого нет с нами за столом, за тех солдат, погибших на войне. Едва успел собраться с мыслями, неожиданно Николай Федорович, стоя с рюмкой в руке, произносит:

— Прошу поднять бокалы и выпить за нашего уважаемого председателя.

Я обомлел, стоя с рюмкой в руке, через мгновение ставлю ее на стол и демонстративно сажусь, откинувшись на спинку стула: вижу на себе вопросительные взгляды Уве, Ханнелоре. Не все и не вдруг прикоснулись к рюмкам, еле сдерживаясь от гнева, смотрю, как председатель, расплываясь в улыбке, с благодарностью раскланивается перед присутствующими. Сижусь и, не успев расслабиться, снова слышу торопливый голос, предлагающий поднять тост за заместителей председателя...

В висках застучало, ничего не замечая вокруг, поднимаюсь. Вокруг тишина, ощущаю, как люди с осторожностью прикасаются к закуске, сжимаюсь, собираюсь с силами, встаю и медленно начинаю доливать рюмки с водкой сидящих за столом, кроме рюмок Николая Федоровича и председателя, все наблюдают за моими действиями. Беру рюмку и твердо, четким голосом, неторопливо говорю:

— Дорогие друзья! По традиции и велению сердец, по своему долгу перед людьми и Богом давайте выпьем свои фронтовые за память тех, кого нет за этим столом с нами, кто остался на войне навсегда, за память всех жертв войны.

Все стоя выпили, стали закусывать. Мне показалось, что после этого все облегченно вздохнули, такое чувство пришло ко мне: расслабились, освободились от напряжения, вернулись к прежнему состоянию и, налегая на закуску, заговорили — все пошло своим чередом.

Трудно сейчас полностью восстановить и определить темы разговора — говорили просто, без громких слов и резких выражений, говорили о жите-быте, как и должно, как и бывает между людьми: каждого волновало и интересовало что-то свое, тем более людей, связанных с прошлым одной веревочкой. Так возникали предложения выпить за здоровье друг друга, за дружбу, за мир, в меру возможностей каждого, что позволяет возраст и здоровье: немного говорилось о будущем, тревогах и возмещении политикой войн, возникающих в мире... Незаметно компания за столом стала распадаться на малые группы, на пары: сидели, стояли, вели разговоры между собой, часто обращались за помощью к Ханнелоре, Уве. Меня радовало, когда я слышал голос старых моих солдат, просил:

— Хельмут! Что говорит Зигфрид? Помоги!

Хельмут не только переводил Зигфрида, но и сам вливался в разговор и обычно надолго.

Значительный, открытый интерес к немцам был виден и со стороны офицеров послевоенного времени, отставников, не участников прошлой войны: некоторые прошли через Афганистан. С их стороны проявлялись естественный интерес, чувство достоинства и уважения к немецкой делегации. В центре внимания для них находился Уве, в совершенстве говорящий по-русски, что позволяло касаться детально проблем послевоенного времени: состояния армий, внешней политики властей различных государств, региональных войн, конфликтов, НАТО, Евросоюза... были разногласия в мнениях, о деталях судить не могу, в разговорах не участвовал, слишком серьезных вопросов касались их разговоры. Судьбы этих людей во многом в чем-то были схожи: война не бывает бесследна в судьбах людей, которых она коснулась, прошла через судьбы своих жертв.

Расставались поздно. Встреча старых солдат казалась обычной: быть свидетелем и участником превращения, становления друзей, становления

дружбы особого характера, которая может быть у фронтовиков и через полвека спустя, как следствие, — породнить их. Породнить своим ужасом, противоречащим человечности, ее кровью.

Так и сейчас, расставались с особым чувством взаимопонимания, доверия и признательности судьбе за эту встречу, которую подарила она в конце жизни, сняла, облегчила ношу, что оставалась после войны все эти годы, и у многих выпустила угар победы, которой власть накачивала щедро и души, и сердца ветеранов.

На встрече ветеранов, как говорят, в узком кругу, отсутствовали ветераны из областного комитета ветеранов войны, как не было их и на открытии кладбища немецким солдатам в Екатеринбурге, хотя о предстоящем сообщалось в средствах массовой информации.

Меня ни тогда, ни сейчас не удивило это по простой причине — высшей власти области эти события были и остаются нежелательными, а среди ветеранов есть и находятся участники войны, которые служат власти, предавая интересы старых солдат, жируя у материальной и политической кормушки власти. Об этом разговор еще впереди: неприятный, противный, но нужный.

В последующие дни, а это происходило уже в преддверии Дня Победы, немецкая делегация, вместе с нашими ветеранами и жертвами войны посетила центральное кладбище места захоронения российских солдат, умерших после ранений во время войны в госпиталях Екатеринбурга, и немецких солдат, умерших в лагерях военнопленных: волею судьбы кладбища оказались в двухстах метрах друг от друга. Вместе с российскими ветеранами немецкая делегация возложила венки и цветы на захоронения бывших участников войны с обеих сторон. Зажгли и поставили поминальные свечи.

Через 60 лет бывшие враги вместе преклонили колени перед памятью всех погибших...

Прошли встречи делегации с ветеранами структурных общественных организаций, например, активистами Красного Креста. В Первоуральске гости были приняты в теплой, дружественной обстановке ветеранами этого города. За чашкой чая с вареньем из уральской земляники одобрили и благодарили судьбу за эту встречу, за возможность сказать о своих чувствах, о пережитом прошлом: вспоминали войну и, как всегда в этих случаях, думали, размышляли о будущем наших народов, как уберечь мир от войн. После посетили памятник, исторический знак на

условной границе, разделяющей Европу и Азию, определенной чуть ли не три столетия тому назад.

Делегация имела возможность ознакомиться с Екатеринбургом, его историей, историческими местами, памятниками, на улицах которого проходили многочисленные встречи с жителями города. Посетили храм на Крови, возведенный на месте, где стоял дом, в котором была расстреляна летом 1918 года семья российского императора Николая II. В академическом театре оперы и балета смотрели балет.

В актовом зале политехнического колледжа проведена совместная конференция ветеранов войны с участием тружеников тыла времен войны, членов семей погибших воинов прошлой войны, жертв войны, представителей общественности и молодежных, студенческих организаций, администрации города, правозащитных организаций.

Конференцию открыл опять же Николай Федорович Измestьев и от имени совета ветеранов города приветствовал немецкую делегацию, которую принимают, как друзей. Прозвучали фразы о намерении развивать и укреплять связи между российскими и немецкими ветеранами, крепить дружбу между нашими народами — все, как мне казалось, в общих чертах, казенных фразах — против войны и за мир между народами всех стран. Не было в его словах и мыслях души, что-то сдерживало его, уж очень все выглядело стандартно. Предоставляет слово для доклада члену делегации, полковнику в отставке Уве Лаашу.

Уве Лааш благодарит за теплый прием делегации из Германии и выражает чувство почтения памяти жертв войны в борьбе против фашизма. Отмечает основную роль и значение Красной Армии и народов бывшего Советского Союза в разгроме фашизма, сожалеет, что надежды народов Европы после войны на мирную жизнь без войн не осуществились: войны в Югославии, Афганистане, Чечне... По профессии военный, Уве Лааш высказывает тревогу о действенности и эффективности оружия, особенно ядерного, и сегодня не покидает волнение за дальнейшее производство оружия, милитаризацию стран, в том числе и России. Он выступает принципиально против применения оружия в любых конфликтах, как внешних, так и внутренних.

Он считает, что нельзя забывать о миллионах жертв, погибших в прошлой войне, и необходимо поднимать голос народа против гонки вооружения, его производства, против войн и насилия. К этому призывают

российские и немецкие ветераны прошлой войны в своем обращении к народам мира «XXI век — век без оружия и войн».

После встречи с ветеранами в городском Совете старики удивились: как все разумно говорит, не верится, что это немец, да еще полковник и, главное, полностью соглашались с мыслями немца и одобрили не только встречу, но и содержание доклада.

Не обошлось и без критики в адрес Совета ветеранов за организацию конференции, в том смысле, что отсутствовали доклады с нашей позицией. Но общее мнение складывалось одно — такие встречи надо обязательно продолжать. Надо встречать и крепить дружбу русских и немцев.

О работе германского Общества помощи ветеранам войны в России говорит доктор Ханнелоре Дандерс: «В самое сложное и тяжелое время для России Общество помогало госпиталям ветеранов войны, домам детей-сирот, медицинским учреждениям». Рассказывает о личных контактах ветеранов с обеих сторон, о примирении, об укреплении дружбы народов наших стран и совместном движении против войн, за мирную жизнь людей и о намерении ветеранов передать свою эстафету в защиту мира современникам, молодежи.

Дискуссия набирает обороты: в унисон звучат мысли и чувства выступающих — взаимопонимание, развитие и укрепление связей между нашими народами, вместе идти по пути к добру и счастью.

Ветеран войны Валентина Тимофеева коснулась конкретных фактов прошлой войны о жертвах, цене Победы и призывала ветеранов говорить всю правду о войне молодежи...

Герой Советского Союза Леонид Падуков в своем выступлении особо обратил внимание на наращивание ядерного оружия в наше время, что угрожает уже сегодня жизни людей на нашей планете. Нужна массовая организация народов в противостоянии наращиванию ядерного потенциала, угрожающего народам мира. Он приветствует объединение в этой борьбе, участие ветеранов наших стран — России и Германии.

Председатель движения, возникшего на Урале, «Семьи погибших воинов», Алексей Зыков, сын погибшего в войне солдата, говорил о необходимости активизировать поиски захоронений без вести пропавших на войне, вернуть имена погибших воинов и о необходимости помощи семьям погибших, как моральной, в первую очередь, так и материальной. Особого внимания в поисках без вести пропавших заслуживает работа в поисках погибших в лагерях военнопленных на территории Германии.

Чувствую, Николай Федорович заканчивает встречу, хотя была договоренность о моем выступлении и ознакомлении присутствующих с текстом обращения, принятого ветеранами войны. В какой-то момент, как освободилась трибуна, без приглашения из первого ряда в зале поднимаюсь на сцену, встаю за трибуну. С текстом обращения в руке объясняю и комментирую, как в течение ряда лет вызревало и готовилось ветеранами войны России и Германии это обращение, голос участников войны к народам мира. Впервые обращение было принято официально в Челябинске на совместной международной конференции 22 июня 2001 года, в день 60-летия нападения фашистской Германии на Советский Союз. Принятое обращение в переводах на разные языки разошлось по Европе и получило признание, поддержку многими общественными организациями разных стран. Зачитываю текст обращения и прошу присутствующих выразить свое отношение, поддержку и принятие данного обращения...

Обращение без лишних комментариев присутствующими решительно получило одобрение, и единогласно выразилось — ЗА!

Обращение к мировой общественности, к людям всех стран мира ветеранов войны России и Германии «XXI век — век без оружия и войн» — поддержано и принято единогласно на совместной конференции 26 апреля 2005 года ветеранами войны, членами семей погибших воинов, представителями общественных, молодежных и студенческих организаций в городе Екатеринбурге.

Безусловно, я был счастлив встрече немецких ветеранов с общественностью и ветеранами моего города, доброжелательным психологическим климатом, в котором прошли встречи, принятием обращения в поддержку мира. Благодарен ректору колледжа профессору Игорю Гулидову и коллективу преподавателей за сопричастность и помощь в организации конференции, благодарю своих земляков за участие в конференции во имя добра и благополучного будущего людей.

И все же не могу умолчать, как после всего я встретился с Николаем Федоровичем и, видимо, так напал на него, участника войны в Афганистане, за его мерзостное поведение на встрече с ветеранами, холуйство перед властью, что он все же выдал из себя:

— Меня заставили!

Заключительным аккордом пребывания делегации в Екатеринбурге был «круглый стол», состоявшийся в библиотеке главы администрации

города. За столом — ветераны войны, армии, жертвы войны, политологи, правозащитники, молодежь. Снова и снова обстоятельный разговор о необходимости укрепления дружбы наших народов, пути и возможности развития молодежных контактов, необходимости организации совместного противостояния политике войн и насилия в наше время, когда в мире наращивается ядерный потенциал, в том числе, как отметили немецкие ветераны, особенно — в России. Были мнения о противоречивости во внешней политике властей, причем, с обеих сторон: в отношении к политике европейских государств, Евросоюзу и, особо замечено — к НАТО. Много было противоречивого в оценке роли НАТО, особенно россиян старшего поколения. Вопросов с обеих сторон было немало, но поиск ответов был взаимным. Активно проявила себя молодежь в отношении своих проблем и намерений развития сотрудничества, поисков возможностей визитов друг к другу. Выразили поддержку принятого обращения ветеранов и свою готовность участвовать в его реализации в интересах народов мирной жизни, принять на себя эстафету мира от ветеранов войны...

Встреча продолжалась несколько часов: прямой контакт, деловой настрой, доброжелательное, уважительное отношение к собеседникам и возможность свободно выразить свое понимание, мнение и получить ответ. Разговор откровенный между друзьями. Чего можно желать большего для людей, ранее бывших по воле власти смертельными врагами: чувства и состояние этих людей живет и в моем сердце.

Именно тогда, за «круглым столом» во время суждения о Евросоюзе, о НАТО доктор Михаэль фон Берг окончательно помог мне понять его отношение к этим проблемам и попытаться передать это чувство, как я понимал его, впервые посещающего Родину своих предков:

— Я наполовину русский, наполовину немец, и последнее время стараюсь найти в себе какие-либо противоречия, в том смысле, что во мне доминирует, как понимать себя в конечном итоге, как оценивать свою мнимую роль в принятии политики России и Германии. В этом случае возникает чувство необходимости назвать себя русским или немцем. В этом поиске различия прихожу к выводу и убежденности: в первую очередь, однозначно, — я человек! Единое целое и с той, и с другой стороны. Именно с этих позиций определения хотелось бы и сказать по поводу НАТО, о понимании и отношении к НАТО россиян, причин которых не могу понять: со стороны Германии в этом у меня сомнений нет.

Я живу в Германии недалеко от границы с Францией: по другую сторону — французы. Нас разделяла граница: пограничники, таможенные службы, законы, положения, одним словом — другая страна, другая власть, за плечами которой оставались, как и у Германии, войны, страдания людей обеих стран, а главное: сознание и ощущение чего-то чужого, далекого, далекого от нас в области политики власти, от нас, от народов с обеих сторон, не исключая и наличия армий, определенного ряда противоречий друг к другу, мы были чужими и в отношениях между собой: французы и немцы.

Так было веками, граница разделяла людей. И вдруг границы не стало: не сбавляя скорости, я за рулем авто еду во Францию, Бельгию либо в Голландию в театр или в магазины, мало ли чего в голову придет, забыл уже, где народы разделяли границы, нет пограничников, таможенников... Везде чем-то похожие здания, вывески, реклама торговых фирм, разве что на разных языках одни деньги. Люди европейских стран живут, где хотят, где нравится работа, где хочется отдыхать, рыбку половить: многое ушло в прошлое, многими забытое. Часто я задумываюсь, например, как можно воевать с французами, и за что? Если возникают какие-либо проблемы экономического или политического характера между странами, есть возможность решить их в объединенных европейских структурах или обратиться в юридические, независимые от власти инстанции за помощью, за советом. Даже думать о военных конфликтах никому не придет в голову подобная идея, если наши армии объединены в один союз — НАТО! Задачи, которые выражаются в совместной обороне стран, контролируются народами и властью всех стран, объединенных НАТО.

В объединенной Европе не может быть военного конфликта между странами Евросоюза. Исключено!

Не скрываю: стараюсь, особенно сейчас, когда вдохнул полной грудью дух российского народа, понять дилемму и объяснить сам себе, почему власть России боится военного союза Европы, как самого ужасного, страшного зла, угрожающего жизни своего народа. Я понять не могу, почему народы Европы стремятся быть членами Евросоюза, членами НАТО, а власть России — нет! Да еще ко всему постоянно пугает свой народ НАТО. Напрашивается мысль: неужели власти России и народ умнее всех, среди десятков стран, неужели власть этим защищает свой народ, запугивая его, действительно ли это голос народа России. Не могу поверить, что народ приветствует милитаризацию своей страны, содержащей

огромную армию, затрачивая баснословные средства, деньги народа. Убеди меня, растолкуй причины такой политики власти России.

По телевидению весь цивилизованный мир видит господина Иванова, захлебывающегося от удовлетворения докладывать без конца президенту Путину о производстве новых, сверхсовременных ракет, подводных ракетоносцев, росте ядерного потенциала... готовности ударить куда-то в любую точку земного шара, где могут быть террористы, враги России: президент слушает, утвердительно кивает головой и призывает народ к творению великой России, как мировой державы. Конечно, хотелось бы мне спросить — великой по ядерным бомбам или по уровню жизни своего народа? Я вижу у народа, с кем мне пришлось общаться, еще много нерешенных проблем, имеется в виду, чисто житейских, человеческих забот у людей, больше и придумать непросто, — срабатывает генетика, напоминает о русских корнях, и я не могу сейчас уже отделить себя от русского народа. С недоумением я слышу и вижу, как власть России размахивает ядерным оружием, угрожает, правда, не могу понять, кому угрожает и за что? Не понимаю!

Искренне говорю тебе, Виктор, во многом моим глазам открылось то, что меня ранее мало озадачивало, а именно, — наращивание в мире оружия, да и значения не придавал торговле оружием, в том числе и Германией. И только своей сопричастностью к гуманитарной акции немцев помощи ветеранам войны в России я стал во многом другим, а обращение ветеранов, русских и немцев, переродило меня, как бы заново, открыло глаза и на самого себя, и на то, что окружает, происходит вокруг. Чего только стоит одна твоя фраза — ядерная катастрофа может уничтожить жизнь на планете! Или «торговать оружием — торговать смертью!» Зарабатывать деньги на торговле смертью, хоть и потенциальной.

Напрашивается мысль: кто-то из героев пьесы Чехова говорит, что если в начале пьесы вы увидите, что на стене висит ружье, в конце спектакля оно обязательно выстрелит! Сейчас я особенно ясно представляю: милитаризация стран, народа, что и происходит сейчас, например, на Ближнем Востоке, в Африке, несомненно, способствует решению многих проблем у государств, власти с применением силы оружия... Я очевидец, свидетель, к сожалению, поздно, но увидел, почувствовал, как российский народ помнит многое из прошлой войны, ее бесчеловечность, трагедию, как и немецкий народ, немецкие ветераны. Все стремятся к мирной жизни. Народы против войн. Думаю, что так везде, во всех

странах, а власти играют с народом и о проблемах войны и мира говорят на разных языках...

Сколько же я слышал от Михаэля: почему, объясни, убеди, расскажи... и, откровенно говоря, во многом был согласен с ним, но я бессилен против его аргументов, и даже убеждал его в трудную минуту, что Иванов и президент Путин действительно беспокоятся за судьбу народов России, за их жизнь, ибо, по их мнению, может возникнуть реальная угроза от нашествия каких-либо инопланетян и вообще — врагов! А каких именно, объяснить Михаэлю мне было сложно, но имел в виду, как и президент Путин, каких-либо внешних или внутренних, например шакалов, вроде меня... как выяснилось позже. Объяснял, убеждал Михаэля в гуманности президента Путина и его команды в заботе о народах других стран, продавая им военную технику для обороны, чтобы и они могли защититься от врагов...

И все же я не скрывал в разговорах с Михаэлем своей тревоги за активную милитаризацию России, старался объяснить свое понимание происходящего в России и откровенно, как может рассуждать человек, пройдя через войну, в конце своей жизни. Поведение господина Иванова, министра обороны того времени — пир во время чумы! Считал необходимостью посадить его в железную клетку и стеречь, как ярого хищника, играющего жизнью народов мира.

Для истории.

Свое мнение об отношении России к НАТО выразил простой логикой: все страны, власти и народы — дураки! Да еще кое-кто и сейчас стремится в этот союз — тоже дураки! А вот власть моей России, моего народа — самая умная, правильная, и привожу байку, как, например, рота солдат идет торжественным маршем, четким строем в ногу, и только один солдат идет не в ногу с ротой. Командир спрашивает солдата, почему он идет не в ногу со своей ротой? Солдат четко отрапортовал: «Я шел правильно! Это рота сбилась, не в ногу шла!»

Так и власть российская не сомневается, как солдат, что идет правильно, и заявляет об этом от имени народа, вбивает в его головы страх перед НАТО, пугает народ угрозой от военного союза европейских стран и от имени народа проводит политику нагнетания страха перед НАТО. Если и прозвучит трезвый голос, что случается не часто из-за закрытия властью для общественности сказать свое мнение, если противоречивое мнение достигнет слуха россиян, то оно адресуется врагам российского

народа как внешним, так и внутренним. Общественное мнение, к сожалению, часто властью скрывается, игнорируется, осуждается.

Все вопросы, чувства, мысли и мнения, что возникали в моем диалоге старого солдата, я адресую вам, дорогой читатель. Рассудите, пожалуйста, сами и определите, выскажите свой, личный вердикт: у каждого свое видение происходящего, свое понимание правды и кривды, принятие и отрицание складывающихся в жизни человека, общества и власть имущих. Задумайтесь, а каково ВАШЕ место, ВАША роль в этой жизни: прошлой, настоящей и будущей. Будьте смелы и откровенны перед собой и перед людьми, подумайте о своем будущем, будущем детей и внуков, вообще о будущем. Мне кажется, задуматься есть над чем — ради жизни!

Тем более, если она еще впереди. Моя уже прошла, какая она ни была, но очень хочется хотя бы надеяться, что впереди у людей она будет лучше, справедливей и счастливей, все это во власти людей.

Накануне отъезда делегацию принимал от имени администрации города заместитель главы Владимир Кулик. Приветливо, с доброжелательными чувствами поблагодарил делегацию за принятое приглашение посетить столицу Урала Екатеринбург, отметив, что это был первый официальный визит за послевоенный период, когда в городе встретились друзьями бывшие участники войны России и Германии, когда ветераны города принимали у себя немецких ветеранов, чтобы вместе поднять свой голос за мирную жизнь людей, жить в мире и согласии нашим народам.

Доктор Хеннелоре Дандерс, со своей стороны, поблагодарила администрацию за приглашение и прием немецкой делегации, поделилась впечатлениями от встреч с ветеранами и жителями Екатеринбурга, особенно проведением совместной конференции ветеранов и общественности города и принятии обращения ветеранов к людям мира «XXI век — век без оружия и войн». Немцы были удивлены доброжелательному отношению, вниманию к себе жителей города. Были с обеих сторон и сожаления об ограниченности встреч из-за времени, хотелось большего, чтобы поделиться добрыми чувствами друг к другу, откровенно сказать обо всем, что накопилось у людей от прошлого и сказать свое видение будущего.

Приятным сюрпризом было для меня присутствие молодежи: студентов, школьников, в гостях у которых побывали немцы. Там, где молодежь, там энергия, молодой задор: абсолютно непринужденное общение, откровенность, смелость мысли и много смеха, шуток. Всем предложили

по бокалу шампанского в честь встречи, и тостам не было конца: за встречу, дружбу, надежды на будущее, пожелания здоровья ветеранам, благодарности за организацию встречи с обеих сторон. Инициатива общения оказалась в руках молодых. Норманн в кругу девушек дает высокую оценку встрече с ветеранами, их тревоге за будущее людей, призвал молодых принять от них, как эстафету, стремление добиваться мирной жизни без войн и насилия. Он удивлялся встрече с молодежью в России, среди которой он чувствовал себя как дома. От своих сверстников, студентов здесь он получил мощный заряд необходимости общения немецких и российских студентов. Были вопросы, ответы: молодежь кипела, и мне казалось, больше всего было радости, восторгов и надежд, нормальных надежд на будущее.

Членам делегации от администрации города были вручены подарки-сувениры в память о посещении Екатеринбурга. Расставались друзьями, обменивались адресами... Мне это казалось уже обычной, привычной картиной. Я был счастлив.

Снова в моей голове возникает, вырисовывается замкнутый круг на примере госпиталя: власть и коллектив, ветераны. Власть в лице Спектора и Башкова, один прислуживает областной власти, другой — Спектору, и каждый это делает в своих личных интересах, предавая интересы коллектива: долг и возможность медперсонала помогать ветеранам войны, изъяс из рук гуманитарную помощь, медикаменты, которые спасали ветеранов от преждевременной смерти и продляли им жизнь.

О чем я откровенно говорил с людьми из медперсонала госпиталя, моими старыми друзьями, со всеми, кто хорошо знали меня, как пациента и как человека, связанного своей судьбой с госпиталем со дня его организации. Они меня понимали, соглашались, но могли только сожалеть о случившемся. Я тоже понимал: они зависимы и беспомощны перед Спектором и Башковым. Жить-то надо!

Насколько сравнение, как цепочка, тянется дальше: власть Екатеринбурга принимает немецких ветеранов, организует встречи, конференции с участием широкой общественности, а власть области, мало того, что шарахается от встреч с членами делегации, еще и принуждает свои структуры избегать встреч с немецкими ветеранами, как в свое время заставила Спектора отказаться от гуманитарной помощи госпиталю ветеранов. Получается: у власти возникают иногда противоречия, но побеждает та власть, у которой больше власти, не говоря о правах. Все просто в нашей

жизни, которая идет по воле власти! Жалка роль в этой жизни в конечном итоге тех, кто до поры до времени в личных интересах кормился подачками, что кидала со своего стола власть.

Я благодарен администрации города, благодарен своим ветеранам за приглашение немецкой делегации, немецких ветеранов, старых солдат, за встречи с общественностью города. Мы сидели за одним столом и, образно выражаясь, хлебали из одной общей чашки, расхлебывали все, что накопилось между нами за полувековую историю. В конце жизни мы оказались побратимами прошлой войны, она породнила нас. Мы в один голос обращаемся к людям: не допустите повторения того ужаса, через который прошли мы, избавляйтесь от оружия, которым мы убивали друг друга, ищите дорогу дружбы в будущее без войн, насилия и страдания людей. Наше слово оставляем и молодым, будущему поколению: мирную жизнь для себя можете создать только вы, своим умом, волей и борьбой против власти решать свои проблемы с помощью оружия. Будьте бдительны!

В конце декабря 2007 года я получил от доктора Михаэля фон Берга копию письма от 18 сентября того года из управления регистрации и архивных фондов Федеральной службы безопасности Российской Федерации, где сообщается, что его дед — «Колесников Кенсорин Дмитриевич, 1876 года рождения, уроженец Серебрянской волости Кунгурского уезда Пермской губернии (Уральской области). Главный металлург московского управления английской концессии «Лена Голдфилдс», проживал по адресу: Москва, Арбат, Старо-Конюшенный переулок, д. 32. Был арестован 16 декабря 1929 года. По приговору Уголовно-судебной коллегии Верховного Суда СССР от 8 мая 1930 года по статье 58, пункты 6 и 7 УК РСФСР (занимался шпионской деятельностью, направленной на срыв производства цветных металлов в СССР) был осужден к 6 годам лишения свободы и поражением прав на 5 лет.

Заключением Главной военной прокуратуры от 13 июля 1998 года Колесников К.Д. признан не подлежащим реабилитации».

ВETERАНЫ САНКТ- ПЕТЕРБУРГА С НАМИ

Глава 8

В связи с 800-летием Дрездена Общество помощи ветеранам войны в России было приглашено в Санкт-Петербург с программой проведения выставки работ немецких художников, бывших немецких солдат прошлой войны. В состав делегации был приглашен и я. По случаю предстоящей поездки возникла идея встречи немецких ветеранов с ветеранами Санкт-Петербурга. Тем более появился повод привезти художественные произведения немецких ветеранов: рисунки, выполненные на фронте, отображающие реальные события фронтовых будней. За плечами уже имелся опыт проведения подобных выставок в Челябинске, Екатеринбурге и других уральских городах. Экспозиции имели успех у зрителей, в том числе у российских ветеранов войны, посетивших выставки. Они как будто снова увидели войну, какой она была.

Но это происходило на Урале, по земле которого своими колесами не прошла война, не оставила кровавый свой след. А Ленинград? Блокада Ленинграда, гибель сотен тысяч людей: женщин, стариков и детей... Холод и голод блокады еще живы в памяти ее участников, и вдруг, в

Ленинграде немецкие солдаты! Я понимал трагедию войны, но уже был свидетелем предыдущих встреч ветеранов войны — россиян и немцев, и эти встречи вселяли в меня уверенность, что найдем общий язык. По телефону из Дрездена связываюсь с председателем Совета ветеранов Санкт-Петербурга, профессором, доктором философии, полковником в отставке Геннадием Ивановичем Датчиковым. Представляюсь, рассказываю о германском Обществе помощи ветеранам войны в России, о предстоящей поездке делегации в Санкт-Петербург для проведения художественной выставки работ немецких ветеранов. Информировую о составе делегации и предлагаю провести встречу немецких ветеранов с нашими, российскими ветеранами, хотя это и не входит в программу визита делегации. Рассказываю о встречах, совместных конференциях немецких и российских ветеранов в городах Урала, Дрездена и принятии совместного обращения к мировой общественности «XXI век — век без оружия и войн», предлагаю при встрече также вместе обсудить обращение и подумать о принятии обращения к ветеранам Санкт-Петербурга. К счастью, предложение было буквально схвачено на лету: вопросы по существу, составу делегации, программы выставки, время, содержание, текст обращения. Все четко, коротко, и предложение принято.

Разговор был неоднократным. Не скрою, меня удивил Геннадий Иванович. Удивил пониманием проекта, четкостью вопросов и принятием решений: голос живой, я бы сказал, молодой и приятный. Договорились: 21 февраля, в 11 часов делегация Общества прибудет в Совет ветеранов Санкт-Петербурга. На всякий случай, по инициативе Геннадия Ивановича, получаю номер его домашнего и сотового телефонов. Энергия Геннадия Ивановича, его порыв и намерение провести встречу передаются и мне.

И вот 19 февраля в аэропорту «Пулково» делегацию в составе председателя Общества доктора Ханнелоре Дандерс, членов Общества, немецких ветеранов прошлой войны Зигфрида Бурмайстера, Клауса Фритша, полковника в отставке Уве Лааша, студента, чемпиона Германии по самбо Макса и меня встречает председатель благотворительного общества «Милосердие» Виктор Беллин.

В малом зале музея Анны Ахматовой 20 февраля открывается выставка немецких художников — ветеранов войны. Это рисунки, выполненные на фронте, Христианом Модерсоном, профессором Гансом Мрачински, акварели профессора Адольфа Бёлиха. С российской стороны на

выставке были представлены работы художников объединения «Электросила», которые рассказывали о блокаде Ленинграда.

Фронтовые рисунки немецких солдат для тех, кто посетил выставку, были большим сюрпризом. Увидеть и прикоснуться к страницам войны, как в реальности, среди разрушенных и сожженных сел и городов увидеть детей с глазами, полными ужаса и голода, лица стариков, женщин. Пожилые посетители стояли перед рисунками, подолгу вглядывались в события прошлой войны и молчали. Понимаю, равнодушных не могло быть, ведь многих посетителей война не обошла стороной.

С приветствием выступила представительница администрации города, после чего выставку открыл директор музея. Он поблагодарил гостей за предоставленные экспонаты для выставки и выразил уверенность, что выставка, как и присутствие немецкой делегации в Санкт-Петербурге, встречи с жителями города, ветеранами послужат укреплению взаимопонимания народов России и Германии. Выступали представители общественных, ветеранских организаций, молодежи, объединения «Электросила».

Желающих сказать свое слово по случаю выставки и встречи ветеранов было достаточно. Чувствовалось, что в первые минуты встречи присутствующие были сдержаннее в общении, эмоциях, но не долго. Все-таки встреча с немецкими солдатами, замечу, настоящими участниками войны, состоялась официально впервые.

Клаус сидел за маленьким столиком, над ним склонились люди и разговаривали с ним по-русски, а он оставляет автограф на своей книге, изданной на русском языке, «Прерванный полет». В ней он рассказал о том, как был сбит его «Мессершмит 111» во время войны, и шесть лет он провел в русском плену, где выучил русский язык. В своей книге Клаус рассказывает о судьбе военнопленного, о том, как он многое понял после возвращения домой, что часть своего сердца оставил в России.

Я прочел эту книгу на одном дыхании. Она помогла мне понять войну с противоположной стороны, со стороны бывшего противника. Книга рассказывала не только о немцах, но и о людях, с которыми он общался, находясь в плену.

Уве Лааша я заметил с группой молодежи. Он перед стендами выставленных работ разговаривал и отвечал на вопросы. В летних лагерях, организованных германским Союзом по уходу за кладбищами солдат в Саксонии, он много работает с молодежью.

Я раздавал присутствующим Обращение к мировой общественности. Рассказывал, когда, где мы, ветераны войны, немцы и русские, проводили конференции, на которых и было принято обращение. Запомнил, как во время моего рассказа услышал из группы молодежи: «Ну, дают старики! Молодцы!»

Ветераны не скрывали своей тревоги за будущее поколение и опасения возможности использования ядерного оружия, они предупреждали об опасности гонки вооружения и торговли военной техникой... Мы выплеснули свою боль, призывали народы задуматься о будущем. А в гостинице делились впечатлениями о выставке, о встрече с ветеранами и молодежью Санкт-Петербурга.

На следующий день мы на Дворцовой набережной. В огромном кабинете нас встречает председатель Совета ветеранов Санкт-Петербурга Геннадий Иванович Датчиков. Он представляет своих заместителей, руководителей служб, активистов комитета. Некоторые в форме, с орденами и медалями.

Ханнелоре Дандерс представила членов германской делегации. Рассаживаемся за столом, и Геннадий Иванович рассказывает о работе Совета ветеранов. С сожалением говорит о том, что с каждым годом ветеранов становится все меньше. Ханнелоре Дандерс и Уве Лааш информируют о работе германского Общества помощи ветеранам войны в России и, в первую очередь, о помощи госпиталям ветеранов войны, которые от немецких друзей получали медикаменты, медтехнику, предметы санитарии, функциональные кровати и постельные принадлежности. Гуманитарная помощь Общества, по мнению врачей, спасала тяжелобольных ветеранов. Общество помогало детским домам, больницам, общественным благотворительным организациям. С особой теплотой гости рассказывали о встречах российских и немецких ветеранов, проведении конференций и принятии Обращения к мировой общественности «XXI век — век без оружия и войн».

Это была первая официальная встреча российских ветеранов с немецкими солдатами Второй мировой войны, и было заметно, что мои однополчане были скованны и сдержанны, было заметно на лице их удивление. Лишних эмоций не проявлялось, все были сосредоточены. Я подумал: «Будь я на их месте лет тридцать назад, как бы повел себя я, сидя рядом со своими самыми смертельными врагами...» Трудно сказать!

В разговор постепенно стало включаться все больше и больше ветеранов, появились вопросы, интерес к собеседникам. Расслабляются российские старики, оживают лица. Я понимал, как непросто сделать шаг к примирению, знал, что у Совета ветеранов был серьезный конфликт с немецкой стороной несколько лет тому назад, связанный с открытием кладбища немецких солдат: кое-кто из Совета противился установлению памятного знака на могиле немецких солдат в Красном Селе. Потребовалось время, чтобы почувствовать искренность гостей, почувствовать собеседника, понять его и довериться ...

Дискуссия набирала обороты, возникало все больше вопросов. Они касались и истории взаимоотношения наших стран. Например, как могло случиться так, что народ Германии, у которого мы, россияне, когда-то многому учились в жизни, мог докатиться до нацизма. Пришлось спрашивать и самих себя. Все было непросто.

Ханнелоре, Уве и Клаус, владеющие русским языком, дополняя друг друга, терпеливо, обстоятельно переводили и отвечали, оправдывались, доказывали и убеждали. И снова на моих глазах проходило событие, по моему мнению, величайшего гуманизма настоящего времени. Глядя на собеседников и слушая их, складывалось впечатление: встретились старые друзья, которые давно не виделись, и сейчас, после длительной разлуки, встречаются вновь и радуются встрече.

— Что-то долго вы искали дорогу к нам, — многозначительно улыбаясь и глядя на гостей, сказал Геннадий Иванович, — да и мы, в свою очередь, маху дали, будем наверстывать, догонять надо...

Казалось, этой встрече не будет конца. В спокойном деловом тоне продолжался разговор, в котором не было победителей и побежденных, а были люди одной судьбы.

— Стоп, стоп, остановились! — Геннадий Иванович обращается к присутствующим: — Давайте, друзья, переведем дух, пересядем за другой стол: перекусим и свои фронтовые сто грамм примем, если возражений не будет.

Возражений не было.

Переходим в соседнюю комнату. Нас встречала с открытой улыбкой солидная, в возрасте, чуть полноватая официантка.

— Добро пожаловать, дорогие гости и хозяева, милости прошу к столу, присаживайтесь!

— Наша питерская зенитчица, первым орудийным номером всю

блокаду отвоевала, — кивая головой в сторону официантки, объяснил мне питерский ветеран.

На столе красуются фрукты, холодная закуска, судя по этикетке, вижу импортный коньяк. Заметив, с каким любопытством я разглядываю стол, Геннадий Иванович обратился ко мне:

— Не подумайте, что у нас так всегда, но сегодня, по случаю встречи с такими гостями, постарались и, как видно, удалось! Будем надеяться, гостинцы, что на войне мы дарили друг другу — пули и снаряды — больше не будут подарками для нас. Люди понимают и надеются, за столом и только за столом нужно искать и строить дороги в будущее, иного пути нет и быть не должно...

Мысли и слова Геннадия Ивановича были и моими мыслями, моими болью и надеждами.

Расселись за столом, стали разливать водку по рюмкам и, глядя на это, я поделился мыслью вслух, что хорошо бы выпить фронтовые из настоящих солдатских кружек, как на фронте. Все согласились, но кружек нет, а заместитель председателя Совета ветеранов Владимир Павлович Шубин, грудь которого блистала наградами, полковник в отставке, добавил:

— Нет кружек, обойдемся, но лучше было бы обойтись не только без солдатских кружек, но и без самих солдат! Не будет солдат, так и воевать кому? Власти, что ли? Власть сама оружия в руки не возьмет...

Все встают, поднимаюсь и я. Геннадий Иванович опережает меня и предлагает:

— Дорогие друзья! На долю фронтовиков выпала горькая судьба — видеть смерть своих друзей, однополчан... Война отняла жизнь у миллионов людей и не спрашивала, кто они, какой национальности, какого вероисповедания. Война просто убивала. Предлагаю поднять фронтовые и выпить за память о тех, кого нет с нами, кого война положила навсегда в землю, за погибших солдат, русских, немцев, за солдат, оставшихся в войне... Вечная память!

Молча выпили, я заметил, как блокадница перекрестилась. Я был благодарен Геннадию Ивановичу за тост.

Мне кажется, что мы, ветераны войны, сейчас стали просыпаться, как после тяжелого, длительного сна, и начали понимать войну, на старости лет, с вершины прожитой жизни, в новом времени, по-другому. Мы беспокоимся о прошлом и о будущем. Это движение судьбы вызывает

у меня чувство благодарности к Таисье Тихоплав, Геннадию Датчикову, Владимиру Павловичу, всем, кто оказался рядом со мной на новом жизненном этапе и поддержал меня в моих тревогах за будущее людей, за то, чтобы не повторилась у будущих поколений наша судьба.

Подошло время обсуждения Обращения, имеющего особое значение для меня. Как будет принято Обращение питерскими ветеранами? Еще раз прочитали текст. Уве Лааш объяснил присутствующим, что Обращение уже принято на совместных конференциях в Челябинске, Екатеринбурге, ветеранами войны Дрездена и некоторых других городов Германии. Поэтому изменять его содержание здесь мы не можем. Необходимо решить, принимается ли Обращение петербургскими ветеранами или имеются другие мнения по тексту Обращения и в чем они выражаются?

Уве Лааш пояснил, что Обращение переведено и распространяется на немецком, английском, французском языках, и немецкая делегация надеется на то, что Обращение зазвучит и от имени ветеранов Санкт-Петербурга. Накануне Дня Победы было получено официальное подтверждение, что ветераны Санкт-Петербурга приняли Обращение к мировой общественности «XXI век — век без оружия и войн».

...Встречи немецких и российских ветеранов не казались мне уже чудом, они были нормальным событием. Хочется сказать, по-моему, это объективная закономерность, и важно, как она будет развиваться в дальнейшем. А это будет зависеть и от нас с вами.

СИНЯВИНСКИЙ МЕМОРИАЛ. СОЛОГУБОВКА

Мысли о блокаде Ленинграда не покидают меня, живут во мне, постоянно возникают вопросы, на которые трудно находить ответы, и все же искать ответы приходится в прошлом, в том страшном времени.

Судьба остается благосклонна ко мне: по договоренности с питерским Советом ветеранов снова посещаю Санкт-Петербург. В Совете ветеранов с Геннадием Ивановичем и Вадимом Ивановичем Бувичем думаем о том, чтобы в более активной форме довести до сведения общественности обращение «XXI век — век без оружия и войн», принятое ветеранами войны России и Германии и поддержанное общественными организациями. Проблем с этим возникает немало, стараемся найти пути реализации проекта.

Получил приглашение от руководителя международного Фонда «Защитники Невского пятачка» Сергея Панина посетить вместе с активистами Совета ветеранов города места тяжелейших боев при защите Ленинграда.

На комфортабельном автобусе с группой ветеранов войны, некоторые из них при полном параде, держим направление к Синявинским высотам. В пути Сергей Иванович Панин комментирует прошлые события, касающиеся тех мест, и информация наваливается на меня кровавым кошмаром прошлой войны своей откровенностью, правдой событий, о которых не только слышу, но и начинаю видеть: я в растерянности, состояние подавленное...

И вот Синявинские высоты. Вижу контуры захоронений, на земле — ржавые каски, на некоторых пулевые отверстия. Дышать становится трудно, не хватает воздуха, мысль давит: сотни тысяч людей под моими ногами, убитых людей, чувствую, как встаю на колени, глаза закрывает туман, в висках стучит, и силы покидают меня, уткнулся лицом в землю... Боже! Боже! Потом потихоньку прихожу в себя: дышать становится легче, поднимаюсь. Кругом обелиски, портреты, фотографии, на камнях вырублены номера дивизий, полков, батальонов, бригад и цветы, цветы... Слышен мужской голос откуда-то снизу, из овражка:

— Вот он, ключик, из которого воду брали, чтобы пить... Посмотри!

Но я не иду смотреть ключик. Сил больше нет.

Старые солдаты присаживаются на скамеечках вблизи могил, на салфетки, платочки раскладывают немудреную снедь, усаживаются сами. Появились и бутылочки с водкой: разливаем ее в бумажные стаканчики — помянуть погибших. Из рук Владимира Павловича, старого солдата, полковника, заместителя председателя Совета ветеранов принимаю стаканчик и я. Молча все выпивают святой глоток во имя памяти. Радостного, торжественного настроения не заметно: все серьезные, неспешные.

Попрощались, поклонились могилам на Синявинских высотах, и на том же автобусе отправились к Сологубовке. И снова за окном автобуса одно за другим мелькают бывшие места сражений, изрытые поляны, места раскопок и поиска погибших солдат, памятные знаки, стелы, камни. Историю каждого из них Сергей Иванович знает, все, что связано с этим в прошлом и настоящем. Слушаю, ловлю каждое его слово. Подъезжаем к Сологубовке. На невысоком холме возникает красавец — храм Успения

Божьей матери с куполами, устремленными в голубое чистое небо: не могу оторвать взгляда от храма. Его сначала разграбили в годы советской власти, затем разрушила война, а в последние годы восстановила германская сторона. Вот такой парадокс.

Автобус приближается к храму и чуть в стороне останавливается на специальной автобусной площадке. Погода — Божий дар! Солнечная, теплая, безветренная. Открываются двери автобуса, старики завозились, стали подниматься с мягких уютных кресел, и в это время звучит голос:

— На немецкое кладбище никому не ходить!

Тон голоса жесткий, звучный... в автобусе на какой-то момент воцарилась тишина, все замерло...

В автобусе на команду генерала я отреагировал:

— Я иду на кладбище немецких солдат!

Выхожу спокойно из автобуса, осматриваюсь и направляюсь к воротам. Ориентир — традиционный для кладбищ у немцев огромный крест. Кладбище ухожено, чисто, прибрано. Возлагаю перед высоким прямоугольным камнем с вырубленными на нем именами немецких солдат гвоздички. Обладаю информацией, что на этом кладбище, самом крупном в Европе, захоронено около 80 тысяч немецких солдат, из которых 38 тысяч имеют имена. Делаю фотоснимки, видеозапись и возвращаюсь к группе ветеранов к храму.

Сергей Иванович рассказывает присутствующим об истории храма, организации и открытии немецкого кладбища и указывает место начала захоронения, напротив кладбища немецким солдатам, наших погибших воинов. Я слушаю Сергея Ивановича, и мысли мои возвращаются назад, на освящение кладбища немецким солдатам 8 мая 1995 года под Екатеринбургом. Именно там впервые услышал от казачьего атамана, человека глубоко верующего, что могила солдата священна, где бы она ни была, ведь жизнь солдата отнимает война. Там же в проповеди отца Иоанна, протоиерея православной церкви, была провозглашена молитва за упокой и вечную память воинам. Все это легло на сердце осознанием справедливости решения открытия кладбища своим бывшим врагам — немецким солдатам, в лице которых увидел жертв войны, жертв власти.

Путь к осознанию был долгим. Но лишь когда я стал лично общаться с немецкими солдатами, когда они превратились в обыкновенных, простых людей, все встало на свои места. Понял, что нужно жить, помогая друг другу, взаимно творить добро для себя, для людей.

В этом смысле я благодарен судьбе, радуют встречи и с людьми, круг которых и в Германии, и в России увеличивается с каждым днем. В связи с этим коснусь событий, связанных с Синявинскими высотами и Сологубовкой. Масштабы работ по поиску и захоронению погибших солдат при обстреле Ленинграда, увековечение их памяти меня поразили. Неожиданностью явилась деятельность общественных, благотворительных организаций в поиске безвестных жертв войны в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, работу которых и результат пришлось увидеть и познать на примере Международного благотворительного Фонда «Защитники Невского плацдарма».

Оговорюсь: всю послевоенную жизнь я слышал, читал о подвигах героев, защитников Невского пятачка, не без гордости принимал эту информацию. Только никто не говорил и никто откровенно не писал о том, что при защите Невского пятачка погибли сотни тысяч героев. А ведь был не только Невский пятачок. Были и Тосна, и Долина смерти, и Ивановский пятачок, и болота, и Синявинские высоты, и Гатилово, Тортолово, была и Дорога жизни. Обо всем этом я узнал из уст одного из ветеранов.

Сейчас уже никто не скрывает, что под Ленинградом погибли полтора миллиона наших солдат и 153 тысячи немецких солдат. Какими героями мы были и какой ценой мы выиграли войну, забывать нельзя. Как нельзя забывать о миллионах погибших и захороненных, без вести пропавших, выставших своими костями дорогу к Победе.

Мы, солдаты войны, бывшие враги, нашли общий язык, сами возвратили себе облик людской в полном смысле этого слова, примирились и вместе начали войну против той, прошлой войны, чтобы поставить все точки над «і».

Активность в поиске погибших солдат при обороне Ленинграда воодушевляла меня, радовала. Но страсти моего удовлетворения улеглись, когда узнал: все это итог труда общественности, энтузиазма людей, подвиг народа, а власть и сегодня оказывается в стороне в столь святом деле.

Если мое пребывание в Германии выпадало на третье воскресенье ноября, то все последние годы, как гражданин России, сопричастный к гуманитарной акции помощи ветеранам войны России, получаю приглашение в здание ландтага (парламента Саксонии), где общественность и власть Дрездена отмечают народный траурный день памяти погибших в войнах. После официальной церемонии присутствующие посещают

кладбище и возлагают венки и цветы на могилы погибших в войне.

Не слышно никаких воинских команд или приказов, нет торжественных маршей и грома оркестра, не звучит государственный гимн, как у нас. Все просто, чисто по-человечески, и именно это вызывает в душе волнение, печаль. Обслуживают церемонию солдаты бундесвера.

В 2007 году мне и Ханнелоре пришло приглашение поучаствовать в траурной церемонии в Берлине, в здании рейхстага, с присутствием президента Германии. По традиции поет хор мальчиков католической церкви. Скромный фуршет. Впечатляет.

Проходит время, и в этот же день, в третье воскресенье ноября, в день национальной скорби по жертвам войны, стала собираться общественность Санкт-Петербурга. Церемония началась на Синявинских высотах, на мемориале захоронения наших солдат, погибших в войне, и закончилась в Сологубовке, на кладбище немецких солдат, где в храме, известном уже под именем «Примирение» протоиерей отец Вячеслав отслужил поминальную панихиду по убиенным воинам. В траурной церемонии приняли участие и приехавшие из Германии родственники захороненных немецких солдат.

Прошло 60 лет после войны, на российской земле начинаются встречи потомков погибших солдат. Встречи не только памяти и боли прошлого, но и взаимопонимания, дружбы наших народов ради мирного будущего. Только так, другого не дано. К прошлому, о котором скажу ниже, возврата быть не может.

Лет через двадцать после войны в советских средствах массовой информации видел снимки вскрытых и разграбленных захоронений немецких солдат в местах боев: раскопанные ямы, белеющие черепа с пустующими глазницами и осками беззубых ртов, разбросанные вокруг кости... Мародеры искали золотые коронки, ювелирные украшения, оружие, личные предметы.

Общественность осуждала такое мародерство, но чтобы кто-то за это привлекался к ответственности — не припоминаю. Власть хранила молчание, и, возможно, своим молчанием одобряла мародерство, как выражение должного отношения к врагу.

В эти же времена власть потихоньку под предлогом концентрации захоронений наших погибших солдат бульдозерами срывала тысячи захоронений, ликвидируя, стирая с лица земли первичные захоронения и лишая имени миллионы погибших солдат.

Но время идет, и меняется сам человек, меняются общество и общественные ценности. Таков, полагаю, закон жизни. По мнению председателя петербургского центра «Примирение» Юрия Лебедева, процесс примирения многолик, и он означает не только отношение к солдатским могилам. Примирение — это процесс поиска взаимопонимания и согласия, это форма толерантности, о необходимости которой столько говорят в последнее время. И это особенно важно для нашей страны, в которой и сегодня очень много острых углов и неразрешенных проблем.

Пришло время, и слово «примирение» получило в нашем обществе право на жизнь. Оно определилось и в среде ветеранов войны, первоначально, как думается мне, среди ветеранов Урала. Примирение с немецкими солдатами родилось и закрепилось, выразилось в совместном обращении с призывом к миру на совместных конференциях. Подняла этот щит общественность, в пределах своих возможностей. Напрашивается вопрос: а когда же власть скажет свое слово? Но власть пока молчит.

Важным событием для меня явилось любезное приглашение Сергея Панина, фронтовика и причастного к акции гуманитарной помощи ветеранам войны, посетить после поездки на Синявинские высоты и Сологубовку, приход Скорбященского храма на Шпалерной улице Санкт-Петербурга, построенного по велению императора Петра I, настоятелем которого является отец Вячеслав. За время своего священнослужения отец Вячеслав принял участие в захоронении 23 тысяч наших солдат, обнаруженных поисковиками.

Приход Скорбященского храма стал активным и добрым помощником Фонду «Защитники Невского плацдарма». Настоятель, служащие и прихожане храма помогают Фонду в организации всевозможных акций, связанных с памятью военных событий, встреч ветеранов войны с молодежью, семинаров, выставок, посвященных защите Ленинграда. Для этого приход радушно предоставляет зал своего культурно-просветительского центра «Лестница». В центре ведется лекционная работа, проводятся концерты, спектакли. Организованы два музея, один из них — «Неизвестная неоконченная война». В музее представлены уникальные находки с Невского пятачка, Синявинских высот и других мест боев. Рассказывают посетителям музея о многих малоизвестных и малоизученных страницах героической обороны Ленинграда. Через архивы возвращаются имена безвестно павшим воинам, а награды передаются родственникам, которых Сергей Иванович приглашает в Санкт-Петербург и сопровождает,

указывает могилы захороненных. Я вижу, чувствую, как его волнуют события прошлого и настоящего, как тревожится он за безопасность тех, кто сегодня работает среди старых гранат, мин и неразорвавшихся снарядов, как ожидает он информацию из архивов...

На первый взгляд, любопытная история: обнаружили останки солдата и при нем орден Боевого Красного Знамени. Установили имя погибшего по номеру ордена, разыскали его родственников, даже родного брата. А те отказываются приехать, принять орден, ибо их брат — изменник Родины, и семья за его измену подверглась репрессиям, страдала. Оказывается, военкомат известил, что погибший пропал без вести, что он изменник и предатель.

Сколько оставалось и остается еще белых пятен в нашей истории, на местах бывших боев, сколько остается до сих пор таких вот «изменников» Родины, ожидающих своих могил, времени, когда им будет возвращено имя честного солдата и честного человека.

Поразила меня акция прихода храма — ежегодного Георгиевского крестного хода, массового посещения мест боев и памяти павших, помощи в установлении там памятных знаков. Древняя икона покровителя российского воинства Георгия Победоносца хранится в Скорбящемся храме на почетном месте, доступном для поклонения людям...

Церковь в Санкт-Петербурге, как я убедился, стала активным союзником в деле общественных поисковых операций и вносит значительный вклад в историческое и социальное возрождение российского народа. Оценить сопричастность, значение участия церкви в данной гуманной акции требует большого и серьезного разговора, о чем нужно говорить отдельно.

В последние годы мне приходилось встречаться с участниками поисковых отрядов, в частности на Урале, и по их просьбе найденные ими медальоны погибших немецких солдат я передавал в Германию Народному союзу по уходу за могилами погибших на войне солдат. Видел медальоны немецких солдат, найденных поисковиками Фонда, и у Сергея Ивановича. Возвращаются имена павшим: и русским, и немецким солдатам. Отрадно, что поиск безвестно павших солдат становится интернациональным.

ПАМЯТЬ О СОЛДАТАХ СВЯЩЕННА

Глава 9

ВСЕГДА ЛИ ВОЕННОПЛЕННЫЙ — ИЗМЕННИК?

Десять лет спустя после войны я с женой и малолетней дочкой был в гостях у брата Павла в станице Лесогорской, что расположилась между городами Белореченск и Туапсе на западных склонах Кавказа. Павел там работал директором школы. Днем, когда стояла невыносимая жара, мы часами не вылезали из речки Пшиш, спасаясь от зноя, а вечерами, когда на станицу опускались прохлада и свежесть, сидели за столом. Компания была небольшая: я, мой брат и его приятель Петр. Сидели, попивали пиво, за которым Павел ездил специально в Туапсе и по благу покупал в морском порту, в ресторане для иностранцев. Обычно, как и случается среди мужчин, возник разговор о фронте, о событиях недавней войны. В грудь себя не колотили, героями не считали, медалей юбилейных еще не было. Все понимали главное: остались живы.

В разговоре вдруг понимаю, что Петр был в плену. От неожиданности даже растерялся. Как я,

солдат, буду сидеть за одним столом с изменником Родины? Не поверил, переспрашиваю: правда ли?

Петр с удивлением смотрит на меня. В начале войны он был военфельдшером, носил звание лейтенанта, в Крыму, действительно, оказался в плену...

Меня разрывало чувство злобы:

— Как же так, оружие у тебя тогда было?

— Был пистолет ТТ! — спокойно отвечал Петр, перекидывая взгляд то на Павла, то на меня, — куда было деваться, когда кругом... — Он поднял руки.

— Был пистолет, а ты поднял руки, ты не застрелился, со страху забыл про пистолет, сдался, спасал свою шкуру! — кричал я от возмущения. — В плен захотел, шкура, а мы за тебя воевать должны были. Посмотри на Павла, что от него осталось после Ржева...

Я готов был уже броситься на Петра с кулаками. Но оказалось, что Петр был вместе с ранеными моряками и не мог их бросить, думал отступить морем, в тыл, а не вышло, в плен попал вместе с ними.

Десятки лет после войны военнопленные были и оставались для меня предателями, изменниками Родины, как окрестил их товарищ Сталин. Будучи достойным сыном своей страны, я другого мнения и не мог иметь: жил в той политической струе, в которой оказался с детства.

Что касается без вести пропавших, то как-то об этом не думалось. Много не знал и не понимал, хотя сам закапывал на фронте убитых солдат в окопах, воронках от бомб или снарядов, а то и просто присыпал земелькой, лишь бы прикрыть. Что делать — война, а где война, там и смерть.

На фронте быстро ко всему привыкаешь, все становится обычным, как будто так и должно быть, привыкаешь к мысли, что тебя ранит, а не убьет, и живешь этим, помогает. Слишком много пришлось видеть убитых. Не прошло мимо все пережитое на фронте, не утратилось после войны: больше десяти лет вскакивал ночами от ужаса во сне, криками своими пугал семью. Война ночами не отпускала: продолжал воевать, убивать...

Но всегда носил в себе камень презрения к военнопленным, да и не один я был такой. Не припоминаю, чтобы кто-то из фронтовиков оправдывал этих бедолаг. Изменники! И точка. Другого мнения не было, и быть не могло, был указ товарища Сталина.

Словосочетание «без вести пропавший» постоянно было на слуху.

Звучало трагично. Понимал и горе людей, но, конечно же, не знал о репрессиях родственников без вести пропавших, не слышал, а возможно просто и не придавал значения тому, что слышал.

Но подошло время перестройки и начинают просачиваться ранее неизвестные факты о событиях прошлой войны, о которых стоически молчала, скрывала правду советская власть. Вранье, фальсификация, которыми кормили народ... Чего только стоит признание пакта Молотова-Рибентропа... Начинает всплывать правда о военнопленных, причины их пленения и вина в этом командования армии и политики власти.

Наступало похмелье от прошлого. Без вести пропавшие. Память тащит назад, в дни моей молодости, в колхоз, где помогал убирать урожай. Получая извещения из райвоенкомата, тогда уже говорили о без вести пропавших на войне мужьях, детях. Разговоры о них можно было слышать постоянно среди народа. Но в ту пору я до конца не понимал судьбу миллионов людей, тех, кого она касалась непосредственно, и тех, кто имел к ним отношение: родителей, жен, детей, братьев и сестер. Другое дело сейчас — понимаю, вижу и чувствую: пропавшие без вести продолжают жить в сердцах их потомков с надеждами на известие из прошлого о судьбах родственников.

Говорить раньше о безвестно павших воинах боялись, скрывали свою трагедию из страха перед властью, которая и объявила безвестно павших воинов предателями и изменниками Родины.

Удивляюсь сейчас: как мог забыть доверительный разговор, произошедший сорок лет назад между мной и одним из бывших фронтовиков, служившим во время войны в военкомате одного из районов, освобожденных от врага. Речь шла о секретной операции. По приказу военкомата местные жители собрали убитых в бою наших солдат и захоронили, а документы и медальоны убитых сдали в военкомат. Много было передано документов и медальонов, но позже по приказу военкомат все собранные документы и медальоны убитых и захороненных воинов уничтожил.

Возвращаясь к тому времени, думаю: усомнился я в той информации, не мог поверить в подобное злодеяние власти... И забыл.

Говорю об этом откровенно на старости лет, даже сейчас остатки волос на голове встают дыбом от ужаса только при воспоминании, о чем пришлось слышать много лет назад, но и не меньше ужаса за свое отношение к той информации: тех убитых, которых своими руками укладывал в ямы и окопы, а власть их признала, объявила предателями Родины.

Опять же — что и как говорить сейчас о четырех миллионах военнопленных за первые месяцы войны: о причинах не думалось, проклинал и все. Не могу объяснить сам себе, почему был слепым или бестолковым, не знаю, боюсь ответа. Не знал правды, пока она не пришла ко мне сама.

Пришло ко мне чувство вины и в 1993 году в Германии, на братском кладбище Цайтхайн, где захоронено более 30 тысяч наших военнопленных. Стою на коленях перед их памятью, раскаиваюсь и прошу прощения за свою вину, за себя, за свой народ и шлю недобрые слова в адрес советской власти, что остались они в немецкой земле. Именно там, на кладбище наших солдат впервые вырвалось проклятие нашей прошлой власти: не без ее вины, внешней и внутренней политики легли в землю сыны моей Родины.

В Екатеринбурге судьба свела меня с руководителем общественного движения «Семьи безвестно павших воинов», сыном безвестно павшего воина Алексеем Зыковым и членами этого движения. Это живые свидетели: дети, родственники безвестно павших воинов на поле брани. Они постоянно обращаются к нам: «Помогите вернуть честное имя наших отцов, братьев и дедов, погибших в боях при защите нашей Родины... Они погибли, чтобы мы жили сегодня, найдите их могилы и признайте участниками войны, на которой они остались навсегда. Освободите от подозрений власти в недостойности наших отцов».

Считаю своим долгом и честью вернуть имена погибшим, помочь обездоленным старикам обрести звание детей погибших воинов, и с гордостью оставить имя своих отцов и родственников будущим потомкам.

В сборнике «Безвестно павшие», изданного движением «Семьи безвестно павших воинов» в 1998 году в Екатеринбурге Любовь Сергеевна Николаева рассказывает: «Мой отец Сергей Александрович Наумов по извещению райвоенкомата пропал на фронте в начале 1942 года. Позднее мама получила письмо от командира взвода, в составе которого воевал ее муж, он сообщил: «Сергей Наумов, выполняя боевое задание, пропал без вести возле деревни Радюково, что под Ржевом». Последующие поиски следов Сергея Наумова результата не дали.

В 1985 году, в годовщину сорокалетия окончания войны, Любовь Сергеевна посетила деревню Радюково. В одной могиле захоронено около десяти тысяч погибших воинов, и все безымянны. От местных жителей Любовь Сергеевна узнала, что медальоны с записками солдат собирали мальчишки после войны, насобирали целый мешок. Родители сообщили

об этом в райвоенкомат, но никто не явился. Мешок рассыпали, бумажки выбросили, а медальоны разобрали на игрушки, и ребятишки соревновались — у кого больше.

Вот что пишет в сборнике «Без вести павшие» Галина Хафизулина, дочь погибшего на войне Михаила Георгиевича Закирова:

«...Когда наступила весна, мы всю траву возле дома, что годилась, в пищу съели. У акации съели цвет... умер мой младший брат, хоронить не на что... сестра с подругой унесли его на руках на кладбище...»

Это одна из трагических картин судеб людей, которых коснулась война, и подобных событий было бесчисленное множество.

В канун Дня Победы 9 мая 2007 года в газете «Аргументы и факты» в разделе «День Победы» вышла статья «Увечный огонь» Сергея Осипова, за что искренне признателен автору и редакции:

«...Отношение к памяти павших в бою было безобразным еще в советское время, — написал председатель союза поисковых отрядов России Юрий Смирнов, — причины тогда у этого беспамятства были конкретные экономические. По мере освобождения территории СССР от фашистов проводились массовые захоронения останков советских воинов, чтобы не было эпидемий от разлагающихся трупов. Сотни тысяч тел, лежавших на полях и в лесах, стаскивали в ближайшие воронки и засыпали землей. При этом у погибших в обязательном порядке забирали документы. По воспоминаниям очевидцев, солдатские медальоны передавали в военкоматы целыми сумками, вещмешками и ведрами. К сожалению, подавляющее большинство этих документов, по которым можно было восстановить личность погибших, было скрыто и уничтожено. Причина проста: семья погибшего солдата на фронте в 50-е годы прошлого века получала ежемесячно пособие в размере 5 рублей, а семья пропавшего без вести ничего не получала. На каждом неизвестном солдате государство экономило по 60 рублей в год. Немного, но к концу войны у нас было от 5 до 9 миллионов без вести пропавших».

Воинов, которых убила война, теперь я убедился, уже мертвых своя власть убила второй раз! Моя власть, за которую был готов умереть и я.

Года полтора назад прозвучала информация: власть скрывала до последнего времени информацию о гибели под Ржевом одного миллиона семисот тысяч наших воинов. Сейчас уже озвучивается цифра в два миллиона с лишним.

Звучит одна новость за другой: как могла власть скрывать такой объемом информации, выбрасывая от совинформбюро наши достижения и победы на фронтах войны, скрывая поражения и ошибки командования, окружая все это ореолом лжи и фальсификации.

Вспоминаю: верил всему, о чем совинформбюро голосом Левитана вещало своему народу, верил и после возвращения с фронта, будучи дома и повидав лиха, верил и в предателей, изменников Родины, презирая сдачу в плен, радовался и сталинскому приказу № 29 от 16 августа 1941 года, где стояла и подпись Жукова.

Воинов, безвестно павших в войне, мертвых, убитых войной, во многом и по вине самой власти, включая и военнопленных, второй раз убила власть! Убила своим предательством!

Понимание прошлого с новых позиций. Знакомство и контакты с немецкими солдатами помогли изменить свое отношение к прошлому. Волею судьбы, когда власть бросила ветеранов войны, и твое выживание зависело от тебя самого, я оказался в Германии. Надеялся получить помощь для свердловского госпиталя ветеранов войны. Отправлялся в Германию, страну своих врагов, а они оказались простыми людьми. Немцы как немцы: общительные, коммуникабельные, искренние и еще интересуются Россией. Я, ветеран прошлой войны, был им интересен. Потребовалось немного времени, чтобы найти взаимопонимание и сообща положить начало гуманитарной помощи, объединиться и в один голос призвать наши народы к дружбе.

Теперь я понимаю: предпосылки этого поступка были заложены прошлой войной, ее бесчеловечностью, смертью и кровопролитиями, через которые пришлось мне пройти.

В 1993 году в Германии, на братском кладбище Цайтхайн, где покоятся около 30 тысяч русских военнопленных, я стоял на коленях и раскаивался. Прошу прощения за свою страну, что оставила вас безмянными в немецкой земле.

Встречаюсь и знакомлюсь с узниками концлагерей в Германии. Яков Непочатов, узник Бухенвальда, Дмитрий Феоктистов, узник Заксенхаузена. Я удивляюсь силе и мужеству людей, выживших, казалось бы, в тех условиях, которые противоречат жизни. Мне казалось, что этого я бы вынести не мог, а они выжили и прошли после освобождения и через железные руки спецорганов нашей власти. А сейчас бывшие заключенные сняли с себя груз прошлого и вместе с немцами поднимают свой голос против войны и насилия, за дружбу наших народов.

ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТА

Слова «Никто не забыт, ничто не забыто» раньше очень согревали мою душу. Я видел эти слова на постаментах, на кладбищах, где покоятся воины, воспринимал с добрым чувством сердца. Как к должному, относился к поздравлениям по случаю дня Победы и принимал с чувством удовлетворения, хотя и понимал: власть от маленькой до великой часто выполняет свой долг формально, но принимал.

И все же вершиной небывалой лести явились личные, по мнению власти, поздравительные письма Президента Путина: солидный конверт, яркие буквы, Москва, Кремль, все ярко, красиво! Читаю: «Уважаемый Виктор Сергеевич, как свято чтим мы мужество, самоотверженность и героизм ВСЕХ фронтовиков, мы в неоплатном долгу перед вами... и низкий поклон и благодарность... и подпись, Президент РФ».

Поздравление Путина в первый момент удивило, потом вызвало недоумение и озадачило. Что это? Розыгрыш? Шутка? Задумался. Время показало: нет, не шутит, поздравления пошли в мой адрес ежегодно. Вот только отношение у меня к ним, как бы это помягче выразиться, нерастойчивое. Почему?

Вот движение «Семьи погибших воинов» попросили признать их без вести пропавших отцов и родственников участниками войны и посмертно наградить их. Подобное обращение даже поддержал губернатор Свердловской области господин Россель. Через год пришел ответ на обращение из Управления Президента: «...реализовать предложение... без учета конкретных заслуг, через 50 лет определить конкретный вклад в Победу невозможно... расходы на награды в условиях бюджетного дефицита не оправданы...» Зыков добивался поддержки у областного комитета ветеранов, за что поплатился изгнанием его из членов комитета.

Областной комитет отказался иметь дело с изменниками Родины... И, с одной стороны, это понятно. Областной комитет всегда возглавляли высшие офицеры, вплоть до генералов из политработников, армейских идеологов, всегда преданных делу власти. Но бороться за имя без вести павших воинов продолжают уже внуки. Движение активистов в Екатеринбурге в центре города, в дендрологическом парке, открыло аллею памяти павших воинов, установили знак памяти, посадили деревья, там они отмечают юбилейные даты, приглашают на встречи дипломатов аккредитованных в Екатеринбурге. Проводят митинги, демонстрации в

защиту своих прав. Установлена плита памяти безвестно павшим воинам и на центральном кладбище, возле мемориала захоронений воинов.

Часто выступления Алексея Зыкова можно слышать по радио, видеть по телевидению, читать в газетах: общественность требования движения семей безвестно павших воинов принимает с пониманием, солидарностью и сочувствием. В пределах Уральского региона общественные организации семей погибших созданы во всех областях. Они добиваются признания властью безвестно павших участников войны.

Сегодня, полагаю, еще преждевременно говорить о количестве жертв прошлой войны, о погибших на полях сражений. В последнее время вскрываются все новые и новые факты, ранее официально скрываемые властью. Перепад в учете жертв в конечном итоге исчисляется миллионами. Будем надеяться, история со временем выяснит и поставит на этом точку.

В газете «Главный проспект» Екатеринбурга от 14 августа 2007 года в разделе «Уроки истории» председатель немецкой культурной автономии Свердловской области Александр Бухгамер рассказывает: «28 августа 1941 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». В считанные дни сотни тысяч советских немцев были депортированы в Казахстан, Сибирь, в регионы Урала, имущество конфисковано... Трудармия... В Краснотурьинске на строительстве плотины за одну зиму 1943 года погибло 9600 человек. Весной их скинули в общую могилу... В Свердловскую область было выселено около 150 тысяч советских немцев. Согласно переписи в 1948 году их осталось треть (49 тысяч)... И только в 1956 году немцам стали выдавать паспорта».

Холод, голод, под конвоем нечеловеческий труд: только в одном захоронении в Челябинске, под шлаковыми отвалами коксохимического производства осталось навсегда в земле 27 тысяч россиян немецкой национальности. А сколько их в Копейске, Коркино, Пермском крае, Казахстане, даже и вспоминать жутко...

А сегодня добавились локальные войны, которые всегда были под большим секретом от народа, сколько там погибло солдат, не знаю, пока в печати не читал.

С началом перестройки, во времена, когда страной руководил Михаил Горбачев, начинают появляться ранее неизвестные сообщения о событиях прошлой войны. На людей хлынул поток правды о войне, ее

реальных событиях, о которых молчали, скрывали. Всплыла правда и о военнопленных, об истинности вины в этом командования нашей армии, трусливости его перед генеральным штабом.

С правдой о войне, которая пробивалась наружу, во многом менялось и мое отношение к тому, чем я располагал раньше, к тому багажу, что накопился после войны. Много из него приходилось выбрасывать за ненужностью. Наступало будто похмелье от прошлого, прожитого.

Молчат без вести пропавшие. Получая извещения от райвоенкоматов о без вести пропавшем сыне, муже, отце, в семье об этом говорить открыто боялись, скрывали. А вдруг он в плену. Но именно такое сообщение оставляло надежды, что близкий жив и вернется. Миллионы людей жили этими надеждами, ждали близких — отцов и мужей до конца своей жизни.

Сейчас удивляюсь и обвиняю себя в том, что мог забыть, не придать значение разговору о секретной операции, доверенной мне лет сорок назад. В районах и на территориях, освобожденных от немцев, местные жители собирали убитых в боях солдат и хоронили, а документы и медальоны захороненных сдавали в райвоенкомат. Много было собрано документов и медальонов, но позже, по секретному приказу свыше, военкомат все собранные документы уничтожил... Усомниться в той информации, не поверить в подобное злодеяние я не мог.

Тех убитых в боях я своими руками укладывал в окопы, воронки от бомб или снарядов, хоронил, как мог, а власть, оказывается, признавала и объявляла их предателями, врагами народа, власть, которую они защищали, за которую отдали свои жизни.

Говорят, что к октябрю 1941 года было три миллиона девятьсот тысяч русских пленных.

...И как же было обидно, что огорчился я тогда не по поводу людей, попавших в беду, а переживал за страну. Неужели я был таким, мало сказать слепым или бестолковым. От правды уйти невозможно: если не найдешь ее сам, правда найдет тебя, какая бы она ни была.

К сожалению, слишком поздно пришло ко мне чувство вины перед без вести пропавшими, покаяние перед ними и потребность платить долги. Они погибли, заплатили своей жизнью за то, чтобы я жил. Своей смертью обязывают они меня, живого, платить долги за прожитую жизнь. Моя судьба, судьба старого солдата, и через полвека остается связанной с судьбой тех, кто остался на войне навсегда.

«Никто не забыт, ничто не забыто». Как успокаивали мою неугомонную душу, душу солдата войны, эти слова, помогали залечивать раны души и тела. Видел эти слова на гранитных обелисках и памятниках на кладбищах, где покоятся воины, воспринимал эти слова с добрым чувством, благодарностью и признательностью.

Время, время... Время, как и жизнь человека, общества, не стоит на месте, и на старости лет слова «Никто не забыт, ничто не забыто» разрывают мне душу и сердце, и я со стоном выдавливаю: «Какое кошунство!»

Идеологическое насилие власти над своим народом превратило этот лозунг в сердцах людей старшего, военного поколения в позор настоящего, безнравственного, лживого времени.

ЛАРИСА СЕРГЕЕВНА

На втором году моего пребывания в Германии, от председателя общества «Восточная Европа — Саксония» доктора Гюнтера Эртеля я и Ханнелоре получили приглашение посетить бывший лагерь военнопленных Цайтхайн, который находится недалеко от города Риза. Принимал нас председатель общества «Мемориал Цайтхайн» Бернхард Новотный. В этот же день на встречу приехал бывший узник лагеря, ныне проживающий на Украине Николай (к сожалению, не вспомню его фамилию). Он чудом выжил и дождался освобождения лагеря американцами. Старого солдата сопровождала внучка.

Впервые из уст Николая и из рассказов Бернхарда Новотного я услышал трагическую историю лагеря военнопленных. Быть на месте, где погибли и захоронены десятки тысяч наших солдат, было для меня потрясением, от которого не могу освободиться до сих пор. А впереди были еще встречи в Бухенвальде, Освенциме.

Все последующие годы я не расставался с Цайтхайном. На это святое место приезжал вместе с узником Бухенвальда Яковом Непочатовым, председателем общества «Семьи погибших воинов» из Екатеринбурга Алексеем Зыковым, бывал со своими российскими ветеранами, посещающими Германию. Всегда склоняли колени перед памятью своих братьев по оружию. Постоянно встречаюсь с интернациональными отрядами молодежи из европейских стран, работающих по благоустройству и уходу за Цайтхайном. Встречался на кладбище и с американскими солдатами Второй мировой войны.

История появления российских ветеранов в Цайтхайне довольно интересна. По официальным документам, в наших архивах по поводу захоронений на территории бывшей ГДР советских военнопленных нам всегда отвечали, что таких нет. При обращении родственников они получали короткий ответ: пропал без вести. Из неофициальных разговоров в Германии по поводу сведений о военнопленных, погибших в лагерях я слышал, что на каждого военнопленного заводились личные карточки, и они не могли бесследно исчезнуть. После окончания войны, опять же из неофициальных рассказов, архивные материалы по советским военнопленным оказались в руках американской армии и позднее были переданы Советской армии. Существовало мнение, что после получения архива, они были сразу уничтожены...

Оказалось — НЕТ! Не уничтожила наша армия архивы: оказались они, как мне думается, под контролем спецслужб и были скрыты от общественности. Что явилось дополнительным горем к той трагедии, которую испытывали миллионы граждан бывшего Союза, не имевшие информации о своих родных, пропавших на полях сражений Великой Отечественной войны.

Неожиданно я узнал, что наконец-то в 2004 году появился совместный проект «Советские и немецкие военнопленные и интернированные», и в результате серьезно занялись изучением судьбы солдат Второй мировой войны, в том числе и в послевоенный период.

Информация Объединенного Саксонского центра о том, что сотни тысяч советских солдат с именами, которые числятся «пропавшими без вести», захоронены на кладбищах Саксонии. Этот факт становится достоянием гласности в странах бывшего Советского Союза. Мне лично пришлось привозить в Россию книги-справочники на русском языке, изданные Объединением Саксонские мемориалы, в которых публиковались имена погибших в Германии советских воинов. А председатель движения «Семьи погибших воинов» в Екатеринбурге Алексей Зыков по радио называл имена безвестно павших защитников Родины, некогда объявленных Сталиным предателями, изменниками Родины, которых десятки лет безуспешно разыскивали родственники.

Особое чувство испытываешь, когда помогаешь найти детям могилу погибшего отца. Однажды мы с Уве Лаашом на железнодорожном вокзале Дрездена встречали прибывающую из Москвы Ларису Сергеевну Новикову, отец которой захоронен в Цайтхайне.

Встретили женщину среднего роста с рюкзаком за спиной и походным чемоданом в руке, кожаная курточка, брюки, без головного убора, подвижна. Показалось удивительным, как только наши взгляды встретились, мы заулыбались друг другу. Моментально возникло чувство взаимопонимания. Знакомимся и идем к машине, где нас ожидает Вольфганг Шедер. Его многолетние самостоятельные поиски и исследования мест захоронения наших погибших воинов, в том числе и военнопленных еще при ГДР, привели Вольфганга впоследствии к работе научным сотрудником в фонд «Саксонские памятные места».

Едем в Цайтхайн.

По пути к лагерю Лариса Сергеевна рассказывает:

— Отец Сергей Максимович Астахов родился 31 мая 1911 года. Прошел срочную службу в армии, принимал участие в финской военной кампании — лыжником. В 1942 году призван военкоматом и отправлен на фронт и вскоре, по информации военкомата, пропал без вести. По рассказам мамы, она помнит, как к ним в 1943 году приходил мужчина, представился однополчанином ее отца и рассказывал, что Сергей Астахов погиб в одном из боев — сгорел в танке. Семья поверила ему, а могила, если и была, то осталась неизвестной. Попытка дальнейшего поиска места захоронения Сергея Астахова результата не принесла.

Сколько же в голосе Ларисы Сергеевны я чувствовал горя, от чего у самого в душе ощущал ноющую боль.

...В Цайтхайне Лариса Сергеевна поставила свечу на могилу отца, взяла привезенную землю с родины отца, смешала ее с землей могилы и высыпала обратно. Положила иконку, цветы. К обелиску на кладбище Лариса Сергеевна тоже возложила цветы, поклонилась памяти погибших воинов. По русскому обычаю мы помянули покоящихся солдат, водку Лариса Сергеевна привезла из России. Поставили на могилу Сергея Астахова стопочку с водкой, накрытой кусочком хлеба.

По возвращении в мемориал мы скромно перекусили. Лариса Сергеевна вручила сотрудникам мемориала подарки, сделала денежное дарение. Разговор продолжался в спокойном тоне, из чего я понял, что Лариса Сергеевна испытывает чувство удовлетворения, как говорят в народе — пришло состояние утешения, освобождения от той тяжести, которая лежала на ее сердце столько десятилетий.

Подходило время отправляться в Дрезден, к поезду Ларисы Сергеевны. Тепло, сердечно, как старые знакомые, с искренними словами

благодарности расставалась Лариса Сергеевна с персоналом мемориала.

Перед посадкой в вагон Лариса Сергеевна искренне с благодарностью прощалась с Уве Лаашом. В этот день я был рад за Ларису Сергеевну, рад за Сергея Астахова и благодарен его дочери за то, что воин наконец-то обрел имя и память для своих потомков. Я благодарю судьбу за этот подарок для моей души.

«ПАПОЧКА, Я НАШЛА ТЕБЯ...»

Часто время бывает торопливо, да так, что не успеваешь и оглянуться: не прошло и месяца после встречи и посещения Цайтхайна Ларисой Сергеевной, как из Екатеринбурга звонит Алексей Зыков, председатель движения «Семьи погибших воинов» и сообщает: в Германию выезжает на могилу своего отца Анна Антоновна Обвинцева с сыном и просит помощи в посещении ими лагеря...

В назначенный день мы с Ханнелоре и гостями, участниками помощи на дому ветеранам и жертвам прошлой войны в городе Екатеринбурге по проекту, материально поддерживаемого из Берлина фондами «Воспоминание, ответственность и будущее» и «Западно-Восточные отношения» в мемориале Цайтхайн: в документальном зале Бернхард Новотный и двое сотрудниц мемориала представляют нам гостей. Знакомимся, благо, что гости имеют о нас самые подробные сведения от Алексея Зыкова.

Анна Антоновна одета просто, по-стариковски, выше среднего роста, сутуловата под тяжестью времени и заметно полновата. На левой стороне лица темная родинка, с копеечную монету, возраст выдает себя: перевалило за восемьдесят, а взгляд живой, добрый, и голос четкий, на удивление выразительный, твердый... Сын — Сергей: как у нас говорят, средних лет, открытое лицо, взгляд спокойный, но как бы — вопросительный... Сразу у меня к землякам возникло уважение, желанное чувство удовлетворения от встречи с тем, чем я живу последние годы.

Как и в прошлый раз, с Ларисой Сергеевной, сидим за чашкой чая и слушаем рассказ Анны Антоновны, из которого я понимаю:

В июле 1941 года, с началом войны, Антон Писцов, отец Анны Антоновны, конюх колхоза имени В.И. Ленина, в деревне Боровлянка Свердловской области был призван военкоматом и ушел на фронт. Семья получает извещение, что солдат Антон Иванович Писцов в боях под Смоленском пропал без вести. Время было тревожное, непонятное, а тут

еще появляется приказ Сталина, что у нас нет пленных, а есть только предатели Родины... Кто не думал в то время, что без вести пропавшие могли оказаться в плену: куда может деться без вести пропавший? О политике не думали...

— Так мама и я, дочь тринадцати лет, оказались в подозрении, в каком именно — не понимали и сказать не знали что. Сколько лет прошло после войны, казалось, вся жизнь пролетела, а вспоминать военное и послевоенное время и сейчас страшно. Временами думаем и удивляемся — каким чудом выжили... Один Бог знает, — озабоченно вспоминает Анна Антоновна.

Детство, деревня: после раскулачивания народ в деревне замер, не зная, что делать. Голодные годы, а как колхозы обозначились — работа и работа, а есть нечего, жили огородом, свою скотину держали и такие налоги платили, что самим почти ничего не оставалось. Школ не было, детвора не училась, в домах света не было — нет керосина, нет паспортов, боялись даже из деревни-то отлучиться. Вот так и жили, а тут война...

Разыскивать отца Анна Антоновна начала сразу после окончания войны. Несчетное количество запросов, писем посылала куда только можно: архивы, наши, советские, ведомства, общественные организации, Красный Крест, различные организации зарубежных стран, и в ответ получала одно и то же: сведения от отца отсутствуют, а то и молчание...

Шли годы, десятилетия бесконечного и думала, безнадёжного, поиска, и неожиданная новость: через поисковые отряды общественных добровольцев, в частности через отряд «Возрождение» выяснилось, что солдат Антон Писцов был ранен в ходе боев за Смоленск и оказался в плену... И только в 2002 году на очередное обращение из центрального архива поступило сообщение, что Писцов Антон Иванович погиб в немецком плену и захоронен в Германии... Где — не сообщалось.

Долгими и непростыми были дальнейшие дороги поиска могилы отца, вспоминает Анна Антоновна, но что-то мне подсказывало: найдется могила отца. Так оно и получилось, к удивлению результат оказался неожиданным. В апреле 2008 года председатель нашего движения Алексей Александрович Зыков пригласил меня на передачу ВГТРК «Урал» и перед камерой передал мне цветную копию карточки на военнопленного воина Антона Ивановича Писцова, моего отца, в лагере «Цайтхайн», что недалеко от города Риза, в Саксонии, где захоронен мой отец.

Я обомлела, не понимала, не верила своим глазам в первые минуты...

Последнюю информацию Алексей Александрович получил из Германии от фонда «Саксонские памятные места» земли «Великая Саксония» в городе Дрездене, с которым имел деловые контакты, в том числе и председателем фонда Доктором Мюллером.

Беру на себя смелость заметить: именно от немцев в последнее время архивные материалы по лагерям военнопленных в Саксонии обрабатываются фондом «Саксонские памятные места», и на русском языке издаются справочники с именами узников, погибших и захороненных на кладбищах лагерей. Имеющаяся информация по военнопленным размещена ныне и в Интернете. Например: справочники с именами пленных, захороненных на кладбищах Цайтхайна я передавал от фонда лично Алексею Зыкову в городе Екатеринбурге. Полученные сведения с именами захороненных военнопленных с Урала, Алексей Зыков в средствах информации доводил до сведения общественности.

Так и в этом случае: получив сведения о смерти и месте захоронения, Анна Антоновна решила все же посетить могилу отца в Германии, но возникла естественная для старого человека, пенсионера проблема, что скромничать, — на какие средства? Пенсия нищенская, разве что на самое скромное питание!

Но как говорят у нас в народе, мир не без добрых людей: Консул Германии в Екатеринбурге устроил бесплатную визу для нее и сына Сергея, помог материально депутат городской думы Виктор Тестов, руководство Свердловской железной дороги, где Анна Антоновна проработала более тридцати лет, оплатил дорожные расходы, и в сопровождении сына Сергея застучало сердце 81-летней Анны Антоновны вместе с колесами вагона. В Берлине, на вокзале их встречал Пауль Эссер, бывший житель города Карпинска, что на Урале, из волжских немцев, репрессированных в годы войны и сосланных, в том числе и на северный Урал. Пауль Эссер помогает оформить проездные билеты и провожает в Ризу.

Исповедуется в разговоре Анна Антоновна: искренни ее боли, нелегки ее воспоминания о прошлом, о послевоенной жизни, безрадостного времени, о том, как выживали люди — страданиям не было конца...

Бернхард в свою очередь, рассказывает историю лагеря военнопленных: голод, холод, болезни. Лагерь считался как бы госпиталем для больных. Условий, как и медикаментов, на самом деле не имелось. Особо тяжелой была судьба советских военнопленных, объявленных Сталиным изменниками Родины, а не военнопленными, поэтому они не попадали

под Гаагскую конвенцию военнопленных и не могли получать помощь от Красного Креста и других благотворительных организаций, на что имели право военнопленные других стран, причем постоянно... Знакомит гостей с цветной копией персональной карточки Антона Ивановича Писцова, отца Анны Антоновны и деда Сергея, с фотографией на карточке. Разъясняет смысл печатей и отметок с указанием времени смерти, день захоронения. Печальная участь Антона Ивановича комментирует Бернхард Новотный, как и тысяч его товарищей по несчастью: он захоронен на одном из кладбищ лагеря — Якобсталь...

В подавленном, печальном состоянии выходим из здания мемориала, рассаживаемся по машинам и едем на кладбище Якобсталь: огороженный участок, в центре стелла, на стелле звезда. Вокруг кладбища, по периметру растут березы... Бернхард Новотный, недалеко от входа, подходит к месту на полосе с повядшей осенней зеленью, снимает головной убор и указывает пальцем — здесь лежит ВАШ ОТЕЦ!

Анна Антоновна, опираясь на палочку и плечо Сергея, медленно подходит к указанному месту, какой-то момент стоит и, я бы сказал, — рухнула на колени...

Все отошли немного в сторону, но я все же слышал, как Анна Антоновна со стоном выдавливала из себя:

— Папочка, я нашла тебя... Прости меня, папа, что долго не приходила... — что-то говорила еще, но я уже не разбирал ее слова: перехватило мое горло, дышать трудно, и слезы затуманивают мои глаза... как и там, на кладбище с Ларисой Сергеевной... тело расслабилось, и я опустился на колени...

Трудно говорить о себе самому, говорить о своих чувствах и мыслях в подобные минуты, когда они охватывают тебя, и ты безволен остановить их. Все сплетается — боль и радость, обиды и возмущения, и волнение сердца. Во-первых, чувство удовлетворения для старого солдата: дождался солдат свою дочь и внука на своей могиле, не забыли, не бросили, пришли наконец и поклонились ему, принесли на могилу частицу родной земли, кусочек той жизни, его прошлого с далекой Родины, где он обрел начало жизни, где его родное гнездо, где он оставил свое потомство, а его лишили жизни, лишили всего, что он имел... В эти минуты и возникало понимание, чувство признания и благодарности традициям нашего народа во имя памяти человека, как это происходило на моих глазах, гуманности людей и выражение чувства утраты... С другой стороны, и понимание

необходимости поиска своих корней жизни, в данном случае — отцов и дедов, а то и прадедов, и уйти от этого люди не могут. А вот как быть с обществом в целом — не знаю, имея в виду память о погибших солдатах, да еще и брошенных на полях боев... Может быть ВЫ, ЛЮДИ, поймете состояние души старого солдата, когда я вижу подобное, вижу встречи живых с мертвыми солдатами, и застилают слезы глаза одновременно и от чувства горечи, и в то же время от чувства удовлетворения за судьбу живых и мертвых...

Вижу Анну Антоновну: все еще стоит на коленях, но голова ее приподнята — приходит в себя, обретает состояние покоя. Сергей подходит к маме, стоит рядом, что-то говорит или спрашивает: Анна Антоновна делает поклоны, опираясь руками в землю, крестится. Сергей помогает маме подняться с колен, и вместе потихоньку идут к стелле, где мы ожидаем их. Возлагаем венок, кладем цветы, отдавая должное памяти покоящихся воинов, и традиционно, по русскому обычаю поминаем глоточком водки: стаканчик со ста граммами и кусочком хлеба остается на могиле Антона Писцова: законные, фронтовые сто граммов...

На обратном пути снова заглянули в здание мемориала на центральном кладбище: продолжился разговор за скромной закуской, касаясь проблем сегодняшнего дня, особенно забот, чисто житейских для народа России, сложных и непредсказуемых на завтрашний день... Анна Антоновна благодарит за гостеприимство, заботу о могилах наших солдат. Говорит, что посещение могилы отца облегчит ее последние годы жизни: сняла тяжелый камень со своего сердца перед памятью отца...

Я понимал: судьба подарила Анне Антоновне встречу с отцом, которую она ждала всю жизнь, пусть и скорбную, но — встретилась. Успела дожить, пока вернулись имя и честь отца, солдата. А сколько миллионов отцов, матерей, детей не дождались не только до встречи с могилами без вести павших, не дождались даже весточки: не успели дожить. Что говорить о бабушках, дедушках, не узнавших судьбы своих внуков... Печально, жалко и обидно. Орать хочется: почему так получается?

А в документальном зале Анна Антоновна простыми словами, в звуке которых льется теплота ее души, просит поблагодарить всех немцев, с кем она столкнулась здесь, в Германии. Она не забудет, как в Германии отнеслись к ней люди, она не забудет этого и будет рассказывать об этом в России, у себя дома. Я не могу передать словами, с каким чувством сердечности она благодарила Бернхарда Новотного и... поклонилась ему.

И снова мне тревожно на душе от всего происходящего, и при этом думается — вот она, наша русская душа. Почему так получается: потеряла отца, сирота, истерзанное голодное и холодное детство, и вся дальнейшая жизнь, слепленная из лоскутков милости власти. Почему так получается, что впервые, на старости лет дочь и внук видят фотографию отца и деда. Впервые. Оказывается, все просто: фотографии никогда и не было... Такова была жизнь людей того времени у многих, у тех, кто кормил народ и под марши шагал в будущее, и оказался здесь, на кладбищах Цайтхайна. Вопрос сложный. И как бы хотелось напомнить о том времени молодежи, если сейчас на каждом шагу, повсюду блики фотоаппаратов, видеокамер, постоянно перед глазами фото, видео, Интернет, ворота жизни распахнуты, а ты молодой, здоровый — живи... Тоже смотрю и ищу ответ: какой ценой обошлось все это старшему поколению, знает ли молодежь, задумывалась ли об этом.

Ответ на это, на прошлое, живет во мне и будоражит душу, подсказывает — ответ должна искать молодежь, новое поколение в истории нашего народа, в тех условиях и обстоятельствах, в которых жили мы, народ, и почему допустили, шагая к светлому будущему, пришли и привели народ к величайшей трагедии человечества, и снова люди всей планеты стоят на грани своего уничтожения... своего самоубийства...

Об этом надо не только думать, новому поколению следует решать поставленные жизнью задачи, не откладывая на завтра. Иначе может случиться, что завтрашний день может и не наступить...

А что касается Анны Антоновны, то встречаюсь с ней в Екатеринбурге, перезваниваемся, причин для этого множество. Поражаюсь и радуюсь встречей с бабулей: постоянно у нее куча забот: то она в Совете ветеранов, что-то для кого-то решает, то помогает в больницу положить старого человека, с местной и городской властью бьется за справедливые решения...

Я же радуюсь за нее и прошу Бога, чтобы дал ей здоровья и сил, часто задумываюсь: если бы все мы, старики, были такими...

ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ

Откровенно говоря, нелегко дается мне моя исповедь. Слишком много ран в душе тревожит она, не минует и покой сердца — не только мыслями о собственной судьбе, но и о судьбах других людей. Эти

воспоминания не только о боли — о радости, о счастливых событиях — тоже. Как в этом случае: беру в руки газету «Аргументы и факты» № 52 от декабря, накануне нового, 2010 года, читаю очерк «Вернулся домой». В селе Редкодубье похоронная процессия. «Кого хоронят?» — интересуются односельчане... «Деда мы хороним... Вернулся Михаил Иванович, наконец, с войны...» — объясняет семья Абродимовых.

Известие о смерти Михаила Абродина пришло в июне 1942 года. Осталась молодая вдова Александра с двумя малолетними сыновьями на руках: младший родился после призыва Михаила на войну. Как поднимала сыновей, как поставила на ноги, знает только материнское сердце. Не считалась Александра Абродина даже вдовой фронтовика и не получала пенсии. День 9 мая всегда встречали молча, со слезами на глазах.

Позднее стало известно и место гибели Михаила — деревня Бор, Старорусского района Новгородской области. Побывать в тех местах было заветным желанием Александры Абродимовой, вдовы погибшего солдата, которое так и не сбылось. Умирая, Александра просила детей: «Съездите к отцу»... Схоронили бабушку Александру в 1993 году и, следуя последней воле умершей, оставили на кладбище рядом с ее могилой место — для мужа.

Место захоронения Михаила Абродимова установили поисковики отрядов «Долина» и «Красноярец», которые и сообщили об этом внучке Михаила — Татьяне Ремаевой, врачу-психиатру московской клиники: в письме указали точные координаты захоронения деда.

Эти поездка надолго останется в памяти Татьяны. На остановке такси в Старой Руссе она попыталась нанять машину до военкомата. Бывалый «бомбила», узнав, с какой целью она приехала, на глазах у всех встал перед ней на колени: «Спасибо Вашим дедам, что защитили нашу землю, и Вам, что ничего не забываете».

Деревня Бор давно исчезла с лица земли, и добраться к тем местам через болота было непросто. Только с помощью спецтехники поисковики подняли останки деда и, вместе с солдатским медальоном, упаковали в специальный контейнер. А вечером Татьяне в гостиницу неожиданно привезли ржавую каску деда...

Вернувшись в Редкодубье, Татьяна слышала много слов благодарности от родственников и даже незнакомых людей. «Я поняла главное: война не кончается, пока мы сполна не отдадим свой долг перед нашими предками».

Мыслями я среди тех людей и событий, которые из сухой информации превратились в живые образы, поселившись в моем сердце чувствами скорби, признания и благодарности. Меня особенно не удивляет подобный жест таксиста — спонтанное выражение чувства понимания нашего прошлого. Из этого тяжелого военного прошлого постоянно приходят напоминания людям, живущим сегодня. А мысли и чувства внушки солдата, Татьяны, благородны и призывают всех нас быть достойными звания человека.

«...На памятнике бабушки мы специально обновили фотографию, сменили ее на новую, где бабушка была молодой, чтобы они встретились ровесниками», — поясняют Абродимовы. Они сделали все возможное, чтобы бабушка и дедушка снова были вместе, пусть и через 67 лет, но вместе — теперь навсегда.

Остается ответить на вопрос, почему так поздно свершилось второе рождение солдата, который обрел место, имя и будущее в жизни своего поколения родственников и в памяти народа?

БЕЗ СОВЕСТИ ЖИВУЩИЕ...

Лето 2008 года. Я в Дрездене. На заседании правления Общества рассказываю о своем посещении Санкт-Петербурга, о встречах в Совете ветеранов, обсуждении нашего обращения «XXI век — век без оружия и войн». Я побывал на мемориале наших солдат на Синявинских высотах, где перед их памятью преклонил колени и возложил цветы. Рассказал членам правления о Сологубовском кладбище немецких солдат под Санкт-Петербургом, где захоронено более 80 тысяч немцев в братской могиле. Обратил внимание на хорошую работу общественных поисковых отрядов под Ленинградом, организацией захоронений советских солдат в Сологубовке рядом с немецким кладбищем. Решение это было для российских ветеранов непростым, потребовалось время, чтобы могилы бывших врагов оказались рядом через 60 лет. Особенность этого события еще заключается и в том, что решение принято совместно: российскими и немецкими старыми солдатами.

Поделился новостью о решении немцев создать мемориал на кладбище немецких солдат, захороненных в Екатеринбурге, открытого нами, российскими и немецкими ветеранами в 2001 году.

— Объясни, пожалуйста, Виктор, — обратилась ко мне член

правления Уте Брендель, бывшая учительница русского языка в ГДР, побывавшая с немецкой делегацией ветеранов ранее в Екатеринбурге, — почему ты постоянно говоришь и рассказываешь о поисках и захоронениях в России немецких солдат, сам принимаешь в этом активное участие? Сегодня я впервые слышу о гибели полутора миллионов ваших солдат под Ленинградом. А где могилы этих солдат, где они захоронены, где кладбища этих солдат? Я бывала в Ленинграде, люблю этот город и посещала Пискаревское кладбище, но там захоронены жители Ленинграда, погибшие от голода и немецких бомб...

— Немцы ведут поиски и открывают кладбища своим солдатам, погибшим в ужасной, несправедливой для нас, немцев, войне, — продолжает Уте, — Это мы видим и понимаем, солдаты не виноваты, что их послали убивать... Понимаем тебя, что ты делаешь для примирения, для дружбы народа России и Германии, для мира. Я удивляюсь твоей энергии, успехам в гуманитарной помощи ветеранам, вижу, что русские стали друзьями для наших бывших солдат. Вот и сейчас ты в восторге от встречи в Санкт-Петербурге с Паниным, еще с кем-то, они ведут раскопки, организуют захоронения своих солдат, открывают музеи, но где же полтора миллиона погибших советских солдат, где они захоронены, где их могилы?.. Ты говоришь о немецких кладбищах солдат, а почему не рассказываешь о своих, о ваших кладбищах солдат, или мемориал в Сталинграде один на всех?.. Поправь, если я не права.

Было заметно, как волновалась Уте Брендель, в голосе можно было услышать возмущение и упрек... Видел, как соглашалась с ней фрау Шимке. В какой-то момент воцарилась тишина, все молчали. Обращаясь ко мне, Уте, я это понимал, высказывала своего рода упрек в адрес немцев за то, что они активно ведут поиск и захоронения своих погибших солдат, опережая россиян. Так мне казалось. Чувство вины за войну не покидало немцев, я видел это постоянно. Нужно отдать должное тому, что средства массовой информации в Европе и особенно в Германии в последние годы дают много материалов о прошлой войне, о трагедии народов. Информации объективной, по которой можно судить о преступлении германского нацизма и о признании вины в этом и народа Германии. Не забывают и о миллионах безвестно павших на войне советских солдат.

Поэтому упрек Уте был не только немцам, но, мне кажется, больше он был адресован России и мне, за то, что я не мог многое рассказать о поиске и захоронениях наших солдат. Реальность была скупа. Уте Брендель

и фрау Шимке относятся к старшему, послевоенному поколению немцев и были свидетелями того, как немцы ГДР ставили памятники на могилах наших солдат, погибших на территории Восточной Германии в последние дни войны. И они до сих пор ухаживают за могилами наших солдат.

Мне неоднократно приходилось принимать участие в печальных церемониях возложения цветов на могилы наших солдат вместе с немцами. Всегда обращал внимание на тот факт, что памятники на могилах наших солдат ставили немцы, может быть за редким исключением, на средства местных административных органов. Позднее по опыту Советского Союза в Германии проводилось мероприятие по объединению отдельных захоронений в братские кладбища.

Но все же мало внимания уделяется могилам наших солдат на территории европейских государств. Помнится, посещая Бухенвальд с российской делегацией, в которой был и Яков Михайлович Непогатов, бывший узник Бухенвальда, проживающий в Подмосковье, я не заметил ни одного признака сопричастности России к трагедии Бухенвальда. О советских узниках напоминала лишь фотография старшего лейтенанта в крематории, полагаю, оставленная родственниками погибшего офицера уже после развала Советского Союза.

Вспоминая Бухенвальд, вспомнил и Освенцим. В юбилей 60-летия освобождения лагеря смерти от фашистов на место трагедии прибыли главы государств Европы. Прибыл и президент России В. Путин. После траурного митинга главы государств возложили венки к пьедесталу возле крематория. Погода была скверная: холод, ветер, и я в момент возложения венков, прячась от ветра, оказался в стороне и не видел, что возложил В. Путин.

Утром я снова в Освенциме, осматриваю возложенные венки главами государств. Некоторым венкам место в музеях искусства, особенно от президента Франции. От российского президента венка не нахожу. Иду к рабочим, полякам, разбирающим трибуны и начинаю интересоваться: «Где венок от России, от Путина?»

Мне рабочие поясняют, что не было венка от вашего Путина, не возлагал Путин венок! На мое недоумение один из поляков, сносно говорящий по-русски, повел меня к монументу и указал на простую стеклянную чашу, как бы напоминающую вазу, в которой оставались следы сгоревшей свечи.

— Я стоял недалеко от монумента, — и показал пальцем, — смотрел,

как бы дежурил, чтобы все было в порядке. Путин подошел с вазой в руках, в которой горела свеча, поставил ее, поклонился и ушел.

Я стоял и смотрел на вазу, возле которой было слово «Россия» и по обе стороны слова — названия стран, возле которых лежали венки...

— Ваш Путин поставил только свечу, — повторил поляк.

Тон голоса поляка нельзя сказать, чтобы был уважительным, чувствовалось это и в настроении других поляков.

Я недоумевал. Почему Путин был без венка, без государственной символики. Почему Путин ограничился только свечой... Долго и много размышлял, искал причины, ответы. Много думалось, и все же мысль постоянно крутилась в одном направлении: в Освенциме сжигали в печах не только евреев и цыган, в печах лагеря сжигали и наших военнопленных, объявленных властью предателями и изменниками Родины.

...Но вернемся к упреку Уте Брендель. Как я понимал, немка упрекала нас за открытие кладбищ немецких солдат в России, когда по ее мнению, мало еще сделано для поиска погибших советских солдат на территории бывшего Советского Союза. При этом она располагает информацией последнего времени о миллионах безвестно павших наших солдат и отсутствии знаний о местах их захоронений.

Немцы разыскивают и хоронят своих солдат, а как с этим обстоят дела в России? Где миллионы бесследно пропавших советских солдат, которых до сегодняшнего дня разыскивают их дети и родственники? Уте встречалась в Екатеринбурге с людьми, которые не знают, где погибли их отцы и не знают места их могил. Я понимал, что она говорила об обществе «Семьи безвестно павших воинов» и говорила, к сожалению, правду.

Вопрос Уте Брендель был направлен ко мне, в лоб — почему так? Немцы ведут поиски своих солдат и довольно успешно, открывают кладбища, возвращают имена погибшим, а как у вас?

Я ушел от разговора о поиске и захоронениях наших солдат: во-первых, тема для меня больная, сложная по своему объему, и ответить в тех условиях на вопросы немцев сразу не мог: многое до конца еще не ясно самому. Во-вторых, не хватало духа быть полностью откровенным перед этими людьми, да просто и стыдно: была растерянность, неожиданность... Пообещал вернуться к разговору позже.

От себя замечу: немцы на фронте, если погибал солдат, то и при всей сложности боевых условий старались предавать земле убитых, да еще и

по отдельности, в индивидуальной могиле. Обязательно ставили на могиле кресты: простые, из дерева, на которых надевали солдатские каски. Во время войны, при случае я всегда стрелял по каскам на крестах, показывая свое мастерство. Любое захоронение немцы отмечали на картах. Насколько помню из рассказов Вильгельма Дауэра, эта традиция была обусловлена приказом.

Поэтому поисковики с немецкой стороны по найденным в архивах картам быстро находили места захоронений немецких солдат и переносили останки в братские могилы, как это и произошло под Санкт-Петербургом, у Сологубовки.

Прошло несколько дней после разговора на правлении Общества, а я не мог найти покоя своей душе. Мысли давят: смерть и могилы солдат последние годы обособленным чувством живут во мне, не покидают сердце старого солдата и так волнуют, о чем бы и не подумал десяток лет назад. И, что характерно, пришло все это поздно.

Боль за прошлое, обиды на себя самого, вина перед прошлым не дают покоя. Нарастает потребность откровенно сказать о вине, за свое отношение к прошлому, к тем, кто остался там, на войне навсегда, кого я забыл. И как-то особенно обострились эти чувства последние годы, а тут еще попала в руки статья в «Новой газете», № 36, с жирным шрифтом, «Без вести пропавшие и без совести живущие» Степана Кашурко, капитана первого ранга в отставке.

Считаю необходимым довести мысли и чувства автора до сведения общественности, еще раз напомнить людям о судьбе погибших солдат и об отношении власти к их судьбе.

Автор, руководитель поискового центра «Подвиг», годы провел в архивах, в начале 60-х годов прошлого века начал вести поиск без вести пропавших в войне солдат и офицеров. Он восстановил имена и предал земле прах более 150 тысяч погибших воинов: о них забыли, их предали, оставили в лесах и болотах.

«О том, что погибших солдат надо хоронить, — пишет Степан Кашурко, — у нас никто не думал. Только перед войной, 15 марта 1941 года был издан приказ наркома обороны об учете потерь и погребении погибших в случае войны, но он не успел дойти до воинских подразделений. Ввели индивидуальные медальоны с информацией о воине, но 17 ноября 1942 года их отменили, и миллионы павших воинов оказались безымянными. В начале 1944 года было введено наставление по учету личного

состава и порядок захоронения погибших в боях, с установкой на захоронениях памятников. В начальный период войны оставались незахороненными многие тысячи бойцов и командиров на своей территории, ведь потери огромны...

1 апреля 1942 года Сталин издал постановление, обязывающее местные власти вести учет и захоронения трупов солдат. А испокон веков армия сама хоронила своих солдат.

Закончилась война. Павшие солдаты по-прежнему оставались на полях сражений. Каким-то чудом узнал об этом генералиссимус, и появился документ от 18.02.1946 года, который гласил: «До 1 июня 1946 года взять на учет существующие военные кладбища и до 1 августа благоустроить военные кладбища и по возможности отдельные могилы перенести, чтобы сделать братские могилы. Все это вменялось в обязанности местных властей».

«Тысячи и тысячи разбросанных по стране одиночных и братских могил, — продолжает Степан Кашурко, — были враз «благоустроены». На самом деле с них сняли скромные фронтовые памятники, заодно снесли и могильные холмики, а взамен поставили символические районные захоронения с помпезными обелисками...

Символические перезахоронения продолжались и в 50-е годы. Другим словом, совершено было массовое очковительство, циничное глумление над могилами народа, которое и сейчас продолжается. Россиян до сих пор обманывают, заставляя проливать слезы на бетонных и мраморных надгробиях, под которыми пусто».

Степан Кашурко приводит пример. В Спас-Доменском районе Калужской области в 1946 году насчитывалось 2570 одиночных и братских могил с именами погибших, после сталинского постановления осталось всего 14 безымянных захоронений... Разве не претендовали в этой связи мы на звание самого беспамятного народа на земле.

Ни «великий» полководец, ни последующие вожди равным счетом не приняли никаких радикальных мер, чтобы по-человечески захоронить погибших, снять с героических судеб клеймо «пропал без вести».

«Вглядываясь во все последующие правительственные документы по увековечению памяти погибших, я убежден, — пишет Степан Кашурко, — что все они есть нечто производное от рассчитанного на обман народа сталинского «исторического постановления» — уйти от решения проблемы».

Издав директиву и последний министр обороны СССР Дмитрий Язов 14 декабря 1989 года: «...обследовать местности, где велись боевые действия и выявить на них не- захороненные останки советских воинов, их личности и захоронить в торжественной обстановке с отдаванием воинских почестей... завершить в апреле 1990 года...» Это зимой и в распутицу. Этим уникальным документом он переплюнул все 29 вышедших в свет до него правительственных постановлений, директив своих предшественников, в том числе и самого И. Сталина... О язовской директиве военачальники отзывались по-разному, но все их выводы сводились к одному — чушь собачья...

Степан Кашурко ссылается на письмо к нему ветерана войны Якова Дроница из Тюменской области, который пишет, что переживает личную трагедию с тех пор, как узнал, что на нашей земле до сих пор лежат небранные солдатские останки: «Как же это мы их бросили на поругание. Такая жестокость. Такое бесчестие». Старый солдат призывает: «Винных немедленно отдать под суд!» Я его поддерживаю!

«А как вы, ныне живущие? — спрашивает Степан Кашурко. И продолжает: «Мне часто приходится слышать горькие упреки: а ты где был раньше, почему молчал, не бил в колокол? Откровенно скажу: я не молчал. Еще 35 лет назад, в канун праздника 20-летия Победы, вдохновленный своим учителем, писателем С.С. Смирновым и наставником по поиску маршалом Иваном Коневым, я стал бить тревогу, стучаться в двери высокопоставленных чиновников. Встречался с Никитой Хрущевым, Анастасом Микояном, даже с «полководцем», четырежды Героем Советского Союза Леонидом Брежневым... Все, разумеется, сочувствовали, говорили высокие слова, удивлялись, обещали разобраться. Мне даже намекнули о клевете на социалистическую действительность, мол, клевету, у нас такой проблемы не существует...»

Степан Кашурко, как бы подводит итоги:

«Обращались мы и к членам правительства, депутатам, олигархам... все, как в рот воды набрали. На запрос депутата госдумы Е. Зленова о выделении необходимых средств на проведение в 1999 году Международной вахты Памяти в Мясном Бору под Новгородом, где в лесах и болотах все еще лежат останки не захороненных солдат целой армии, 2-й ударной, заместитель председателя правительства РФ Валентина Матвиенко ответила отказом.

Вот так и начинаем новый век?

А в это время некие субъекты на машинах разъезжают по лесам, подбирают солдатские черепа и приспособливают их под экзотические светильники...

Так кому же продали мы свои души, благородство, честь? Ничего не стоят все наши патриотические призывы и заклинания, коль не бережем мы в себе самое святое — память о павших...

...Что меня больше всего беспокоит, это чудовищное равнодушие и безразличие к этому святому всенародному делу со стороны властей. Ни президент, ни правительство, ни Федеральное Собрание, ни Государственная Дума не думают о павших и от войны пострадавших.

И еще не дает мне покоя непрекращающийся поток просьб и писем из разных уголков бывшей великой Родины, поток просьб найти могилу родного человека. Щемящие до боли письма. И я каюсь от бессилия помочь им».

Такими словами заканчивает свою боль души Степан Кашурко.

В его словах и моя горечь: каждое слово отдается в моем сердце правдивостью, болью, солдата, офицера и гражданина своей страны, своего народа. Могу позавидовать мужеству этого человека и кланяюсь ему за его заботы о солдатских судьбах. Честь тебе!

Все так, но снова напрашивается вопрос, где же я был раньше, где были все ветераны войны? Где были? Да «Ура!» орали Победе! Но остается и спрос с власти, где была она «всенародная, родная»? Тоже праздновала, танцевала на костях народа и его страданиях, дурила головы, льстила ветеранам, врала и обещала... А мы слушали и в ладошки хлопали... Не так ли? Пришло время отвечать всем, особенно власти.

Прав Яков Дронин, ветеран из Тюменской области, что предлагает отдать виновных под суд, тех, кто вторично предал и убил без вести пропавших. Как я согласен с ним, как и со Степаном Кашурко, за то, что натворила власть, в том числе и новой России, продолжающая держать в небытии погибших воинов.

Не могу простить себя — виноват, каюсь, стараюсь искупить свою вину и перед семьями тех, кого власть убила вторично, стараюсь и буду платить долги, пока жив, мертвым и живым.

Передо мной книга «Жизнь на войне и без войны» Аркадия Белого. Издана в Санкт-Петербурге к 60-летию Дня Победы. Исповедь, о которой хочется сказать: наконец-то я получил представление об истинной цене обороны Ленинграда из уст самих его защитников.

Открываю книгу и на первом листе вижу: президент Путин, преклонив колени у Вечного огня поправляет на венке ленту... Смотрю на колени преклоненного президента у Вечного огня, и меня это не волнует, — не верю в этого человека, в искренность его чувств. Сколько было обращений ветеранов войны и, моих в том числе, о помощи инвалидам войны, сколько было надежд на этого человека, чему он всегда и везде давал повод в своих словах. Германское Общество с призывом «Спасите наши души» просило у него поддержки в организации гуманитарной помощи госпиталям для ветеранов войны... Причем я знал, что его отец сам прошел через мясорубку войны, чудом остался жив, и это давало мне повод обращаться к сыну фронтовика, о чем я откровенно указывал в обращении...

Все в пустоту! Смотрю на картинку с Путиным, и мне стыдно за то, что мог надеяться на этого... Забыть бы все, если бы не стояли за этим судьбы старых солдат, их здоровье и жизнь, проблемы, которые должна решать власть, и не уходили старые солдаты из жизни раньше времени из-за отсутствия медикаментов.

Переворачиваю лист и... ба! Лик Валентины Матвиенко, губернатора Санкт-Петербурга, бывшего министра здравоохранения и социальной защиты. Приятная внешность, смотрит на меня с добрым выражением лица, а я улыбаюсь.

А сколько писал В. Матвиенко о положении дел в госпиталях, письма оказывались у тех, чью некомпетентность я обличал, а оттуда отплевывались: нет средств, стараемся, но нет средств...

На первой странице книги, где фото госпожи Валентины Матвиенко, читаю:

«Дорогие ветераны!

Уважаемые читатели!

Книга, которую Вы открыли, посвящена одной из самых героических страниц в истории Великой Отечественной войны, — подвигу ленинградцев и защитников города на Неве в годы фашистской блокады.

В летописи сражения за Ленинград еще много «белых пятен». В книге сделана попытка через судьбы ныне живущих ветеранов показать драматизм и значимость событий, связанных с блокадой и освобождением города.

Сердечно поздравляю Вас со знаменательной для всех нас датой — 60-летием Великой Победы.

Здоровья Вам, мира и благополучия».

Вот тебе на! Много «белых пятен». Такого раньше не было в лексиконе властей об обороне Ленинграда, были только героизм, разгромы врага, победители, под руководством... Было только это, полвека гордились только победами над врагом при защите Ленинграда...

Видимо, все еще по привычке госпожа Матвиенко считает, что книга все-таки повествует об одной из самых героических страниц в истории прошлой войны — подвиге ленинградцев и защитников города. Да, это был действительно подвиг народа, повторяю — народа! Но естественно и сказать, какую цену заплатили за героизм.

Мне кажется, в книге впервые стали рассматриваться не только ошибки в организации обороны города, но и лица, виновные в этом, определялась роль народа и власти в трагедии обороны Ленинграда, и появилась надежда дойти до полной правды о событиях обороны города, появилась надежда вернуть имена миллионам без вести пропавших воинов. Начало положено.

Книга — голос времени, и время заставляет, я бы сказал, принуждает власть перед народом и историей говорить о «белых пятнах» пока в общих фразах и не в полный голос, но от правды уйти невозможно, какой бы она ни была. Власть вынуждена считаться с этим! Я благодарен за это авторам книги.

Но и не могу умолчать: на последней странице книги, в послесловии, некоторые строки озадачили и огорчили своей противоречивостью всему содержанию книги:

«...Настрадавшись и насмотревшись всякого за долгую жизнь, мы, ветераны, стали более терпеливыми и снисходительными. Как и народ наш российский. Иначе не выживем!»

И последнее предложение: «Память о величайшем подвиге народном, память о тех, кто не дожил до этого светлого юбилейного дня, обязывает нас не забывать прошлое, в общем-то и подтвержденную всей историей человеческую истину: «Если хочешь мира, то будь готов к войне!»

Каплей дегтя в бочке с медом стали эти строки в книге. Не думаю, что эти мысли идут от ветеранов войны... Говорю от нашего имени, потому что мы терпим всю несправедливость действий нашей власти. Кому, как не ветеранам, знать и говорить, что такое война, и какова ее цена... Хватит решать за нас!

Спросите российский народ. Истинный народ, который все еще не очухался до конца от войн. Мы, ветераны прошлой войны всех стран,

вместе с немецкими ветеранами призываем народы мира к миру и добру, жизни без войн и насилия, прочтите наше обращение к мировой общественности «XXI век — век без оружия и войн». А тут... будь готов к войне!

Ответ: снова гонка вооружения, новые ракеты. Внешняя политика, как это сейчас творит власть, кругом враги. Кому это надо?

Издание книги — значительное событие послевоенного времени о защитниках Ленинграда, значительный шаг к заполнению «белых пятен» не только в истории защиты города на Неве, но и в общей картине Великой Отечественной войны, одна из первых ласточек к ее правде. Устами ее героев нам помогают убедиться в том, что мы действительно не знаем до конца всей правды о войне. Время и наша суматошная жизнь многие подробности стерли в памяти людей, утрачены многие документы, сведения, многое изъято из архивов или сознательно уничтожено.

Но тайное всегда становится явным.

Это моя боль, и с полным правом могу сказать, что так думают все старые солдаты.

Добавлю еще один момент к последним строкам книги, о чем ранее не хотелось размышлять. Во второй части текста, как бы предисловие озаглавлено: «БЫЛЬ И БОЛЬ НЕВСКОГО ПЯТАЧКА». На титульном листе — фотография В. Путина, в руках с букетом роз он на фоне транспаранта со словами «Слава героям Невского пяточка», можно полагать, идет к монументу возложить цветы.

Под фотографией текст: «Вам не кажется, что за этот клочок земли заплатили слишком большую цену?»

И ответ: «Я думаю, что на войне всегда бывают ошибки. Это неизбежно. Но если ты воюешь и думаешь о том, что вокруг тебя все ошибаются, никогда не победишь. Нужно прагматично к этому относиться. И надо думать о победе. Они тогда думали о победе».

Из книги «От первого лица». Разговор с Владимиром Путиным».

Вот такова страница.

И слова президента, и, надо полагать, мысли Верховного главнокомандующего государства через 60 лет после окончания войны. Мне страшно от этих чудовищных слов, прозвучавших в устах президента... Ну и как?

Слово остается за вами, люди!

Только на «Невском пяточке» по последней информации наши потери составили до 300 тысяч человек..

Так случилось и, весьма кстати, в дни 62-летия Дня Победы, будучи в Санкт-Петербурге я приобрел книгу «Заслон на реке Тосна». Внешний вид книги скромный, на обложке черно-белые фотографии событий войны. На титульном листе: «Павшим за Ленинград посвящается». Сборник воспоминаний ветеранов 55-й армии и жителей прифронтовой полосы (1941—1944 гг.)

Начинаю читать, листаю страницу за страницей и... снова, через 60 лет, я на войне, среди солдат. Они передо мной, их много вокруг, они двигаются, усталые, грязные лица с горящими голодными глазами, а на изрытой земле, в траншеях, окопах — трупы... Много трупов и боюсь на них наступить... Читаю, вижу и в какие-то моменты куда-то проваливаюсь...

Так несколько дней и ночей. И кажется все это каким-то сном, от которого не могу проснуться: то на пяточке по берегу реки проходят роты, батальоны, полки, бригады, идут и идут только в одну сторону, обратно никого нет, не возвращаются, погибают...

330-й стрелковый полк трижды возрождался, а от дивизии на «пятачках» остались десятки живых, а тысячи оставались без вести пропавшими... По приказу маршала Жукова немцев штурмовали каждый день, и в штабе Ленинградского фронта военачальники, не думая о людях, думая о себе, своих шкурах, угодничая перед Верховным главнокомандующим, ежедневно посылали в мясорубку войны тысячи людей, осознавая бессмыслицу штурмов, не имея для этого объективных возможностей.

Начинают проясняться «белые пятна» войны, читая книгу. Слушаешь участников, читаешь сводки и записки из военных архивов прошлого. Вот они, безвестно павшие, здесь, в окопах, воронках от бомб, кости их вместе с оружием... под ногами.

Я понимал трагедию Ленинграда, представлял и оборону города, возлагал цветы на Пискаревском кладбище, по-своему выражалось и мое сострадание ко всему, что было связано с блокадой города, но гром грянул только сейчас, от которого не могу избавиться, когда прочитал последнюю страницу книги:

«Ценой десятикратных потерь (в частности, под Ленинградом погибли полтора миллиона наших бойцов и сто пятьдесят три тысячи немецких) мы выиграли войну. Поставили вдоль дорог ряды стандартныхobelisks и забыли о миллионах не-захороненных, без вести павших, выставших своими костями дорогу к Победе».

Полтора миллиона без вести павших только при обороне города... разве мог я допустить такую мысль? Даже сказать страшно, а если представить? Чудовищно... и стоически власть об этом молчала, и только волей самого народа трагический момент войны стал достоянием гласности. Слышу от поисковиков и печальную судьбу Дороги жизни, спасавшей от голодной смерти ленинградцев, которая по своим жертвам соизмерима с Пискаревским кладбищем.

Вот так и складывается спокойная, достойная старость старого солдата. Взрывает мозг вопрос: какое право у власти распоряжаться жизнью и смертью людей, оставляя их безвестными, а еще и приклеивая клеймо изменников, предателей своего народа, своей Родины?

Кошмар какой-то в голове: народ и власть едины! Под этим лозунгом прошло больше полувека моей жизни, с которым я рвался защищать от врага свой народ и свою Родину, с миллионами таких же, как я, готовых пожертвовать своей жизнью. А если бы она оборвалась на войне, например, на Невском или Ивановском пятачке, мое имя превратилось бы в имя изменника, предателя? Что было бы с моей мамой?

Господи, безумие какое-то: я погиб в окопах, где и остался, потому что мое тело не захоронили, и остался без вести павшим, как объявила бы мою смерть на поле боя власть, которая призвала на войну, а после гибели объявила предателем и изменником Родины.... Не хочется понимать, что происходит. Помню свою послевоенную молодость, помню и каюсь, — всех безвестно пропавших считал предателями, но одного не знал, что их оказались миллионы, власть не упоминала вообще это слово. Разве мог представить — миллионы...

Потери в войне неизбежны, но потери потерям рознь: мы часто воевали не умением, а числом, не отработанными и продуманными приказами, угрожающими командованию и власти... В этом была одна из трагедий Великой Отечественной войны.

Пришло время, и премьер В. Путин делает первый жест навстречу общественному мнению, и принимает решение силами Министерства обороны РФ, специально созданного отдельного поискового батальона, начать поисковые раскопки и захоронить останки погибших солдат и офицеров на местах боев при обороне Ленинграда в войне в селении МГИ на Синявинских высотах.

Ранее эти операции выполняли поисковые, добровольные отряды на общественных началах по своей инициативе с 60-х годов прошлого века,

без государственной поддержки. В итоге сотни тысяч без вести павших воинов обрели могилы, и многим героям возвращены имя и честь.

Для власти потребовалось шестьдесят лет после войны, повторяю — под давлением общественности, своего народа и зарубежных стран положить начало выполнения своего долга перед памятью погибших воинов, перед их родственниками, совестью и честью народа.

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ, НЕ ИМЕЮ ПРАВА...

Много обиды за прошлое, за несправедливость, за войну... Мысли о судьбах людей, опаленных войной, близких моей судьбе, особенно беспокоят. В годы Великой Отечественной войны только из оккупированных районов на принудительные работы в Германию было вывезено более 5 миллионов человек. Судьба оставшиеся в живых после освобождения оказалась в руках нашей власти: для многих повторились лагеря, но уже советские. Власть уготовила таким людям судьбу изменников Родины. Эти люди, мирные граждане нашей страны, прошли все муки ада и до сегодняшнего дня их души не успокоились.

«Но... живы мы, отчизну любя горячо,
Хоть не редко и ныне упреки встречаем,
До сих пор виноваты, что живы еще,
До сих пор виноваты, что не умираем...»

Так делится своими чувствами и мыслями Леонид Тризна, член Дмитровской общественной организации бывших узников фашизма Московской области. Его слова прозвучали в апреле 2008 года на Поклонной горе в Москве.

Читая слова Леонида Тризны, вижу, как Яков Непочатов, малолетний узник Бухенвальда, метался по мемориальному музею от одного места к другому. На этом месте он лежал, содрогаясь от холода в бараке, здесь стояла виселица, на которой раскачивались тела повешенных узников, а вот и печи, где сжигали тела заключенных, и рассказывал, что когда проходил мимо этих мест, под деревянными подошвами хрустел пепел...

Пишу об этом, а мысли переносятся к Бабьему Яру, где стоял в годы войны и смотрел на детскую обувь, разбросанную по краю оврага, откуда тянуло запахом горелого мяса... Как же можно не думать о будущем людей, как заглушить мысли о трагедиях прошлой войны. Они активизируют интерес к поиску правды. Возможности этому, при желании, появляются:

публикуется информация из архивов, в средствах массовой информации можно услышать свидетелей событий прошлого, осмелившихся преодолеть страх и откровенно сказать правду, в том числе и о судьбах мирного населения, оказавшегося на территории, оккупированной врагом.

В первые месяцы Великой Отечественной войны миллионы советских граждан оказались на оккупированных территориях. Вспомнилось, что великий вождь народов и призывал мирных граждан: ничего не оставлять врагу, все нажитое — уничтожать, истреблять... Призывы Сталина всколыхнули страну, «священная война» объединила все народы огромной страны.

Но война — это не только победные рапорты, война — это большая трагедия, которая не заканчивается с окончанием войны. Миллионы людей были вывезены на работы в Германию, оказались в плену, пропали без вести. Все эти люди официально были признаны предателями и изменниками Родины. С грузом моральной вины до сих пор живут они и их потомки.

В годы Великой Отечественной войны в Советском Союзе были убиты или умерли от голода и болезней около 11 миллионов гражданских лиц и более 5 миллионов были насильно угнаны на работы в Германию, из них погибли немногим более 2 миллионов человек.

Миллионы... миллионы... Они хотели жить, но у них отняли жизнь и бросили в неизвестность. Только сейчас мы начинаем говорить о жертвах мирного населения и кладем их на чашу Победы. Задумываемся, все ли мы знали о той цене, которую заплатили за Победу и, может быть, стоит сказать ради исторической правды словами Владимира Зюскина:

«...Не победили мы тогда фашизм,
А утопили в собственной крови...»

Времена, времена... Давно ли я горделиво поднимал голову, когда звучали слова и музыка: «Поклонимся великим тем годам и маршалам...», при этом невольно возникало желание встать и вытянуть «руки по швам», а сейчас встаю на колени перед могилами и склоняю голову, хватая открытым ртом воздух, и глаза застилает туман...

Вернемся назад и вспомним, все было на виду: патриотизм того времени был для меня, как воздух, без которого не могло и быть моей жизни, и этот воздух давала мне власть, она была моим разумом, а я был ее рабом. Власть в лице партии и ее идей была моим повелителем. Власть представлялась мне Родиной, самым святым именем, как мама. Беру на

себя смелость сказать, что и народ можно представить в то время, в лице таких патриотов, как я. Народ был полностью зависим от власти. Со временем любовь к власти особенно после возвращения с фронта окрепла, но власть оставалась властью, воспринималась как должное.

Казалось, все так и должно быть, так и никак иначе. Так оно и было. Лет после пятидесяти что-то в моей жизни стало менее нравиться, как и в жизни общества, отсюда и практика власти: одного не хватает, другого нет, третье искать приходится, стоять часами в очередях. Улетучиваются надежды на обещания власти наступающего изобилия. Потихоньку народ начинает роптать, посмеиваться над властью в узком кругу, на кухнях. Меркнут надежды, одеяло лжи укрывает Общество, под которым становится трудно дышать, да еще и на полупустой желудок, а тут еще власть начинает бряцать оружием: интернациональный долг, груз 200, снова МЫ... МЫ... Власть захлебнулась и рухнула, а меня выбросило на берег, заваленный идеями прошлого, и я оказался сиротой, но не в одиночестве: вокруг шевелились люди, поднимали головы, протирали глаза и оглядывались вокруг, поднимались с колен, вставали на ноги и думали, где же власть...

Пока народ размышлял о власти, она опередила чаяния народные и явилась демократией в лице уральца Бориса Ельцина... Новое, оно и есть новое, поживем — увидим. Хотелось надеяться, что пришло время для ускорения поиска на местах боев наших павших воинов и предания их земле. Для решения этой гуманной акции, мне думается, имеются два пути.

Во-первых, армия, уже положившая начало, добавить к имеющемуся поисковому батальону, работающему под Санкт-Петербургом, еще специализированные поисковые подразделения, чтобы поиском охватить все регионы России и, в первую очередь, места кровопролитных боев при обороне Москвы и Ржева. Во-вторых, на федеральном уровне создать специальную структуру управления по поиску и захоронению павших воинов. Все это надо было сделать еще несколько десятков лет назад. Но и сейчас все равно без этой работы невозможно успокоить душу нашего народа.

СОЛДАТ, ЧЕЛОВЕК, ВЛАСТЬ

Глава 10

СТАРОСТЬ НЕ РАДОСТЬ

Задумываешься иногда, у стариков на это занятие хватает времени. Так вот, страдает душа от несправедливости, существующей в обществе. Живем-то среди людей, и судьбы многих не вписываются в нормальные условия человеческой жизни. Особенно это касается судьбы наших стариков.

В госпитале ветеранов войны Екатеринбурга жизнь познакомила меня с Анатолием Александровичем Вайнбергом. Он фронтовик, сержант, командир отделения разведки 297 артполка 138 дивизии, хлебнул войны сполна и чудом остался жив. Но ранения все же сказались — стал инвалидом войны. В госпитале Анатолий работал завклубом — для души, как он говаривал частенько, все среди своих! Я понимал его — не ради денег. Внешне он производил очень хорошее впечатление. Чуть выше среднего роста, коренаст, нетороплив в движениях, выдержан в словах и решениях, внимателен и обходителен с людьми, на голове шевелюра седых волос: всегда в костюме, при галстуке, на носу роговые очки. Ана-

толий — журналист, бывший редактор газеты закрытого предприятия.

Он активно занимался приемом гуманитарных грузов из Германии: принимал для госпиталя музыкальные инструменты, телевизоры, которые перестраивал на российские каналы и устанавливал их в холлах, палатах. Анатолий ходил по палатам и предлагал в подарок пациентам госпиталя книги от библиотек Западной группы войск. Он приглашал в госпиталь художественные коллективы из школ Екатеринбурга, а после концертов угощал ребятшек сладостями, купленными на личные деньги. Рассказывал ребятам про ветеранов войны, которые лечились в госпитале. Уважение к нему было беспредельным.

Не расставался мой друг и с пером, чтобы рассказать правду о войне. Я часто беру в руки его книгу «Неизвестные будни войны». Раньше в книгах, журналах, газетах больше писали о Победе, особенно военачальники, о героизме солдат, пели песни, кричали «Ура!» Но молчали о том, какой ценой далась нам Победа. Вроде и было что-то от того, но все же не то... А тут война — правда, искренность окопной жизни солдат вся на виду, как и их подвиги и смерть.

Не только война связывала нас своей судьбой, но и события текущего времени: судьбы ветеранов, брошенных властями, сложностями жизни госпиталя, его нищетой, убогостью и значением гуманитарной помощи ветеранам из Германии.

Неожиданно пришла к Анатолию беда: нарушился тазобедренный сустав, и ветеран оказался на костылях. Получить искусственный сустав в то время было невозможно, по крайней мере для него, хотя в Германии новые суставы имеют старики, кому и за девяносто лет. Анатолий оказался привязанным к четырем стенам.

Еду в Екатеринбург, спешу к Анатолию и вижу, что лежит он в постели полностью обездвижен, отсутствует речь, живые только глаза. Чувствую, Анатолий узнал меня...

Жена, Людмила Владимировна, рассказала: «Осенью, находясь в деревне, Анатолий почувствовал неожиданно слабость в ногах и руках. В этот же день возвратились в Екатеринбург, и я позвонила в госпиталь, объяснила ситуацию и попросила помощи в госпитализации. На мою просьбу получила категорический ответ — у нас новые правила, обращайтесь за помощью в районную поликлинику по месту жительства».

При всей активности Людмилы Владимировны только через неделю появился из госпиталя невропатолог. Врач осмотрел Анатолия, выписал

рецепт и со словами: «Обращайтесь за помощью в поликлинику, если что, вызывайте скорую помощь», — раскланялся и ушел. Госпитальный врач застал Анатолия уже полностью недвижимым...

Мое состояние сложно передать, мысли отбрасывали меня назад. При встречах с ветеранами всегда возникает разговор о здоровье и встает вопрос: Когда лежали в госпитале последний раз? В ответах восторга было мало, складывалось впечатление — так себе! Из городского Совета никто в госпиталь не ложится, может быть за редким исключением. Председатель городского Совета Эдуард Зеленко с сожалением констатировал: «Я лучше заплачу деньги в 33-ю городскую больницу и знаю, что там получу то, что требуется, а в госпитале только тратить время»...

Особенно тяжелыми были встречи с членами семей погибших воинов, пропавших «без вести» на фронтах войны, репрессированных советской властью, от которых даже некоторое время госпиталь скрывал их право на госпитализацию.

Вся канитель госпиталя с приемом ветеранов через поликлиники по месту жительства побудила выяснить реальность. Я звоню в поликлинику госпиталя и прошу записать на прием к врачу поликлиники. Мне объясняют: обратитесь в поликлинику по месту жительства, вам дадут направление, и мы примем... Прошу, умоляю, бесполезно!

Через недельку, уже в преддверии 9 мая, еду в госпиталь, приготовив 44 рубля на городской транспорт: впервые в жизни областная власть лишила льготного права проезда на городском транспорте, компенсируя тысячей рублей в год. Это только в Екатеринбурге.

В регистратуре поликлиники предъявляю удостоверение инвалида войны, но с меня требуют направление: старая история — обратитесь в поликлинику по месту жительства. Прошу, умоляю, стою на коленях перед окошечком, низко, согнулся в три погибели, а после на коленях лицом к лицу через окошечко, разговаривая уже с двумя дамами, мне ранее незнакомыми. Не сдержался, понесло меня, но без шума...

— Виктор Сергеевич, — слышу сзади голос. Оборачиваюсь: старые знакомые... Выписывается мне карточка на прием к врачу уха, горла, носа, появляются перед окошечками стулья, и меня провожают к ЛОРу. Причина обратиться к лору проста: после 80 лет стал замечать — слух слабо принимает звук высоких частот. Объясняю это врачу, но не успел объяснить до конца, вопрос:

— Вы нуждаетесь в слуховом аппарате? Тогда обратитесь в

поликлинику по месту жительства, там Вас обследуют и, если будет в этом необходимость, Вам обязаны дать слуховой аппарат...

— Сколько ждать придется? — интересуюсь у врача. Ответ: года полтора-два...

Меня не обрадовала такая перспектива получения слухового аппарата. К слову: слуховые аппараты я уже имел — получил в Германии, и ушло на это часа полтора за два визита, из которых половину времени на рекомендации по пользованию аппаратом и его профилактику.

Один безногий инвалид по госпитальной палате с возмущением рассказывал мне: замена протеза, срок годности, если не ошибаюсь, не более двух лет, начинается с посещения поликлиники по месту жительства. Там выдается право на получение протеза, после собираются справки ВТЭК, канитель в бюро медэкспертизы. И когда всяких справок наберется куча, вместе с заключениями надо тащиться на протезный завод. После в районное управление соцстрахования...

Понимал: пройти путь бюрократической волокиты, и на собственных ногах да еще на девятом десятке лет, не всякому дано, а что говорить об инвалидах, проживающих в сельской местности?.. Вспоминаю, как материл от души дед нашу заботу о ветеранах войны — отпало желание трепать нервы, проходя путь унижения, выпрашивать милостыню. Пропал интерес даже поинтересоваться: нужно платить инвалиду войны за слуховой аппарат или нет. Инвалиду войны государство в лице власти дает тысячу рублей ежемесячно за компенсацию льгот для решения в помощи проблем здоровья: этой суммы сегодня не достаточно для того чтобы поставить пломбу, а если протезировать — потребуются десятки тысяч. Но помимо зубов остаются еще сердечко, головные боли, сосуды, суставы...

Если кто из стариков еще оптимист — посмеиваются, успокаивают себя: немного осталось, доживем!

Доживем! А как, например, обстоит дело с лечением зубов? Старику можно обойтись и без пломбы — вырвать зуб. Оказывается, и здесь нужны деньги. Проблема. Выходит, доживать старому человеку не просто, не имея в виду ветерана войны — он еще может поставить пломбу или удалить зуб — я говорю о простом, обычном пенсионере. На те деньги, что дает ему власть, которые он отрабатывал всю жизнь. Возникает вопрос, элементарный, житейский — как дожить?

Этот крик души наших стариков комментирует председатель Совета

Федерации Сергей Миронов. Рассуждая о пенсионной системе у нас, в России, он констатирует:

— Оказывается, норма обеспечения хлебом и мясом в нынешнем, минимальном потребительском бюджете, практически совпадает с пайками советских военнопленных времен Великой Отечественной войны... и на таком жалком фундаменте мы собираемся выстроить систему доходов населения... прожиточный минимум стариков — как у заключенных» (Аргументы и факты № 27, 2009 год).

Следовало бы господину Миронову добавить, что заключенные еще и не оплачивают услуги ЖКХ.

Как-то обратил внимание на информацию в средствах массовой информации, сколько долларовых миллиардеров в Совете Федерации. Оказывается, их больше десятка, опять же — это только известные, так сказать открытые миллиардеры. Миллионеров можно не считать — долго. Легче пересчитать по пальцам, сколько не миллионеров.

Перед новым 2010 годом Совет Федерации пополнился еще одним миллионером, бывшим губернатором Свердловской области, нашим земляком господином Росселем. По своей старости я думаю, полагаю так, что для нашей власти сейчас только миллиардеры и миллионеры являются достойными представлять интересы народа, радовать своей деятельностью, и меня в том числе, своим присутствием в Совете Федерации и Государственной Думе РФ.

Нелегко говорить о многом, тем более говорить откровенно о том, что касается судеб старых людей, которых не видит в упор наша власть, обходит стороной проблемы, судьба старых людей и наше общество.

Но вернемся к госпиталю, к судьбе Анатолия.

...Побывав у Анатолия дома, выслушав беду и страх за жизнь мужа, я снова в госпитале. Ищу ответы, разговариваю с врачами: никто ничего об инсульте у Анатолия Александровича не знает. Рассказываю, старые врачи возмущаются, принимают вину на себя, ссылаются на начальство, отсутствие транспорта. Одно могу сказать, наступил на мозоль я госпиталю — медицинская помощь пришла к Анатолию: он получил капельницы... массаж от социального центра, организованного немцами, и Анатолий с трудом сказал мне:

— Виктор, не бросай меня...

9 мая, в День Победы родные усаживают Анатолия в кресло за праздничный стол, и Валентина Семеновна помогает отпить ему из стаканчика

капельку фронтовых... Навестил Анатолия с поздравлением в этот, святой для нас день Петр Иванович Санталов, фронтовик, художник госпиталя, работавший вместе с Анатолием Александровичем... Из госпиталя поздравить фронтовика, сотрудника госпиталя не удосужились...

Успокаиваюсь заверениями врачей 42-го отделения госпиталя о продолжении лечебных процедур для Анатолия и уезжаю в Германию. Работа германского Общества помощи ветеранам войны в России продолжается, от помощи которого отказался заместитель председателя правительства Свердловской области и одновременно начальник госпиталя С. Спектор.

Получаю информацию о том, что Анатолия уже усаживают в инвалидную коляску...

19 октября звонок Валентины Семеновны: утром Анатолий Александрович скончался... Не дождался после моего отъезда медицинской помощи из госпиталя. Пять месяцев ждал врача...

Оговорюсь: подобного в Челябинском госпитале ветеранов войны не было и быть не может. Коллективы медперсонала в госпиталях формируются руководством госпиталя, поэтому коллектив госпиталя в Екатеринбурге я обвинять не могу, не имею права, а вот начальство — ДА! Вспоминается такой случай. Семен Спектор в начале своей карьеры начальника на моих глазах сидел не один день возле обреченного на смерть ветерана, и я посоветовал Семену: «Поди, поспи...» На что Семен ответил:

— Я врач, и пока бьется сердце у человека, пусть даже перед неминуемой смертью, я должен быть рядом с ним до конца, пытаться облегчить неминуемую смерть...

После 25 лет работы у Семена проявились другие интересы и цели, а какие — говорить страшно и больно.

Необходимость организации хосписа в Екатеринбурге не дает мне покоя не один год, и на все попытки его создания я натываюсь на безразличие к этой проблеме властей, решения не находится. Начальник госпиталя Башков, казалось бы, кому как не ему заниматься этим, отвечает просто: «Не мое дело! Госпиталь лечит... и будьте здоровы».

Как-то я посмотрел отчет социального центра в Екатеринбурге помощи ветеранам и жертвам войны, тяжело больным, на дому, организованного Обществом помощи ветеранам войны в России, и узнал, что в тринадцати случаях помощь оказывалась в последние, предсмертные дни... Тяжело говорить сейчас о старых людях в России, материальные

возможности большинства позволяют только оплатить квартиру и самое скромное питание — не до медикаментов. А что уж говорить о тех, кому надо облегчить дорогу к смерти, разве что надеждами на Бога: тот никому не отказывает в надеждах...

Таковы времена!

В память Анатолия Александровича я позволю себе привести небольшой, сокращенный отрывок из его книги «Неизвестные будни войны». Будни о тех, кто выжил в войне, и тех, кто в ней остался навсегда.

«...За годы войны я видел много убитых. После боя они оставались лежать на земле. Своих мы хоронили, об остальных не задумывались, считали, что их похоронят тоже свои.

Но вот однажды, выполнив задание, я в сумерках возвращался на свой наблюдательный пункт. Вечер был теплый, тихий. С особым удовольствием шагал по дороге, радуясь тому, что жив, что могу идти не сгибаясь, в полный рост, хотя при этом на душе было не совсем спокойно. За многие месяцы окопной жизни мы настолько привыкли или ползать по земле, или перебегать с места на место, согнувшись в три погибели, что в нормальном положении чувствовали себя неудобно. А тут, пожалуйста, — во весь рост!

Километрах в трех от передовой, у самой дороги, неожиданно возникли несколько странных сооружений. Они напоминали как бы маленькие домики без крыш. Еще вчера, когда я шел на задание, ничего такого здесь не было. Что же это? Я свернул к ним.

Подойдя ближе, увидел, что это не постройки, а что-то непонятное. Рядом копошились люди. Это солдаты рыли огромные, квадратные ямы.

— Ищешь кого? — раздался из ямы хриловатый голос.

— Да нет, — заглядывая внутрь, ответил я. Там в темноте проглядывался силуэт солдата. — Что это у вас там?

— А ты подойти поближе, посмотри, — посоветовал солдат.

Резкий неприятный запах исходил с той стороны. Подойти близко было невозможно. Но даже издали, присмотревшись, увидел, из чего эти «постройки». Дрожь меня пробрала — это были убитые солдаты, сложенные, как дрова в поленницы.

Солдат вылез из ямы. Пожилой, давно не бритый, он устало сел на камень, достал из кармана кисет с табаком, в котором была завернута аккуратно сложенная газетка, скрюченными пальцами ловко свернул «козью ножку» и, набив ее табаком, тонкий конец сунул в рот. Потом такими

же привычными движениями достал кресало, несколько раз чиркнул по камню. Шнур поймал искру, задымился. Солдат прикурил, затушил пальцами шнур и вместе с кисетом сунул обратно в карман.

— И что вы... их... туда... в ямы?

— А куда же еще? — удивился солдат, — на то мы и посланы. Днем собираем, ночью закапываем.

Солдат затянулся махорочным дымом и простуженным голосом продолжал:

— Да, много их тут... Дома каждого ждут, а мы всех их в одну яму поскидаем. Одно название — братская могила. Земля всех братьями делает.

— А медальоны хоть собрали?

— У кого были — взяли. Потом может отпишут: дескать, погиб смертью храбрых, да хороним мы его вот так, как собаку, просто в яму бросаем. А как же по-другому? Не рыть же могилу каждому?

Ребят гибнет много. Но такого количества убитых, собранных вместе, не видел ни разу. Подумал: в один из дней в такой братской могиле могу оказаться и я...

К утру вернулся на передовую. В привычной обстановке увиденное ночью растворилось в новых переживаниях. Обстрелы и бомбежки не оставляли времени для размышлений. Шла война.

Солдатская жизнь продолжалась».

Судьба — бескрайняя, непредсказуемая, счастливая и всякая, была к Анатолию щедра — сохранила жизнь на войне, а после долго оберегала его, вот только в самом конце положила на людей, те не уберегли...

Иногда думается, что и моя долгая жизнь является подарком от тех, кто не дожил свою жизнь, отнятую войной, и на старости лет я пытаюсь, в мирской суете, оправдать этот подарок судьбы, как оправдал его и Анатолий...

Как гласит народная мудрость, долг платежом красен.

МЫСЛИ, МЫСЛИ...

Уходит в историю прошлая война, уходит и моя жизнь. Все вокруг меняется — жизнь, люди — и я стараюсь принимать реальность, все равно нового не миновать. Пора бы и поблагодарить судьбу, однако не получается у старого солдата примирения с прошлым, не уживается оно

с настоящим. Мой земляк, поэт Щипачев, рассуждает: «...жизнь прожить — не поле перейти... всякое бывает». Не покидает меня чувство несправедливости, заботит поведение людей, среди которых приходится жить — как ведут себя, как живут, какими заботами и радостями, о чем думают, как причастны к формированию общественного мнения.

Вроде бы все естественно: власть и народ решают свои проблемы сами по себе, и это настораживает, — интересы-то разные на сегодняшний день, а кто заботится о завтрашнем дне? О власти не говорю, думаю о грешном нашем народе и понимаю — забывает о своем прошлом, которое прошел за эти семьдесят лет, не думает о будущем. В разговорах часто спрашиваю молодежь: «А будет ли оно, будущее, у вас, состоится ли?» Многие с недоумением, с ухмылкой смотрят на меня, удивляясь вопросу старого человека... но — не все! Кто и с озабоченным выражением лица расстается со мной.

С началом исповеди, а это оказалось для меня необходимостью, переросшей в чувство потребности, активизировался интерес к дополнительной информации о прошлой войне, чтобы полнее осознать трагедию нашего народа, его судьбу. Возможности для этого возрастали: информация из архивов, средств массовой информации, информация из уст людей, свидетелей прошлого, осмелившихся преодолеть страх и сказать правду, в том числе и о судьбах мирного населения, оказавшегося на территориях, оккупированных врагом.

В первые месяцы начала войны миллионы советских граждан оказались без какой-либо защиты, помощи и поддержки со стороны родного правительства, брошены на растерзание врага — региональные власти, спасая себя и свои семьи, бежали на Восток.

О мирных гражданах вспомнил вождь нашего народа Сталин и приказал мирным жителям оккупированных районов ничего не оставлять врагу — уничтожать, истреблять... Политика «выжженной земли» Сталина вовлекла в борьбу с фашистами мирных граждан, включая женщин, детей, подростков, стариков и инвалидов. Все под контролем аппарата советской власти, включая и репрессивные органы, по законам военного времени.

Призыв Сталина всколыхнул страну, священная война требовала от народа победить врага любой ценой... В день 40-летия Победы Михаил Горбачев отдал должное борьбе партизан и подпольщиков: «Земля горела под ногами агрессора, и в этом праведном огне нашла свою погибель

не одна дивизия захватчиков...» Не могу сказать, сколько дивизий врага имел ввиду Михаил Сергеевич, а вот какой ценой, какими невероятными человеческими жертвами обошлась эта выжженная земля нашей стране?

По официальной версии народных мстителей, партизаны в войну сражались исключительно с фашистами, но белорусский журналист Виктор Хурсик на конкретных фактах, по рассказам уцелевших свидетелей рассказывает, что партизаны совершали преступления против мирного населения: без разбора сжигали дома в деревнях Белоруссии, грабя и расстреливая, насилая жителей. Информацию о преступлениях партизан подтверждают документы Национального архива Белоруссии. Действительно, многие партизаны храбро сражались за свободу советского народа, но при этом допускали преступления против мирного населения: истребляли сами себя с невероятной жестокостью.

Факты трагических событий, утверждает Виктор Хурсик, не опровергаются и соответствуют действительности. Сталин, в ответ на болтовню одного из руководителей партизанского движения Пономаренко о героизме партизан в тылу врага, слал в штаб партизанского движения награды и требовал конкретных результатов. Активисты белорусского добровольного общества защиты памятников истории и культуры в апреле 2008 года установили мемориальный крест в память зверски замученного партизанами мирного населения деревни Дrajно, Стародорожного района. Крест простоял у ограды католического кладбища деревни всего несколько дней — его выкопали и увезли в соседнюю деревню Залужье. Участвовавших в установлении этого мемориального знака политика Вячеслава Сивчика, священника Леонида Акаловича и журналиста Виктора Хоретика осудили на 15 суток ареста.

По мнению некоторых исследователей и рассказам бывших участников сопротивления: за жизнь одного убитого немецкого солдата мы платили жизнью пятнадцати-двадцати расстрелянных, повешанных наших людей.

Решения Гаагской конвенции о мирном населении во время войны утонули, по вине властей, в море крови как нашего, так и немецкого народа.

Выводы напрашиваются сами собой: вина нацистской Германии и кремлевской власти неоспоримы, а расплачиваться за эту вину народам пришлось миллионами своих жизней. Наша, советская, власть даже и не задумывалась о человеческих жертвах в войне, тем более о жертвах среди мирного населения.

Выжившим жителям оккупированных территорий, угнанных на работы в Германию и возвратившихся на свою Родину, пришлось постоянно жить под страхом и подозрением. В анкетах, заполняемых в Советском Союзе, например, при поступлении на работу, имелась даже графа: находились ли во время войны на временно оккупированных территориях... Стрелы из прошлого продолжают лететь в них до сих пор. Власть не хочет защитить этих людей, признать свою вину перед ними, все еще продолжают они терпеть обиды. Всю жизнь, по законам советской власти и отжившей идеологии, мирное население оккупированных регионов, угнанные на работы в Германию «гастарбайтеры» — по некоторым сведениям до 7-8 миллионов, — военнопленные, их вдовы и дети несли и несут на себе клеймо предателей и изменников Родины. За время войны были целенаправленно убиты или умерли от голода и болезней около 11 миллионов гражданских лиц и более 5 миллионов были угнаны на работу в Германию, из них погибли немногим более 2 миллионов человек.

Задумайтесь, люди!

Миллионы, миллионы... они хотели жить... Страшно говорить об этом мне, современнику того, ужасного, времени, чему-то бывшему свидетелем. Ищу причины и ответы. Только сейчас, в конце жизни, пришло частичное понимание многого из нашего общего прошлого, в том числе — какой ценой заплатил народ за победу в той войне, была ли справедлива эта цена? Думаем ли мы об этом сейчас, помним ли?

Страшно и трудно сейчас, в наступившем времени исторической правды, ради общего будущего, старому солдату признаться откровенно — в море крови и горя, в море слез нашего народа утопили мы нацистов. От этого не уйти — такова цена Победы...

Времена меняются. Давно ли я горделиво поднимал голову, когда звучали музыка и слова:

«Поклонимся великим тем годам и маршалам...», а сейчас встаю на колени перед могилами и памятью жертв войны с опущенной головой...

Миллионы жертв, в том числе и среди мирного населения, неоправданы, безумны и напрасны, и виной тому были решения, действия, ошибки власти и командования армии. Ошибки, за которые и расплатились своей жизнью люди, как говорится на Руси — «ни за понюшку табака». Ну что? Была война, мы не виноваты: так считает, по крайней мере, президент Путин. Мы не виноваты... А кто — МЫ?

Ответить непросто. Причисляю к этому «МЫ» и себя, и свой народ,

и нашу власть, только думается, что роли были у нас разными, как и возможности. Вспоминать не сложно, все оставалось на виду: я был патриотом, сыном своего времени, приверженцем власти, без которой невозможно было и представить свою жизнь. Я был продуктом, плодом этой власти, она была моим разумом, всей жизнью. Я был рабом, готовым за нее пожертвовать своей жизнью, а власть, в лице партии Ленина-Сталина, родного правительства, была моим повелителем, олицетворением веры в светлое будущее всего человечества. Советская власть представлялась мне Родиной, была святым словом, таким, как «мама».

Казалось, все так и должно быть, но лет после пятидесяти в моей жизни, шаг за шагом, стали меняться ценности. Похожее происходило и в жизни общества, практики власти: одного не хватает, другого нет, искать надо, народ в очередях, а после и надежды на «светлое будущее» растворились. Народ начинает роптать, посмеиваться над властью, правда, пока только на кухне, потихоньку. Одеяло лжи плотно укутало общество, померкли все надежды, народу стало трудно дышать, особенно еще и на полупустой желудок... Все параллельно с гонкой вооружения, новыми ракетами: власть забрякала атомным оружием, интернациональный долг, пошел груз 200... Власть увешивает себя золотыми звездами... Но замелькала вереница генеральных секретарей партии, власть рухнула, и я осиротел, но не в одиночку и без огорчения...

Зашевелился народ, появился у народа голос, к которому присоединился и мой, но снова оказывается, что этот голос и голос власти — не одно и то же. Снова власть показала свой оскал, оставила ограбленный народ на произвол судьбы. Власть хоть и новая, но, исходя из плеяды строителей светлого будущего и молодых потомков славных чекистов, является преемником прошлой, как об этом в свое время заявил первый президент новой России Ельцин.

Казалось бы, предоставляется возможность подвести черту под трагедией прошлого времени и открыто, честно от имени новой власти признать объективную истину, в частности, о событиях прошлой войны, о причинах неоправданных жертв в этой войне. Возможность покаяться в грехах тяжелого прошлого: основания для этого и причины определило само время и жизнь — память павших, общественное мнение и требование еще оставшихся в живых жертв войны, ее свидетелей.

Но, не тут-то было! В 2007 году, господин Путин, будучи президентом, в своем выступлении на встрече с историками попытался поставить

точку в событиях, касающихся сталинских репрессий, заявив о том, что даже и думать не следует о виновности в этом россиян. Нет больше виноватых в уничтожении властью наших граждан. Никто не виноват, кроме одного человека, и искать виновников, в данном случае, по мнению Путина, не следует. О количестве жертв и страданиях народа и сейчас говорить страшно...

Здорово сказано — искать виновников не следует... Как в сказке: один человек, только один, по мнению Путина, расстрелял и сгноил в тюрьмах и лагерях миллионы людей. Что же, в руках у него была волшебная палочка? Или были и помощники? По-своему, одним махом господин Путин освободил власть от вины в сталинских репрессиях, в несметном количестве неоправданных жертв народа в прошлой войне.

— «...на войне всегда бывает много ошибок. Это неизбежно». Как обидно и стыдно — ни слова сострадания, сожаления, сочувствия... Как и с гибелью подводной лодки «Курск» вместе с экипажем — «Утонула?». Без комментариев.

Не могу, да и сил не хватает поверить, что так может мыслить и говорить людям президент, глава государства, это уму непостижимо: кощунство, бесчеловечность... Для меня это еще и удар, потому, что так думает сын фронтовика, защитника Ленинграда...

Из витиеватых, пусть даже и скудных мыслей президента России можно предположить: судьба человека, как и всего народа зависит, как показывает практика Советского Союза и новой России, от конкретного лица у власти, по вине которого и допускаются ошибки, творятся произвол и преступления против своего народа.

В журнале «Новый часовой» (№ 13, 2002 год, С.-Петербург), Изольда Извицкая, исследуя события, связанные с обороной Ленинграда, задается вопросом и отвечает на него:

«...Почему осажденный город так бездушно бросал на верную гибель своих защитников?

Ответ прост: в Смольном о них думали меньше, чем о личной сохранности. Раболепие перед Сталиным, прикрывающее собственную некомпетентность в военных вопросах...»

Ошибка ошибке — рознь. «Ошибки» конкретных лиц в период боевых действий обошлись стране в миллионы бессмысленных, неоправданных смертей, а мы им за бездарность, преступления и холуйство перед властью памятники ставим, садим на бронзовых коней, как маршала Жукова...

Не сложно понять генерала Кириллина: власть и армия понимают, кому доверять тайну кладезя, где сокрыты истинные сведения о причинах негативных событий прошлой войны, о количестве жертв, захороненных и не захороненных солдат и офицеров, безвестно павших, брошенных на полях сражений и не преданных земле...

Поиск и захоронение безвестно павших: казалось, начало под давлением общественного мнения было положено, первые робкие шаги сделаны, но это остается каплей в море, созданием видимости и, если поиск будет продолжаться армией в тех темпах, что сейчас, на поиск и захоронение всех павших воинов в прошлой войне потребуются несколько тысячелетий... Разве это решение? Это продолжение преступления и позора нашей власти, вины народа перед памятью жертв войны, перед родственниками погибших, перед будущими поколениями. Я не верю в то, что власть будет на государственном уровне активизировать работы по поиску и захоронению погибших воинов, хотя и приняла по этому поводу соответствующее решение, возложенное на нашу армию. Не верится и все тут... Активно ведут поиск и захоронения безвестно павших на местах боев общественные поисковые отряды, на те средства, которые удастся собрать от пожертвований. Это скудные средства, с помощью которых сложно вести поисковые работы регулярно, да еще и продолжительное время. Поисковики — люди, в меру посвящающие себя гуманной акции. Мои земляки в г. Челябинске много лет ведут поиск и захоронения павших бойцов и, в память захороненных воинов, высаживают деревья. Когда встречаюсь с поисковиками — поколением сыновей и внуков — и прижимаю их к своей груди, к горлу подкатывает какой-то комок, а после от этого становится легче дышать: они искупают мою вину перед теми, кого предают земле.

Меня иногда удивляет отношение Церкви к павшим воинам, остающимся не преданными земле. С другой стороны, я благодарен Церкви за участие в открытии, освящении кладбищ немецких солдат, захороненных на Урале, благодарен как человек и как солдат войны: могилы обретают статус официального кладбища, вечного покоя и вечной памяти. Все достойно, гуманно. И все же есть свои «но»! Патриарх нашей Православной Церкви, вместе с президентом, случается, — ходит по костям воинов, брошенных и не захороненных на полях сражений (имею в виду Санкт-Петербург), целуется с президентом и не потребует, даже не подскажет ему, что великий грех власти и народа перед людьми и Богом оставлять

наших воинов не захороненными, не преданными земле, без панихиды, без отпевания и вечной памяти. Пора сказать свое, патриаршее слово представителям нашей нынешней власти, а то и пристыдить — для патриарха «и власть ближе и Бог ниже», чем для простых смертных...

Тут же оговорюсь: старый, больной, да еще и полуголодный человек, до предела уставший от забот и хлопот, не нужный никому и выброшенный властью выживать на обочину дороги жизни, забытый обществом, собравшись с последними силами, добирается до церкви. В храме он желанный гость, может поговорить с Богом, отрешившись на какое-то время от мирской жизни, открыть свою душу и боль, покаяться, попросить помощи... Покидает храм человек с облегченной душой, чувством умиротворения и надежды. И за все это платить деньгами, которых у него и нет, не надо... В этом случае я признателен Церкви: действительно, посещение храма для такого человека спасительное дело, и забывать об этом нельзя.

Я крещен, христианин и, каким бы материалистом ни был, религия, вера в Бога — это корни моего народа, вековые традиции, которые я обязан уважать, как и традиции других народов. В этом мой гражданский долг, моя обязанность перед людьми и их верой.

Хочется надеяться, и время для этого пришло, хотя и с опозданием, что Церковь проявит свою сопричастность к ускорению поиска и захоронения безвестно павших воинов и преданию их земле.

Для ускорения величайшей гуманитарной акции поиска и предания земле павших воинов, власть обязана финансировать эти работы. Также следует пригласить для проведения поиска офицеров в отставке, многие из которых имеют необходимую практику работы в поисковых отрядах. Необходимо законодательно создать специальную структуру управления по поиску и захоронению, за счет государственного бюджета финансировать имеющиеся общественные поисковые отряды, способные работать с весны и до поздней осени, с привлечением гражданского населения. Разумно было бы использовать опыт работы германского союза по уходу за военными захоронениями. К слову сказать, немцы заканчивают поиск и захоронение своих погибших солдат, включая и места боев в бывшем Советском Союзе.

При встречах с поисковиками я интересовался, обращались ли они к властям с просьбой о помощи поисковым отрядам, поддержки инициативы общественников, материальной помощи? Оказывается — обращались,

просили, власть молчала, но в последние годы стала отвечать отписками, которые коротко извещали, что поисковыми работами, по приказу Путина, теперь занимается армия (имеется ввиду работа отряда из группы военных под Санкт-Петербургом). Отмазался Путин, говоря простым языком.

Что поделаешь, так и живем. Вспоминаю, как «обрадовал» президент Путин народ и мировую общественность заявлением о том, что мы производим и продаем военную технику в 81 страну мира, чтобы народ тех стран мог защитить себя. От кого защитить, толком понять не могу, но разумею: Абхазии и Южной Осетии повезло, им ничего покупать не надо...

Пишу, а перед глазами возникают образы оборванных, чернокожих мальчишек, с восторгом позирующих с автоматами Калашникова в руках, готовые к бою, или люди в национальной одежде в странах ислама, в халатах и чалмах, в многолюдных местах, базарах, в пустыне, норах, городах Востока... Много их, тысячи, с нашим оружием в руках... Россия торгует смертью: сто тысяч автоматов в Венесуэлу, личному другу Уго Чавесу. Танки, самолеты, ракеты. Торгует, конечно, не Россия, а российская власть, набивая карманы, свои, личные, в первую очередь. Угрожает миру своей боевой мощью. Мы! Мы можем предотвратить, мы можем первыми нанести ядерный удар...

Смотрю на все это, слушаю, и подкрадывается тревожное чувство: доиграется наше правительство до беды, играя судьбами народа, оказавшегося заложником власти, криминальных структур, спецслуж.

Говорю о своей тревоге откровенно: страха, с которым жил полвека, у меня больше нет, как и страха смерти.

Таково мое мнение. Сейчас голос ветеранов практически не слышен, истинный, откровенный голос, он звучит не в унисон с властью. Если когда и слышен, то, в первую очередь, — это голос активиста из Совета ветеранов, близкого к власти, или старого человека, закосневшего в отживших своих идеях, и я не могу его осудить: он остается в прошлом, которому посвятил жизнь.

А власть, она и остается властью: так любила ветеранов, своих стариков и любит до сих пор, как и свой народ, что они кровью плачут от этой любви. Власть спекулирует именем ветеранов в преддверии Дня Победы. В подобной заботе о ветеранах оказались перекрыты каналы гуманитарной помощи из Германии, которая облегчала и скрашивала жизнь

многим старикам. Тем самым власть помогла ветеранам более активно обретать вечный покой...

Всплывает в памяти слышанное в народе: счастье приходит к человеку через его страдания, подобное говорит и религия. Смотрю на стариков и думается: человек всю жизнь страдал, трудился в поте лица в заботе о куске хлеба и семейном благополучии самого низкого уровня, прошел войну, репрессии и что же? Спрашиваю себя: где она, счастливая старость?

Ответа не знаю. Если откровенно — страшно и горько, ведь жизнь прожита, кому оказалось отпущено ее больше, кому меньше... Многие из прожитого остаются на совести власти: сталинские репрессии, пятилетки и войны. Много всего было на жизненном пути, который уготовила власть людям, ставшим орудием и игрушкой в ее руках.

Роль человека в жизни общества, его прав в бывшем Союзе и новой России, наше общее прошлое помогает понять и реально, объективно оценить общественная правозащитная организация «Мемориал», дух которой выражали Андрей Сахаров, Александр Солженицын.

«Мемориал» активно сотрудничал с Фондом помощи инвалидам войны, содействовал открытию кладбищ немецких солдат на Урале. При его непосредственном участии прошла встреча российских и немецких ветеранов прошлой войны за круглым столом, на международной конференции, где было принято обращение «XXI век — век без оружия и войн» к мировой общественности. В «Мемориале» проходили встречи наших ветеранов войны с узниками концлагерей, членами семей безвестно павших воинов, проводились дискуссии о событиях прошлой войны, цене Победы, количествах жертв...

В «Мемориале» я имел возможность встречаться с жертвами войны, получить информацию от свидетелей трагедий семей безвестно павших воинов: все, вместе взятое, послужило исходным материалом в написании книги... Ознакомился с открытым письмом бывшего репрессированного, правозащитника Сергея Ковалева президенту Путину, в котором он обвиняет президента во лжи, политических махинациях, недобросовестности... В подвале мемориала, в городе Екатеринбурге посмотрел фильм о расстреле польских офицеров в 1940 году органами НКВД...

«Мемориал» — место, где борются за права человека в России, место, где можно окунуться в нашу историю справедливости, разобраться в законах о защите прав человека, окунуться в глубины мира интернета,

вести поиск имен погибших в прошлой войне и мест захоронений, в том числе и военнопленных на территории Германии. Все это для нашей власти, для ФСБ, как кость в горле. Не жалуется наша родная власть эту общественную, правозащитную организацию. Давно бы и пресекли ее деятельность, но мировая общественность имеет в «Мемориале» свой, свободный голос, который звучит на весь мир и приглушить его наша власть, в данном случае бессильна!

Впервые, вместе с Ханнелоре, мы посетили «Мемориал» в городе Екатеринбурге лет пятнадцать назад. Не без страха поднимались на чердак старого здания по ветхой лесенке, опасаясь сорваться вниз и загреметь костями в провал. Некоторым из посетителей «Мемориала», чтобы осилить эту волшебную лестницу, была нужна помощь. Найти ответ и понимание в наше время, оказывается, бывает непросто и чисто физически. В последние годы офис «Мемориала» находится в подвале, куда приходится спускаться по узенькой крутой лестнице и, чтобы не рухнуть с нее вниз, люди руками опираются о стены, иначе можно и шею свернуть себе.

Куда денешься, вот так и живем: противопоставление власти и народа, власти и общества, общественное мнение и общественная активность, ложь и правда, миллиарды и нищета, социальная справедливость и права человека...

Являясь и свидетелем, и сопричастным, я наблюдаю, как в последние годы «Мемориал» тесно работает с Обществом помощи ветеранам войны России. Реализуется проект социальной помощи из Германии престарелым и тяжело больным ветеранам и жертвам войны в г. Екатеринбурге, с участием социальных работников, медицинских сестер и волонтеров из студенческой молодежи. Этот совместный проект материально поддерживается германским Фондом благотворительности «Ответственность, воспоминание и будущее». Берлин. Все услуги оказываются бесплатно.

Частый гость «Мемориала», доктор Ханнелоре Дандерс является и большим другом председателя отделения «Мемориал» Анны Пастуховой. Многие и многие вопросы, касающиеся помощи людям, встречи с общественностью, конференции проводятся ими совместно, в первую очередь в России. Привлечение к участию в гуманитарных акциях молодежи, общественности — одна из первостепенных задач, как и укрепление дружбы народов России и Германии.

Мне нравится бывать в «Мемориале». Здесь всегда вижу молодежь:

шумят, смеются, спорят, втягивают в разговоры и дискуссии меня, благо, что еще хватает на контакты сил. Анна Яковлевна всегда сразу бросает меня в круг ребят и надолго. Чувствую, прекрасно понимаю их желание пообщаться с ветераном войны — вопросов, причем взаимных, возникает много до бесконечности. Случается и спорить, убеждать, что-то доказывать...

В эти часы я счастлив...

«Мемориал» — это не дубина политической власти, как «Единая Россия», а голос совести, справедливости народа, его надежды. Даже и офисы различаются: у «Мемориала» — убогие подвалы или чердаки, у «Единой России» — дворцы. «Мемориал» — голос справедливости, исторической правды, прав человека и гуманности, «Единая Россия» — голос власти, фальсификации истории, пренебрежительное отношение к правам человека, лицемерие...

Время показывает: все еще большинство поет в хоре жизни разноголосо, со слезами на глазах по партитуре и нотам власти. Поет власть, поет и народ, но мелодии и слова остаются разными, унисон недостижим...

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

Ежегодно в Германии организуются международные лагеря по уходу за могилами наших солдат. Их проводит Народный союз Германии по уходу за военными захоронениями. И вот я получил приглашение посетить лагерь молодежи по случаю завершения работ на военном мемориале. Всегда посещение лагеря оставляло в сердце сильное впечатление: прибранное кладбище наших погибших солдат, молодежь, одетая в специально пошитые с символикой рубашки, с сумками, в кепи, звучит гитара, песни. Пестрая группа людей с цветами в руках, солдаты и офицеры бундесвера...

Для открытия митинга слово предоставили молодежи, представителям местной администрации региона, Народного союза, благотворительных и общественных организаций, Генеральному консулу РФ. Звучала молитва настоятеля православного храма в Дрездене отца Георгия. Все рассказывали о трагедии прошлой войны, призывали к взаимопониманию народов, к дружбе и миру, на могилы возлагались венки и цветы.

Каждый раз, когда я вижу внимание народа и органов государственной власти Германии к судьбам жертв войны, в душе нарастает отчаяние,

обида за неухоженные могилы наших солдат в России. Невольно возникает вопрос: кому они нужны? Захоронения наших солдат брошены на произвол. От сознания этого выть хочется! Не буду вдаваться в политические мотивации истории, касающиеся прошлой войны, но немцы ищут по всему свету, разыскивают останки своих солдат, чтобы предать их земле. Итальянцы из Цайтхайна, где располагался лагерь военнопленных, вывезли останки умерших в лагере своих солдат на Родину. Японцы никого из умерших в плену не оставили на территории бывшего Союза. Выполнили свой гражданский долг перед памятью солдат. А мы!

Допускаю, власть понимает свою вину перед народом: рано или поздно приходит время ответа, и, как следствие, должно последовать наказание. Но заикнулся ли об этом народ, потребовал ли он от нынешней власти хотя бы объяснений? Нет! Народ молчит. Почему?

Не берусь отвечать за власть, но одно для меня ясно: сами виноваты! Сужу по себе и оправданий вижу мало. Покаяния мало. Оправдания себе быть не может. Надеяться на покаяние власти не приходится. Страдал народ, но его голос в этом ужасе был слабым, как голос человека, тонущего в волнах бушующего океана. Обливаясь слезами горя и страдая, Общество молчало.

Очередные события наблюдал в Германии, которые заслуживают, по моему, серьезного внимания. Получил вместе с Ханнелоре приглашение от Народного союза Германии принять участие в церемонии завершения работ интернационального молодежного отряда, работающего на территории бывшего лагеря военнопленных, располагающегося на окраине города Герлитца, на востоке земли Саксония. После войны он был разделен на два города, немецкий Герлитц и польский Стержедец. Лагерь военнопленных оказался на территории Польши. В лагере, который был организован в 1939 году под № 8, в период войны находилось 120 тысяч военнопленных, в подавляющем большинстве советских.

После войны поляки на местах двух братских могил умерших в лагере военнопленных поставили каменные столпы-монументы и обозначили территорию кладбища. Подобная акция была осуществлена во всех странах, вошедших в Варшавский Договор, в странах, где остались захоронения советских воинов, странах, которые обрели в лице Советского Союза брата, освободившего народы этих стран от фашизма. Все осуществлялось на средства стран, на территории которых оказались захоронения.

Не могу судить об отношении польского народа к могилам советских солдат, как они ухаживали за ними, но после распада Союза дружная братская семья славян дала трещину, в том числе и с Польшей. Признание Борисом Ельциным расстрела польских офицеров в 1940 году советскими органами НКВД, и реакцию на это признание мне пришлось испытать на себе в 1992 году: поляки не разрешили проезд через территорию Польши автоколонны с гуманитарным грузом из Германии для российских ветеранов войны. Именно с тех пор на кладбище не ступала нога российского человека.

Пришло новое время, и вот я присутствую на митинге у братской могилы военнопленных бывшего лагеря №8. В одном ряду стояли ребята молодежного интернационального отряда, руководитель Саксонского отделения Народного союза, бургомистр города, руководитель фонда Саксонии, занимающийся исследованием мест захоронения наших военнопленных. Многие организации активно работают с материалами архивов лагерей военнопленных: в результате их родственники, в частности на Урале, получили информацию о времени и месте захоронения своих отцов, мужей, братьев и дедов...

Впервые на подобной церемонии у могилы наших солдат отсутствовал Генеральный консул РФ. Приглашение ему было послано, но в ответ — извинения, что не может присутствовать на церемонии по причине занятости... Комментировать нет смысла. Митинг открывает молодежь. Звучит гитара, слова от германского Союза, бургомистр города признает и ценит инициативу немцев, поддерживает необходимость ухода за могилами бывших солдат, подчеркивает стремление польского народа крепить дух дружбы между народами. Ответное слово сказали и ребята. Они выделили ценность подобных встреч и работ. Далее началось возложение венков и цветов. Вместе с девушками из России, двумя студентками, я возложил цветы на могилу своих соотечественников и преклонил колени перед памятью солдат войны. Думается, первые цветы за последние годы после развала Союза.

Из выступлений и общения с присутствующими на церемонии, в том числе с представителями бундесвера, получил информацию о лагере. Более десяти тысяч погибли в лагере только военнопленных Красной Армии, кроме этого, другие военнопленные: итальянцы, французы, югославы, чехи, поляки. Судьба советских военнопленных сложилась особенно трагично: советская власть признала

их изменниками, предателями и объявила о своем решении мировой общественности.

Военнопленные других стран попадали под статус Гаагской конвенции, и это значительно помогало им выжить в условиях лагеря, например, обеспечивало поддержку Международного Красного Креста. Они имели право получать посылки. Французы, итальянцы в лагере находились в отдельных бараках, их поддерживали международные благотворительные организации...

Вернемся на кладбище военнопленных в Герлитце. После официальной части осматриваем бывшую территорию лагеря, заросшую лесом. Ребята вырубili деревья и вели раскопки под руководством археолога. На месте бывшего лагеря военнопленных появилась идея строительства музыкального театра: узником лагеря был известный в Европе композитор.

Присматриваюсь к молодежи, ребята работали на восстановлении кладбища военнопленных, счастливые, возбужденные от работы и гордые своими мозолями на руках, дружные в своем порыве сопричастности к гуманной акции, дружбе. Работа сочеталась с экскурсиями, поездками по городам Саксонии, в Прагу. Они занимались спортом, организовывали художественные выступления самодеятельности, вели дневники, отчеты о проделанной работе, в условиях искреннего уважения друг к другу, так как каждый представлял свою страну...

Немцы разыскивают неизвестные захоронения своих солдат, образно говоря, повсюду, где ступала нога немецкого солдата, куда занесла воля власти и война. Недавно пришлось услышать: обнаружены останки немецкого солдата, погибшего в первую мировую войну, и преданы земле. В ближайшие годы немцы намерены предать земле своих солдат, погибших на территории России. В 2007 году они перезахоронили останки 16007 солдат, а всего за год 32246. На территории России немцами уже открыто более тысячи захоронений своих солдат.

Гуманная акция Народного союза Германии исходит своими корнями от народа, поддерживается государством на уровне президента страны не только морально, но и материально, из средств государственного бюджета, а также с помощью общественных организаций и фондов, добровольными пожертвованиями народа. Значительное место в гуманной акции по уходу за воинскими захоронениями Народного союза принадлежит церкви.

Но главная роль в работе Союза остается за общественностью: немцы активно поддерживают эту организацию. Например, в 2007 году солдаты

и офицеры бундесвера на улицах городов и сел собрали от граждан для Союза более 300 тысяч евро.

Деятельность германского Народного союза по уходу за военными захоронениями постоянно и широко освещается в средствах массовой информации. Союз самостоятельно издает иллюстрированный журнал «Голос и путь», в котором информирует о проделанной работе, отчитывается перед членами Союза и общественностью в использовании денежных средств, исчисляющихся миллионами евро. Все кладбища жертв войны в Германии и кладбища немецких солдат в России находятся под опекой Союза. Уход за воинскими захоронениями наших солдат в Германии также организуется Народным союзом.

Время, время... Я часто ищу ответы на некоторые вопросы, касающиеся судьбы солдата, судьбы наших солдат и немцев, ищу особенности единства судеб солдат, стараюсь увидеть и понять в них суть солдата и человека. Последнее время стремлюсь осознать роль солдата и роль оружия в руках власти.

По-стариковски мысли перескакивают от одного к другому. Я родился и вошел в жизнь человеком. Возникает вопрос: почему и как я стал солдатом? По законам природы я не мог родиться солдатом, в руках которого неизбежно должно быть оружие насилия, убийства или защиты.

Солдатом меня сделала власть. Она сформировала сознание, вселила дух воина, напичкала идеями патриотизма и превратила меня в свое оружие, сделав рабом власти, и она распоряжалась моей судьбой и жизнью в своих интересах. Независимо от моих убеждений я служу власти, интересы которой в большинстве случаев с моими убеждениями не совпадали, а, бывало, и противоречили им.

Что скрывать: почти полвека немец оставался для меня врагом. Разве мог я думать о немце, как о человеке. Конечно нет! Что являлось причиной такого чувства, сколько потребовалось времени разглядеть в немецком солдате человека и, в конце концов, породниться с ним, с немцем, с солдатом, когда-то смертельным врагом...

Затрудняюсь вспомнить и восстановить в памяти, когда мы, бывшие солдаты, ветераны прошлой войны России и Германии, при общении друг с другом стали использовать слово «брат». Сколько же за этим словом кроется искреннего, простого человеческого чувства братства, связанного особыми условиями прошлого, пролитой кровью. Сейчас с горечью думаю о том, как много сил еще потребуется моей России, чтобы

отыскать и по-человечески захоронить останки всех убитых в Великой Отечественной войне своих солдат...

Снова живу событиями настоящего времени, не во всем радостными, а то и печальными. Крепко задумался: почему немцы так активно стараются решить проблему захоронения погибших солдат. Что происходит у нас, что с нашей совестью? В первую очередь, говорю о себе. Жизнь моя проходила в облаках, окутанных плотно властью: дышал полной грудью ее воздухом, думал и мыслил категориями и идеями власти, служил ей верой и правдой. И мы во многом были довольны, что удивительно, работали, не жалея сил, творили чудеса. Готовы были отдать жизнь и отдавали ради веры в свое светлое будущее.

Не думаю, что это касалось только меня, хотя я говорю только о себе. Мы, молодежь того времени, были действительно добровольными рабами власти, о чем поняли только через полвека. Стремясь что-то сделать по поиску и захоронению наших безвестно павших солдат и офицеров, излагаю свои мысли и представления для публикации их в средствах массовой информации. Текст моего проекта:

«...Снова крик сердца и разума: пришло запоздалое время для принятия незамедлительных, радикальных мер по поиску и захоронению безвестно павших воинов на полях сражений прошлой войны. Это голос чести и совести нашего народа перед людьми и мировой общественностью, перед Богом... Опыт и практика показывают: потенциальные возможности по активизации работы имеются. Сотни тысяч воинов найдены и преданы земле поисковыми отрядами, причем они работают добровольно, на общественных началах. Предлагается: законодательно, на федеральном уровне определить цели и условия работы поисковых отрядов, обеспечив их материально. Создать государственный механизм по организации работ поисковых отрядов, фондов.

Финансирование производить из средств государственного бюджета. Достаточным опытом поисковых работ обладают отряды и Фонды поисковиков Санкт-Петербурга, например, международный фонд «Защитники Невского пятачка», под руководством Сергея Панина, который является заместителем председателя общественного Фонда поисковых отрядов Ленинградской области.

Организация этой работы — это наш Святой долг.

Первые шаги, сделанный властью, — поиск захоронений безвестно

павших через центр военно-исторического мемориала Министерства обороны, малоэффективны и ограничены.

В книге «Жизнь на войне и после войны», изданной к 60-летию Победы в Санкт-Петербурге, с предисловием губернатора города Валентины Матвиенко, в котором она пишет: «Художественно-публицистическое произведение, посвященное 60-летию Великой Победы, подвигу участников Ленинградской битвы и тружеников тыла, повествует о **НРАВСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ** (выделил автор) современного поколения россиян перед сотнями тысяч известных и неизвестных героев, которые стойко и мужественно исполнили свой воинский и гражданский долг».

Нет слов более справедливых в понимании нравственной ответственности современного общества. Красочные фотографии ныне живущих ветеранов, участников обороны Ленинграда, памятные места сражений, монументы, мемориалы, памятники, камни и... везде надписи, вырубленные в камне:

«Слава героям... С этой земли мы не ушли... Мужеству павших героев... Подвиг ваш бессмертен... Вечная память...»

Памятники, памятники, цветы, добрые слова, самые гуманные: выражение скорби и благодарности за подвиг, за Победу... Они выполнили свой долг, не ушли с этой земли...

Только не хватает одного, для меня самого важного. Они остались в земле, погибшие герои. Но где они, те, кто дал своей смертью жизнь вам, люди, будущему поколению? Где они, воины, погибшие на поле боя, сколько их захоронено с воинскими почестями и предано земле, где их могилы?!

Книга молчит, ответа от власти нет, молчит и нравственная ответственность.

Изольда Иванова, историк, исследователь, в книге «Заслон на реке Тосна», изданной в Санкт-Петербурге в 2008 году, пишет: «...Поставили вдоль дорог ряды стандартных обелисков и забыли о миллионах незахороненных, неизвестно павших...»

Все — правда, и ужасно, что молчали об этом. Так жили, разумеется, не все, но немало людей продолжают так жить. Таковы мы есть, и от этого не уйдешь.

Как мне бывает стыдно за мемориальную литературу, за вранье и ложь наших военачальников. Сплошное ура! Только победы под мудрым руководством и угодничество...

Семья Максимовых

Мне 4 года

Гармонисту Виктору 15 лет

Мне 80

Мы с председателем Совета ветеранов Санкт-Петербурга Г. Датчиковым

Оседлал «Леопарда»

Мысли не дают покоя

Встреча
с американскими
ветеранами.
Цайтхайн, 1993 г.

С ветеранами
из Санкт-Петербурга

Я с членом Общества, профессором,
художником Гансом Мрачински

На фоне
Гаагского трибунала

Бургомистр
г. Хайденау г-н Якобс

Кристина Кайль,
спонсор Общества

Смотритель Цайтхайна
Бернхард Новотный

Режиссер, член Общества
Хайду Райхельд

Почетные члены
Общества Жорж Жаркой
и Марьяна Кой

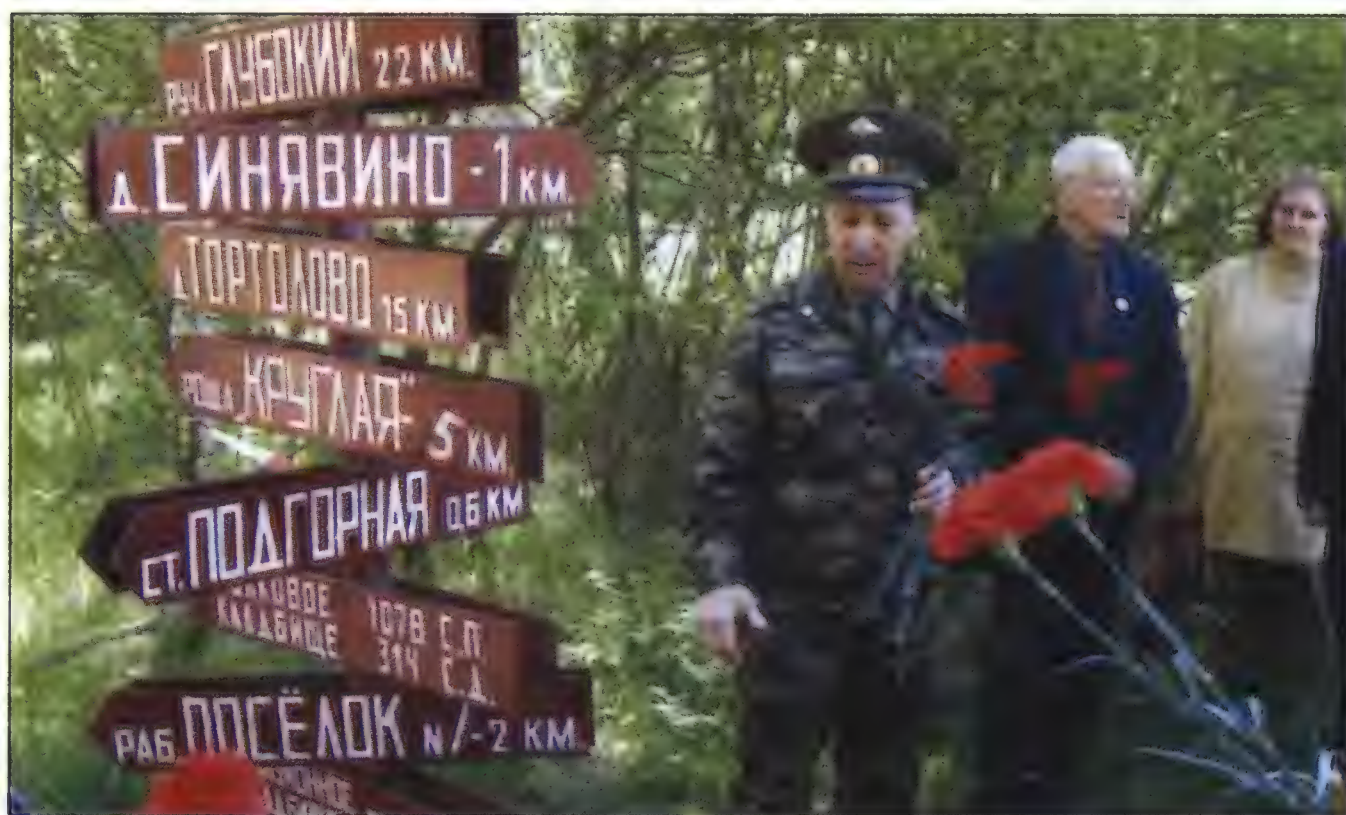
Миг примирения: бывший немецкий солдат Хельмут Петерайнц и полковник в отставке Михаил Гавриленко у мемориала советским воинам. Цайтхайн, 2005 г.

Они поняли друг друга: Хельмут Петерайнц и ветеран, член городского Совета ветеранов войны Челябинска Таисья Тихоплав

Немецкие ветераны возлагают цветы к Вечному огню в Челябинске.
22 июня 2001 г.

Сергей Панин
на Синявинских
высотах.
Санкт-Петербург

На кладбище
немецких солдат
на Широкой
речке.
Екатеринбург,
2005 г.

На кладбище немецких солдат. Екатеринбург, 2001 г.

Мероприятия
на кладбище
немецких
солдат

1996 г.

1997 г.

1997 г.

Лариса Новикова на могиле отца. 2008 г.

Дочь с сыном на могиле отца
и деда. Кладбище Цайтхайн,
Германия

1998 г.

Доктор И. Зюсс.
Председатель
германского Общества

Братское кладбище погибших в годы
Великой Отечественной войны.
Синявинские высоты, 2007 г.

Встреча российских, американских
и немецких ветеранов. Дрезден, 2002 г.

Ханнелоре Дандерс и бывший узник
Заксенхаузена Д. Филимонов

Мы с членом Общества
Уве Лаашем

Воспитанники детдома
в Черноусово с немецкими
друзьями, 1998 г.

Доктор, профессор, генерал Рольф
Леманн с супругой

Обед после сортировки
медикаментов. Дрезден

Детдом в Черноусово,
тренажерный зал

Медикаменты из Германии

Готовятся к отправке гуманитарные грузы из Дрездена, 1999 г.

Гостинцы детскому дому в Черноусово, 1998 г.

Медикаменты для России

Конференция российских и немецких ветеранов в Екатеринбурге, май 2005 г.

Председатель городского
Совета ветеранов г. Челябинска
Евгений Куракин

Ханнелоре Дандерс и член Общества
Христиан Модерсон

Встречи в Екатеринбург-
ском госпитале ветеранов
войны

Госпиталь ветеранов войны в г. Екатеринбурге (1993-1994 гг.)

Доктор Х. Дандерс

Адо́льф Бе́лих

Член Общества П. Санталов,
г. Екатеринбург

Х. Модерсон, 1942 г.

Maximilian
und Hannelore Daeders
am 26. 9. 1903
In dunkles werdendes Welt das Licht zu tragen
mels Menschlichkeit - dafür möchte ich Euch danken
Zur Erinnerung an den Besuch in Fischehude
Mit allem guten Wünschen eines Christen Modersohn

Подарок от Христиана Модерсона
«Путь к свету»

Конференция
ветеранов
в С.-Петербурге,
2007 г.

Члены немецкой
делегации Уве Лааш,
Зигфрид Бурмайстер
и Клаус Фритше

Колокола
кладбища
в Хайденау

Доктор И. Зюсс
и В. Четверикова.
Дрезден, 2005 г.

Я с А. Нахтигалем
и М. Гавриленко.
Дрезден, 2005 г.

Во время вручения Почетной грамоты в Международном клубе
при Министерстве иностранных дел ФРГ. Берлин, октябрь 2009 г.

Чувствую, как часто звучит в моих мыслях и словах слово «власть». На моем веку она отличалась особой заботой, любовью народу, защите ее от врагов, миллионы их, врагов, советская власть уничтожила еще до войны. Врагов народа уничтожала руками самого народа. Я в те годы только прыгал от радости за уничтожение врагов.

Мысли и рассуждения о власти и народе для меня неизбежны. В моем возрасте, когда за плечами пройдена жизнь, да еще в какие времена. Вариться в одиночку в собственном котле не пришлось: будучи продуктом своего времени, булькался в общем котле. Узок и ограничен был мир, в котором мы жили. Иного образа жизни я не знал, жил этим и, пройдя войну, вернувшись инвалидом, продолжал жить надеждами на светлое будущее, как и большинство моих современников. Все были одинаково равны в восприятии и понимании цели жизни.

Однако перед развалом Союза, тем более после него, стал замечать в лицах, окружающих меня людей, индивидуальность, за которой видится человек, и я как будто стал заглядывать в души людей и понимать, какие они разные. Полагаю, жизненный опыт, перипетии жизненного пути в основном помогли понять человека. Время и жизнь приблизили ко мне человека и усилили к нему интерес. Открытие ворот к душам людей помогло и ускорило пребывание в Германии, общение с немцами в стране моих бывших врагов.

В первые дни и недели, а потом и месяцы пребывания в Германии, вращаясь среди своих военных соотечественников из Западной группы войск, решая проблемы гуманитарной помощи нашим ветеранам, столкнулся с такой вопиющей бесчеловечностью и непробиваемой бюрократической стеной армейцев и власти. От этого мне было очень тяжело. Спасение гуманитарной акции пришло от немцев. Не от власти, а от людей, с помощью которых и начался активный рост нашей деятельности: человека из Западной Германии, чиновника высокого ранга господина Хобаха, из города Эсслингена, Ханнелоре Дандерс, доктора Зюсса, Зигфрида Циллера; старые немецкие солдаты подарили нашим ветеранам здоровье, продлили их жизнь, навели мосты дружбы между бывшими врагами.

Так пришлось на старости лет в тяжелое время для России увидеть в новом ракурсе наших ветеранов и отдать должное немцам: их способности общаться, чувству гуманности, пониманию своей роли и места в общественной жизни, объективной оценке прошлого своего народа, покаянию и признанию вины перед историей...

Понять эту взаимосвязь помогли встречи с людьми, представителями власти, с президентом Германии, которому вручил обращение ветеранов войны «XXI век — век без оружия и войн» к мировой общественности.

Мои года стали заполняться людьми, их нелегкими судьбами и селиться в сердце старого солдата с тревогами, заботами и болью в душе. Оказалось, что прошлая война, горе и страдания людей снова возвращаются ко мне, и уйти от этого уже невозможно. Погибший солдат в войне беззащитен. Маршал Жуков в последнем издании своих мемуаров признает свою вину и кается в принятии решения о штурме Берлина через Зееловские высоты. Через десятки лет все же, ближе к концу жизни, признал и взял вину на себя за «...большие неоправданные потери в людях...»! Позднее в этом раскаялись и генералы, участвовавшие в Берлинской операции.

Если иметь в виду трагические ошибки советской власти, допустившей неоправданные потери, смерть миллионов людей, а затем и скрывание гибели солдат и офицеров, получается, что спросить уже не с кого. Пусть так — нет в живых виновников, но признать вину тех людей и власти, пусть и запоздалую, необходимо. Сделать это обязана власть сегодняшнего дня. Я так думаю.

ПОБЕДА

Наступил новый, 2010 год. Откровенно говоря, радости на сердце с началом этого года немного: удивит разве что чувство удовлетворения за возможность пожить дольше 85 лет — это ли не судьба! Есть и особенность нового года: предстоящий юбилей окончания прошлой войны — 65-летие Дня Победы. С волнением и непредсказуемыми заботами ожидаю эту дату, о чем попытаюсь сказать позже, а сейчас пройду памятью, попытаюсь вспомнить о Днях Победы, которых за моей спиной осталось 64.

Стараюсь восстановить в памяти то, что творилось с народом 9 мая 1945 года — подобного ни видеть, ни испытать самому в своей жизни с тех пор не пришлось, хотя видел немало людских слез и горя, но в тот день у всех были слезы радости, счастья. Вспоминаю и понимаю — не все видел и, через полвека, осознаю: не для всех тот день был праздником со слезами радости и счастья, не все ликовали на улицах, обнимались и кричали «Ура! Конеч войне, победили!»... Сегодня видится и другое:

сколько вдов, осиротевших детей, сколько матерей и отцов, подавленных горем утрат...

Этих людей в первый день Победы я не видел, не замечал, даже и подумать не мог о том, что были они почти в каждом доме, в каждой семье. Их образы явились мне на старости лет: лица, боль израненных сердец, которая возвращает меня назад, к 9 мая 1945 года, память и совесть не отпускают меня из прошлого... В те дни ликованию нашему не было предела, мы не думали о цене Победы, слишком ярко она сияла для всех после мрака войны. Но сполохи огня слабели: радость оставалась у тех, кто надеялся, что близкие остались живы и могут вернуться к родному очагу, однако надежда оставалась не у всех: не было семьи, за редким исключением, которую война обошла бы стороной. Раны войны были видны на каждом шагу, у многих — остались на всю жизнь.

Первую годовщину Победы советская власть решила отметить награждением участников войны медалью «За победу над Германией». Для получения медали нужно было сдать в военкомат документы, подтверждающие участие в боевых действиях, или справку, например, о ранении. После, к старости, многие годы пришлось мне доказывать свое участие в войне и ранение на фронте, а кому-то пришлось доказывать, что их искалечила война для получения пенсии по инвалидности. Многие тогда под горячую руку получили медаль на грудь, и после, через десятки лет, не всем удалось подтвердить звание участника войны. Таковой оказалась цена медали.

Народ продолжал залечивать раны войны, справляясь со страданиями самостоятельно, без помощи государства, утешаясь надеждами, обещаниями родной партии, товарища Сталина и правительства. Тяжелое и сложное послевоенное время незаметно отодвинуло куда-то в сторону, на задний план радость дня Победы. Война, слава Богу, закончилась. Партия призывает восстанавливать народное хозяйство, разрушенное за эти страшные годы. В апреле 1947 года отменили карточную систему: покупай свободно продукты. После голодных лет появился у людей кусок хлеба.

9 мая по радио голосом Левитана звучал реквием. В эти минуты страна замирала, люди не стеснялись своих слез в ответ на слова о вечной памяти жертвам войны и славе народу страны за разгром фашисткой Германии. Никаких официальных торжеств, связанных с днем Победы, не было, но СМИ воздавали должное за победу генералиссимусу товарищу Сталину.

Все изменилось с приходом к власти полковника, участника войны, бывшего начальника политотдела 16 армии Леонида Брежнева: зазвучало слово Победа, заговорили, вначале весьма скромно, о победах нашей армии над нацистами, вермахтом, о победителях — маршалах, генералах и... понеслось. В честь двадцатилетия победы участники войны удостоиваются знака фронтовика с официальным удостоверением, к сорокалетию окончания войны — награждаются орденами «Отечественной войны». Щедро — золотыми звездами героев — отметили себя и военачальники, а бывший полковник поднялся в звании до маршала...

Под торжественные фанфары в предверии дней Победы сообщалось о повышении пенсии инвалидам войны: поднимали нижнюю планку пенсии на мизерные рубли, но зато с большой помпой обещали ветеранам квартиры.

В честь Дня Победы на Красной площади Москвы стали проводиться парады, демонстрировались достижения в области военной техники.

Достойными в те годы в жизни ветеранов являлись льготы, и немалые: коммунальные услуги, бесплатные медикаменты, медицинская помощь, проезд в городском транспорте. Облегчало жизнь право обслуживания вне очереди, где люди многие часы тратили на покупку, например, — обуви, или пары килограммов мяса. Имелись специализированные магазины для ветеранов войны, где они могли купить килограмм колбасы или пару килограммов фруктов в месяц.

Власть через СМИ, комитеты и Советы ветеранов войны старается привлечь внимание общественности к участникам войны и этим выразить свое значение и роль в победе над фашизмом, показать заботу о ветеранах. Организуются встречи молодежи с ветеранами войны, чтобы на их героическом примере привить молодому поколению чувство любви и преданности своей Родине, партии и правительству. В то время никаких мыслей и разговоров о жертвах, гибели в войне солдат, о цене Победы не возникало, — только Победа, — спасли народы Европы от коричневой чумы, только Победа! При этом и сами ветераны испытывали гордость за победу в войне... Но начинаются зигзаги в политике власти, которая теряет доверие народа, запутавшись в своих идеях перестройки государства, стабилизации общества. Советский Союз разваливается. Рухнуло все — механизм власти, социальные структуры, возможности медицинской помощи, народ, вместе с ветеранами, брошен на выживание. Новые времена.

Снова возвращаюсь к своим чувствам, связанным с Днем Победы и событиям последнего времени, мало радующим старых людей, если говорить откровенно, но от жизни не уйдешь, какова бы она не была. В преддверии дня Победы я стал регулярно получать поздравления от президента: традиционно, накануне праздника почтальон вручает мне конверт, на котором ярко видны слова «Кремль, Москва» и красочный орден Победы, «9 мая 1945-2008», — это последнее поздравление. Вскрываю, читаю:

«Уважаемый Виктор Сергеевич...». Личное поздравление президента не радует, наоборот, вызывает чувство неприятия. В телефонном разговоре со старым другом, фронтовиком Анатолием, журналистом, подарившем людям свою искреннюю книгу о солдатской судьбе на фронте, полную той правды, о которой раньше и говорить боялись, спрашиваю:

— Ты получил от президента поздравление, высшую благодарность и поклон за свой ратный подвиг?

— Как обычно, получил, — безразличным голосом произнес мой друг, — власти врать и льстить привыкать не надо, тем более ко Дню Победы. Без этого они не могут.

Вернусь к событиям годичной давности: как обычно с приближением Дня Победы появляется информация в СМИ, начинают поговаривать люди — вновь избранный президент обещает ветеранам автомашины или компенсацию в сто тысяч рублей, обещает всех ветеранов обеспечить квартирами... Заговорили в народе о царской щедрости нового президента, только в разной тональности голосов. Встречаюсь с Еленой Кочубей, председателем общественной организации Екатеринбурга «Память сердца», объединяющей детей безвестно павших во Второй мировой солдат, и слышу в свой адрес: «Все вам, ветеранам — и автомашины, и квартиры, а нам, детям погибших на фронте отцов, — ничего! Сколько можно над нами издеваться, всю жизнь?» Упрек в адрес ветеранов во многом был справедлив, но все же я его переадресовываю власти.

То, что новый президент пообещал квартиры ветеранам, — не ново, по крайней мере, последние не менее сорока лет власть ежегодно ко Дню Победы щедро раздавала обещания — дело обычное. Автомашины действительно некоторые из инвалидов получили, те, кто стоял в очереди на транспорт со времен советской власти и дожил, кому повезло. Бывает. Что касается квартир, посмотрим: проблема жилья для ветеранов все годы, не без помощи власти, решалась просто: без хлопот, очередей и

унижений — на кладбище... И сейчас власть продолжает кричать, правда, только в предверии дня Победы — «ветераны, ветераны...», а где они, ветераны?

Если внимательно присмотреться — их можно еще заметить в аптеках с рецептами на бесплатное лекарство в дрожащих руках, а его в перечне льгот нет, или лимит на бесплатные лекарства исчерпан. Хотя все медикаменты в наличии имеются, — только плати...

День Победы. Складывается впечатление о двоякости общественного восприятия значения этого дня: одно у народа, особенно людей старшего поколения — отклик сердца, воспоминание о трагическом прошлом, осознание своей, какая бы она ни была, роли в победе над фашистами и утрата надежд на доброе, человеческое будущее. Для многих и многих этот день остается самым значительным событием в их жизни, хотя и со слезами на глазах — выстраданный и выношенный долгими, тяжелыми годами жизни.

Другое дело для власти ныне живущих, молодых, шустрых и дерзких, самоуверенных — извлечь из такого значимого для народа события, как День Победы, определенную выгоду, создать в глазах общественности видимость заботы и любви, преданности своему народу. Демонстративно подчеркивая свою значимость, причастность к судьбам своего народа, не брезгуя при этом методами и нормами, далекими от всех канонов нравственности и элементарной гражданской совести, власть играет на чувствах народа, используя в своей игре, как козырную карту, святое — День Победы и судьбы старых солдат прошлой войны, давших жизнь будущим поколениям.

Действия власти антигуманны, чего только стоит парад Победы на Красной площади — это же угроза миру: бряцать оружием, способным уничтожить жизнь на нашей планете. Демонстрация военной техники — орудия смерти — сосредоточенной в руках власти.

Хочется сказать тем, кто играет судьбой народа, — остановитесь ребята! Оглянитесь назад, на многострадальную историю России. Уймитесь, иначе сами себя поставите на грань самоуничтожения. Власть и деньги закрыли вам глаза и заткнули уши, помутили ваш разум, думаете только о себе, о своей выгоде, о миллиардах и миллионах, но ставить на кон в вашей игре судьбы людей — преступление, и оно неизбежно должно быть наказано.

Беру на себя смелость сказать и о послевоенном поколении: эти

люди стали свидетелями прошлой войны, они живут с днем Победы с самого детства, отмечают его вместе с бывшими воинами, понимая суть величайшего события в жизни страны, уважая традиции его проведения, признавая и почитая при этом заслуги ветеранов.

День Победы! Народ тихо, без суматохи и грома победных маршей возлагает цветы на могилы жертв войны, в их память ставит свечи, читает молитвы, выражая скорбь через покаяние и слезы. А кто-то, перед старой фотографией, глядя на лицо молодого парня, оставшегося в войне, помянет павших по нашему обычаю — глоточком водки... Мне бывает волнительно и тяжело, когда в этот день на улицах, в транспорте, всюду, где я встречаю людей, — меня поздравляют, так и говоря, — «С праздником, с Днем Победы!» Сколько человечности, теплоты в их голосах, сколько искренности в лицах, а пожилые люди часто и кланяются... Пишу об этом, и на мои глаза наворачиваются слезы: они знают истинную цену Победы.

В этот святой день впервые посещать могилы наших солдат я начал в Воронеже: большой шумихи тогда еще не было, и утречком я приходил на могилы, которых там было немало. Расстилал тряпочку, доставал кусочек черного хлеба, луковицу, разрезал ее на пластики. Из солдатской фляжки наливал в алюминиевую старую кружку водки и поминал лежащих рядом в земле своих сверстников. Из газеты крутил цыгарку, заправлял махоркой и курил... Не один я бывал на могилах в этот день, случалось, поминали и компанией фронтовиков. Да, мы победили, свершили чудо, спасли народы от коричневой чумы, но не покидает меня память о том, какой ценой обошлось это народу... Мысли о миллионах погибших, да еще до сегодняшнего дня не преданных земле, не покидают меня, тяжестью лежат на сердце.

День Победы! Пропиаренный властью, суетливый, полный хлопот всех низов в стремлении угодить верхам. Так и хочется сказать, попросту — «дурной пример заразителен»... В День Победы в моем Екатеринбурге представители областной и региональной власти ранним утром несутся в лимузинах, вперемешку с генералами военного округа, на Ширококоренское кладбище — на могилы наших солдат, умерших от ранений в госпиталях города: возложение венков, цветов, приготовленных заранее. Торжественный марш роты под оркестр похож скорее на парад войск к центральной площади города: гремит музыка, идут парадным шагом в парадной форме молодые солдаты, военная техника и, обязательно, шаркают ногами по брусчатке небольшой группой ветераны...

На очереди госпиталь ветеранов войны, уникальный снаружи: перед главным входом асфальтированный плац, по краям корпуса стоят на боевом посту два легких танка и два БТРа днем и ночью, в полном комплекте. Фасад здания украшен транспарантами в честь победителей, развевающимися флагами.

Поротно стоят солдаты и офицеры батальона железнодорожных войск. У главного входа толпятся депутаты думы, глава администрации, офицеры штаба военного округа, отставники, мелькают генеральские лампасы. Ждут прибытия губернатора — третий парад в городе. Построение стоит.

Наконец, слышен вой сирен сопровождения, мерседесы врываются в ворота — прибыл губернатор. Господин Россель направляется к ожидающим, подходит к микрофону, командир батальона докладывает ему о готовности к маршу. Губернатор здоровается с солдатами: гремит троекратное «Ура». Выступающие — ветеранов среди них нет — говорят о Победе народа в Отечественной войне, славят победителей. Чекая шаг, под грохот оркестра перед губернатором проходят маршем военные, замыкает колонну взвод юных барабанщиков.

Представители власти направляются в госпиталь — поздравлять пациентов с Днем Победы. Среди 1200 пациентов госпиталя хорошо, если наберется рота ветеранов прошлой войны. После разыгранного в здании госпиталя спектакля, в небольшом кругу старые солдаты посмеиваются, судачат: «...патриотизм, любовь к власти хотят... показуху устраивают. Жалко из пушек салют не жажнули...» Те, кто знают меня, просят: «ты напиши министру, пусть к БТРах поставят пару баллистических ракет... или в коридорах госпиталя, где лежим, под кровать затолкают по дектярю, а под подушку по ППШ подложат... ППШ уже нету, калашники сейчас... Делать им нехрен, вот и играют в войну».

Таких чудес, как и кроватей в коридорах госпиталя, где-либо в России я больше не видел: власть, как видим, часто бывает не столь усердна перед высшестоящим начальством, как в Екатеринбурге.

Поздравив пациентов госпиталя с праздником, высокие гости рассаживаются в зале за столы, на которых богатый выбор спиртных напитков и холодной закуски. Вспоминаю — когда-то и меня приглашал Спектор в эту компанию, как президента Фонда помощи ветеранам войны. За столом губернатор Свердловской области Россель, командующий Приволжско-Уральским военным округом, члены правительства области, кое-кто из

холуйского окружения. Ветеранов войны среди присутствующих, кроме меня, нет.

Наполняют бокалы, господин Россель встает и произносит тост: «За Победу! За нашу Победу!» Выпили, под шумок начинают закусывать, благо выбор есть. — «За нашего губернатора Эдуарда Эргартовича прошу поднять бокалы!» — предлагает Семен. Тост принимается, стоя все опустошают бокалы, компания-то, в принципе мужская... Следующий тост за командующего военным округом, за главу правительства, министра здравоохранения и... поехали. Я не выдержал, поднялся:

— Разрешите мне напомнить присутствующим, какой сегодня день.

Это было последнее мое присутствие среди чиновников от власти.

По сложившейся традиции, благодаря Семену, в День Победы в госпитале получают свои фронтовые сто граммов и пациенты: это меня радовало, я был среди своих стариков и частенько после встречи с ними возвращался домой, как говорят, прилично поддавшим. Причин для этого у фронтовиков больше, чем достаточно.

Последние годы я прохожу стационарный курс лечения в Челябинском госпитале ветеранов войны. Уместно сказать, что челябинским ветеранам с госпиталем повезло, и здорово повезло. Я рассказывал, как после посещения челябинского госпиталя заместитель главы администрации города Екатеринбурга Владимир Кулик резюмировал:

— Это не госпиталь, это санаторий... а у нас... — махнул рукой и замолчал.

Челябинский госпиталь. Двухместные палаты. При поступлении пациентов в госпиталь врачи, вплоть до начмеда Татьяны Михайловны, доброжелательной, спокойной, да еще и обаятельной женщины, думают, как их разместить наилучшим образом, с учетом состояния здоровья, характера и личных пожеланий. Отсюда и благоприятный психологический климат в палатах. Госпиталь просыпается, в палате, залитой солнцем, на тумбочке, в стакане воды — цветочек, раскрывшийся за ночь. С этого и начался день. Казалось, уже все знакомо вокруг, ко всему привык, но в коридорах госпиталя все видится сегодня как-то по-новому: радуют ковровые дорожки на полу, цветы вдоль стен, мягкая мебель, картины на стенах, подаренные госпиталю, гардины на окнах, которых раньше будто и не замечал. По-особенному приветливы выражения лиц сестричек, встречающих пациентов поздравлениями и добрыми пожеланиями... День Победы!

Чувствуется особенная искренность в словах поздравлений ветеранов молодым поколением воевавших, искалеченных в последующих войнах, особенно афганской и чеченской — поколением наших сыновей и внуков. Возникает чувство доверия и взаимной благодарности. С сожалением смотрю на их раны, не могу пройти мимо беды, которая близка мне, моей молодости.

День Победы! В столовой на столах с белыми скатертями живые цветы в вазочках, праздничный завтрак, в отличие от остальных дней. Теплая, солнечная погода, весенний воздух зовут ближе к оживающей природе. Напротив главного корпуса прекрасный парк: аллеи, песочные дорожки, удобные скамейки, фонарные столбы чугунного литья, под старину, аккуратные деревья и кустарники; все окружено кованой металлической изгородью.

Райский уголок для стариков. Все окружающее, весь уют, атмосфера праздника, уважения и, не боюсь этого слова, любви — к людям, к старикам в первую очередь — созданы коллективом госпиталя. В наше время все, что касается госпиталя в Челябинске — сказка на яву... Удивляюсь, как изменилось все вокруг на моих глазах за последние годы, да еще в такое непростое время! Чудеса. Знаю, чья это заслуга, какой непростой ценой устроилось все это и, от имени стариков, выражаю благодарность Дмитрию Альтману за его подвиг врача, подвиг человека... Молю Бога о нем.

День Победы! По аллеям парка, по два-три человека, а то и кучкой прогуливаются старики: кто на костылях, кто кандыбачит с палочкой, некоторые сидят на скамеечках, иногда в компании родственников, рядом крутятся дети. В парке, палатах или в коридорах госпиталя можно встретиться с начальником госпиталя, доктором медицинских наук, профессором Дмитрием Александровичем, начмедом Татьяной Михайловной, председателем городского Совета ветеранов, фронтовиком, инвалидом войны Евгением Федоровичем Куракиным, или с губернатором... Есть возможность лично поговорить с ними, задать волнующие вопросы, особенно, если они касаются работы госпиталя — что удивительно, старики говорили только слова благодарности в адрес медицинского персонала. Не могу не радоваться этому, но не могу и не огорчаться, вспоминая госпиталь в Екатеринбурге, вспоминая своих стариков.

Заметна разница в отношении к проблемам госпиталя и со стороны властей. Мне рассказали, как обычным рабочим днем в госпиталь ветеранов неожиданно наведалься губернатор Челябинской области Петр

Иванович Сумин: поговорил с начальником госпиталя, прошел по палатам, пообщался со стариками и, завершая посещение, попросил Дмитрия Александровича, — если появится такая необходимость — звонить ему лично, лучше домой, надежнее дозвониться...

Не могу судить о Петре Ивановиче, как о губернаторе, мало знаю его в этом смысле, но я благодарен ему как человеку, за его отношение к старикам, за поддержку акции гуманитарной помощи из Германии, за его внимание германскому Обществу помощи ветеранам войны России.

Сравнивая примеры работы госпиталей Екатеринбурга и Челябинска, чувствую необходимость выразить свое мнение.

День Победы для нас, ветеранов и народа, однозначен по своей сути — праздничным и траурным днем, радостью и слезами, живет он в сердцах людей старшего поколения, постоянной памятью, которую посеяла война своими неисчислимыми жертвами. Это святой день...

Для власти День Победы был и остается одним из средств манипуляции собственным народом. Недоумеваю, до чего оскуднели мы, ветераны, что позволили власти приватизировать свой Святой день Победы, спекулировать на нем, пиарить себя. Дошло до того, что власть, в лице главы государства, кланяясь нам в ноги, клятвенно заявляя о своем неоплатном долге перед нами, одновременно, своим отношением к ветеранам, недостатком заботы о них, не может облегчить последние годы их жизни. И так во всем, что касается народа.

В молодости, пусть и непростой, День Победы носил меня на крыльях величайшего торжества, чувства гордости, общности с жизнью народа. Я ликовал, это чувство помогало перенести все послевоенные невзгоды, нездоровье...

В старости День Победы обернулся для меня скорбным и печальным днем. К сожалению, только через полвека я осознаю настоящую цену этого дня, которой народ заплатил за Победу, и сколько в этом оказалось вины нашей власти. Той власти, которая использует День Победы для собственного пиара и поднимает на щит своей политики великий подвиг народа — Победу, бессовестно умалчивая о том, во что она обошлась и каких стоила жертв народу.

В России не преданы земле на полях сражений прошлой войны более 3 миллионов погибших воинов, а власть, чеканя шаг, марширует на костях и кричит — Ура! Победа! До сих пор не отдана дань памяти тем, кто подарил жизнь нынешнему поколению, а мы — «ура!»

ЗИГЗАГИ ДОРОГИ К ПРАВДЕ

После распада Советского Союза народ получил право более свободно и откровенно говорить о своей жизни и особенно о своем прошлом, о том, что оставалось болью и обидой, за несправедливость со стороны власти. Но пришло время, и год за годом прошлое постепенно стало вылезать наружу своей правдой, которую раньше народ не знал, а если и кто знал — то помалкивал, остерегаясь власти, осторожничал, и причины для этого были...

И вот она, стена молчания стала разваливаться: пошла информация из архивов, заговорили люди откровенно о своем прошлом, тяжелейшем времени своей жизни, о правде и бедах войны, о правде цены Победы.

Следует отметить роль гражданского министра обороны: он отважился на открытие секретных архивов армии, находящихся более 60 лет под замком. Это гражданский подвиг — открыть, пусть пока и не до конца, сведения о миллионах судеб сгинувших в неизвестности войны и ее послевоенной истории, в том числе и архивы германского вермахта, но по нашим военнопленным солдатам и офицерам архивы прошлая власть скрывала особенно целенаправленно.

Правда об Отечественной войне, ее преддверии, боевых действиях и особенно жертвах была не нужна власти, которая сожгла в огне войны свой народ и в его крови утопила фашизм, забросала врага трупам, как писал фронтовик Виктор Астафьев в конце своей жизни.

Но правда о войне пробивается из заточения, и один из ее голосов вырвался наружу 23 февраля 2009 года с экранов телевизоров в конкретных фактах истории — фильм «Сражение Жукова»: народ увидел мясорубку войны, безжалостно пожирающей людей, и обомлел! Вот она, правда Ржевско-Вяземской операции, всего лишь частица правды. Увиденное, услышанное повергло людей в ужас, ужас правды...

Растерялась власть. Против правды не попрешь, как говорят в народе. И раздается первый голос от власти Сергея Шойгу, министра по чрезвычайным ситуациям — как посмели показать и сказать такое... Под суд их... Судить!

— Чего судить? Вешать их надо, вешать, — говорит какой-то генерал.

Вешать тех, кто сказал и показал кусочек правды из войны... Не прошло и десятка дней, как народ слышит своими ушами мнение генерального

прокурора РФ о необходимости законодательно обезопасить фальсификацию нашей истории, противостоять, как я понимаю, вранью о негативных исторических фактах в ущерб России; как понимать ущерб — говорить и писать только правду. Правду в интересах народа или в интересах власти — пока до конца было еще не понятно.

Понимаю, возникает чувство тревоги у власти, испугалась возможности дальнейшего открытия, особенно правды о прошлой войне, и президент Медведев издает указ о создании «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Что-то много замысловатого, непонятного в названии комиссии. Можно понимать президента, что цель создания комиссии — изобличать ложь, фальсификацию, оскорбления в адрес России или в адрес ее власти, умалять роль народа в отечественной истории. Если бы так!

Давайте заглянем, из кого власть сформировала комиссию: Федеральная служба безопасности, служба внешней разведки, Совет безопасности, Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел, начальник Генерального штаба армии, представители, стерегущие государственные тайны в архивах и, известно, двое историков. Одного из них известный писатель, журналист характеризует так: «Ваня Демидов, на котором клеймо негде ставить». И второй, депутат Сергей Марков...

Комиссию возглавляет глава президентской администрации Сергей Нарышкин, который является и председателем комиссии по рассекречиванию государственных архивов. Вот так, теперь многое становится понятным.

Я со своей колокольни вижу и понимаю так: для участия в комиссии не нашлось места представителям общественных правозащитных организаций, таких, как «Мемориал», достойных представителей общественных структур культуры, деятелей искусства, науки... Да что говорить. И так все ясно!

Старая история: небывалая по своему составу комиссия предназначена для дальнейшего сокрытия преступлений власти периода Советского Союза, след которых идет от гражданской войны, раскулачивания крестьянства, сталинских репрессий, расстрела польских офицеров, предвоенной имперской политике начала Второй мировой войны и последующих ошибках и преступлениях власти военного и послевоенного времени, за которые народ расплачивался своей жизнью. Власть скрывала истинную цену победы, создавая мифы, которые продолжают в сознании

людей жить еще и сегодня, не позволяют некоторым людям видеть и осознать реальность прошлого. Да, мы победили, но цена Победы все еще скрыта в архивах власти, страшная цена. И власть любыми средствами продолжает скрывать свои ошибки, за которые надо отвечать.

Именно в целях сокрытия причин трагедии прошлого нашего народа и создана комиссия, очередной позор нынешней власти и очередное преступление перед памятью неоправданных, ненужных потерь нашего народа в Отечественной войне, сокрытие той цены Победы, в которую обошлась она народу, намерение оправдаться. Очередная попытка заткнуть рот народу и, как всегда, навешать лапши на уши народу в преддверии юбилейной даты — 65-летия Дня нашей Победы.

О каком уважении к власти может идти разговор: пошлость, безмозглость... не всем можно додуматься до такого идиотизма и наглости! Комиссия напоминает мне пословицу о тех, на ком шапка горит...

ПРИЗНАНИЕ

Глава 11

Поздней весной 2009 года в СМИ Германии появилась информация о предстоящем юбилейном событии — десятилетии работы в деятельности благотворительного Фонда «Западно-Восточные встречи», который является продолжателем дела бывшего Общества германо-советской дружбы. Указывалось, что Фонд и Международный клуб при Министерстве иностранных дел Германии — это закрытое общество бывших дипломатов, депутатов парламента и представителей общественности, на заседаниях которого рассматриваются проблемы развития гражданского общества в Германии и странах-партнерах ФРГ. К рекомендациям клуба прислушиваются действующие политики и дипломаты. Международным клубом, совместно с Фондом «Западно-Восточные встречи» был объявлен конкурс среди общественных организаций, работающих на территории бывшего СССР с различными гуманитарными акциями.

Ханнелоре Дандерс, получив информацию о предстоящем конкурсе и обговорив детали с правлением Общества, приняла решение об участии в нем и, подготовив материалы о работе Общества,

направила их в адрес комиссии. Мы вошли в число десяти благотворительных организаций Германии, объявленных кандидатами на первый приз, а в октябре, при подведении итогов, Общество помощи ветеранам войны России удостоено первого приза!

Новость была ошеломительной: наше Общество выбрали из сотен благотворительных организаций Германии! Эта награда принадлежала в равной степени и немцам, и нам, россиянам, — нашим ветеранам, нашим старикам... Несомненно, радует пришедшее, наконец, признание общественности, печалит, что не отечественной.

Было предложено пригласить на вручение приза в Германию по представителю от общественности Челябинска и Екатеринбурга, как основных, многолетних партнеров Общества в России. Правление Общества приглашает от Екатеринбурга Алексея Зыкова, а представлять общественные организации южного Урала челябинским Советом ветеранов был послан Александр Нахтигаль.

29 октября 2009 года. Берлин. Вся делегация в сборе. Утром нас приглашают в офис Фонда «Западно-Восточные встречи». Его председатель, доктор Хельмут Домке, человек в годах, приятной, располагающей к себе внешности, вместе с коллегой любезно встречают гостей, представляют участников конкурса, отмеченных жюри. Знакомимся. Обмениваемся информацией за чашкой кофе или чая. Каждый представитель рассказывает о деятельности своего общества... После совершаем круиз на специально подготовленном судне по каналу реки Шпрее и прогулку по центру Берлина: Бранденбургские ворота, рейхстаг...

К вечеру мы в Министерстве иностранных дел Германии на приеме по случаю вручения наград призерам конкурса. Из внутреннего двора старинного здания поднимаемся по широкой, покрытой красной ковровой дорожкой, лестнице в вестибюль. Слышен голос сопровождающего: «По этому ковру понимались короли, королевы, главы государств». «И Гитлер тоже», — доносится сбоку...

На лифте поднимаемся к верхним этажам и попадаем, так и хочется сказать, в руки мило улыбающихся молодых дам: последовавшие приветствия, гадероб, кельнеры в белых куртках с подносами в руках, к нашим услугам, — шампанское, вина, другие напитки. Ощущение торжественности: мужчины в костюмах, при галстуках или бабочках, нарядные дамы... Слух улавливает помимо немецкой и английскую речь, среди публики много и наших, теперь бывших, братьев из среднеазиатских республик.

Торжественную часть открывает председатель интернационального клуба господин Бернхард Шлочхак. В своей речи он выражает чувство удовлетворения примирением между немцами и россиянами, народной активностью в сферах гуманитарных акций, борьбы за «мир без войн», реализацией совместных проектов помощи жертвам войны, связывающих и объединяющих народы, желает успеха в дальнейшей работе.

Депутат бундестага дает высокую оценку работе общественных организаций, призывает к дальнейшему поиску взаимопонимания, укреплению дружбы народов Германии и бывших стран Союза, налаживанию культурных взаимосвязей и общения молодежи...

Председатель Фонда «Западно-Восточные встречи» доктор Хельмут Домке рассказывает о работе Фонда с общественными организациями Германии, с партнерами из Восточных стран, подчеркивая, что для этого уже имеется большой опыт и растут реальные возможности...

О лучшем взаимопонимании между нациями говорят и дипломаты. Послы Белоруссии, Украины, Прибалтийских стран, Средней Азии благодарят народ Германии за сопричастность к судьбе народов своих стран. Звучит музыка, танцуют дети. Встреча проходит без лишней формальности, в теплой, дружественной атмосфере. Под аплодисменты зала господин Шлагхек награждает представителей восьми общественных организаций призами и грамотами за партнерство и долголетнюю гражданскую активность в совместной работе с Фондом «Западн-Восточные встречи».

Второй приз получает Юлия Шнеевайс и программа «Дружба народов Балтийского региона». На экране появляются кадры о совместной гуманитарной акции молодежи Германии и стран Прибалтики: фестиваль «Балтийский мир», посещение на судне-паруснике Санкт-Петербурга, Нарвы, Риги, Калининграда, городов Польши и Германии. Круиз проходил под девизом: «знакомство, дружба, мир».

Подошла очередь и германского Общества помощи ветеранам войны России. Мы видим подборку фрагментов о работе общества: российский ветеран войны рассказывает о своей судьбе, много лет связанной с госпитальной койкой; сбор дарений в городе Дрездене для жертв войны, детей-сирот, ветеранов войны городов Челябинска и Екатеринбурга в преддверии Рождественских праздников; загрузка больших контейнеров и распределение подарков в госпитале. Сюжет о встрече в Челябинске отечественных ветеранов и старых немецких солдат, через 50 лет

после войны вместе преклоняющих колени перед памятью ее жертв — у Вечного огня, в окружении тысяч россиян. Совместная конференция бывших врагов, где состоялось обращение к мировой общественности «XXI век — век без оружия и войн», — начало примирения, взволнованные лица, обаятия. На экране сюжет о жизни старых российских солдат в доме-интернате; тяжелобольной ветеран на дому получает медицинскую помощь от немцев; могилы солдат; птица, улетающая в бескрайний мир, горящие свечи, цветы...

Гаснет экран. В зале полная тишина. Замечаю растерянные взгляды, удивленное выражение лиц: всего 12 минут. Я понимал состояние присутствующих, чувствовал волнение, биение потревоженных сердец... Пауза длилась. Господин Бернхард Шпагхек знаком приглашает нас к себе. Ханнелоре, Александр Нахтигаль, Алексей Зыков и я поднимаемся с кресел и рядом встаем перед взглядами присутствующих. Председатель клуба в микрофон зачитывает небольшую речь о присуждении Обществу первого приза и, под взрыв аплодисментов, передает его доктору Ханнелоре Дандерс. Все встали, какое-то время я мог видеть окружающее смутно, едва сдерживая слезы...

Прозвучал здесь и мой голос старого солдата — голос моей души, сердца о прошлом, настоящем и будущем времени, о примирении бывших врагов. Разве это не восторг для людей в зале видеть воочию, как русский и немецкий солдат, бывшие смертельные враги, в обнимку стоят перед вами со счастливыми лицами...

Вместе с Зигфридом Бурмайстером, немецким ветераном, мы вручаем председателю и членам клуба медаль «Мир без войн», утвержденную немецкими и российскими ветеранами — нашу медаль примирения.

Александр Нахтигаль рассказывает присутствующим о значении гуманитарной помощи для госпиталя ветеранов войны, о российско-немецкой антивоенной конференции, взаимных визитах и встречах ветеранов в России и Германии, проведении выставок немецких художников в Челябинске, обращении к общественности «XXI век — век без оружия и войн», о важности примирения ветеранов и укрепления дружбы народов России и Германии с привлечением общественности, студенческой молодежи; выражает благодарность за признание и оценку деятельности Общества.

Алексей Зыков, сын погибшего в прошлой войне солдата, благодарит интернациональный клуб и Фонд «Западно-Восточные встречи» за

гуманитарную помощь ветеранам и жертвам войны, за признание гражданской активности уральцев и немцев; говорит о многолетней дружбе движения «семьи погибших воинов» с германским Обществом, о взаимных встречах в Германии и России. Он передает клубу и Фонду подарки от уральцев, а председателю клуба, господину Шлагheckу вручает грамоту о признании его почетным членом движения «Семьи погибших воинов», основанного в России в 1995 году.

Встреча в Министерстве иностранных дел Германии стала одним из значительных событий за последние годы моей жизни и принесла чувство удовлетворения и сознания выполненного долга в деле помощи жертвам войны, примирения бывших врагов, перед памятью погибших. Остается и слово для будущих поколений.

К сожалению, на приеме не прозвучал голос представителей российской власти. Зато в зале для фуршета, среди богатейшего ассортимента блюд обнаружили и наши, русские, оладьи со сметаной. Вместе с немецкими ветеранами мы отведали оладушков, не забыв и о водочке, — помянули павших и выпили за солдатское братство и мир.

Слово «признание» заполняет сердце чувством благодарности за пройденный в последние годы путь, на котором пересеклись моя судьба и судьба Ханнелоре — человека удивительного для нашего времени и достойного самого высокого звания человека. С этого начался непредсказуемый этап в моей жизни, сердцевиной которого стали немцы. Ханнелоре открыла мне дверь к этим людям и вместе с ней я вошел в их дом, в дом моих бывших врагов, и обрел в этом доме жизнь.

Общение, любовь Ханнелоре к людям, забота о нуждающихся в помощи наших россиянах, ветеранах войны и детей-сирот, идеи взаимопонимания и дружбы народов Германии и России, справедливости и надежды, добра — жизнь Ханнелоре, в которой остается след войны: погиб отец. Не могу передать словами, насколько она бывает счастлива, когда с открытой душой, искренним чувством обнимается и дружески целуется с россиянами... И ее уважали наши ветераны: например, перед взором сотен наших ветеранов, под их одобрение однажды инвалид войны в госпитале Екатеринбурга снял с руки перстень и надел его на палец немке по имени Ханнелоре...

Постоянный напряженный труд во имя помощи людям не считаясь со временем — норма ее жизни. Ханнелоре своим подвигом дала и мне силы перешагнуть из прошлого в настоящее, призывать народы к миру и

добру, содействовала примирению ветеранов войны России и Германии. Безмерна моя любовь к этому святому человеку, и я стараюсь свою любовь передать людям, рассказать о своем счастье.

Именно Ханнелоре Дандерс, мы все, кто был сопричастен к гуманитарной акции германского Общества обязаны ее реализации, как считается — самой значительной по объему, значению и содержанию в Европе, среди общественных организаций.

Признание! Слово от российских ветеранов, жертв войны, коллективов персонала госпиталей для ветеранов войны и всех, кто был сопричастен к гуманитарной акции, от себя лично адресую немцам, всем, кто коснулся судеб россиян, кто получил помощь из германии: наша благодарность!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Вот и подошла к концу моя попытка осмыслить связь собственной жизни и величайшей трагедии в истории человечества — Второй мировой войны. Пусть мои мысли добавятся к тем страницам толстой книги самопонимания, в которую человечество собирает опыт многих поколений. Очень хочется, чтобы потомки продолжили нашу дорогу и не совершали наших ошибок. На этих страницах я попытался искренне рассказать о себе, своем времени, своих политических оценках прошлых и настоящих событий.

Во второй половине своей жизни мне пришлось переосмыслить многие ценности прошлого, долгое время бывшие для меня незыблемыми. Но это не стало предательством моих идеалов. Жизнь раскрыла передо мной все свое многообразие и богатство. Я понял, что высшей ценностью является человеческая жизнь, так бесцельно во все века бросаемая в огонь войны, понял — именно на ее сохранение и защиту должны быть направлены силы человечества.

На этом пути я встретил верных друзей в Германии, среди бывших смертельных врагов.

Сегодня немецкие и российские ветераны великой войны вместе преклоняют колени перед могилами павших, призывают народы к миру и добру: пришло солдатское братство по войне — примирились! И все по велению разума и сердец самих ветеранов, по доброй воле. К сожалению, на это потребовалось полвека времени.

Пришло стремление избавиться от груза прошлых ошибок, осознание, что добиться главной цели — жизни без войн и насилия — мы можем только вместе. Немецкие друзья открыли мне глаза на многие истины, в том числе и на то, как можно избавиться от ненависти, увидеть в солдате человека, такую же, как ты, жертву войны. Меня просто потрясло их уважение к памяти советских солдат, которые освободили Германию от фашизма. Мы многого об этом не знаем, как не знал и я, пока не заглянул в души немцев.

В Челябинске, на конференции ветеранов войны Адольф Кройцпайнтнер сделал заявление:

— Я заверяю вас, что память о ваших солдатах, захороненных в чужой земле, для нас, для немцев — свята!

Я очень хочу, чтобы эти слова услышали все россияне.

Достигнутое взаимопонимание, примирение — это то, что мне хотелось бы оставить вам, люди, в наследство. Россияне и немцы показали, что можно дружить с народами, которые раньше, в прошлом, стояли по разные стороны баррикад. Это хорошее и надежное наследство, гарантия вашего будущего — сохраните его! Ради этого частицу своего сердца я оставляю в Германии, там, где в молодости стремился расстреливать все живое, а внуку оставляю завещание: после смерти захоронить мой прах русского солдата на Широкореченском кладбище немецких солдат в городе Екатеринбурге.

Меня можно в чем-то обвинять, принимать или не принимать, соглашаться или не соглашаться с моими убеждениями, но я не жалею о прошлом, от него уйти невозможно. Раны прошлого напоминают о себе, особенно раны моего народа, нанесенные войной и послевоенными событиями, исходящими от власти. Раны, не зарубцевавшиеся еще и сегодня.

Уходят из жизни старые солдаты, заканчивается и мое время, но остаетесь вы, люди, остается молодежь со своим будущим. Прошу вас, дети мои, внуки и правнуки, русские и немцы, американцы и японцы — все, все! — задумайтесь о своем будущем, оглянитесь назад, вспомните,

какую цену заплатило наше поколение, чтобы сделать это будущее возможным!

Мы оставляем вам мир нестабильным, беспокойным, стоящим на грани ядерной катастрофы: факел войны тлеет в руках властей, не дайте ему разгореться. Будьте бдительны, гасите искры войны, иначе ваше будущее может и не состояться. Полноценное развитие общества невозможно без оценки исторического прошлого своего народа и памяти о нем — таков закон жизни.

В народе говорится, что жизнь — завещание умерших, поэтому этот голос должен звучать всегда, как колокол, — живите мирно!

СОДЕРЖАНИЕ

Слово об авторе	3
Дорогой читатель!	5
Глава 1. Мы родом из детства	7
Начало	7
Мой отец	11
Мой дед	12
Жаркий июнь 41-го	13
Уроки деда Сергея	20
Правда жизни	23
Зерно за труд	34
На фронт! Воевать! Ура!	41
В госпитале	43
Дорога домой	47
Встреча после моей короткой войны	49
Судьба инвалидная	53
Награда не нашла героя	60
Свершилось!	62
Приходят с войны солдаты	62
Смерть мамы	64
Учение как лекарство	65
Лихие попытки к жизни	67
Глава 2. Строим госпиталь в Екатеринбурге	71
Алексей	80

Глава 3. В Германию с протянутой рукой	87
Российские военные нас поддержали	87
«Крестный отец»	92
Первая ласточка	101
Робкие шаги навстречу	102
Начало проблем	108
Доктор Зюсс	111
Автотранспорт в Москву	117
Бинты	122
Акция для стомапацентов	125
С миру по нитке....	129
Глава 4. Медикаменты	140
Вот она, жизнь!	140
Мальчики из Чечни	145
Альтман благодарит немцев за помощь	148
Необычные экскурсии	150
Глава 5. Шаг в сторону	153
В гуманитарной помощи обнаружены... «наркотики»	160
Как власть целовала Ханнелоре	160
Обращение к президенту осталось без ответа	162
Столярная мастерская	166
Глава 6. Путь к примирению	170
Старый Вильгельм	170
Встречи... встречи...	176
Открытие кладбища немецких солдат под Екатеринбургом	181
Впервые в истории	187
«XXI век — век без оружия и войн»	192
Кладбище, 2001 год	193
Екатеринбург. Госпиталь	198
Круглый стол	201
Черноусово. Детдом	203
Пути земные....	207
Глава 7. Челябинск – Екатеринбург, 2005 год	213
Письмо бывшему другу	213
Челябинск. Встреча друзей	224
В Кыштым за прошлым	227

Вновь наше Черноусово	229
Строим мосты дальше	232
Глава 8. Ветераны Санкт-Петербурга с нами	248
Синявинский мемориал. Сологубовка	254
Глава 9. Память о солдатах священна	261
Всегда ли военнопленный —изменник.	261
Письмо президента	267
Лариса Сергеевна	270
«Папочка, я нашла тебя...».	273
Вернулся домой.	278
Без совести живущие....	280
Не могу молчать, не имею права....	293
Глава 10. Солдат, человек, власть	296
Старость не радость	296
Мысли, мысли...	303
Братские могилы	314
Победа	322
Зигзаги дороги к правде.	332
Глава 11. Признание	335
Вместо послесловия	341

В. Максимов
Исповедь старого солдата

Издание второе, дополненное

Оригинал-макет и компьютерная верстка –
ООО ДРП «Локомотив», Екатеринбург, 2010

Формат 60 x 84 1/16. Усл.п.л. 20,23 + 0,93 вкл. Тираж 1000 экз.
Заказ № 3050

ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

